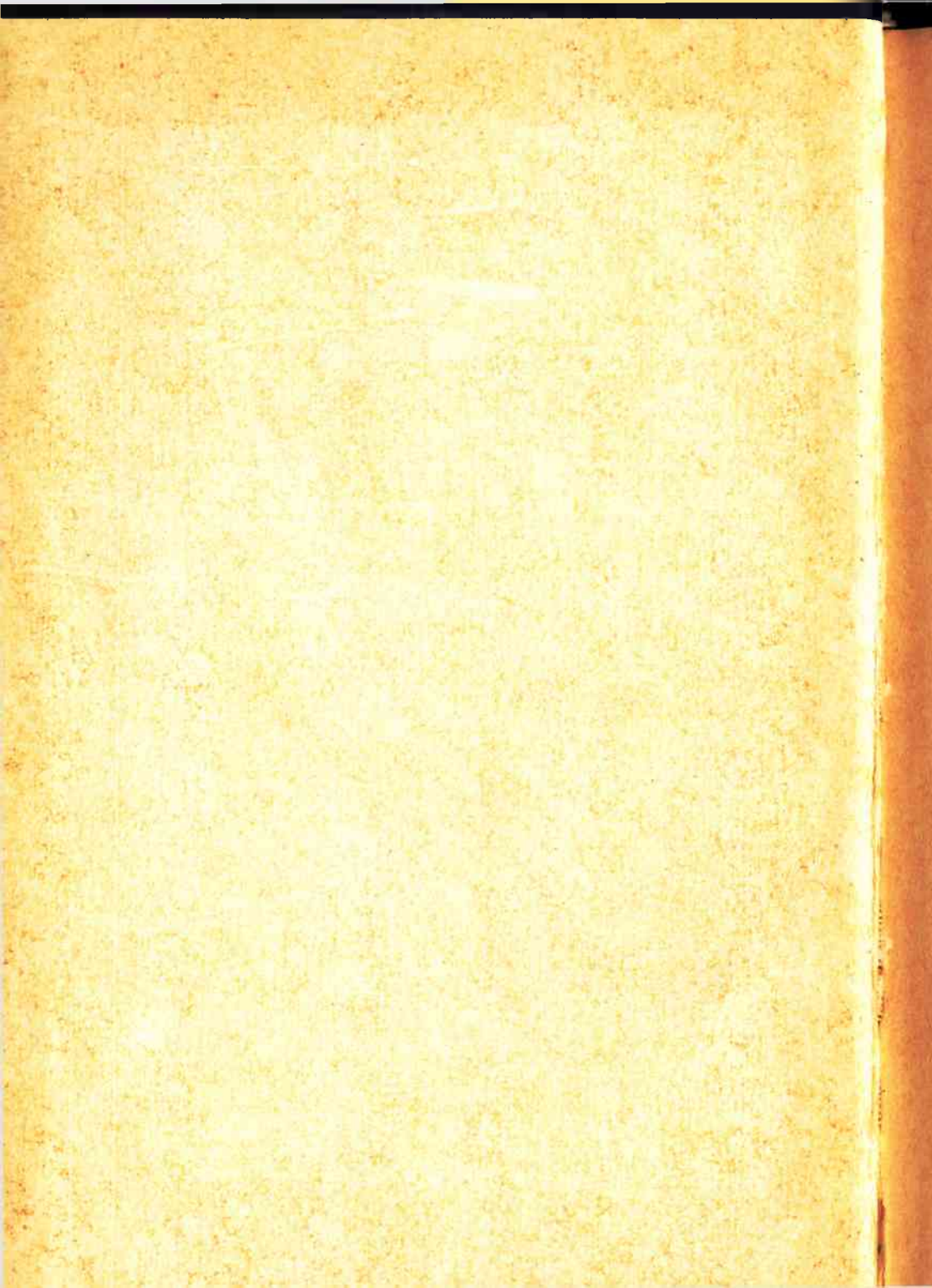

471

Ф. А. АБДУЛЛАЕВ

ФОНЕТИКА
ХОРЕЗМСКИХ
ГОВОРОВ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. С. ПУШКИНА

Ф. А. АБДУЛЛАЕВ

ФОНЕТИКА ХОРЕЗМСКИХ ГОВОРОВ

ОПЫТ МОНОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ
ОГУЗСКОГО И КИПЧАКСКОГО НАРЕЧИЙ
УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Ж. Камбаров.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ-1967

Книга является третьей частью монографического описания хорезмских говоров узбекского языка. В ней подробно описывается фонетическая структура двух принципиально различных узбекских наречий на территории Хорезмской области — кипчакского и огузского. В книге даны история изучения хорезмских говоров, краткая сравнительная характеристика огузского и кипчакского наречий в связи с их классификацией, подробно описана фонетическая структура изучаемых говоров; попутно затронуты и некоторые вопросы исторической фонетики родственных тюркских языков (например, закономерности начала и конца слова, историческое развитие некоторых согласных, генезис долгих гласных, геминация).

Книга рассчитана на ученых-диалектологов, аспирантов и студентов, занимающихся вопросами истории и диалектологии тюркских языков.

Ответственные редакторы

доценты Т. Х. САЛИМОВ и П. А. ДАНИЛОВ

ОТ АВТОРА

Настоящее исследование представляет третью часть монографического описания хорезмских говоров узбекского языка. Первые две части этой монографии уже опубликованы отдельной книгой, которая включает словарь и грамматический очерк хорезмских говоров (первая часть) и классификацию хорезмских говоров с приложением текстов в фонетической записи (вторая часть)¹.

В эту работу включены введение и основная (описательная) часть нашей докторской диссертации, защищенной в 1961 г.

В вводной части исследования рассматриваются некоторые вопросы истории изучения хорезмских говоров и дается краткая сравнительная характеристика огузского и кипчакского наречий в связи с их классификацией. В основной части подробно описана фонетическая структура представленных в Хорезме двух принципиально различных наречий — огузского и кипчакского. Фонетика хорезмских говоров исследуется в сравнительно-историческом плане. В конце книги приложены сведения об осведомителях, диалектологическая карта Хорезмской области Узбекской ССР и список использованной литературы.

Основным материалом для настоящего исследования послужили наши наблюдения и записи, сделанные в период пребывания в Хорезме (с 1951 по 1956 г. и с перерывами в 1957 и 1958 гг.). Во время обследования Хорезмской области УзССР и соседних с ней районов ТуркмССР и ККАССР мы посетили более трехсот селений, объединенных по характеру языка в 130 пунктов. Названия районов в работе приводятся в сокращенном виде: Ург. — г. Ургенч или Ургенчский район,

¹ Ф. Абдуллаев. Хоразм шевалари, 1, Тошкент, 1961.

Хив. — город и район Хивы, Хнк. — Ханка, Швт. — Шават, Х-асп — Хазарасп, Я-ар. — Янгиарык, К-кпр. — Кошкупыр, Бгт. — Багат, Мнг. — Мангыт, Гурл. — Гурлен, Я-бзр. — Янгибазар. Названия населенных пунктов переданы в работе, как и на карте, условными знаками — цифрами (1, 3, 9 и т. п.); например, Ург. 1 означает г. Ургенч, Х-асп 2 — село Канглы Хазараспского района, Хнк. II — селение Сарапаян Ханкинского района. Наименования родственных языков и узбекских говоров, откуда были взяты примеры для сравнительно-исторического экскурса так же, как и различных источников, даны в сокращении. Транскрипционные знаки в основном те же, что обычно применяются в узбекской диалектологической литературе; примеры из родственных языков даны согласно действующей орфографии соответствующего тюркского языка (исключение составляют азерб. j и некоторые знаки в казахском алфавите для отдельных гласных звуков). Иллюстративный материал из письменных памятников и иных источников, учитывая технические возможности, передается знаками русского алфавита.

Приводим список сокращенных наименований источников, языков и узбекских говоров.

«Абушка» — Чагатайско-турецкий словарь, СПб., изд. Вельяминова-Зернова, 1869.

азер. — азербайджанский язык.

алт. — алтайский язык.

анд. — андижанский говор узбекского языка.

ар. — арабский язык.

АФ. — Мелиоранский М. П. Араб филолог о турецком языке, СПб., 1900.

Бл. — «Бадаи ал лугат», 1961 (факсимильное издание с комментариями А. К. Боровкова).

балк. — балкарский язык.

башк. — башкирский язык.

Буд. — Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, СПб., 1869 г. (составил Лазарь Будагов).

бух. — бухарский говор узбекского языка.

др. — язык древнетюркской письменности.

каз. — казахский язык.

кк. — каракалпакский язык.

карш. — каршинский говор узбекского языка.

кипч. — кипчакское наречие узбекского языка.

кирг. — киргизский язык.

крм. — крымско-татарский язык.

МК — Словарь Махмуда Кашгарского «Девону луготит-турк», 1960—1963 гг. (перевод и подготовка к изданию С. Муталлибова).

МА — Монгольский словарь «Мукаддимат-ал адаб», 1938.

Млв. — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, 1952 г.

монг. — монгольский язык.

нам. — наманганский говор узбекского языка.

ог. — огузское наречие узбекского языка.

ойр. — ойротский язык.

- ош. — ошский говор узбекского языка.
 Рдл. — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, I—IV, 1893—1911 гг.
 русск. — русский язык.
 ст. узб. — староузбекский язык.
 Сая — Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, 1907—1930.
 тадж. — таджикский язык.
 тат. — татарский язык.
 «Тафсир» — А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского «Тафсира», XII—XIII вв., 1963 г.
 ташк. — ташкентский диалект узбекского языка.
 тув. — тувинский язык.
 тур. — турецкий язык.
 Тдс — Туркмен дилиниң сөзлүги, 1962.
 туркм. — туркменский язык.
 узб. — узбекский литературный язык.
 уйг. — уйгурский язык.
 уйч. — уйчинский говор узбекского языка.
 хак. — хакасский язык.
 чув. — чувашский язык.
 шор. — шорский язык.
 яжу — язык желтых уйгуров.
 як. — якутский язык.
 Abuhayyan — Abuhayyan Muhammed ibni Yusuf. Kitab-al-idrak li Lisan-al-etrak, Istanbul, 1931.
 Bergstrasser — Prof. Bergstrasser, Türk Fonetigi, Istanbul, 1936. (Tükceye Ceviren Sükrü Akkaya).
 Cafaroglu, Anadolu — Prof. Ahmet Cafaroglu, Anadolu agizlarindan toplamalar, Istanbul, 1943.
 Cafaroglu, Sivas — Prof. Ahmed Cafaroglu, Sivas ve Tokat agizlarindan, toplamalar, Istanbul, 1944.
 Cronbech — K. Cronbech, Komansches wörterbuch, Kopenhagen, 1942.
 Foy, Aidin — K. Foy, Aidinische Türkische, Keleti Szemle, Budapest, 1900.
 Foy, Azer. — K. Foy, Azerbaijanshe Studien, MSOS, VI, Berlin, 1903.
 Emre — Ahmet Cevat Emre, Türk Lehcelerinin mukayaseli Crameri, I. Fonetik, Istanbul, 1949.
 Rifat — ibn Muhanne, Hilyetül-insân ve Helbetül-lisân, Istanbul, 1340 (1921), аздад Kilisli Rifat.

Остальные источники указаны в сносках на соответствующих страницах. Диалектологические работы турецких ученых, как и некоторые издания на турецком языке, приводятся в самом тексте.

ТРАНСКРИПЦИЯ

- а — общетюркский задний гласный [a].
 ɔ — слегка огубленный задний гласный [a], вариант фонемы [a] в огузском наречии.
 э — передний мягкий [a]; в огузском наречии эта фонема употребительна преимущественно в первых слогах, в кипчакском — во всех слогах слова.
 ɛ — полуширокий передний [э] напоминающий английский гласный звук в слове *map*. Этот звук, являясь вариантом фонемы [a], в огузском наречии реализуется в первом слоге слова вместо кипчакского полуузкого [e].

- е — переднеязычный полуузкий гласный звук. В обоих наречиях реализуется только в первом слоге слова.
- у — заднеязычное узкое [y], ничем не отличается от аналогичного звука в других тюркских языках.
- ү — переднеязычное узкое [y], мягкая разновидность заднего [y].
- и — переднеязычное узкое [и]. Звук, передаваемый этим знаком, встречается в огузском наречии лишь в абсолютном начале первого слога слова.
- ь — передне-среднеязычное узкое [и]. Этот звук в кипчакском наречии реализуется во всех слогах слова и является несколько открытым звуком типа [и] с задним уклоном. В огузском наречии он выступает в непервых слогах слова и является вариантом фонемы [и].
- ъ — заднеязычный узкий гласный, по горизонтальной линии он противопоставлен переднему узкому [и], встречается в любом слоге слова.
- ы — задне-среднеязычное узкое [ы], напоминающее русский подударный звук [ы] в слове *тыква*. Этот звук употребителен только в огузском наречии в близком соседстве с задними согласными қ, ғ, х, һ.
- о — заднеязычное полуширокое огубленное [о]. Этот гласный звук ничем не отличается от аналогичного звука в тех узбекских говорах, где сохраняется закон палатальной гармонии. В обоих наречиях реализуется только в первом слоге слова.
- ө — переднеязычное полуширокое огубленное [ö]. Этот звук также употребляется в первом слоге слова.

Знаки для передачи согласных звуков те же, что и в узбекском алфавите на основе русской графики. Исключение составляют: знак [ң], который употребляется для передачи носового звука — сағырнуна, знак [ж] передает звонкую аффрикату, поэтому для передачи фрикативного [z] мы использовали тот же знак с точкой внизу [ж̣].

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ

- : — две точки для передачи долготы гласного ставятся с правой стороны символа (а:, у:, ө:, ы:).
- ˙ — одна точка под символом обозначает оглушение звонкого согласного или звук, произношение которого не совсем ясно.
- ˘ — тильда ставится над символом и означает назализацию соответствующего гласного звука.
- || — знак соответствия, или чередования звуков, или параллельного существования данных фактов.
- [] — квадратные скобки употребляются для выделения транскрибированных символов из общей массы текста.
- > — знак, указывающий на изменение из чего-либо.
- < — знак, указывающий на переход или развитие из чего-то.
- , — запятая — знак для обозначения редукции и выпадения гласных.
- ˊ — знак главного ударения.
- ˊˊ — знак второстепенного ударения.

ВВЕДЕНИЕ

Хорезмские говоры узбекского языка стали изучаться со второй половины девятнадцатого века. Первые сведения о них, особенно об огузском наречии, мы находим в известном труде венгерского ученого Германа Вамбери¹, опубликованном почти сто лет назад. В своей книге автор дает краткий грамматический очерк чагатайского языка (1—40 стр.). Хрестоматийная часть труда представляет собою собрание отрывков из творений Алишера Навои, Ахмада Яссави, Машраба и отдельных стихов Фузули и Насими; кроме того, приводятся отрывки и из произведений народного творчества — дастанов (Ахмад Юсуф, Зухра-Тахир, Заркум-шах и др.). В конце книги приложен узбекско-немецкий словарь.

В грамматической части своего труда Вамбери почему-то приписывает хивинскому говору такие черты, которые вообще не характерны для огузских говоров узбекского языка: глагольные формы *барайурман*, *барайурсан*, личные местоимения *мен*, *сен*, *ул* и т. д. У нас нет основания думать, что в середине девятнадцатого века представители огузского наречия употребляли грамматические формы, свойственные памятникам письменности древнего периода. Скорее всего нужно полагать, что сами объекты Вамбери — осведомители — были представителями мусульманской образованности и всячески стремились в беседе с ним подражать книжному языку, а ученый, думая, что они действительно говорят на родном говоре, зафиксировал их речь как образец для характеристики хивинского говора узбекского языка.

Герман Вамбери все узбекские говоры делит на кокандский, бухарский и хивинский диалекты, механически распределив их по территориальному признаку — по ханствам. О

¹ Н. Vambery (Г. Вамбери). *Chagataische Sprachstudien*, Leipzig, 1868.

первых двух узбекских диалектах он ничего не сообщает. Зато Вамбери более или менее подробно дает сведения о хивинском говоре. Он пишет: «В городе живут сарты, в селениях — узбеки. Язык сартов отличается от языка узбеков»². Затем приводятся следующие сведения:

1) в языке сартов больше лексических элементов, заимствованных из арабского и персидского языков, чем у узбеков;

2) по месту ударения первый резко отличается от второго (видимо, речь идет о месте ударения в первом слоге глагольных основ);

3) сельские жители звуки произносят твердо, городские — мягко (по всей вероятности, речь идет о кипчакских глубоко-заднеязычных қ, ғ, х и огузских обычных задних қ, ғ, х);

4) сельские жители звук [к] произносят нормально, а городские, как г (речь идет об озвончении этимологического [к] в начале слова) и т. д.

Особого внимания заслуживает та часть материала, включенная в хрестоматию, которая, по выражению самого автора, была собрана «из жизни», т. е. поговорки и пословицы (все-го 112). К сожалению, Вамбери в значительной степени «обновил» их, придав им литературную форму, в силу чего порою трудно отличить диалектные особенности огузского и кипчакского наречий. Зачастую язык этих текстов кажется специально смешанным. Приведем некоторые из этих текстов. *Савлықым-байлықым, хасталықым-маңлай қаралықым*. В этом примере *савлак* — кипч. форма, ог. — *сағлык*; употребление глухого [к] перед аффиксальным гласным является огузской чертой³. В этих текстах в большинстве случаев верно отражены особенности огузского наречия *сүридән айрылған қозыңь бөрй йъртар: ақажак қан тамърда дурмас түтүн омчадан чьқар; той тонльныңқы, айът атльныңқы* и т. д.

Большое научное значение имеют труды академика А. Н. Самойловича по истории узбекской и туркменской литературы, по отдельным тюркским языкам. К сожалению, его богатое научное наследие по истории языка и литературы ряда тюркских народов недостаточно используется нашими исследователями.

А. Н. Самойлович летом 1908 г. посетил Хорезм, в основном г. Хиву. Хотя он специально и не занимался изучением хорезмских говоров узбекского языка, тем не менее в своей

² Г. Вамбери. Указ. соч., стр. 5.

³ У Германа Вамбери тексты даны без транскрипции, на арабском алфавите.

известной классификации наряду с другими узбекскими говорами особо выделил огузское наречие Хорезма. Согласно его классификации огузские говоры узбекского языка включены в V группу тюркских языков (средне-кипчакско-туркменская группа)⁴.

По мнению А. Н. Самойловича, говоры, входящие в V группу (хорезмские), по своим фонетическим и морфологическим особенностям ближе стоят к северо-западной и юго-западной группе тюркских языков. Хивинское наречие узбекского языка сохраняет значительное количество языковых особенностей юго-западной группы. А это объясняется близким соседством хивинских узбеков с туркменами⁵.

Работы А. Н. Самойловича, посвященные изучению письменных памятников узбекского языка (в основном по «Мухаббат-наме» Хорезми и «Хусрав и Ширин» Кутба), имеют исключительную ценность как для истории узбекского языка, так и для истории хорезмских говоров⁶. Кроме того, А. Н. Самойлович опубликовал ряд литературных текстов, содержащих ценный материал для изучения хорезмских говоров. Несмотря на то, что в этих текстах, преимущественно поэтических произведениях, отражено сильное влияние литературной традиции с вычурным языком, архаичными формами, в них мы можем обнаружить чрезвычайно любопытные диалектные особенности хорезмских говоров⁷.

Проф. И. И. Зарубин в одной из своих этнографических работ, говоря о населении Туркестанского края, попутно отмечает наличие ряда узбекских говоров⁸. Он не выделяет характерных особенностей этих говоров, ограничиваясь лишь наименованием их по крупным городским центрам — хивинские, ферганские, ташкентские и самаркандско-бухарские. В его работе мы не находим даже упоминания о кипчакских говорах узбекского языка, которые очень распространены в республике.

Карл Менгес, находясь летом 1929 г. в Узбекистане, участвовал в этнографическо-диалектологической экспедиции, возглавляемой проф. Гази Алимом Юнусовым, и посетил ряд городов и районов республики (Ташкент, Самарканд, Бухару,

⁴ А. Н. Самойлович. Некоторые дополнения к классификации тюркских языков, Петроград, 1922.

⁵ Там же, стр. 13.

⁶ А. Н. Самойлович. К истории среднеазиатского турецкого литературного языка, сб. «Мир-Али-Шир», Л., 1928.

⁷ А. Н. Самойлович. Два отрывка из Хорезм-наме, ЗВО, т. XIX, 1910, стр. 078—083.

⁸ И. И. Зарубин. Список народностей Туркестанского края, Л., 1925, стр. 13.

Маргилян, Фергану и др.). На основе своих записей в 1933 г. в немецком журнале «Ислам» он опубликовал статью под названием «Три узбекских текста»⁹.

Диалектологическая карта Узбекистана составлена К. Менгесом по работам проф. Е. Д. Поливанова. Да и суждения автора об узбекских говорах, теоретические выводы и классификации по существу являются повторением мыслей того же Е. Д. Поливанова. Кроме того, приведенные им тексты в фонетической записи из ферганских, кипчакских, хивинских говоров далеки от правильного отражения действительных особенностей этих говоров.

Согласно заявлению самого К. Менгеса, хивинские тексты записаны со слов учителя одного из хивинских медресе, который почему-то временно оказался в Самарканде, что заставляет нас с недоверием относиться к этим записям. Даже при беглом ознакомлении с текстом становится очевидным, что он ничего общего не имеет с хивинским говором. И на основании этого подозрительного материала К. Менгес решил написать статью с очень ответственными выводами и обобщениями. Опираясь на произношение муллы, К. Менгес безапелляционно заявляет: «В хивинском говоре имеется звонкое фарингальное [х] ар. ح » или «...слово ата «отец», принимая притяжательный аффикс 3 л., будет иметь форму *атеси* (умлаут)»¹⁰. Его суждения о долгих гласных, сингармонизме, губной гармонии вызывают только недоумение. Сравните еще примеры, приписываемые К. Менгесом хивинскому говору: *кетсун* «пусть уйдет», *бр* «один», *дедур* «он говорит», *келтириң* «принесите», *симри:б* «разжирев» и многие др. Он заявляет: «В хиве употребляется только форма «*бол*», «*ол*» отсутствует»¹¹. Ниже мы приведем отрывок из записей К. Менгеса и сопоставим его с тем же текстом, записанным нами в 1954 г.

Записи К. Менгеса

Шейх билэн ша:пы исминдэ ики
кии болган.

Алар сейа:ғат та:риқаси:да
хәр шәхәргә барыб ге:зиб йүр-
гәнләр. Бр гүн бр шәхәргә бар-
ған идиләр, көрсәләр ул шәхәр-
дә қантнъ батманы бр тәнгә вә
кәпәкни батманъ хәм бр тәнгә
икән.

Наши записи

Ши:х вьлән ша:пъ исмындэ
иккь кьшь волған || воған.

Ҳула сайа:ҳат тари:қасънда
хәр шә:рә варъп, гезъб йүрйәл-
лә. Бый гүн бый шә:рә варғанә-
дълә, гөрсәлә, ху шә:рдә қантнъ

батманъ бый тәннә да :н, кепәкнъ
батмана:м бый тәннә:кән.

⁹ K. Menges (К. Менгес). Drei özbekische Texte, «Der Islam», 1933.

¹⁰ К. Менгес транскрибировал текст латинскими буквами.

¹¹ К. Менгес. Указ. соч., стр. 56.

Проф. Гази Алим Юнусов весьма плодотворно работал в области изучения узбекских говоров и их классификации. Его труд «Опыт классификации узбекских говоров», опубликованный в 1936 г., до сих пор не потерял своей научной ценности¹². Сделанные им записи в фонетической транскрипции довольно правильно отражают характерные особенности узбекских говоров и свободны от грубых ошибок и искажений, а смелая попытка автора дать генетическую классификацию узбекских говоров заслуживает всяческого одобрения и внимания.

Согласно классификации Гази Алима Юнусова, все узбекские говоры делятся на три большие группы: 1) узбекско-кипчакская («джекающая» группа); 2) тюрко-барласская или чагатайская, по мнению проф. Гази Алима, так называемый чагатайский литературный язык возник на базе этих говоров; 3) хивинско-ургенческая.

Заслуживают особого внимания мысли проф. Гази Алима относительно последней группы говоров. Он писал: «Я это наречие (лаҳжа) отношу к диалекту тюрко-барласского или тюрко-хаканийского языка, названного мной также и тюрко-карлукским наречием. По моему мнению, это наречие, с одной стороны, образовалось в результате смешения с живыми тюрко-барласскими говорами и, с другой стороны, с огузскими языками, и, таким образом, оно представляет собою карлукский язык с примесью тюрко-барласских и огузских элементов»¹³.

К сожалению, мысли автора о близости хивинско-ургенческой группы говоров к живым карлукским говорам не были подкреплены соответствующими примерами, и в силу чего этот очень важный вопрос остался открытым. Что касается его утверждения относительно сходства карлукских говоров, размещенных на отдельных изолированных территориях Узбекистана и Таджикистана, с современными огузскими и бухарско-каршинской группой говоров, то сказать что-либо определенное затруднительно, потому что мы не располагаем достоверными данными об этих карлукских говорах.

Говоря о характерных особенностях хивинско-ургенческой группы говоров, Гази Алим пишет: «Хивинский говор отличается полнотою и сложностью состава гласных и согласных фонем, наличием сингармонизма (товуш уйғунлиги), сохранением долгих гласных. Наличие среднеязычных [к] и [г], упот-

¹² Ғозӣ Олим (Гази Алим). Ўзбек лаҳжаларининг таснифида бир тажриба, Тошкент, 1936, стр. 22.

¹³ Гази Алим. Указ. соч., стр. 22.

ребление [г] вместо [к] являются фонетическими особенностями хивинского говора, заслуживающими пристального внимания»¹⁴.

В приложенной к книге текстовой части помещена одна сказка в фонетической транскрипции, записанная автором в кишлаке Чагатай Шаватского района. Эта запись в основном правильно отражает фонетические и морфологические особенности говора указанного селения. По всей вероятности, Гази Алим надеялся найти в этом говоре признаки карлукского или тюрко-барласского наречий, так как часть узбекских родов чагатай и джалаир в конце XIV в. была переселена Тимуром в покоренный им Хорезм для укрепления своей политической власти¹⁵. В настоящее время говоры этих племен потеряли свои специфические особенности (если, конечно, исходить из предположения, что эти племена до их переселения говорили на одном из наречий центральных районов Узбекистана) и приобрели в основном огузские черты или же полностью кипчакизировались в зависимости от территориального размещения.

Глубокое всестороннее изучение живых узбекских говоров связано с именем выдающегося русского ученого проф. Е. Д. Поливанова. Начав свои диалектологические изыскания с описания ташкентского диалекта, Е. Д. Поливанов постепенно расширял круг исследовательских работ, а к концу 20-х—началу 30-х годов в основном завершил научное описание главнейших узбекских говоров, что предоставило ему возможность дать классификацию узбекских говоров с чрезвычайно важными выводами и обобщениями.

В опубликованных в 1933—1935 гг. наиболее значительных работах Е. Д. Поливанов стремился обосновать свои теоретические взгляды на историю и формирование узбекских говоров, проблему узбекско-таджикских языковых взаимоотношений и на ряд сложных вопросов исторической фонетики и грамматики узбекского языка, вытекающих из лингвистических концепций ученого: появление звука [ɟ] вместо общетюркского заднего [a], ослабление и постепенное исчезновение закона палатального сингармонизма, и в связи с этим сокращение количества фонематически противопоставляемых гласных звуков и т. д. Эти фонетические явления Е. Д. Поливанов объяснял влиянием таджикского языка и поэтому разделил

¹⁴ Гази Алим. Указ. соч., стр. 22.

¹⁵ Мунис. Фирдаус-ул-иқбал (فردوس الاقبال), библиотека Института востоковедения АН УзССР, рукопись 5364, л. 55.

все узбекские говоры на две большие группы: иранизованные (несингармонистические) и неиранизованные (сингармонистические)¹⁶.

Из работ Е. Д. Поливанова лишь одна статья непосредственно связана с изучением хорезмских говоров¹⁷, хотя почти во всех работах он фонетические и морфологические особенности этих говоров сопоставлял с таковыми других узбекских говоров.

В статье «Говор кишлака Кыят-Кунграт Шаватского района» Е. Д. Поливанов дает классификацию хорезмских говоров, согласно которой хорезмские говоры узбекского языка делятся на три большие группы: южно-хорезмская, средне-хорезмская, северо-хорезмская.

В южно-хорезмскую группу входят говоры городов и районов Южного Хорезма (Хива, Ургенч, Ханка, Янгиарык, Газават, Шават, Хазарасп, Шурахан — ныне Турткуль). Основные признаки южно-хорезмской группы говоров следующие: 1) сохранение конечного [ɣ] в словах типа *дағ*; 2) озвончение начальных [к] и [т]: *дағ*, *дъл*, *гир*, *гөр* и др.; 3) сохранение конечных [к], [қ] и [п] основы перед аффиксальным гласным: *ақәди*, *йипим*, *чықыр* и др.; 4) различие долгих и кратких гласных: *а:дъм* «мое имя», *атъм* «моя лошадь» и т. д.; 5) сохранение древнего [ε], переднего полуширокого [э]; 6) употребление аффикса а||э в дательном падеже после согласных основы; 7) согласные [к] и [г] максимально смягчены; в слове *гелгән* «пришедший» в речи молодежи аффиксальное [г] произносится почти как [й]: *гелйән*.

Далее проф. Е. Д. Поливанов замечает: «Эти и подобные особенности южно-хорезмской группы говоров свидетельствуют о том, что в них больше сохранились черты юго-западной группы тюркских языков, нежели в икано-карабулакских говорах»¹⁸.

Граница между северо-хорезмскими и средне-хорезмскими говорами проходит между Гурленским и Мангытским районами (только говор кишлака Марибугат Гурленского района джекающий). Автор приводит основные особенности средне-хорезмской группы говоров (*тав*, *йеканье*, *кәби ағып* и т. д.).

Учитывая близость северо-хорезмской группы говоров к казахскому языку, как заявляет Е. Д. Поливанов, можно наз-

¹⁶ Е. Д. Поливанов. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык, Ташкент, 1933; Он же. Материалы по грамматике узбекского языка, 1, Введение, Ташкент, 1935.

¹⁷ Е. Д. Поливанов. Говор кишлака Кыят-Кунграт Шаватского района, Труды УзНИИКС, вып. 2, 1934.

¹⁸ Е. Д. Поливанов. Говор кишлака Кыят-Кунграт..., стр. 6.

вать ее «казакизированной». В нее входят говоры Кунградского, Ходжейлинского, Кипчакского районов и отдельные сельские говоры Мангытского района. Основные признаки третьей группы говоров: джекание — *джол, джигит, джигирма* и т. д.; отсутствие фонемы [x]; максимальная дифтонгизация начальных полуузких гласных и др. Затем приводятся основные фонетические различия между этими двумя наречиями кипчакской группы (джеканьем и йеканьем).

Е. Д. Поливанов публикует текст одной сказки в фонетической транскрипции и помещает отдельные слова и фразы, записанные им от жителей селения. Лингвистические комментарии к текстам чрезвычайно ценны и являются образцом научного толкования языковых явлений, а тексты (слова и фразы) оказались свободными от ошибок. Е. Д. Поливанов в своей последней работе, опубликованной в 1935 г.¹⁹, дает обобщенное изложение своих лингвистических воззрений, обосновывает свои взгляды по различным теоретическим вопросам истории и диалектологии узбекского языка.

Мы можем не соглашаться с проф. Е. Д. Поливановым по отдельным теоретическим вопросам, но нельзя не признать огромных заслуг этого незаурядного лингвиста, прекрасного знатока тюркских языков перед советской тюркологией.

«Некоторые особенности карабулакского говора» — работа академика АН КиргССР К. К. Юдахина, которой он начал свою научную деятельность²⁰. Вторично, но в несколько сокращенном виде она опубликована в диалектологическом сборнике, вышедшем в 1957 г.²¹ Это, по всей вероятности, было вызвано необходимостью облегчить пользование ею особенно молодым научным работникам.

В указанной работе проф. К. К. Юдахин отметил наличие долгих гласных, так называемых первичных долгот: *а:т||а:д* «имя», *а:ды* «его имя», но *ат* «лошадь», *а:ч* «голодный», *о:т* «огонь», *қы:з* «девочка». Из морфологических особенностей К. К. Юдахин особо выделяет аффиксы род. п. «*иң*» и исх. «*дин*»: *аттын, иттин* и т. д.; им отмечается очень любопытная форма местоимения 3 л. мн. ч. — *улалар* «они», но *ул* «он» и ряд глагольных форм, которые обычно не встречаются в других узбекских говорах. Относительно вопросительной частицы «*на*», которая в несколько ином значении употребляется в огузских говорах Хорезма, К. К. Юдахин замечает: «Несколько

¹⁹ Е. Д. Поливанов. Материалы по грамматике...

²⁰ К. К. Юдахин. Некоторые особенности карабулакского говора, сб. «В. В. Бартольд», Ташкент, 1927.

²¹ Материалы по узбекской диалектологии, I, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр 31—57.

необычное явление представляет из себя карабулакская частица вопроса, которая здесь имеет форму *на||нә; бар-на?* «есть ли, имеется ли?», *алдым-на* «взял ли я?», *кәлдин-нә* «пришел ли ты?» и т. д. В других тюркских наречиях и языках эта частица, как известно, имеет своим согласным губной п, б, м. Данный факт может пролить свет на происхождение этой частицы. Ср. кипч. *барънна, кельдънма, ог. барънмъ, гелдънмъ* и т. д.

Известный интерес представляет и наличие в карабулакском говоре аффикса *-иңки||-ыңқы*, образующего лично-притяжательные субстантивные формы местоимений; он употребителен и в хазараспско-янгиярыкском говоре огузского наречия с той лишь разницей, что этот аффикс в карабулакском говоре образует и прилагательное в роли определения к существительному: *пашшаниңки ешигигә барып, хызматыны қыл* «иди ко двору царя и служи ему»²².

К. К. Юдахин предложил свой вариант классификации узбекских говоров, согласно которому все узбекские говоры делятся на пять больших групп: ташкентская, ферганская, кипчакская, хивинская (хивинско-огузская) и северо-узбекская²³.

Член-кор. АН СССР проф. А. К. Боровков проделал исключительно большую работу в области изучения узбекского языка, научной разработки вопросов современного узбекского языка и его многочисленных живых говоров. Кажется, нет области в теории и практике языкового строительства в республике, где бы не принимал самое активное участие Александр Константинович Боровков. Особое значение и научную ценность приобретают его исследования в области узбекской диалектологии, классификации узбекских говоров.

А. К. Боровков в 1940 г. предложил свою первую классификацию узбекских говоров²⁴, согласно которой огузское наречие отнесено к акающей группе с характерным признаком *йеканья* (йекающая подгруппа). Второй вариант классификации А. К. Боровкова предусматривает четыре группы: средне-узбекский диалект, шайбанидско-узбекский или джекающий диалект, южно-хорезмский диалект и изолированные говоры²⁵.

²² К. К. Юдахин. Некоторые особенности..., стр. 49.

²³ Он же. Узбекский язык, Литературная энциклопедия, т. XI, М., 1939, стр. 496.

²⁴ А. К. Боровков. Новый узбекский алфавит, журн. «Литература и искусство Узбекистана», кн. 3, 1940.

²⁵ А. К. Боровков. Вопросы классификации узбекских говоров, Известия АН УзССР, 5, 1953, стр. 72—73.

В обоих вариантах классификации А. К. Боровков приводит главные признаки, характерные для огузского наречия:

1) начальным глухим [к], [т] соответствуют звонкие [г], [д] (*гелди* «прибыл», *ди:ри* «живой» и т. д.) ;

2) гласных девять, имеет место фонематическое различие кратких и долгих гласных;

3) конечные [к], [ғ], [к], [г] после предшествующих узких гласных в определенной категории слов отсутствуют (*Хив. ди:ри* «живой», *са:ри* «желтый» и т. д.);

4) форма настоящего данного момента на *-йатыр: гелйатыр* («приближается», «идет»);

5) форма будущего на *-джак||джак:гэлэджак* («придет», «прибудет»);

6) словарь отличается своими особенностями²⁶.

Некоторые замечания хотелось бы сделать по поводу изолированных говоров, выделенных А. К. Боровковым в особый, четвертый, тип узбекских говоров. В эту группу входят: а) говоры Карабулака, Икана и Манкента, б) «умлаутные» говоры Наманганской области. Дело в том, что говоры, входящие в группу «а», содержат очень существенные признаки, имеющиеся и в некоторых говорах огузского наречия. Кроме вышеуказанных особенностей, в хазараспско-янгиарыкском говоре употребляются после согласных основы аффиксы род. п. *-ин*, вин. п. *-и*. Характерной чертой всех огузских говоров является реализация в первом слоге слова широкого переднего [е] или [э] вместо переднего полуузкого [е] в кипчакских говорах и литературном языке.

Перечисленные признаки и ряд других особенностей наряду с долгими и краткими гласными²⁷, безусловно, свидетельствуют об общем происхождении этих узбекских говоров, что неоднократно подчеркивалось Е. Д. Поливановым²⁸, на что указывал и А. К. Боровков²⁹. На этом основании мы предлагаем объединить все эти говоры под общим названием «огуз-

²⁶ Он же. Вопросы классификации..., стр. 73. В одном из своих неопубликованных трудов («Размещение узбекских диалектов и говоров и вопросы их образования») проф. А. К. Боровков дает более подробные сведения о фонетико-морфологических и лексических особенностях хорезмских говоров, собранные им анкетным способом.

Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность Татьяне Александровне Боровковой, предоставившей мне возможность ознакомиться с рукописью покойного А. К. Боровкова.

²⁷ Ф. А. Абдуллаев. Ургенч шевасининг баъзи бир фонетик хусусиятлари, Материалы по узбекской диалектологии, I, 1957, стр. 299.

²⁸ Е. Д. Поливанов. Узбекская диалектология..., стр. 27.

²⁹ А. К. Боровков. Вопросы классификации..., стр. 73.

ское наречие», выделив в особую группу икано-карабулакские говоры.

Другое наше замечание касается вопроса о йекающих говорах Хорезма (средне-хорезмские по классификации Е. Д. Поливанова). Эти говоры, как справедливо указывает А. К. Боровков, примыкают к кипчакскому (джекающему) наречию, но в них отсутствует один главный признак — джекание. По нашему мнению, правильнее было бы рассматривать названные две группы говоров (йекающие и джекающие) как отдельные диалекты или группы говоров одного кипчакского наречия узбекского языка, ибо, кроме джекания, как показали наши наблюдения, в них не обнаружено каких-либо существенных различий. Что же касается тех более мелких различий в йекающих говорах Хорезма (например, говор Гурленского района), то они являются или результатом процесса самостоятельного развития, или же обусловлены влиянием огузских говоров.

Действительный член АПН РСФСР проф. В. В. Решетов, один из крупных исследователей узбекских говоров, занимался в основном изучением говоров городского типа и кипчакских говоров Ташкентской области³⁰. Однако в своих многочисленных публикациях В. В. Решетов неоднократно отмечал и существенные фонетико-морфологические особенности огузского наречия в связи с общей проблемой образования узбекских народных говоров и письменного литературного языка³¹.

В. В. Решетов предложил свою классификацию узбекских говоров, основанную на генетической преемственности ряда крупных наречий, представители которых исторически вошли в состав узбекского народа, — кипчакское наречие, карлуко-чигиле-уйгурское наречие, огузское наречие³².

В. В. Решетов в этой классификации подробно останавливается на характерных фонетико-морфологических и лексических особенностях первых двух наречий, краткие сведения приводятся и об огузских говорах. Из них существенными являются наличие контрастирующих пар гласных, как и в кипчакских говорах узбекского языка, кратких и долгих гласных, озвончение начальных [т] и [к] (*дил* «язык», *гел* «приходи»), максимальное смягчение [к] и [г], аффикс притяжа-

³⁰ В. В. Решетов. Маргеланский говор узбекского языка, канд. дисс., Ташкент, 1940; Он же. Кураминские говоры узбекского языка Ташкентской области, докт. дисс., Ташкент, 1952.

³¹ Он же. О диалектной основе узбекского литературного языка, ВЯ, 1, М., 1955, стр. 100—108.

³² Он же. Узбекский язык, 1, Фонетика, Ташкент, 1959, стр. 59—68 и след.

тельного падежа «иң||-ың», аффикс дательного-направительного падежа «а||ә», выпадение начального [б] в глаголе *бол(ол)* «быть».

В. В. Решетов в 1960 г. опубликовал специальную работу, назвав ее «Карлуко-чигиле-уйгурское наречие узбекского языка»³³. В ней получили дальнейшее развитие и детализацию мысли автора об образовании опорных узбекских говоров на базе взаимодействия языков племенных групп карлуков, чигилей и уйгуров.

Однако нужно заметить, что попытки генетической классификации узбекских говоров сталкиваются с некоторыми трудностями, связанными, во-первых, с отсутствием памятников письменности на одном из вышеуказанных наречий и, во-вторых, с тем, что дошедшие до нас письменные памятники в равной степени содержат элементы всех современных, в том числе и северо-восточной группы, тюркских языков. Даже самые древние памятники тюркских языков в языковом отношении носят смешанный характер³⁴. Интересно, что в каждом, даже маленьком, говоре любого из тюркских языков, узбекского языка в особенности, обнаруживаются весьма существенные черты, казалось бы, совершенно несвойственные ему исторически. На эти характерные особенности современных узбекских говоров указывает и В. В. Решетов³⁵.

Работа действительного члена АН КиргССР И. А. Батманова «Вопросы классификации узбекских говоров» посвящена чрезвычайно важной проблеме — взаимоотношениям в историческом прошлом различных родо-племенных объединений, входивших в состав узбекского народа, и хронологии миграции и размещения огузских, карлукских, кипчакских и других племенных групп на нынешней территории Узбекистана³⁶.

Возражая Е. Д. Поливанову по ряду историко-культурных и историко-лингвистических проблем, И. А. Батманов стремился обосновать тезис о миграции огузских племен еще задолго до завоевания арабами Средней Азии. Эта мысль И. А. Батманова подтверждается результатами исследований

³³ В. В. Решетов. Узбек тилининг қарлуқ-чигил-уйгур лаҳжаси, журн. «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари», 1960, 5, бет 34.

³⁴ И. А. Батманов. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности, Фрунзе, 1959, стр. 123.

³⁵ В. В. Решетов. Узбек тилининг қарлуқ-чигил-уйгур лаҳжаси, стр. 36.

³⁶ И. А. Батманов. Вопросы классификации узбекских говоров, сб. «Проблемы языка», 1, Ташкент, 1934, стр. 5—40.

В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовского, С. П. Толстова и других крупнейших специалистов по истории Средней Азии³⁷.

Из краткого обзора истории изучения хорезмских говоров узбекского языка явствует, что, кроме небольшой статьи Е. Д. Поливанова «Говор кишлака Кыят-Кунграт», до последнего времени хорезмские говоры не были объектом специального исследования.

Всестороннее изучение представленных в Хорезме двух узбекских наречий — огузского и кипчакского — началось с 1951 г. Было обследовано нами свыше трехсот населенных пунктов, размещенных в одиннадцати районах области. В настоящее время основная работа по описанию хорезмских говоров нами закончена. Предварительные результаты исследований опубликованы в различных журналах и сборниках, кроме того, в 1961 г. вышла в свет книга «Хорезмские говоры».

В данной работе мы дали наиболее полную классификацию на основе довольно тщательного изучения фонетико-морфологических и лексических особенностей современных огузских и кипчакских говоров Хорезма, но не коснулись вопроса об отношении современных узбеков, полностью утративших всякую память о былом родо-племенном делении, к древним огузским и кипчакским племенным объединениям так же, как и не ставили перед собой задачи освещения проблемы взаимоотношения современных узбекских говоров Хорезма с языком письменных памятников как древнего периода, так и средневековья. Поэтому употребление терминов «огузский» и «кипчакский» в наших работах носит условный характер.

Ниже помещена схема классификации хорезмских говоров узбекского языка.

Наречия и говоры	Территория распространения	Основные признаки
1. Кипчакское наречие.	селения Марибугат, Аккум	жоқ, қатын, дифтонгизация
1. джекающие говоры.	Гурл. р-на, сельсоветы Биштам, им. М. Горького Мнг. р-на, отдельные селения Кипч. р-на КК АССР.	нач. ө, о, е; род. п. нин ин; ватыр батыр; мәйәк, бузав, кель, тамбаш, бақан, чумчъқ, қапқақ, чъмълдъръқ и т. д.

³⁷ В. В. Бартольд. Очерки истории туркменского народа, сб. «Туркмения», т. 1, 1929, стр. 5—69; А. Ю. Якубовский. Вопросы этногенеза туркмен, Советская этнография, 3, 1947, стр. 48—54; Он же. Вопросы этногенеза узбекского народа, Ташкент, 1941; С. П. Толстов. Города гузов, СЭ, 3, 1947, стр. 55—102 и др.

2. йекающие говоры.	участок Халимбек Мнг. р-на, 6-во селений кипч. р-на КК АССР; основная тер-рия Гурл. р-на, отдель- ные селения почти всех районов южного Хорезма.	йок, хатън, слабая дифтон- гизация, род. п. нин нъ; ватър йатър, мэйэк, там- баш үчэк, өрә, кель, чум- чук, қапқақ и т. д.
3. әкеющие говоры.	селения Канглы Шавт. Гурл. Х-асп. р-нов, Ката- ган Швт. К-кпр. р-нов; селение Араб Ург. р-на, Найман Бгт. р-на и неко- торые селения Я-бзр. р-на и др.	основные признаки йека- ющ. группы кипч. наре- чия; употребление [ә] вме- сто [е]: кәлдъ, тәмър; кель сокъ, чумчук сечә.
4. кипчакско- огузские гово- ры.	селения Кыят, Кипчак, Юкары Дюрмен, Ург. р-на, Аяк Дюрмен Уйгур Я-бзр. р-на, селения Нукус, Ши- рин Кунграт Хнк. р-на, село Уйгур К-Кпр. р-на, Кытай Швт. р-на и др.	основные признаки йекаю- щей группы, параллельн. употреб. некот. фонет.- морф.-лексич. синонимов.
II. Огузское наречие. 1. ургенчско- хивинские го- воры.	основная территория Хив. Ург. Швт. К-кпр. Хнк. р-нов г. Т-хвз. ТССР, неко- торые селения Бирун. Туртк. р-нов КК АССР, от- дельные селения осталь- ных районов южного Хо- резма.	гәл, ду:з, род. вин. пп. нъ; йатър, баралъ; өжәк, со:қы, үчәк, ма:йа, өрә, сечә, дувақ, көшәйәнә и мн. др.
2. хазарасп- ко-янгиярыск. говоры.	большинство селений Х-асп. и Я-арыкск. р-нов, селения Гайву Караман Ург. р-на, отдельные се- ления К-кпр. р-на, село Хыдыр-Эли Гурл. р-на и др.	основные признаки Ург: Хив. говоров, род. п. ин, вин. п. ь (после согл.), на- личие глагольн. фрм: алық- қал альқал, баралъ ба- ралын, тана өжәк.
3. огузско- кипчакские го- воры.	селения Урта Дюрмен Ург. р-на, Кыят, Бишмерган, Буйрачи Швт. р-на, Кена- гас, Узбекип К-кпр. р-на, село Пичакчи Х-асп. р-на и др.	гәл, дуз, род. п. нъ нин, наличие большого кол-ва параллельн. грам. форм. лексич. синонимов.

В настоящее время в системе Узбекской Академии наук работает ряд научных сотрудников, которые избрали для своих диссертационных работ темы по хорезмским говорам. Так, например, младший научный сотрудник Юсуф Джуманазаров

успешно защитил диссертацию на тему: «Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка»³⁸. Младший научный сотрудник сектора узбекской диалектологии Ахмед Ишаев работает над темой: «Мангытский говор узбекского языка», обращая главное внимание на фонетическую структуру слова в указанном говоре³⁹. Кроме того, аспирант ТашГУ Х. Бабаниязов разрабатывает тему «Кушкунпирский говор узбекского языка», уделяя особое внимание мелким говорам смешанного типа (узбекско-туркменские говоры).

* *

*

Население Хорезмской области ведет начало от двух крупных племенных объединений — огузского и кипчакского, входивших в состав узбекского народа. Несмотря на территориальную общность и тесные экономические и культурные связи, носители этих двух наречий хорошо сохранили языковые особенности, присущие им с древнейших времен и отмеченные частично еще Махмудом Кашгарским⁴⁰. Тем не менее, оба наречия, отличаясь каждое своими специфическими особенностями, одновременно имеют много общего в своих фонетико-морфологических и лексических показателях, указывающего на близкое родство как между ними, так и их с другими узбекскими говорами. Это, безусловно, свидетельствует о генетической общности всех узбекских наречий, являющихся разветвлениями общенародного узбекского языка, и подтверждает положение Ф. Энгельса о том, что «Общий язык, различавшийся только диалектами, был выражением и доказательством общего происхождения»⁴¹.

Южная часть территории области (8 районов из 11 по административному делению до 1956 г.) населена в основном представителями огузского наречия, в котором преобладают черты юго-западной группы тюркских языков, северная часть области — представителями кипчакского наречия, которому свойственны особенности северо-западной группы тюркских языков. Кроме этих основных языковых массивов, на территории области размещены еще две группы говоров, занимаю-

³⁸ Ю. Джуманазаров. Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка, Ташкент, 1961 (автореферат кандидатской диссертации).

³⁹ А. Ишаев. Мангыт шевазининг ундиладар системаси, Ученые записки ТашУГПИ им. Низами, вып. XII, Ташкент, 1959, стр. 136.

⁴⁰ Махмуд Қошғарий. Девону лугатит-турк, I, Тошкент, 1960, стр. 60—69.

⁴¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 74.

щие по своему характеру как бы промежуточное положение между ними — огузско-кипчакские и кипчакско-огузские. Представители возникших позже переходных говоров в течение, по крайней мере, трех-четырех столетий жили на смежной территории или же в одном населенном пункте. В силу этих обстоятельств, во-первых, образовались говоры смешанного типа с превалированием языковых черт огузского (огузско-кипчакские) или кипчакского наречий (кипчакско-огузские) и, во-вторых, произошло полное смешение (метисация) двух принципиально различных говоров уже с иным результатом — полной победой одного с утратой или почти полной утратой специфических черт другого. В последнем случае иногда обнаруживается тот или иной след растворившегося компонента в говоре, сохранившем свои особенности. Говоры такого типа маленькими островками разбросаны по всей области, преимущественно в ее южной части.

В четырех километрах от г. Хивы есть селение Кыят (Хив. 4) — родина известного поэта и историка Мухаммада Риза Агахи. Само название селения явно указывает на неогузское происхождение топонима. Однако говор здесь преимущественно огузский, с отдельными языковыми элементами кипчакских говоров. Например, послеслог *минән* вместо огузского *вълән//бълән*, озвончение глухих согласных [к] и [к'] перед аффиксальным гласным, употребление лексических синонимов типа *соқы//кель* «ступка», *дувақ//қапқақ* «крышка», *чумчық//сеча* «воробей» и т. д. Более заметный след кипчакских говоров обнаруживается в селении Бешмерган (Швт. 10). Кроме вышеуказанных черт, здесь зафиксированы нами употребление диссимилятивных вариантов аффикса *нъ//нъ—тъ//дъ* (род. и вин. п.), совершенно чуждых для огузского наречия в целом (*нандъ ушағы* вместо *наннъ у: нъқы* «крошки хлеба»); отсутствие различия звуков [ә] и [є]; очень слабая дифференциация долгих и кратких гласных и др. То же самое наблюдается и в ряде говоров Кушкупырского (село Кенагас — К-кпр. 3), Хазараспского (Х-асп. 15 — село Пичакчи), Ургенчского районов (село Урта Дюрмен — Ург. 7) и др.

Чрезвычайно сложным и длительным был, видимо, процесс смешения языка переселившихся в конце XIV в. в Хорезм узбекских племен чагатай и джалаир с местными родственными говорами⁴². В отдельных районах области в настоящее время термины «чагатай» и «джалаир» сохранились как географические названия населенных пунктов. Под названием «Чагатай» имеются селения в Шаватском (Швт. 6) и Багатском

⁴² М у н и с. Фирдаус-ул-иқбал, л. 58.

(Бгт. 2) районах; под названием «Джалаир» — в Кушкупырском (К-кпр. 6) и Гурленском районах. Узбеки селения Джалаир Гурленского района полностью кипчакизированы (если, конечно, исходить из предположения, что язык этих племенных групп до переселения их в Хорезм имел общие черты с языком населения центральных районов Узбекистана), а население остальных южных племенных групп приобрело все языковые особенности огузского наречия. Исключение в этом отношении представляет говор кишлака Чагатай Шаватского района, где очень слабо отражена характерная для огузского наречия черта — различие долгих и кратких гласных: *дуз* «соль», *буз* «лёд», *ун* «мука» (ог. *ду* : *з*, *бу* : *з*, *у* : *н*)⁴³.

Распространение таких говоров, в которых кипчацкий компонент побеждается, а огузский теряет свою самостоятельность, отмечено лишь на отдельных малых территориях Ургенчского, Янгибазарского, Кушкупырского, Шаватского районов, где наиболее ощутимо влияние огузского наречия: частичное озвончение начальных [к] и [т] (*дуз*, *дөрт*, *дур*, *гальн*, *гечч*); употребление личных местоимений в форме *мэн*, *сэн*, вместо кипч. *мен*, *сен*; выпадение срединных согласных в некоторых основах: *утъз* «проиграть», *өтър* «проводить» (кипч. *откәр*); наличие большого количества лексических синонимов и другие черты. Сравните *съгырнъ сав* (К-кпр. 9) «надои корову», где *съгыр* — огузская форма (кипч. *сыйър*), аффикс «-нъ» также огузская форма вин. п., но *сав* «надои» — кипчацкая форма (ог. *сағ*). В отношении селений Катаган (Кпр. 2), Найман (Бгт. 5), Яблы-Канглы (Швт. 4), Канглы (Х-асп. 2) и некоторых других сказать что-либо определенное пока затруднительно. Дело в том, что говоры этих селений сохраняют все основные черты кипчацкого наречия, за исключением употребления [э] в первом слого слова. В этих говорах в данной позиции всегда [э]: *ар* «муж», *этьк* «сапоги», *кэлын* «невестка», *кэл* «приходить», *тэмър* «железо» и др.

Исходя из предположения, что указанная особенность могла сохраниться еще с древнейших времен, мы их выделили в особую группу кипчацкого наречия с главным признаком эканья (экающие говоры, а не йекающие). Учитывая факт сохранения гласного [э] в данной позиции в некоторых северо-узбекских говорах и уйгурском языке, академик К. К. Юдахин предлагает принимать во внимание этот признак даже при классификации тюркских языков⁴⁴.

⁴³ Ср. записи проф. Гази Алима Юнусова из селения Чагатай (Узбек лаҳжаларининг таснифиди бир тажриба, Тошкент, 1936, стр. 40).

⁴⁴ К. К. Юдахин. Узбек ва уйгур халқлари тилларидаги яқинлик, журн. «Узбек тили ва адабиёти масалалари», 1958, I, стр. 32.

При рассмотрении некоторых фактов фонетики и морфологии с точки зрения истории языка огузское наречие представилось нам в несколько ином свете. Оно занимает по ряду фонетических и морфологических черт промежуточное положение между огузскими языками туркменско-азербайджанского типа и языком некоторых письменных памятников XI—XIV вв., тоже несомненно огузским. Например, в словаре Ибн Муханны, как и в огузском наречии узбекского языка, начальный согласный [к] не озвончается; сохранение [к] и [к] перед аффиксальным гласным в огузском наречии — обычное явление, как и в письменных памятниках XIV в.⁴⁵, тогда как в туркменском языке в указанной позиции обычно $к > г$ ⁴⁶. Сохранение аффиксального согласного в причастной форме прошедшего времени является характерной чертой огузского наречия (и литературного языка) в отличие от туркменского языка (*бар-ған, бар-ан*). В огузском наречии сохраняется также аффиксальный согласный в деепричастной форме времени (*ойна-ғынча, и:шлэ-йьнчэ*), но после согласного основы звук [г-ғ] выпадает, следующий за ним гласный приобретает долготу (*бар-и:нча, гэли:нчэ*). Обычно форму желания на «си» принято считать огузской, а на *гү//ғу* — кипчакской. Но в огузском наречии древний аффикс *«гү//ғу»* (с вариантами) сохранился наряду с формантом «си» только после гласных основы: *ухлагасъм гэлми: дь* «мне не хочется спать». Аффиксальный [у-у] перешел в широкий гласный [э-а], видимо, под влиянием вокализма корня. Сравните узб. лит. *бор-борунча* и *борганча*. В кипчакских говорах Хорезма этот аффикс употребляется только с широким гласным: *барғанча*. Из сказанного следует, что аффикс «си» в тюркских языках первоначально присоединялся не к основе, а следовал за формантом (*гү//ғу*). В кипчакских языках «си» выпал, а в огузских говорах Хорезма так же, как и в некоторых письменных памятниках, в известном смысле сосуществует. В узбекском литературном языке в основном употребляется в значении желания лишь аффикс «ги» (<*гү//ғу*).

Сохранение согласного [г-ғ] отмечено в огузском наречии и в желательной форме глагола I л. ед. и мн. числа после гласного основы: *баръйн* «пойду-ка я», *баралъ* «пойдем-ка

⁴⁵ П. М. Мелиоранский. Сказание о пророке Салихе, Сб. статей учеников проф. В. Р. Розена, СПб., 1897, стр. 283; А. К. Боровков. Очерки истории узбекского языка, Ученые записки ИВ, т. XVI, 1958.

⁴⁶ Хэзирки заман түркмен дили, Ашгабат, 1960, стр. 39 (проф. П. Азимов, проф. М. Н. Хыдыров ве доцент Г. Сопыевни редакцияси биле); Н. Күррәев, А. Гурбанов. Түркмен дили, Ашгабат, 1951, стр. 38.

мы», но *и : шлэйаль* «поработаем-ка мы», *и : шли : н* [*<и : шлэйин*] «поработаю-ка я», *бармағалъ* «не пойдем-ка мы» и т. д. В кипчакских говорах Хорезма желательная форма глагола 1 л. мн. числа образуется при помощи аффикса «ийк//ъйқ»: *баръйқ*, *кельйк*. Интересно отметить, что в огузском наречии так же, как и в туркменском языке, наряду с аффиксом «аль//эль» употребляется древнейшая форма этого аффикса «алың//ольң»: *баралың*, *гәләльң* со значением уважения.

Генезис формы настоящего времени глагола — общий для обоих наречий, тогда как в туркменском языке эта форма чисто «огузская», чем последний резко отличается от огузских говоров Хорезма.

Все эти и подобные им факты должны учитываться как при построении классификационных схем, так и при описательном и сравнительно-историческом изучении узбекских говоров Хорезма.

Наряду со сравнительно-историческим описанием хорезмских говоров мы коснулись в настоящей работе и некоторых вопросов исторической фонетики тюркских языков в связи с проблемой общности ряда языковых явлений.

Признавая исключительные заслуги проф. Е. Д. Поливанова, неутомимого исследователя узбекских народных говоров, мы все же не можем безоговорочно принять его некоторые теоретические положения, касающиеся истории узбекского языка, следовательно, и истории сложения узбекских народных говоров. Его известная теория «иранизации» узбекского языка была подвергнута специалистами справедливой критике⁴⁷, поскольку некоторые языковые явления, особенно фонетические, возводились Е. Д. Поливановым к действиям иранской языковой подпочвы, к субстрату⁴⁸. Различные изменения, происшедшие и происходящие в языке, сводились им, с одной стороны, к иноязычному влиянию и, с другой, к влиянию родственных языков или диалектов. Отсюда и такие термины, как «туркменизированные», «казакизированные», «иранизированные» наречия или говоры.

Те изменения, которые произошли в йекающих кипчакских говорах Хорезма, отличающие в той или иной степени эти говоры от остальных кипчакских групп тюркских языков, объясняются Е. Д. Поливановым исключительно влиянием огузских говоров, а явление джеканы в отдельных говорах северного Хорезма — влиянием казахского языка⁴⁹.

⁴⁷ А. К. Боровков. Вопросы классификации узбекских говоров..., стр. 78; Он же. По поводу теории «иранизации»..., стр. 84; В. В. Решетов. Узбекский язык..., стр. 206.

⁴⁸ Е. Д. Поливанов. Звуковой состав ташкентского диалекта..., стр. 17.

⁴⁹ Е. Д. Поливанов. Материалы по грамматике узбекского языка..., стр. 17.

Как известно, огузское наречие и большинство кипчакских говоров Хорезма (средне-хорезмские по классификации Е. Д. Поливанова) употребляют в начале определенной группы слов звук [й]: *йол, йьгьт, йур, йақ* вместо *жол, жьгьт, жур, жақ* в джекающих говорах того же кипчакского наречия. По мнению Е. Д. Поливанова, все кипчакские говоры Хорезма раньше употребляли в указанной позиции звук [ж], а под влиянием огузских говоров аффриката [дж] была вытеснена звуком [й]⁵⁰.

Если экономическая и культурная зависимость кипчакской территории от Хивы явилась, как полагает Е. Д. Поливанов, главным фактором в изменении [дж] в [й] и вообще в «нивелировке» йекающих кипчакских говоров Хорезма, то почему другие языковые особенности (например, долгота гласных, выпадение начального [й] в словах типа *йълан, йузум, йьп* и т. д.) остались вне сферы влияния, и по какой причине это влияние простирается только на вышеуказанную особенность? С другой стороны, если это влияние связано, как утверждает Е. Д. Поливанов, с экономической зависимостью от Хивы, как объяснить сохранение джеканы в кишлаках Марибугат, Аккум и частично Дусумбий Гурленского района, которые расположены в 30—35 км от территории распространения огузских говоров? Примерно 80% территории Мангытского района, около половины территории Кипчакского района КК АССР (между Ургенчем и этими районами 80—100 км) населено представителями йекающей группы кипчакского наречия. Как явствует из фактов, суждения Е. Д. Поливанова о генезисе джеканы и йеканы не могут считаться научно обоснованными. Эта проблема, оказывается, теснейшим образом связана с рядом вопросов этногенетического и историко-лингвистического характера и не может быть разрешена в пределах одного лишь узбекского языка без привлечения дополнительных сведений как из письменных источников, так и из современных тюркских языков и их диалектов.

Указанная точка зрения проф. Е. Д. Поливанова так же, как и его теория «иранизации» узбекского языка, по существу отрицает закономерность исторического процесса, происходящего как во внутриязыковом, так и внутридиалектном масштабе. По нашему твердому убеждению, йеканье в кипчакских говорах — результат длительного исторического развития и является прежде всего и главным образом процессом внутридиалектным, а постороннее влияние, будь это иноязычное или влияние родственных языков и диалектов, может слу-

⁵⁰ Е. Д. Поливанов. Материалы по грамматике узбекского языка..., стр. 22.

жить лишь побочным фактором, ускоряющим или замедляющим естественный ход развития этого исторического процесса.

Как видим, вопрос о джеканы и йеканы чрезвычайно сложен, и решать его, исходя из суждений Е. Д. Поливанова, совершенно невозможно, ибо имеющиеся факты свидетельствуют о том, что проточный [й] в начале слова не переходит в аффрикату [дж], а, наоборот, только аффриката [дж] способна «расщепляться» и может дать различные согласные звуки: дж > ж > й > о — ноль. (Сравните случаи постепенной замены аффрикаты [дж] в заимствованных арабских словах проточным [й] в татарском и башкирском языках).

Не менее важным с точки зрения истории узбекского языка является и вопрос об оканье. Как известно, появление фонемы [э] в узбекских говорах городского типа проф. Е. Д. Поливанов объяснял дивергенцией общетюркского заднего [а] под влиянием иранских языков на две самостоятельные фонемы [ɔ] и [э]. В огузских говорах Хорезма преимущественно в первом слове слова отмечено появление звука [ɔ] вместо заднеязычного нелабиализованного [а].

Наличие ираноязычного населения на территории Хорезма особенно в древний период засвидетельствовано источниками⁵¹. Однако о существовании в Хорезме иранского (таджикского) этнического элемента в последующие столетия мы ничего не знаем, по крайней мере, Абул-Гази не упоминает о таджиках, как о самостоятельной этнографической единице. Появление подобного гласного в тюркских языках Поволжья (например, в татарском и башкирском)⁵² вряд ли можно объяснить непосредственным влиянием иранских языков. Член-корр. АН СССР проф. А. К. Боровков в одной из своих работ довольно основательно подверг критике теорию проф. Е. Д. Поливанова относительно происхождения оканья, указав, что распределение гласных [ɔ] и [э] в двусложных именных основах в таджикских говорах совершенно не совпадает с размещением этих же гласных в узбекском языке⁵³. Да и сам факт появления оканья в огузских говорах, при этом только в первом слове слова, требует серьезного пересмотра теории проф. Е. Д. Поливанова.

⁵¹ А. А. Фрейман. Хорезмский язык, М., 1950; А. А. Семенов. К вопросу об этническом и классовом составе северных городов империи хорезмшахов в XII в., Известия общественных наук АН ТаджССР, 1952, 2, стр. 24.

⁵² В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание, изд. 2, Казань, 1953, стр. 38; Н. Д. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 7—8.

⁵³ А. К. Боровков. Вопросы классификации..., стр. 70.

В связи с вопросом об историческом развитии некоторых согласных звуков мы в работе коснулись ряда проблем исторической фонетики тюркских языков, в большинстве своем не разработанных или же малоразработанных. Главные из них: 1) соответствие аффрикаты [ч] и некоторых согласных звуков (ж, ж, ш, т, з, й и т. д.) с последующим выпадением в начале слова; 2) история перехода сонорного [ң] в согласные звуки н, г, к, ғ, қ, м, й, в и т. д.; 3) генезис так называемых первичных долгот; 4) соответствия п//б, п||б||м, п//б//в; т//д; к//г; қ//ғ, қ//ғ//в, қ//х и т. д.; 5) происхождение удвоенных согласных (геминаций) в узбекском языке и ряд других вопросов.

ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ

ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Узкие неогубленные гласные. Из узких неогубленных гласных в огузском наречии представлены следующие звуки: и-ь, ъ, ы.

Фонема [и] — передний узкий нелабиализованный гласный звук. Этот звук акустически производит различное впечатление в зависимости от открытости и закрытости слога. В абсолютном начале слова в огузских говорах он очень близок к туркменскому [и] и может иметь характер обычной длительности и полудолгого гласного: а) в открытом слоге [и] полудолгий *игъ-* «быть в состоянии дать молоко», *иби:* «междометие удивления», *ийа* «младший брат или сестра», *ильк* «закрытый», *иларь* «вперед», *ивар-* «посылать»; б) в закрытом слоге этот звук обычно краткий: *иста-* «желать», *инжьк* «локоть», *ит* «собака», *искьрт* «жадный», *имс* «надежда», *ин-* «спускаться», *иннэ* «иголка», *алгэк* «булавка» и др.

Следует отметить одну характерную особенность фонемы [и] в абсолютном начале твердых основ с широким гласным второго слога. В такой позиции этот звук приобретает окраску краткого переднего гласного [и]: *ичан* (< ич йан) «внутри», *исап* «счет» (начальный согласный [х] выпал), *илан* «змея», *илаж* «средство», *ижа : зэт* «разрешение», *ида : ра* «канцелярия», *има : рат* «здание», *ишанч/инанч* «вера», «уверенность»; однако в закрытой позиции независимо от качества второго слога этот звук будет иметь уже твердый (задний) характер: *эмкан* «возможность», *эбрық* «кувшин», *эньжық* «капризный», *эссэ* «теплый», *эзгар* «влажный» и др.

Смягчение (палатализация) заднего [ъ] в абсолютном начале твердых основ в огузских говорах вряд ли можно объяснить стремлением сохранить этимологический передний гласный [и] в заимствованных словах, ибо, как явствует из примеров, смягчение [ъ] происходит и в исконных тюркских словах

типа *илан, ишан*; это в свою очередь увеличивает количество так называемых «ломанных» слов и, видимо, обусловлено общей тенденцией смягчения твердых основ в связи с началом разрушения закона палатальной гармонии, чему ярким свидетельством могут служить опорные говоры городского типа, в которых этот закон давно перестал функционировать.

Фонема [и] в середине слова. В инлаутной позиции этот звук, передаваемый в нашей транскрипции знаком [ь], более задний и более открытый, чем передний узкий [и]. В закрытых слогах он произносится бегло и кратко, хотя и более устойчив, чем в опорных говорах узбекского языка¹, и не подвергается редукции и выпадению, например: *быр* «один», *кыр* «грязь», *гыр-* «войти», *быз* «мы», *сыз* «вы», *дыл* «язык», *был-* «знать», *мын-* «садиться верхом», *кым* «кто» и т. д. В первом открытом слоге, по нашим наблюдениям, этот звук сохраняет свое качество: *бырав* «кто-то», *гырым* «приход», *былым* «знание», *ытыр-* «терять», *дылык* «кусок», *ыпак* «шелк», *кылыт* «ключ» и др.

В последующих неударных или предударных слогах звук [ь] подвергается редукции и часто выпадает, о чем подробно речь будет идти ниже. Несколько иначе проявляет себя этот звук в конечном открытом слоге. В именах конечный слог ударный, в силу чего ударный гласный приобретает характер звука, промежуточного между узким [ь] и полушироким [е], передаваемого нами условным символом [ë]: *иккë* «два», *кышë* «человек», *акасë* «его старший брат», *энасьнë баласë* «дитя своей матери» и т. д. В глагольных основах и наречиях благодаря перенесению ударения на первый слог в открытой позиции в конце слова звук [и-ь] сильно редуцируется, доходя порою до нуля. По нашим наблюдениям, в таких примерах, как *галадь*, конечное [ь] вообще выпало, а предыдущее [д] почти теряет свою звонкость (слог в целом произносится как приглушенный мягкий *д'*). Это явление подготавливает почву для дальнейшего сокращения слога, ослабления и выпадения конечного *д'*, что мы имеем в некоторых мелких говорах (например, Хнк. 4) огузского наречия. Мы наблюдали пока выпадение аффикса третьего лица настоящего-будущего времени глагола, как и в тюркских языках Поволжья: *галә, ойнай, гүлә*.

Сопоставление длительности фонемы [и], как это явствует из экспериментальных данных на материале туркменского языка, позволяет говорить о том, что количественное расхождение этой фонемы в открытых и закрытых слогах сводится

¹ А. К. Боровков. О некоторых очередных вопросах орфографии узбекского литературного языка, ЗИВ АН СССР, т. VI, 1937, стр. 76.

к минимуму (ср. *ит* — 8,20; *ити* — 9,70)². Это незначительное расхождение в длительности, видимо, существует и в огузских говорах, однако эту особенность фонемы [и], также как и узкого [ү], особенно в быстрой речи, на слух уловить трудно.

В кипчакских говорах фонема [и-ь] в отличие от таковой в огузских говорах более задний и более открытый звук, место артикуляции его несколько ниже и более отодвинуто назад. По месту артикуляции данный звук напоминает киргизский [и], характеризующийся как «переднеязычный с задним уклоном»³. Учитывая эту особенность фонемы [и-ь], мы, за исключением ее позиции в конечном открытом слоге, где она приобретает, как и в огузском, характер промежуточного звука между [и] и [е], передаем ее знаком [ь]: *ьш* «работа», *ьльм* «знание», *ьч-* «пить», «желудок», *ьл-* «вешать»; редукция и оглушение гласного [ь] особенно заметны в окружении глухих согласных: *пыт-//пт-* «кончаться», *пъч-//пч-* «кроить». В закрытых слогах типа *бьр* (т. е. в окружении звонких согласных) оглушение гласного [ь] менее заметно, по крайней мере степень редукции не доходит до полного выпадения.

В конечном открытом слоге именных основ звук [и] приобретает оттенок несколько открытого [и-ь], передаваемого нами знаками [ь] для мягких основ и [ъ] для твердых. В именных формах конечный открытый слог дает уже гласный типа закрытого [е¹] (в транскрипции [ĕ]) *ьштĕ* «работу», но *ьштъ* «он выпил».

Фонема [ъ] по горизонтальной линии противопоставлена переднему узкому [и]. В обоих наречиях этот звук заднерядный узкий. Звук [ъ] может употребляться в любом слоге твердых основ, выступая как самостоятельная фонема. Эта фонема в абсолютном начале слова в обоих наречиях устойчива, исключение составляет некоренное (вставочное) [ъ] в кипчакских говорах перед сонорным [л] и [р], в остальных позициях в употреблении фонемы [ъ] резких расхождений нет. В обоих изучаемых наречиях эта фонема в неударном положении одинаково подвергается ослаблению и часто выпадает.

В огузских говорах еще имеется фонема [ы]. Этот звук относится к задне-среднему типу [и] и производит акустическое впечатление русского [ы] (как русск. *тыква*, *стык*). Он может употребляться в любом слоге слова, но в близком соседстве с заднеязычными [к], [ғ], [х], [ң]: *ыҫра-* «стонать», *ыҫва* «сплетня»,

² У. Ш. Байчура. Звуковой строй татарского языка, ч. 1, Казань, 1959, стр. 89, 91; А. П. Поцелуевский. Фонетика туркменского языка, Ашхабад, 1936, стр. 20.

³ И. А. Батманов. Фонетическая система современного киргизского языка, Фрунзе, 1946, стр. 28.

«провокация», *қырқ* «сорок», *хыра* «неясный», *атың* «твой конь», *қылзқы* «его нрав» и т. д.

Вопрос о том, является ли звук [ы] самостоятельной фонемой, или лишь вариантом фонемы [ъ], пока остается спорным. С одной стороны, имеются определенные доказательства, указывающие на то, что звук [ы] не является самостоятельной фонемой: например, его позиционная обусловленность, т. е. употребление только в соседстве с определенными фонемами. Но стоит только изменить позицию, изолировав этот звук от одного из вышеуказанных согласных, как он теряет свою качественную окраску, превращаясь в обыкновенный заднерядный узкий [ъ]⁴. Обратимся к примеру: в слове *қылық* «нрав» слогаобразующим элементом в обоих слогах выступает звук [ы], причем в первом слоге [ы] стоит непосредственно за [к], во втором перед ним. Нарастание какого-либо аффикса с начальным гласным приводит уже к потере артикуляционно-слуховой окраски звука [ы]: *қылзқы* «его нрав», где во втором слоге мы имеем звук [ъ], а не [ы].

Тем не менее есть в характеристике гласного звука [ы] и такие моменты, которые позволяют считать его самостоятельной фонемой. Главные из них:

1) звук [ы], имея чрезвычайно широкое словарное распространение, может употребляться в любой позиции слова, как в корне, так и в аффиксах словообразования и словоизменения: *ғылай* «косой», *қырқ* «сорок», *хыйал* «мечта», *қыр* «истреблять», *айақы* «его нога», *йатқы* «матка» (*й а т-* «лежать»), *а: дыңыз* «ваше имя», *алың* «берите»;

2) этот звук имеет краткую и долгую разновидности, выступающие в качестве смыслоразличителей, как и в туркменском языке⁵: *қыз* «горячиться», *қы: з* «девушка», *қыр* «истреблять», *қы: р* «возвышенность», *ығ* «боль», *ы: ғ//ы: қ* «течение» и др. Кроме того, в огузских говорах употребляются долгие гласные в корневых словах, не имеющие фонематического значения: *қы: н* «ножны», *йақы: н* «близкий», *мы: х/мыйх* «гвоздь», *сы: х* «вертел», тогда как звук [ъ] не имеет такой особенности, т. е. не имеет долгой разновидности.

Признавая самостоятельными фонемами [и] и [ы] в сингармонистических говорах, мы учитываем прежде всего признаки мягкости и твердости, обусловленные главным образом

⁴ Ср. суждения академика Л. В. Щербы относительно звука [ы] в русском языке: Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку, М., 1957, стр. 177—179.

⁵ Н. К. Дмитриев. Долгие гласные в туркменском языке, Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, 1, Фонетика, М., 1955, стр. 184.

характером окружающих согласных фонем. Звук [ɤ] в современном узбекском литературном языке так же, как и в опорных говорах, не является самостоятельной фонемой, а лишь вариантом переднего [и], однако в изучаемых говорах сплошь и рядом [ɤ] твердо держится только в таких корнях и аффиксах, где имеются задние или глубокозаднеязычные согласные [к], [г], [х], [н], в остальных случаях этот звук (в зависимости от качества других гласных) очень часто носит нейтральный характер, как это наблюдается в языке письменных памятников⁶: *йѳл* / *йѳл* «год», *бѳч* / *бѳч* «резать», *пѳш* / *пѳш* «вариться», *мѳң* / *мѳң* «тысяча» и др.

Учитывая вышеуказанные особенности, мы считаем возможным рассматривать звук [ы] в качестве десятой гласной фонемы в огузском наречии.

В связи с общей тенденцией «смягчения» твердых основ в огузском наречии, все более и более увеличивается количество «ломанных» слов, которые все сильнее оказывают разрушительное действие на фонетическую структуру тюркского корня и таким образом подготавливает почву для дальнейшего ослабления, казалось бы, незыблемой и стройной системы палатальной гармонии. Именно такой долгий и сложный внутриязыковой путь прошли опорные говоры узбекского языка, начало которого мы наблюдаем в огузском наречии Хорезма.

Узкие огубленные гласные. Фонема [y] — гласный звук переднего ряда верхнего подъема. Употребление этой фонемы в обоих наречиях ограничено только первым слогом слова. Реализация этого звука во втором слоге связана его соседством с губными согласными [м], [в]. Эта фонема отсутствует в литературном языке так же, как и в опорных говорах узбекского языка. Этот звук в огузских говорах передний и «мягкий». При произнесении [y] губы округляются и заметно выпячиваются. В огузских говорах эта фонема напоминает немецкое краткое [ü] в слове *fünf*: *үч* «три», *үчѳн* «для», *гүн* «день», *үн* «голос», *йүң* «шерсть», *сүңәк* «кость», *чүрәк* «хлеб», *сүрь* «куча», *түй* «волос», *сүлйән* «фазан». В кипчакских говорах фонема [y] по сравнению с огузской несколько отодвинута назад, «передний с задним уклоном», несколько открытый; при произнесении этого звука губы чуть округлены, но без выпячивания.

Фонема [y] в огузских говорах — обычный общетюркский гласный звук заднего ряда верхнего подъема. По сравнению

⁶ A. von Gabain (А. Габэн). *Alttürkische grammatik*, Leipzig, 1950, S. 45.

с фонемой [y] этот звук более открытый, при произнесении [y] губы округлены и слегка выпячиваются, но менее напряжены, чем при [ʏ]. В закрытых слогах этот звук обычно устойчив и мало подвергается влиянию окружающих согласных: *ут-* «выигрывать», *йут-* «глотать», *дур-* «стоять», *тур-* «вставать», *мун* «нос», *ур-* «бить», *тут-* «держать», *қум* «песок», дул «вдова». В открытых слогах этот звук становится менее напряженным, губная работа заметно ослабляется. В такой позиции звук [y] в зависимости от окружающих согласных претерпевает различные изменения как по линии редукции, так и в смысле палатализации: *вурна* «вон туда» (< у йа : на), в быстрой речи обычно *ва : на*, *бузна-ба : на* «сюда» (< бу йа : на), *дурадъ* «он будет стоять», *ура* «яма», *учар* «летающий», *қулақ* «ухо», *улақ* «козленок», *сувар* «поливать», *ушақ* «мелкий», *ухы* «сон». В этих примерах звук [y] менее устойчив и производит слуховое впечатление промежуточного звука между [y] и [ʏ], однако главный признак в нем все же [y], а не [ʏ]. Смягчение заднего [y] отмечено в сложных словах, состоящих из указательного местоимения + имя = наречие: *буйын* «сегодня», *шуйын* «в этот день», *шүнчалль* «так, таким образом», но *шунчақлъ* с тем же значением, *быйъл* «в этом году», *бе : р* «здесь», «это место», *ше : р* то же; в Ханкинском районе отмечены формы *бе : да*, *ше : да* «здесь», но *ва : да* «там».

В кипчакских говорах звук [y] по месту и способу образования ничем собственно не отличается от аналогичного звука в огузском наречии, однако этот звук как в открытых, так и в закрытых слогах менее напряженный, чем в огузском наречии, при произношении губы чуть округлены, но без выпячивания. Видимо, по этой причине в кипчакских говорах этот звук менее устойчив и легко заменяется, особенно в открытых слогах, звуком [ʏ]: *пътақ* «ветка», *џлақ* «козленок», *џйаққа* «туда», *бџйаққа* «сюда». Неустойчивость [y] проявляется иногда и в закрытых слогах между глухими согласными: *път//пут* «нога». В кипчакском наречии некоторые соседние согласные (особенно [в] и [м]), следующие непосредственно за [y], способствуют сохранению качества этого гласного звука: *қув-* «гнать», *қум* «песок», *сувар-* «поливать». В открытых слогах [y] менее напряженный: *қумурсқа* «муравей», *қуман* «посуда для воды», *қуван-* «радоваться». Это явление сохраняет свою силу и в двусложных и многосложных словах с конечными [в] (в отглагольных именах): *алув* «взятие», *қалув* «отставание» — и [м]: *тухум* «семена», *қурум* «копать», *тулум* «кожаный мешок».

Для заимствованных слов в этом отношении трудно установить какое-либо определенное правило. В первом слоге эти-

мологическое [у-ү] дает в огузских говорах то [ɯ], то [o-ə] и, наоборот, в других случаях сохраняется даже во втором слоге слова.

В арабских заимствованиях сочетания «*ya*» и «*uxa*» дают на почве огузского наречия долгое [э]: *мэ : ммат* (Мухаммад), *мэ : ббат* «любовь», *мэ : ррам* «мухаррам» — название месяца, *мэ : мла* «обращение».

Во втором слоге заимствованных слов наблюдается у > ь, ү > ь: *ма : лэм* «известный», *та : жэп* «удивление», *ма : мэт* «Махмуд» — имя собств., но *ма : кул* «приемлемый», *межбур* «вынужденный». Должно быть отмечено, что вышеуказанное правило, т. е. у > ь, ү > ь, распространяется и на значительное количество общетюркских и таджикских слов: *маймэл* «обезьяна», *мэрат* «желание», *сэннай* «флейта», *дэйяк* «копыто» (кипч. *тэйяк*), *бэрмак* «град», *мэнжык* «бусы» (кипч. *мэнчак*); *мысак* «женская верхняя одежда», *дэйя* «верблюд», *сылгы* «полотенце», *былбыл* «соловей», *тылкы* «лиса» и т. д.

Сочетание «уху» «уҳ» дает долгое [ө]: *мө : м* «необходимый», *мө : лат* «срок», *тө : мат* «клевета», *сө : бат* «беседа», *шө : рат* «слава».

Этимологическое [у] после придыхательного [х] дает краткое [ө]: *хөрмат* «уважение», *хөссыйн* «Хусаин» — имя собств., *хөкым* «приговор», *хөкымат* «правительство» и т. д.

Полуширокие гласные. Из полушироких гласных мы имеем в обоих наречиях [е], [ə], [o].

Фонема [е] — полуузкий с уклоном в сторону узкого [и-ь] и полуширокий с уклоном в сторону широкого [ə] и [ө]. В зависимости от характера соседних согласных и от открытости и закрытости слога эта фонема в огузских говорах постоянно варьирует между [и], [е] и [э-ө].

Гласная фонема [е] в огузских говорах порою занимает нейтральную позицию в отношении сингармонизма, выступая часто и в твердых основах. Кроме того, диапазон распространения [е] по сравнению с литературным языком и кипчакскими говорами несравненно узок. Словарное распределение этого звука ограничивается несколькими десятками слов и то лишь в соседстве с согласными ч, ш, л, р, ж, й: *бел* «поясница», *чел* «межа», *сел* «поток», *ел* «народ», *йеддь* «семь», *йер* «земля», *беш* «пять», *геч* «поздно». Отсюда можно сделать вывод, что в прошлом огузским говорам была чужда фонема [е], возникла она первоначально как позиционный вариант фонемы [ə], затем постепенно развивалась в самостоятельную фонему. Подтверждают эту мысль материалы из письменных памятников (например, словари Махмуда Кашгарского и Ибн Муханны).

Утверждение академика В. Радлова относительно позднего происхождения фонемы [e], развившейся в тюркских языках из [ə], несомненно, имеет веские основания⁷. По этой причине, видимо, эта фонема, во-первых, не имеет заднего варианта, выступая часто в нейтральной позиции, и, во-вторых, несравненно меньше распространена в огузском наречии, чем остальные гласные, которые противопоставлены по линии твердости и мягкости. Первоначально возникнув как позиционный вариант фонемы [ə-ε], этот звук, по всей вероятности, постепенно расширял круг своего применения преимущественно в первом слове благодаря общему процессу развития дифференциации значений слов. Наблюдение над словарным распространением этой фонемы в огузском наречии позволяет нащупать нити все еще продолжающегося процесса этого развития: *ет* «делать», *ет* «мясо» (ет «мясо» — Х-асп 14), *ел* «рука», *ел* «народ», *сел* «чуть», *сел* «поток», *ем* «сосать», *ем* «прививка», *тер* «свежий», *тер* «собирать», *ек* «сеять», *ек* «вести», *ерьк* «урюк», *ерьк* «воля», *ейар* «если», *ейар* «седло», *ер* «муж», *ер* «мужественный» и мн. др.

Наличие значительного количества иноязычного лексического элемента, безусловно, способствовало усилению дифференцирующей роли этой фонемы. Если сюда прибавить чрезвычайно активное воздействие вышеуказанных согласных (особенно [й]), то становится ясным факт употребления этой фонемы не только в первом слове, но и в последующих слогах и даже в аффиксах: *йок-е!* «да нет же!», *алгей сәнә!* «пусть возьмет» (Ург. 1), *урадей* «как яма», *ачълмей дурънтъ* «не открывается» (Хнк. 1). Этот процесс не только нейтрализует слоги и все более увеличивает количества «ломанных» слов, но и приводит ко все более частому нарушению стройной системы нёбной гармонии. Сравним примеры из огузского наречия: *йеңна*- «собирать», *йегла*- «плакать», *чеғыр*- «звать», *йерқанат* «летучая мышь», *чейқа*- «полоскать», *вейран* «разрушение», *ейран* «айран», *сейрә*- «петь» (о птицах), *дерйа*/ *дерйа* «река», *пейда* «польза и мн. др.

В кипчакских говорах фонема [e] более открыта, чем в огузских говорах. В громадном большинстве случаев огузское [ε] в кипчакских говорах соответствует звуку [e], стало быть круг применения фонемы [e] в последних несравненно шире. Этот звук встречается только в первом слове слова, как и в огузском наречии, но его сужение под влиянием соседних согласных происходит гораздо реже, чем в огузском наречии.

Изменение [e] (этимологическое [ə]) в сторону сужения

⁷ В. Радлов. О языке куманов, СПб., 1885, стр. 25.

(е > и) под влиянием соседних [й] (> г) — общее явление в кипчакской группе тюркских языков: *тй̣-* «касаться» (ист. *тэг*), *тй̣* «низ» (ист. *тэг*), *ий̣-* «гнуть» (ист. *эг*), *ий̣ар* «седло» (ист. *эгар*), *бй̣* «бек» (ист. *бэг*), *ий̣н* «плечо» (ист. *эгн*), *ий̣а* «хозяин» (ист. *эгә*), *ий̣ыр-* «прясть» (ист. *эгир-*), *ий̣рь* «кривой» (ист. *эгри*) и мн. др. Однако звук [ә] в составе аффикса сравнения (*тәг*), имея сингармонические варианты в форме *тай̣//тәй̣*, *дай̣//дәй̣*, сохранился, изменение в сторону е > и наблюдается на близких или смежных с огузскими говорами территориях. Эти изменения произошли в результате историко-фонетической эволюции и должны рассматриваться отдельно от изменений, происходящих уже на наших глазах и фиксируемых путем простого наблюдения или экспериментального исследования.

В тех же кипчакских говорах слово *де-* «говорить» имеет в составе гласную фонему [е], но стоит нам присоединить к корню аффикс с начальным [й], сразу изменится качество этого гласного в сторону сужения [и-ь]: *дй̣д̣ь* «он говорит», но *дй̣д̣ь* «он сказал», *дй̣д̣атьр* «он сейчас говорит», *дй̣д̣жақ* «он будет говорить»; то же самое происходит и с гласным в составе аффикса отрицания *май̣//мәй̣*: *көр-мй̣д̣ь* «он не видит», *алм̣д̣ь* «он не берет». В первом лице ед. числа в указанной позиции гласный [и] выпадает вовсе, особенно в огузских говорах: *гәлмән* «я не приду», *алмман* «я не возьму».

Фонема [ә] в огузских говорах — звук переднего ряда среднего подъема, огубленный. При произнесении этого звука губы округлены и заметно выпячиваются. Употребление фонемы [ә] ограничено только первым слогом слова. Как в открытых, так и закрытых слогах она устойчива, изменения качества этого звука в окружении любых согласных не зафиксировано: *өр-* «плести», *өй* «дом», *көшәк* «верблюжонок», *көп̣р* «мост», *көп̣чн* «пружина», *көп* «много», *дөк-* «лить», *дөшәк* «матрац», *жөжәк* «милый», *бөвәк* «ребенок», *бөвәт* «преграда», «дамба», *сөллә-* «говорить», *чөрәк* «лепешка», *чөплә-* «собирать», *хөлкәч* «горб верблюда», *хөккь* «горбун» и т. д.

В кипчакских говорах эта фонема несколько открыта, отодвинута назад, при произношении [е] губная работа значительно ослаблена; этот звук здесь встречается также только в первом слоге слова. В абсолютном начале слова [ә], особенно в джекающих говорах кипчакского наречия, дифтонгизируется, чего нет в огузском наречии (дифтонг — восходящий, неслоговой элемент — губно-губное [в] или очень узкое [ү]: *үәт* «желчь»).

Фонема [о] ничем не отличается от общетюркского заднего полуширокого [о]. Этот звук в кипчакских говорах более ото-

двинут назад, чем в огузском наречии, что особенно заметно в соседстве с глубокозаднеязычными согласными [к], [ғ], [х]. Употребление этой фонемы также ограничено первым слогом слова: она устойчива, не подвержена влиянию соседних согласных: *қол* «рука», *бол-* «быть», *йол* «дорога», *от* «трава», *қош* «пара», *бош* «слабый», «пустой», *жорап* «носки», *доқ* «сытый», *доққыз* «девять», *орта* «середина», *тоғай* «лес», *доңғыз* «свинья», *оңдай* «удобный», *орам* «улица», «квартал», *тор* «сетка» и др.

В абсолютном начале слова в кипчакских говорах [о] так же, как и фонема [ə], дифтонгизируется (дифтонг восходящий).

Передние широкие гласные. Из передних широких мы имеем два звука [ə] и [ɛ], являющиеся разновидностями одной и той же фонемы [ä], передаваемой в транскрипции знаками [ə] и [ɛ]

В огузских говорах сосуществуют оба варианта. Звук [ɛ] употребителен в первом слове вместо полуширокого [ə] литературного языка и кипчакских говоров. Характерной особенностью этого звука является то, что он более открыт, чем полуузкий гласный [ə], но по отношению к широкому [ə] носит несколько закрытый характер. При произношении звука [ɛ] средняя часть языка поднята, как для очень широкого, например, для русского [э] в слове «это», нижняя челюсть заметно опущена, губы несколько растянуты, иногда нейтральны. Условно можно назвать этот звук краткой разновидностью туркменского долгого [ɛ], например, в слове *бе:ш* «пять»⁸ *мэн* «я», *сен* «ты», *сеп-* «брызгать», *кеп-* «сушиться», *кэс-* «резать», *ел* «рука», *еп* «умение», *елэк* «сито», *еңыл-* «сгибаться», *гэл-* «приходить», *бер-* «давать», *мез* «железа», *деп-* «пинать», *эк-* «сеять», *емгэк* «труд». Однако этот звук в открытом первом слове заметно теряет свою особенность, и в быстрой речи трудно на слух уловить разницу между широким [ə] и полушироким [ɛ]. В последующих слогах, включая и последний открытый слог, звук [ɛ] отсутствует, в физиологическом и акустическом отношениях ничем не обнаруживает себя, везде совпадая с широким [ə].

В кипчакских говорах фонема [ə] в первом слове слова имеет несравненно меньшее распространение, чем в огузском наречии. В тех экающих говорах, выделенных нами в особую

⁸ А. П. Поцелуевский. Фонетика туркменского языка, стр. 29; Он же. Диалекты туркменского языка, Ашхабад. 1936, стр. 32; К. К. Юдахин. Ўзбек ва уйғур халқлари тилларидаги ақинлик, стр. 32.

группу кипчакского наречия, звук [э] в первом слове совпадает с обычным широким гласным [э]⁹.

Задние широкие гласные. Фонема [а] — очень задний широкий неогубленный звук. По своей артикуляционной и слуховой характеристике этот звук собственно ничем не отличается от общетюркского заднего широкого [а].

В изучаемых говорах эта фонема в первом слове слова в подавляющем большинстве случаев соответствует заднему широкому слегка лабиализованному [ɔ], в меньшей степени — переднему широкому [э] литературного произношения: лит. *эқ* „белый“, *эт* „лошадь“, *эс* „вешать“, *жэй* „место“, *бэш* „голова“, *сэч* „волосы“, *тэй* „жеребенок“, *қал* „оставаться“, *бэл* „мед“, *эй* „месяц“, *хэн* „хлеб“; в изучаемых говорах: *ақ*, *ат*, *ас*-, *жай*, *баш*, *сач*, *тай*, *қал*-. *бэл*, *ай*, *нан*. Примеры на а>э: *қара*-(лит. произношение *қара* „смотреть“), *сана-са-на* „считать“, *йара-йэрэ* „рана“, *йапрақ-йэпрэқ* „лист“, *йаңа-йэңи* „новый“, *қурваққа-қурвақэ* и т. д. В последующих слогах замещение по линии а>э или а>ɔ главным образом зависит от открытости и закрытости слога, а также от характера соседних согласных звуков (ср. лит. *япроқ-йэпроқ*, в говорах *йапрақ*), лит. *ота* (произносится *этэ*) и *ата* „отец“¹⁰.

В кипчакских говорах Хорезма фонема [а] несколько отодвинута назад и во всех позициях, за немногими исключениями, сохраняет свое качество заднего широкого гласного. В огузских говорах фонема [а] носит характер гласного задне-среднего ряда и напоминает русский звук в слове «сан». Оставаясь в основном в рамках заднего широкого нелабиализованного гласного, эта фонема в зависимости от соседних согласных подвергается различным изменениям: палатализируется по линии а>э>е; суживается по линии а>е>ы-ь; лабиализируется по линии а>о>у, а>ɔ. В последнем случае, кроме того, происходит и значительное сужение полости рта.

Звук [ɔ], являющийся самостоятельной фонемой в ведущих говорах городского типа, легших в основу литературного языка, в огузском наречии выступает в качестве позиционного варианта фонемы [а]. Здесь этот звук имеет несравненно меньшее распространение и встречается исключительно в первом слове слова в близком соседстве с согласными [в], [м], реже с [п], [б]: *эв* „охота“, *йэв* „враг“, *ғэв* „преграда“, *эппар*-, „увес-

⁹ К. К. Юдахин. Некоторые особенности..., стр. 32; Е. Д. Поливанов. Фонетическая система говора кишлака Икан, Известия АН СССР, сер. VII, Л., 1929, стр. 526.

¹⁰ А. К. Боровков. Вопросы классификации узбекских говоров, стр. 69—70; В. В. Решетов. Узбекский язык, стр. 201 и след.

ти», *домчъ* «капля» и др. Причем, в первом открытом слоге звук [ɔ] выявляется менее рельефно, чем в закрытых слогах.

Е. Д. Поливанов в свое время высказал мысль, что сокращение количества фонематически противопоставляемых звуков в результате конвергенции и утраты в связи с этим сингармонизма, а также возникновение заднерядного лабиализованного [ɔ] на базе общетюрского нелабиализованного заднего [a] произошли благодаря внешним факторам. Он имел в виду перенесение таджикского вокализма в узбекский язык¹¹. Объяснение такого крупного фонетического явления, как утрата сингармонизма, только внешними факторами, без учета внутриязыковых изменений, не было в достаточной степени обосновано и не получило общего признания¹².

Возникновение оканья ставить в прямую зависимость от процесса конвергенции, видимо, нельзя, ибо материалы других узбекских говоров, например, казак-найманского¹³ так же, как и узбекских говоров ангренской долины¹⁴, противоречат этому. В указанных узбекских говорах при наличии сингармонизма, преимущественно в первом слоге слова, отмечено появление [ɔ]. Причем, как отмечают исследователи, оканье появилось на почве общетюрского заднего [a] в определенных фонетических условиях. А. К. Боровков по этому поводу писал: «При всех условиях с физиологической стороны движение $a > ɔ$ может быть осуществлено округлением губ или продвижением назад языкового тела; в обоих случаях образуются акустически близкие гласные типа гласного [ɔ]. В узбекских говорах этому движению $a > ɔ$ способствовали главным образом следующие условия: а) очень глубокая артикуляция заднеязычного [a] в абсолютном начале слова; б) лабиализирующее влияние губно-губного согласного [w]; очень задняя артикуляция глубокозаднеязычных согласных [k] и [ŋ], что оказывало свое влияние на предшествующий этим согласным гласный [a]. Именно в этих условиях прежде всего мы находим наиболее последовательный и устойчивый характер явления

¹¹ Е. Д. Поливанов. Звуковой состав ташкентского диалекта, стр. 17—18.

¹² А. К. Боровков. Вопросы классификации узбекских говоров, стр. 69; В. В. Решетов. Узбекский язык, стр. 201.

¹³ Е. Д. Поливанов. Образцы не-иранизованных (сингармонистических) говоров узбекского языка, Известия АН СССР, сер. VII, 1931, стр. 93.

¹⁴ В. В. Решетов. Классификация узбекских говоров ангренской долины, Бюллетень АН УзССР, 1942, стр. 24.

а>э в ташкентском, например, говоре¹⁵. О позиционной обусловленности оканья писал и В. В. Решетов в ряде своих работ¹⁶.

Наблюдение в течение ряда лет над огузскими говорами Хорезма подтверждает, что и здесь появилось оканье. Правда, этот процесс находится еще в зачаточном состоянии, и лабиализованное [ɔ], появившееся преимущественно в первом слоге слова, еще не нагружено смысловозначительными функциями, но что этот звук уже оторвался от «родной почвы» и этимологическое заднее [a] в определенных фонетических условиях дает рефлекс [ɔ], нет никаких сомнений¹⁷.

Материалы огузского наречия подтверждают мысль о позиционной обусловленности оканья; появление фонемы [ɔ] в опорных говорах городского типа и широкое ее распространение явились, как сказано выше, не результатом влияния внешнего фактора, а следствием, как справедливо указывает проф. А. К. Боровков, в первую очередь внутриязыкового процесса, заключающегося в природе самого очень заднего [a]. Очень задний характер этого гласного в акающих говорах легко улавливается при сопоставлении с задним [a], например, в русском языке, в словах «там» и кипч. там «крыша», так и кипч. тақ «непарный».

Движение а>э в огузских говорах Хорезма наблюдается преимущественно в первом слоге слова и в непосредственном соседстве губно-губного [в], реже [м]; выявление [ɔ] в соседстве с губными [п] и [б] еще реже. Что касается позиции в соседстве с [к], [ғ], [х], переход этимологического заднего [a] в лабиализованное [ɔ] не зафиксирован. Это и понятно, ибо указанные согласные по своим артикуляционно-слуховым признакам стоят ближе к туркменским согласным заднего ряда, чем к ташкентским и кипчакским глубокозаднеязычным [к], [ғ], [х].

Особенно рельефно выступает эканье в огузском наречии в следующих фонетических позициях:

а) закрытый первый слог с конечным губно-губным [в]; эв «охота», йэв «враг», қэвла- «гнать», ғэв «преграда», йэвлык «правнук»; явное оканье отмечено и в позиции, где в результате стяжения двусложного нэ бу «что это?» с главным ударением на первом слоге, образовалась форма нэвэ или нэвчэ? «почему?» (>нэ үчүн);

б) закрытый первый слог с начальным [в]: вэх междоме-

¹⁵ А. К. Боровков. По поводу теории «иранизации» ..., стр. 84.

¹⁶ В. В. Решетов. Узбекский язык, стр. 206.

¹⁷ Ф. А. Абдуллаев. К вопросу об оканье в узбекском языке, Сб. «Материалы по узбекской диалектологии», 1, Ташкент, 1957, стр. 263.

тие восхищения, *взх* „время“, *взфлама* „постный суп“, *всг* „во!“;

в) открытый первый слог с начальным [в] не дает такого эффекта, который наблюдается в первом закрытом слоге, но и в этой позиции заднее [а] стоит гораздо ближе к ташкентскому [ɔ], чем к нелабиализованному [а];

г) второй закрытый слог с начальным и конечным [в] в основном дает тот же рефлекс, что и в пункте «в». Однако во втором закрытом слоге отмечено в некоторых примерах огубление [а] с дальнейшим сужением полости рта, т. е. о||ə: *пало:*||*палов* «плов», *дъмо:*||*дъмов* «насморк», *қачо:*||*қачов* „стамеска“, *қыро:* || *қыров* „иней“;

д) второй открытый слог с начальным [в] без исключения дает обычное заднее [а]: *арва* «арба», *алва* «халва», *хава* «да, конечно», *йа:ва* «вилы», *та:ва* «сковородка» и т. д. (ср. *хо:ва* «воздух»).

Интересно отметить, что в заимствованиях из арабского языка с этимологическим средним [а] в первом слоге с конечным [в] наблюдается замещение [а] губным [о] или [ə]: *ə:льйа* «кладбище» (ар. *أوليا* «святой»), *дə:лат* «богатство», *ə:лад* «потомки», *о:қат* «пища», но в двухсложных словах с начальным [в] второго слога звук [а] первого слога также огубляется: Хив. *тоуқ* «курица», *соуқ* «холод», *қоуқ* «мочевой пузырь», *қоун* «дыня»; Ург. *тууқ*, *сууқ*, *қууқ*, *қуун* и т. д.

В фонетическом окружении губно-губным [м] эканье выступает менее отчетливо:

а) в первом слоге с конечным [м]: *хэм* „сырой“, *дэмчъ* „капля“, *қэмчъ* „плеть“, *зэмча* „сорт дыни“, *сэмса* „пирожки“, *ғэм* „печаль“, *дэмла* „учитель“, *ғэмла* „сделать запас“;

б) в первом закрытом слоге с начальным [м]: *мэл* „имущество“, *мэхта-* „хвалить“, *мэғзава* „нудный“, *мэрт* „март“;

в) в первом открытом слоге с начальным [м] то же, что и в пункте „б“: *мэ:* *ма* „имя собств.“, *мэқал* „поговорка“, *мэшэн* „машина“.

Движение а>ɔ в соседстве с [п] и [б] почти то же, что и в окружении [м]:

а) в первом закрытом слоге с конечным [п]: *эппар-* „унести“, *йэп* „река“, *тэп-* „находить“, *лэп* „ложь“, *сэп* „чистый“, *чэп-* „бежать“;

б) в первом закрытом слоге с начальным [б]: *бэр* „идти“, *бэғ* „сад“, *бэл* „мед“, *бэ:* „есть“, *бэ:дэ* „наверное, есть“, *бэ:на* «предлог».

Должно быть отмечено, что по мере приближения к концу слова в двухсложных и трехсложных словах эканье постепенно спадает по линии ɔ>а>а. Кроме того, звук [ɔ] в указанных

позициях выявляется как факультативный вариант заднего нелабиализованного [a]. И последнее, что особенно важно, ограниченность диапазона звучания и словарного распределения этого звука делает его выявление менее заметным и трудно уловимым для непривычного слуха. Необходимость выяснения природы эканья в узбекском языке требует усиления исследовательской работы по изучению живых народных говоров. Интересные результаты могли бы дать и экспериментально-лабораторные исследования системы вокализма современного узбекского языка в целом. Тем более, что исследователями отмечается наличие аналогичного звука в некоторых тюркских языках, например, в татарском и башкирском¹⁸.

Долгие гласные. Замечательной особенностью огузского наречия является сохранение в нем первичных или древних долгот. Здесь большинство долгих гласных имеет фонологическое значение и в количественном отношении противопоставлено соответствующим гласным обычной долготы, т. е. кратким гласным. Из указанных выше десяти гласных фонем обычной длительности фонема [ъ] (заднярядная узкая) не имеет своей долгой пары, а фонемы [э] и [ү] имеют, однако их удлинение не имеет фонологического значения. Таким образом, в огузском наречии система гласных фонем, в основном совпадающая по числу качественно различных звукопредставлений с системой гласных кипчакского наречия, отличается от последней как качественной характеристикой отдельных гласных фонем, так и особенно наличием противопоставляемых пар звуков по линии длительности и краткости гласных, в результате чего количество самостоятельных фонем в огузском наречии увеличивается почти вдвое, т. е. доходит до 17 самостоятельных гласных фонем.

Фонема [и:] по количеству почти вдвое превышает длительность соответствующего гласного обычной долготы, т. е. [и]¹⁹. Долгое [и:] — очень узкий, почти закрытый гласный звук. Он всегда устойчив, встречается в основном в первом слоге слова, увеличение длительности во втором слоге обычно не имеет фонологического значения. Употребление долгого [и:] в аффиксах не зафиксировано: *и:ш* «работа», *ди:з* «колено», *дьз* «нанизывать», *и:ч* «нутро», *ич* «пить», *ки:р* «белье», *кър*

¹⁸ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание, стр. 38; Он же. Этюды по тюркскому и татарскому языкознанию, Казань, 1933, стр. 22—23; Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, М., 1948, стр. 7—9.

¹⁹ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание, стр. 92; У. Ш. Байчура. Звуковой строй татарского языка, стр. 89.

«грязь», *и:н* «гнездо», *ин* «спускаться». Кроме указанных случаев употребление долгого [и:] в роли смыслоразличите-

Классификация гласных звуков огузского наречия

По способу образования / По месту образования		Передне-рядные		Передне-средне-рядные		Средне-задне-рядные		Задне-рядные	
		неогубленные	огубленные	неогубленные	огубленные	неогубленные	огубленные	неогубленные	огубленные
Узкие		и (ь)*	ү			ы			у
средние	полуузкие	е						ь	
	полуширокие	(ё)	ө						о
Широкие		э						а	(э)

Классификация гласных звуков кипчакского наречия

По способу образования / По месту образования		Передне-рядные		Передне-средне-рядные		Средне-задне-рядные		Задне-рядные	
		неогубленные	огубленные	неогубленные	огубленные	неогубленные	огубленные	неогубленные	огубленные
Узкие		(и)		ь	у				у
средние	полуузкие	е						ь	
	полуширокие				ө				о
Широкие		э						а	

*В скобки взяты знаки, обозначающие варианты фонем.

ля), имеется ряд примеров, когда долгое [и:], выступая также в первом, реже во втором, слоге и совпадая по длительности, не имеет фонологического значения, а служит, как думается,

для укрепления первого открытого слога²⁰: *ди:рѣ* «живой», *и:рѣ* «крупный», *ди:в* «куст», «основание растения» (лит. *туп*), а в таких словах, как *ди:ш* «зуб», *и:з* «след», *и:с* «запах» происхождение долгого гласного [и] не совсем ясно²¹. Ср. еще: *гѣли:н* «невестка», *ѣки:з* «близнецы», *тѣки:з* «ровный», *и:вѣ* «мокрый» и др.

Фонема [ы:] — долгая пара средненебного узкого [ы]. Словарное распределение фонемы [ы:] ограничено. При произношении долгого [ы:] возникает впечатление, по меткой характеристике академика К. К. Юдакина, что «гласный в словах *қы:з* и *қы:н* воспринимался моим ухом как скольжение от [ы] к [и], причем едва заметное [ы] переходило в совершенно отчетливое и длительное [и]»²². Примеры: *қы:з* «девушка», *қы:з* «горячиться», *ы:ғ* «течение», *ығ* «боль», *қы:р* «возвышенность», *қыр* «истреблять», *сы:х* «вертел», *сых||сық* «сжимать». В ряде примеров противопоставление по значению отсутствует: *қы:н* «ножны», *йақы:н* «близкий».

Фонема [у:] противопоставлена соответствующему краткому узкому звуку [у]. Фонема [у:] — напряженный звук, при произношении его заметно суживается полость рта: *бу:з* «разрушать», *бу:з* «лед», *уч-* «летать», *у:ч* «конец», «вершина», *муш* «кулак», *му:ш* «угол», *ду:з* «равнина», *ду:з* «соль», *тут-* «держать», *ту:т* «тутовое дерево». Кроме того, имеется еще ряд примеров, где противопоставление краткого и долгого гласного по значению не обнаруживается: *у:н* «мука», *қу:рѣ* «сухой», *қу:жақ* «объятие», *бу:дақ* «ветка», *ду:дақ* «губы», *ду:тар* «музыкальный инструмент», *у:нық* «крошки», *су:сақ* «шумовка», *су:р* «лучший сорт каракулевой смушки» и др. В последних примерах обращает внимание удлинение гласного [у] исключительно в открытом слоге.

Фонема [ү:] — долгая пара соответствующего краткого узкого [ү]. Долгий звук [ү:] не нагружен смысловыми функциями, а выступает как вариант фонемы [ү]. Словарное распространение ее также ограничено: *ду:ш* «сон», *сү:жѣ* «сладкий», *гү:ч* «сила», *чү:рѣк* «гнилой», *гү:з* «осень», *дү:зѣй* «убранство».

Фонема [е:] — долгая пара соответствующего краткого полужужного звука [е]. Распространение долгого [е] как смысловозначителя очень ограничено: *гечѣ* «поздно», *ге:жѣ* «ночь», *ер* «молодец», *е:р* «рано», *еш-* «скручивать», *е:ш* «друг»,

²⁰ Ф. А. Абдуллаев. Чўзиқ унлиларнинг табииати тўғрисида, журн. «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари», 3, 1959, стр. 27—33.

²¹ Там же.

²² К. К. Юдакин. Некоторые особенности..., стр. 33, сноска 2.

йеш- «снимать», *йе:ш* *кьм* «никто» (<хеч ким), *без* «бесстыдный», *бе:з* «бязь».

Фонема [ə:] противопоставлена соответствующему переднему краткому [ə]: *əт*- «проходить», *əт* «желчь», *əр*- «плести», *əр* «упрямый», *гəр*- «видеть», *гəр* «могила», *əч*- «потухать», *əч* «мечь», *сəк*- «ругать», *сəк* «просто», *гəч*- «переселяться», *гəч* «имущество».

Фонема [o:]— долгая пара заднего полуширокого [o] обычной долготы: *от* «трава», *о:т* «огонь», *қой*- «оставлять», *қо:й* «овца», *ой*- «долбить», *о:й* «думы», *қош*- «прибавлять», *қо:ш* «двойной» и др. Кроме того, имеется ряд примеров, где наличие долгого [o:] не вызвано необходимостью смыслового различения слов: *о:дън* «дрова», *до:лъ* «полный», *о:жақ* «очаг», *жо:ра* «друг», «товарищ», *чо:зън||шо:зън* «длинный», «высокий» и т. д.

Фонема [a:]— самый глубокий и самый широкий из всех представленных в обоих наречиях гласных звуков. Являясь долгой разновидностью соответствующего краткого широкого [a], эта фонема встречается преимущественно в первом слоге слова, выполняя функцию смыслоразличения. Кроме того, из всех долгих гласных наиболее хорошо представлена именно эта фонема не только в смысле широкого ее применения, но и в плане наиболее заметного выявления и полного звучания: *ат* «лошадь», *а:т||а:д* «имя», *қаш* «бровь», *қа:ш* «вставка» (в украшениях), *аш*- «переваливать», *а:ш* «пища», *даш*- «переполняться», *да:ш* «камень», *йат*- «лежать», *йа:т* «чужой», *йан*- «гореть», *йа:н* «бок», *сан* «ляжка», *са:н* «число», *йағ*- «идти дождю», *йа:ғ* «масло», *сач*- «сыпать», «сеять», *са:ч* «волосы», *ала* «пестрый», *а:ла* «неочищенный рис», *ара* «середина», *а:ра* «прихорашивание», *ағ*- «крениться», *а:ғ* «рыболовная сеть», *дар* «узкий», *да:р* «виселица», *йаз*- «расстилать», *йа:з* «лето», *йар*- «колоть» (дрова), *йа:р* «друг», «возлюбленный», *қар*- «смешивать», *қа:р* «снег» и мн. др. Кроме приведенных случаев употребления долгого [a:], отмечены факты употребления [a:] в первом слоге большого количества слов, но уже в иной функции, видимо, тоже связанной в той или иной степени со смысловой стороной слова.

Заканчивая краткое описание долгих гласных в огузском наречии, считаем необходимым заметить следующее:

1) разница между кратким и долгим гласным довольно ощутима на слух и отметить ее не составляет особых затруднений даже в быстрой речи, что подтверждается материалами туркменского языка;

2) долгота гласных в огузских говорах имеет фонологи-

ческое значение. Однако это положение распространяется лишь на гласные и, ы, у, е, ө, о, а, но не на ә, ү. Степень словарного распространения долгих гласных различна: широкие и полуширокие гласные (за исключением {ә}) имеют большее применение, чем узкие;

3) кроме вышеуказанных долгот со смысловозначительными функциями, в огузском наречии отмечено наличие удлинений, особенно широкого [а] и полуширокого [о], которые, как нам кажется, служат для укрепления первого открытого слога. Теоретически каждый открытый первый слог с этими гласными — долгий, причем, такого рода долгота с точки зрения полноты выявления менее заметна, чем вышеуказанный тип. Например, в словах *дағ* «гора», *бағ* «сад» мы имеем гласный обычной долготы, но стоит нам прибавить к этому слову аффикс, начинающийся с гласного, сразу можем заметить значительное увеличение длительности гласного первого слога, оставшегося открытым: *ба:ғы* «его сад», *ба:ға* «в сад», *да:ғында* «на его горе» и т. д. Наличие позиционных долгот вполне убедительно продемонстрировано путем экспериментального анализа туркменских гласных в книге доктора филологических наук У. Ш. Байчура²³.

О генезисе долгих гласных. Вопрос о генезисе первичных долгот стоял и продолжает стоять в центре внимания как отечественных, так и зарубежных ученых-тюркологов. О. Бетлинк, В. Радлов, Ф. Е. Корш, В. Гронбек, К. Фой, Х. Педерсен, Ю. Немец, А. П. Поцелуевский, В. А. Богородицкий, Е. Д. Поливанов, Н. К. Дмитриев, И. А. Батманов, Э. В. Севортян и другие в своих грамматических трудах или в специальных исследованиях по фонетике тюркских языков в той или иной мере освещали этот вопрос и высказали различные суждения относительно происхождения этого интересного явления. Дело в том, что до сих пор не удается установить определенную закономерность словарного распределения долгих гласных в тех языках, в которых зафиксировано их наличие. С другой стороны, словарное распределение долгих гласных в различных тюркских языках сплошь и рядом не совпадает. В огузских говорах узбекского языка долгота гласных отмечена преимущественно в первом слоге слова, а в соседнем туркменском языке удлинение гласных имеет место даже в аффиксах словообразования. В североузбекских (огузских) говорах это явление отмечено в аффиксах слово-

²³ У. Ш. Байчура. Указ. соч., стр. 93—94.

изменения. Как бы то ни было, вопрос о генезисе долгих гласных до сих пор остается невыясненным²⁴.

В словаре Махмуда Кашгарского долгота гласного звука [a] передается на письме двойным элифом: *aat* اا «имя», *aac* ااج «голодный» и т. д.²⁵ Ибн Муханна вслед за предполагаемым долгим гласным употребляет звонкий согласный: *a:ḍ* ا:ḍ «имя»²⁶. В памятниках орхонско-енисейской письменности долгота гласных также дифференцирована орфографически²⁷. В последующие периоды развития тюркских языков долгота гласных, к сожалению, так же как и многие фонетические черты, не нашла своего отражения в памятниках, писанных арабским шрифтом.

Долгие гласные обычно делятся на два принципиально различных типа: первичные или древние долготы и вторичные или заместительные долготы. Вторичные долготы образовались, как известно, в результате выпадения согласных звуков в определенных фонетических условиях.

Первичные долготы имеются в основном в якутском и туркменском языках, в меньшей степени в киргизском и тувинском. Известно также наличие такого рода гласных и в некоторых узбекских говорах — в огузском наречии Хорезма и в говорах селений Икан, Ибата, Карабулак Южно-Казахстанской области²⁸.

Долгие гласные в якутском и туркменском языках, как отмечают специалисты, имеются не только в основах, но и в грамматических элементах. Туркм. *гөк* «синий», *гөкрәк* «сине-ее», *гарры* «старый», *гаррыра:к* «стареет», *ет* «делать». *едйә:р* «он делает», *кө:чә* «улица», *кө:чә:м* «моя улица», *бер*

²⁴ W. Radloff. *Phonetik der nordlichen Türksprachen*, Leipzig, 1882, стр. 72—83; Julius Németh. *Die langen vokalen im Jakutischen*, Keleti szemle, XV, Budapest, 1914/15, стр. 150; Ф. Е. Корш. Слово «балдак» и долгота гласных в турецких языках, «Живая старина», вып. II, III, 1909, СПб., стр. 158; Е. Д. Поливанов. К вопросу о долгих гласных в общетюркском праязыке, ДАН, 1927, 7, стр. 151—153; И. А. Батманов. Фонетическая система..., стр. 40; Н. К. Дмитриев. Долгие гласные в якутском языке, стр. 195; Э. В. Севортян. Материалы по сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского языков, стр. 50; Ф. Г. Исхаков. Долгие гласные в тюркских языках, стр. 160; А. Бишев. Первичные долгие гласные в тюркских языках, Уфа, 1963 и др.

²⁵ Махмуд Кошгарий. Девону лугатит-турк, I, Ташкент, 1960, стр. 107.

²⁶ П. М. Мелиоранский. Араб филолог..., стр. 35.

²⁷ Ф. Г. Исхаков. Долгие гласные в тюркских языках, Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, стр. 160.

²⁸ Е. Д. Поливанов. Материалы по грамматике узбекского языка, стр. 25; К. К. Юдахин. Некоторые особенности ..., стр. 32; В. В. Решетов. Узбекский язык, стр. 153.

«давать», *берма:га* «чтобы дать», *ата* «отец», *ата:ны* «отца»; *як. түс* «падай», *түхээри* «чтобы упасть», *олор* «садись», *оло-роору* «чтобы сесть», *барар* «уходящий», *барардыы* «подобно уходящему» и т. д.²⁹

В огузских говорах Хорезма распространение долгих гласных значительно ограничено. В грамматических формах долгота отсутствует. Кроме того, долгие гласные размещены в основном в первом слоге слова, исключение составляет небольшое количество слов с долгими гласными во втором слоге: *эки:з* «близнецы», *тэки:з* «ровный», *хами:р* «тесто», *ха:ди:м* «стольник», *қади:м* «древний», *узи:н* «длинный» и т. д.

Выше было отмечено, что не все долгие гласные нагружены смысловыми функциями. Наиболее широкое распространение в этом отношении имеет заднее широкое [а], а переднее узкое [ү], широкое [э] и заднее узкое [ь] не имеют фонологического значения. Остальные долгие разновидности фонем у, о, ө, и, ы имеют фонологическое значение, однако они в этом отношении сравнительно ограничены.

Должно быть отмечено одно существенное обстоятельство: долгота гласных в громадном большинстве случаев наблюдается в именных основах, в глагольных долготы гласных — редкое явление. В случае образования глагола от именных основ с долгими гласными, длительность гласного заметно уменьшается, порою приравниваясь к гласным обыкновенной долготы: *ку:жақ* «объятие», *қужақла-* «обнимать».

Анализ фактического материала огузских говоров и сопоставление его с примерами из других тюркских языков убеждают нас в том, что противопоставление гласных по признаку долготы и краткости возникло главным образом в силу необходимости дифференциации значений слов и грамматических форм. Кроме того, тенденция к сохранению и укреплению корневого вокализма, к сохранению созданного типа, на наш взгляд, во многом зависела от полнозвучия гласного первого слога. Таким образом, в возникновении долгих гласных намечается не одна а несколько причин. Причем для укрепления первого слога используются, кроме удлинения гласного, различные фонетические факторы, которые взаимно связаны между собою и взаимообусловлены: побочное ударение, удвоение согласного на стыке первого и второго слогов, вставка согласных и др.

²⁹ Н. К. Дмитриев. Долгие гласные в якутском языке, стр. 195; История изучения вопроса о долгих гласных в тюркских языках и литература предмета даны в специальной работе башкирского ученого А. Биешева «Первичные долгие гласные в тюркских языках», Уфа, 1963.

В огузском наречии намечаются следующие типы долгих гласных.

1. Имя существительное с кратким гласным (ат «лошадь») противопоставлено имени с долгим гласным (а:т «имя»): *сан* «ляжка», *са:н* «число», *қаш* «бровь», *қа:ш* «подставка», *ара* «середина», *а:ра* «прихорашивание», *тар* «вешалка», *та:р* «струны музыкального инструмента», *бут* «нога», *бу:т* «идол», *муш* «кулак», *му:ш* «угол», *от* «трава», *о:т* «огонь», *маш* «котенок», *ма:ш* маш, *дуз* «равнина», *ду:з* «соль», *ой* «низменность», *о:й* «думы», *сап* «конец», *са:п* «ручка», *кър* «грязь» *ки:р* «белье и мн. др.

2. Глагольная основа с кратким гласным (өт- «проходить») противопоставлена имени с долгим гласным (ө:т «желчь»); этот тип представлен наибольшим количеством примеров: *ал-* «братъ», *а:л* «красный», *дал-* «утомляться», *да:л* «ива», *ағ-* «крениться», *а:ғ* «рыболовная сеть», *йар-* «колоть», «разбивать», *йа:р* «друг», *тут-* «держать», *ту:т* «тутовое дерево», *сай-* «дубасить», *са:й* «сай», *йаз-* «расстилать», *йа:з* «лето», *қыз-* «горячиться», *қы:з* «дочь», *йан-* «гореть», *йа:н* «бок», *қан-* «насытиться», *қа:н* «кровь», *гөр-* «видеть», *гө:р* «могила» и мн. др.

3. Прилагательное с кратким гласным противопоставлено имени с долгим гласным: *гөк* «синий», *гө:к* «небо», *қара* «черный», *қа:ра* «силует», *ала* «пегий», *а:ла* «неочищенный рис», *ақ* «белый», *а:қ* «бельмо», *сары||са:ръ* «желтый», *са:ръ* «желтуха», *қызъл* «красный», *қы:зъл* «полуочищенная пшеница» и др.;

4. Односложное прилагательное (реже существительное) с кратким гласным противопоставлено наречию с долгим гласным: *тез* «вспыльчивый», *те:з* «быстро», *аз* «малый», *а:з* «немного», «мало», *саз* «хороший», «исправный», *са:з* «хорошо», «доботно», *геч* «вечер», *ге:ч* «поздно», *динч* «тихий», «покой», *ти:нч* «тихо», «спокойно».

Вторая причина противопоставления долгих и кратких гласных, на наш взгляд, связана с тенденцией укрепления первого слога слова, преимущественного носителя семантики.

По нашему мнению, удвоение согласных (геминация) возникло также по причине необходимости укрепить первый слог, оградить его от опасности «фонетической порчи». Эта тенденция проявляет себя особенно тогда, когда в двусложных словах оба слога остаются открытыми: *ики-икки*, *йэти-йэтти*, *эли-элли* и т. д. В кипчакских говорах: *аччъ*, *чүччъ*, *қаттъ*, *уллъ*, *кычъ*, *сассъ*. В этих примерах в огузском наречии мы имеем в первом слоге долгий гласный,

реже удвоенные согласные: *каттѣ, кѣчѣ*, но *а:жѣ, сү:жѣ, са:сѣ* и т. д. Эти факты в известной мере проливают свет на природу геминации.

В этом нас поддерживают и примеры из чувашского языка, где согласный внутри слова при наращении аффикса удваивается: *саса* «голос», *сассам* «мой голос» и т. д. Примерно такое же явление наблюдается и в огузском наречии: *гөз* «глаз», *гөззәм* «мой глаз», *баш* «голова», *башшѣ* «его голова» и т. д.

Удлинение гласных корня наблюдается в тех случаях, когда гласный односложного слова с конечным согласным принимает аффикс с начальным гласным: *бағ* «сад», *ба:ға* «саду», *ба:ғы* «его сад», *уч* «кончик», *у:жѣ* «его конец» и т. д. В глагольных формах удлинение гласного менее заметно. В связи с этим нужно отметить чрезвычайно любопытный факт. В словах типа *оғыл* «сын», *ортн* «место» в первом открытом слоге гласный звук [о] долгий, но с наращением аффикса принадлежности гласный заметно сокращается в длительности: *оннѣм* «мое место», *оғлың* «твой сын», что также подтверждает наше предположение.

Природа третьего типа долготы не совсем ясна. В словах типа *дү:ш* «сон», *ди:ш* «зуб», *и:з* «след» и т. д. собственно отсутствует противопоставление по признаку долготы и краткости гласных, т. е. нет в огузском наречии слов с краткими гласными *дүш, дыш, ыз* и т. д. По нашему мнению, в первых двух примерах долгота гласных возникла по следующей причине: озвончение начальных согласных [т] и [к] для огузского наречия является системой. Для того, чтобы сохранить эту систему, скажем, в слове *ди:ш*, необходимо наличие устойчивого слогаобразующего гласного, в противном случае редукция узкого [и] привела бы к оглушению начального согласного [д]: *дыш||тыш*, т. е. к разрушению созданного типа.

По этой причине, видимо, возникла долгота гласного [и]. Причем наличие долгого [и] не только способствует сохранению звонкого [д] в начале слова, но и конечного [з] в словах типа *и:з* «след», *ди:з* «коленная чашечка», что наблюдается даже в двусложных словах *теки:з* «ровный», *еки:з* «близнецы». В случае оглушения конечного [з] в слове *и:з* по звучанию это слово совпало бы с *ис* «запах». Сравните еще примеры: *ди:т-ди:т* (лит. тит-тит-) в сочетании с ет- «разрывать на куски», *гү:ч* «сила», *гү:з* «осень», *ди:к* «вертикально» (ср. *тык-«шить»*) и т. д.

В заимствованных словах причина появления долгих гласных более или менее ясна. Теоретически каждый открытый первый слог долгий: *а:дам* «человек», *а:лѣм* «ученый», *а:дѣл* «справедливый», *ха:кѣм* «правитель», *са:да* «про-

стой» (лит. *содда*), а : шық «влюбленный» и т. д. Но в тюркских словах это правило часто нарушается: ата «отец», бала «ребенок», ачар «ключ», ашақ «низ»; но су : сақ «ковш», ка : зан «котел», со : қы «ступка», са : зан «сазан».

Долгота гласных в словах типа ка : мъл, ка : тъл «секретарь», ка : са «большая чашка» и т. д. несколько необычна. Между согласными в этих примерах и следующим гласным как бы вставляется беглый [й], а гласный звук [а] приобретает оттенок долготы: кйа : тъл, кйа : мъл, кйа : съл, кйа : са и т. д. Другими словами, в этих примерах первый слог открытый, поэтому долгий, а появление беглого [й] обеспечивает сохранение качества начального согласного как среднеязычного «мягкого» звука, о чем мы подробно скажем в следующих разделах работы. Не исключено, что появление долгого гласного в указанных примерах объясняется, кроме вышеизложенных причин, еще и в силу необходимости сохранения качества согласного [к]. По крайней мере, в кипчакских говорах в этих примерах [к] нормальный средне-заднерядный согласный звук, и гласный здесь произносится с обычной длительностью.

Долгие гласные вторичного образования. Долгие гласные вторичного образования, или факультативные долготы, тоже следует считать «позиционными», так как они возникают в результате стяжения определенных звуковых групп, в состав которых входят различные комбинации гласных и согласных. Этот вопрос наибольшее освещение получил в работах по киргизскому³⁰, гагаузскому³¹ и некоторым другим тюркским языкам³².

Долгота гласных вторичной формации возникает в огузском наречии в результате выпадения какого-либо согласного, преимущественно й, г, ғ, н и реже р, л; а в заимствованных из арабского и таджикского языков словах — в результате выпадения айна (ع) и [х]. В таких случаях удлинение гласных происходит за счет выпадения одного из вышеуказанных согласных. Указанные согласные, в том числе айн [ع] и [х], оказавшись в интервокальном положении, выпадают, в результате чего слившиеся два однотипных или разнотипных гласных образуют долготу. Устранение пустоты путем вставки согласного между гласными, как это имеет место, например в ташкентском диалекте, в огузских говорах не наблюдается. Ср.

³⁰ И. А. Батманов. Фонетическая система ..., стр. 32—48.

³¹ Н. К. Дмитриев. Долгие гласные в гагаузском языке, Исследование по сравнительной грамматике тюркских языков, 1, 1955, стр. 303—307.

³² Ф. Г. Исхаков. Долгие гласные в тюркских языках, там же, стр. 160—174.

ташк. : *сәғат* «часы» (ар. *ساعة*), *пәғъл*, (ар. *فعل*) «нрав»,
инағым «имя собств.» (ар. *انعام*).

Факультативные долготы можно разделить на следующие типы:

- 1 тип—гл. + й = долгий гласный звук;
- 2 тип—гл. + ҕ = долгий гласный звук;
- 3 тип—гл. + в = долгий гласный звук;
- 4 тип—гл. + г-ғ = долгий гласный звук;
- 5 тип—гл. + айн [ع] = долгий гласный звук;
- 6 тип—гл. + н = долгий гласный звук.

Возникновение долгот в результате слияния двух однотипных или разнотипных гласных при выпадении одного из вышеуказанных согласных звуков будет рассматриваться в связи с описанием каждого типа в отдельности.

1. Гл. + й = долгий звук.

а) ү-у + й-г: *дү: ньк* «дымоход», *дү: нәк* «сорт дыни»,
у: хы «сон», *дү: мә* «пуговка», *сү: кә* «тереть»;

б) ө + й: *әө: нәк* «рубаша», *бө: рәк* «печенка», *ө: лән* «жениться»;

в) ә-е + й: *бе: рәм* «праздник», *ме: дан* «площадь», *е: ран* «напиток из кислого молока», *пе: да* «польза» (ар. *نہال*).

Выпадение интервокального [й] и слияние двух гласных дает обычно дифтонгообразный долгий звук типа [ий]: *иййт* «парень».

2. Гл. + ҕ = долгий гласный звук.

а) а-э + ҕ: *зә: мәт* «труд», *ә: мәт* «имя собств.», *рә: мәт* «благодарность», *қа: р* «гнев», *шә: р* «город», *зә: р* «яд»;

б) и + ҕ: *ме: рьван* «заботливый», *ме: нәт* «труд», *мә: -ман* «гость» *ме: р* «любовь», *де: хан* «крестьянин»;

в) у-ү + ҕ: *тө: мәт* «клевета», *мө: ләт* «срок», *сө: бәт* «беседа», *шө: рәт* «слава», *тө: пә* «подарок», *кө: нә* «старый», «ветхий»;

г) слияние однотипных или разнотипных гласных при выпадении [ҕ]: *мә: ббәт* «любовь», *мәммәт* «имя собств.», *мә: -ррәм* «название месяца», *ә: к* «известь», *мә: л* «время», *ба: на* «предлог» *мә: ллә* «квартал», *нә: л* «саженец» (из *فائة*):

3. Гл + в = долгий гласный звук.

а) а-э + в: =ө: *нө: бәт* «очередь», *дө: ләт* «государство», *сө: ләт* «осанка», *ө: лад* «потомки», *ө: льйа* «кладбище», *сө: -дәйәр* «купец», «спекулянт», *шө: лә* «рисовая каша», *кө: зә* «лопатка»;

б) а + в = о: *со: ғат* «подарок», *чо: лық* «правнук», *о: қат* «пища», *со: чь* «сват», *то: лан* «переливаться», *но: қан* «ко-

кон», «шелковичные черви», *ро : шан* «ясный», *то : қ* «крест», *йо : ган* «постный суп», *со : да* «торговля»;

в) слияние двух гласных при выпадении [в] обычно дает дифтонгообразный тип звука *тәуп* || *туйп*, *тоуқ* || *тууқ*.

4. Гл. + ғ = долгий гласный звук.

а) *о-у + ғ = о : -у*: *до : ра* = «крошить», *до : ръ* «правильно», *о : ръ* «вор», *у : ра* = «отправляться», *до : ған* «родственник», *чу : да || жу : да* «верблюжий пух», *бу : ра* «порода верблюда»;

б) аффиксальный звук [ғ] в положении между гласными выпадает, а слившиеся гласные образуют долготу: *пахта*: «хлопку», *бала*: «ребенку», *барма : н* «не ходивший», *ойна : н* «игравший».

Должно быть отмечено, что этот тип долготы характерен для ургенчского и хивинского говоров, в остальных районах южного Хорезма обычно элемент [ғ] ослабляется, однако предыдущий гласный заметно удлиняется: *до : ғръ*.

5. Гл. + айн[ع] = долгий гласный звук.

а) *а-ә + айн = а : -ә*: *тә : нә* «упрек», *йа : нъй* «то есть», *мә : рәкә* «компания», *мә : нь* «смысл», *та : лъм* «обучение», *ма : лъм* «известный», *на : л* «подкова», *нә : ләт* «проклятие» (ар. لعنة)

б) *гл. + айн = е*: *ме : дә* «зоб», *пе : л* «нрав», *е : лан* «объявление», *е : тьбар* «внимание»;

в) слияние однотипных или разнотипных гласных при выпадении согласного звука айн (ع) обычно дает долгий гласный звук типа [ә:] или [а:] : *ма : лақ* «подвешанный», *ма : лъм* «учитель», *ма : ръп* «просвещение», *мә : млә* «обращение», *сә : дәт* — имя собственное, *сә : т* «часы», *та : м* «пища».

6. Гл. + н = долгий носовой гласный звук.

а) *ма : лай* «лоб», *та : лай* «нёбо», *му : лъ* «печальный», *а : ла-* «понимать», «сваливать», *а : сат* «легкий»;

б) носовой звук [н] в интервокальном положении выпадает, но слившиеся гласные образуют долготу и произносятся с оттенком назализации: *ма*: «мне», *са*: «тебе», *да : чақлъ* «до утра» и т. д.

Дифтонги. Обычно принято считать дифтонгом такое сочетание гласных, один из которых не является слоговым. Дифтонг то же самое, что и долгий гласный звук, однако в отличие от долгого дифтонг состоит из двух качественно различных гласных, причем, в одном случае обычно узкий неслоговой элемент предшествует основному слоговому (восходящий диф-

тонг), в другом случае неслоговой элемент следует за основным слоговым гласным (нисходящий дифтонг). Неслоговым элементом могут выступать в обоих случаях не только узкие гласные, но и полугласные звуки типа [в] и [й].

При выделении дифтонга необходимо учитывать следующее:

1) один из элементов дифтонга обязательно должен быть неслоговым, будь это гласный или полугласный звук;

2) звуко сочетания типа *ав, ай, ув, ой, уй, өй* и т. д. не могут считаться дифтонгами потому, что вторые элементы являются самостоятельными звуками и непосредственно участвуют в образовании слога, при афигировании они могут выделяться и выступать органическим звеном другого, следующего слога: *уй- у-йь ав- а-вьнда* и т. д.;

3) дифтонг — своеобразный долгий звук, и потому в любых условиях при артикуляции его органы произношения не остаются в одном и том же положении, как при долгих гласных, а меняются то в сторону сужения, то в сторону расширения;

4. дифтонги по своему происхождению носят двоякий характер. Один тип дифтонгов — это такое двугласие, которое возникло в определенный исторический период развития языка и происхождение которого пока еще окончательно не выяснено. Сюда следует отнести тип восходящих дифтонгов, имеющий широкое распространение в кипчакской группе тюркских языков. Наличие или отсутствие дифтонгов такого типа служило одним из главных признаков при классификации узбекских говоров Хорезма³³.

В огузских говорах такого рода дифтонги отсутствуют. В них обнаруживаются дифтонги, носящие скорее полифтонгический характер. Они возникли в результате различных фонетических комбинаций звуков, в первую очередь в силу ослабления и выпадения полугласных [й] и [в], реже звонких согласных [г], [ғ], оказавшихся в интервокальном положении. Выпадение этих согласных приводит к элизии, т. е. стечению двух гласных, слитному произношению их и сокращению количества слогов. Причем, во время произношения, например, нисходящего дифтонга второй элемент, теряя свою окраску при сильном сужении органов произношения, начинает акустически походить на согласные [в] или [й]. С этой точки зрения некоторые долгие гласные типа туркменского [ы:] часто

³³ Е. Д. Поливанов. Материалы ..., стр. 28, 30; Он же. Говор жишлака Кыят-Кунгат ..., стр. 7.

приобретают дифтонгический даже полифтонгический характер³⁴.

В кипчакском наречии большое распространение имеют восходящие дифтонги, причем, дифтонгизируются полуузкий [e] и полуширокое [o], [ə]. Дифтонгизация [e] характеризуется «вставлением» перед гласным звуком узкого беглого [и] или [й], перед [o] появляется [у], перед [ə] беглый [ү]. Примеры: *йекь* «два», *йелль* «пятьдесят», *йенә* «мать», *йен* «ширина», *йес* «память», *йертә* «рано», *йеп* «умение», *йет* «делать», «мясо», *йем* «сосать»; *үөз* «сам», *үөт* «проходить», «желчь», *үөр* «упрямый», *үочч* «месть», *үөпкә* «легкие», *үөрдәк* «утка», *үөс* «расти», *уот* «травя», «огонь», *уон* «десять», *уөлм* «смерть», *уой* «яма», *уо||во* «он», *убал* «грех», *уор* «косить», *уоз* «перегонять» и многие др.

Нисходящие дифтонги в кипчакских говорах собственно отсутствуют, исключение составляют лишь два слова: *ийт* «собака», *бийт* «вошь». Причина удлинения слогового [и] в этих примерах не совсем ясна.

Так называемые «позиционные» дифтонги распространены в огузских говорах Хорезма. Восходящие дифтонги такого типа зарегистрированы в незначительных примерах и встречаются обычно в сложных наречиях типа местоимение + имя; в таких случаях начальный гласный [й] или [в], [х] второго компонента выпадают и путем слияния двух гласных образуется восходящий дифтонг (обычно узкий + широкий или полуширокий гласный): *буона* (<бу йа : на) «сюда», *Уэ : на* (<у йа : на), *увах* «тогда», *уах* «тогда», *буам* (<бу хам) «это тоже», *уам* «он тоже» (<у хам); *үөр* (<у ер) «там», *шүер* «здесь», *нйе : рдә* «где?» (<нә йердә) и т. д.

Звукосочетания типа г + с + г обычно дает нисходящий дифтонг: и + г + и = ий: *нийрьк* «каркас», *тийр* «обод» (<тьгьр), *зийрьк* «крестец» (<зьгьрьк), *дийржәк* «колесо» (<дьгьр-жәк), *бийз* «шило», *кийз* «войлок», *тийн* «копейка», *иййт* «пирень», *чийт* «семена хлопка»;

ө + в + ү = өү: *көүш* «туфли» (<кафш), *сөүнч* «радость», *төүп* «лекарь», о + в + у = оу: *тоуқ* «курица», *соуқ* «холод», *қоуқ* «мочевой пузырь», *оуз* «молозиво», *қоун* «дыня», *қоурдақ* «жаркое», *ғоуш* «зеленый стебель джугары», *оулдърық* «икра», *қоуз* «водоем», *оуш* «жалеть». Хивинскому оу в ургенчском говоре соответствует обычно уу||уу³⁵: *тууқ*, *сууқ*, *қууқ*, *қуун*, *уулдърық*, *қуурдақ*, *ғууш*, *хууз*, *ууш* и т. д. Го-

³⁴ А. Поцелуевский. Фонетика ..., стр. 30.

³⁵ В этих примерах этимологическое аб||ав и әб||әв под влиянием губно-губного согласного приобрело характер долгого огубленного гласного, затем этот долгий звук, слившись с последующим гласным, превратился в нисходящий дифтонг.

раздо меньшее распространение имеют дифтонги типа э+й+и=ий: *рийс* «председатель», *сийр* «прогулка» (ар. سیر) *сийл* «гуляние».

Звукосочетания типа гл.+в, й, х, г, ғ, н обычно дают соответствующий долгий гласный, о чем речь шла выше.

ИЗМЕНЕНИЕ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Палатализация. Изменение задних широких гласных как по линии смягчения, так и в сторону сужения в огузских говорах, на наш взгляд, связано с общим процессом ослабления закона палатальной гармонии и вообще смягчения тюркского корня, как это убедительно доказывается фактами узбекских говоров городского типа.

Изменение широкого заднего гласного по линии а > э > е > и происходит преимущественно перед согласным [й], в меньшей степени — после него; причем кипчакскому [а] в огузских говорах иногда соответствует один из мягких гласных: кипч. *чайқа-*, ог. *чейқа-* «поласкать» (лит. *чайқа*). Х-асп., Хнк. *йағна-*, Хив., Ург. *йеңна-*, кипч. *жыйна-* «собирать» (лит. *йиф-*); кипч. *сайён*, ог. *сэйён* / *сейён*, Х-асп. *сайён*, каз. *сайын*, ташк. *сэйён* «по мере»; кипч. *сайра-*, туркм. *сайра-*, ташк. *сэйрэ-*, ог. *сейрэ-* / *се : рэ-* «щебетать»; кипч. *йай* / *жай-*, ташк. *йэй-*, туркм. *йай-*, башк. *йэй-*, ог. *йэй* / *йей-* «стлать», кипч. *байрам*, туркм. *байрам*, ог. *бейрэм* / *бе : рэм* «праздник». Вообще изменение по линии а > э > е в обоих изучаемых наречиях носит более или менее регулярный характер. Ср. еще примеры: *йанч-йенч-* «растоптать», *айът-хейът* «праздник», *шайтан-ше : тан* «дьявол», *майдан-мейдан* «площадь», *хайван-ейван* «терраса», *айран-ейран* / *е : ран* «айран»; соответственно [э-е]: *йәнә-йенә* (Х-асп. 12 хьнә) «опять», *айша* / *эйшә* / *ейшә* «имя собств.», *кәйп-кейп* «удовольствие», *йәңгә-йеңңә* «жена брата» и т. д. Однако такого типа изменения возводить в степень фонетического закона нельзя, потому что имеется ряд случаев, когда широкий гласный [а] в соседстве с [й] остается в огузском наречии в целом без изменения: *йахш* «хороший», *йаман* «плохой», *йал* «грива», *йаш* «молодой», «возраст», *айт* «сказать» (ср. ташк. *ет* «сказать»), *ай* «луна», *тай* «жеребенок», *бай* «богач» и т. д. В этих примерах, за исключением количественного расхождения в открытых слогах между обоими наречиями, звук [а] артикулируется одинаково в задней части языка.

Палатализацию заднего [а] в ферганских говорах узбекского языка также нужно объяснить влиянием согласного [й]: ош. *эйәк*, лит. *эйәк*, ташк. *эйәғ*, ог. *айақ* «нога»; ош. *йәстәқ*, ташк. *йәстәқ*, кипч. *йастәқ* «подушка», ош. *йәрдәм*, ташк.

йардам, кипч. ог. *йардам* «помощь»: ош. *чайшәп* «простыня», *чайнак* «чайник»; *пыйәлә*, *пәдә* «пешком», *әйнәг* «очки»³⁶.

Сужение этимологического [ә] под влиянием некоторых согласных наблюдается и в кипчакских говорах Хорезма. Разница заключается лишь в том, что здесь огузскому ә/е соответствует узкое [и] (ә > е > и) в соседстве с [й], [г], [ң]: ог. *әйһн*, кипч. *ийһн*, ташк. *егһн* «плечо»; *әйә*, кипч. *ийә*, ташк. *егә* «хозяин»; ог. *әйһр-*, кипч. *ийһр-*, ташк. *йигһр-* «прясть»; ог. *ейәр*, кипч. *ийәр*, ташк. *егәр* «седло»; ог. *мейһн*, кипч. *мьйә*, ташк. *мьййә* «мозг»; ог. *әңһл*, кипч. *ийһл*, ташк. *егһл*, «сгибаться»; ог. *әңәк*, кипч. *ийәк*, лит. *ияк* «челюсть»; ог. *әйрһ*, кипч. *ийрһ*, ташк. *егрһ/ейрһ* «кривой» и т. д.

Влияние согласного [й] распространяется соответственно и на вокализм аффиксов: кипч. *барғай*, Ург. *барғый*, Хнк. *барғей* «пусть он пойдет»; кипч. *бергәй*, Ург. *бәргый*, Хнк. *бәргей* «пусть он даст». Во всех говорах *барма* «не ходи», но *бармәйдә* «он не пойдет», Хнк. *бармей*; кипч. *урадай*, Ург. *урадәйн*, Хнк. *урадей* «как яма»; кипч. *келгәнчә*, ог. *гәли:нчә* «до его прихода»; *дә* «говори», *дейән* «говоривший», *дәйәтәр* «он говорит», *дәйжәк* «он будет говорить»; *гәл* «приди», *гейән* «пришедший», *гәйәтәр* «он идет сюда»; *йе* «кушай», *йейән* «кушавший», *йәйәтәр* «он кушает», *йәймән* «скушаю»; ог. *и:шлә* «работай», *и:шльйдә* «он работает», *и:шльйжәк* «он будет работать» и т. д.

В определенной категории слов наблюдается и влияние шипящих ч, ж, ш и некоторых других согласных (л, р) на качество широких гласных: кипч. *мәчът*; ог. *мечът* «мечеть»; кипч. *мәчһн*, ог. *мечһн* «год обезьяны»; но кипч. *чәрчһ*, ог. *черчһ* «торговец мелкими товарами»; кипч. *гәччһ*, ог. *геччһ* «козел», кипч. *мәжбүр*, ог. *межбүр* «вынужденный», кипч. *тәжрибә*, ог. *тежри:бә* «опыт»; лит. *чақир-*, Гурл. *чағәр-*, Х-асп. *чеғыр-*, Ург. *қычәр-* «звать»; лит. *черт-*, кипч. *черт-*, ог. *чьрт-* «шелкать», «играть на музыкальном инструменте»; кипч. *пәшшә*, ог. *пешшә* «муха». Примеров на влияние [р] и [л] немного: кипч. *чәрһм*, ог. *черһм* «кожа»; кипч. *зәрһп*, ог. *зерһп* «имя собств.» (лит. *Зариф*); кипч. *кәрһм*, ог. *керһм* «имя собств.»; кипч. *дәрйә*, ог. *дерйә* «река»; кипч. *дәрчә*, ог. *делчә* «маленькая дверь — окошко»; ог. *әртәң* «завтра», но *е:р* «рано»; кипч. *бәлә*, ог. *беда* «беда»; кипч. *қаралъ*, ог. *қарель* «чернослив». Сравните еще примеры, общие для всей территории Хорезма: *шерһп*, *мәшәрһп*, *шерпә*, лит. *Шариф*, *Машариф*, *Шарифа* и т. д.

³⁶ И. Фарманов. Узбек тилининг Уш шеvasи, канд. дисс., 1960, стр. 77.

Явление $a > \tilde{a} > e$ многократно отмечалось специалистами для различных диалектов турецкого языка³⁷. В трабесундском диалекте, например, отмечено повсеместное смягчение конечного твердого [a] в аффиксах: *баштӓн айа'а дӓк канӓ булашты; чӓкилди ханлӓр, капанды капылӓр*³⁸. Для константинопольского диалекта также отмечено употребление переднего [e] в твердых основах после [й]: *йукарӓе, арайе, касабее* «селу», *шурее* «сюда» (Бергштрассер, 11). В текстах проф. Джафароглу также отмечается в различных диалектах турецкого языка изменение заднего [a]: *бахче, галем* «карандаш», *серан* «гуляние» (Safaroglu, Anadolu, 158);

Смягчение гласного [a] в твердых основах весьма распространённое явление в азербайджанских диалектах³⁹. Для табризского диалекта отмечены: *гейтмах* „возвращаться“, *гейр, гейри, гейрет* (ар. غير, غير، خير). Наиболее характерные примеры даёт губинский диалект азербайджанского языка: *геймаг, чӓрдаг, тӓбаг, ӓйаг, ӓхшам* и т. д.⁴⁰; для муганской группы говоров: *ӓйаг, ӓнжаг, ӓйаз, гӓмиш, шӓлвӓр, хӓрӓб, Бӓки* и т. д.⁴¹.

Приведённые примеры, особенно из азербайджанских диалектов, с точки зрения палатализации заднего [a] в основном повторяют материалы огузского наречия узбекского языка.

Как известно, академик В. Радлов по поводу издания ценнейшего памятника XIV в. «Codex comanicus» написал специальную работу, посвящённую разбору его языковых особенностей⁴². В этой работе он большое внимание уделяет вопросу исторического развития гласной фонемы [ӓ]. В. Радлов писал: «В уйгурском в «Кутадгу-билике» [ӓ] также является везде там, где имеется этот звук в куманском наречии. Это ясно видно из словаря Вамбери. Орфография сельджукских стихов не менее ясно указывает на то, что и сельджуки в XIV в. в коренных словах употребляли [ӓ], как куманы, т. е. звук [ӓ] в корнях и суффиксах одинаково употребляется во всех древнейших памятниках; во всех среднеазиатских, степных, южных наречиях, до сих пор это [ӓ] сохранило свой дав-

³⁷ Н. К. Дмитриев. Материалы по османской диалектологии, Фонетика «карамалицкого» языка, ЗКВ, III, вып. 2, Л., 1928, стр. 436 и след.

³⁸ В. Писарев. Несколько слов о трабесундском диалекте, СПб, 1901, стр. 3.

³⁹ М. Ширӓлиев. Азербайжан диалектологийӓсинин ӓсаслари, Баки, 1962, стр. 50.

⁴⁰ Р. Рустамов. Губа диалекти, Баки, 1961, стр. 23.

⁴¹ Азербайжан дилинин муган групу шивӓлӓри, Баки, 1955, стр. 25.

⁴² В. Радлов. О языке куманов (по поводу издания куманского словаря), СПб., 1885.

ний выговор»⁴³. По мнению В. Радлова, переход $a > e > i$ произошел в тюркских языках позже XIV в. Сначала [ä] корня, как он и теперь выговаривается в алтайском, крымском, азербайджанском языках, перешел в [e], произносимый при большем небном сужении, как теперь мы слышим в казахском языке и в абаканских наречиях. Впоследствии небное сужение увеличилось так, что во всех урало-волжских наречиях [e] произносится, как [i], при очень энергичной небной артикуляции⁴⁴.

Наличие междиалектных параллелей, так называемых сингармонистических рядов в изучаемых говорах, также должно быть объяснено тенденцией к смягчению корня: кипч. *йъл*, ог. (Швт. 10) *йъл* «год»; кипч. *сыйхақ*, ог. *сыйхэк* «терка»; кипч. *џџра-*, ог. *ыџра-*, лит. *иџра-* «стонать»; кипч. *саңқъ*, «бродяга», ог. *сәңңъ*; кипч. *кәңшърьк*, ог. *кәңшърьк*, лит. *қаншар* «переносица»; кипч. *пъшъқ*, ог. *пъшьк*; ташк. *мүшү*; ферг. *мъшъқ* «кошка»; ог. *томмық*, кипч. *түмпәк*, лит. *төмпәк* «бугорок»; кипч. *қъчь-*, ог. *гъжь-*, лит. *қъчъ-* «чесать» и т. д.

Несколько труднее объяснить огузско-кипчакское соответствие e/i в слове *бечән//пъчән* «сено», видимо, здесь проявляется тенденция к сохранению звонкости начального согласного — одна из характерных особенностей огузских говоров. Что касается форм *бейък//быйък*, *кейък//кыйък*, *кейин//кыйын* (др. *бәбүк*, *кәдък*, *кәзън*), то нетрудно усмотреть в них закономерное соответствие $\text{э}/\text{е}/\text{и}$, как и в примерах типа *тәг-тейтъй* «под», *әг-ег-ий-* «сгибать» и т. д.

Кроме того, имеется еще ряд примеров, когда древняя твердая основа смягчилась везде, но с аффиксом словообразования твердый гласный сохраняется: ог. и кипч. *пъш-* «созревать», «быть сваренным»; лит. *пъшық* «зрелый», «жженный»; ог. *бъч-*, кипч. *пъч-* «резать», «кроить», но в обоих наречиях *пъчқы//бъчқы* «пила» (ср. ташк. *пъчақ*, башк. *бысак* «нож», *бысқы* «пила»).

Смягчение заднего широкого [a] зафиксировано и в примерах, где один из компонентов сложного целого (преимущественно первый) подвергается действию ассимиляции: Ург. *әпкә-*, X-асп *әбгә-* «приносить (< алъб гәл)», Ург. Хив. *әпкет-*, X-асп *әбгет-* «уносить» (< алъб гет). Смягчение заднего [y]: буйън «сегодня» (< бу гун), бе : р «здесь», ше : р, шуйън «в этот день», иишу «вот это», (< инә шу). Кипчакские формы сложных наречий типа *шуйтъп* «таким образом», *буйтъп* «вот таким способом» и т. д. вряд ли образовались путем стя-

⁴³ В. Радлов. О языке куманов (по поводу издания куманского словаря), стр. 25.

⁴⁴ Там же.

жения сложного *шундай этип*, как полагает проф. Н. А. Баскаков⁴⁵. Нам кажется, здесь первый компонент связан с древней формой указательного местоимения *шул* > *шун* > *шуй*, *бул* > *бун* > *буй*; ср. переход н > й в слове *қандақ*/*қайдақ* в современном уйгурском языке и *қанда*/*қайда* в истории узбекского языка⁴⁶. Таким образом, вышеуказанная кипчакская форма образовалась путем перехода [н] в [й] и выпадения гласного [е] второго компонента. Ср. еще параллельные формы *шунтьп*/*шуйтьп* в джекающих говорах Хорезма; в огузских говорах: *шүндәтб*, *бүндәтб йүрмә* «не ходи в таком виде» (Ург. 1).

В связи с этим следует указать на своеобразное усвоение в говорах некоторых заимствованных слов с начальным [и] в открытом слоге. В литературном языке этимологическое [и] заменено полузакрытым [е]: *бе : ва* «вдова», *девор* «стена» и др. В хивинском говоре полудолгое или долгое [е :] примерно в полтора раза превышает длительность [е] лит. языка, так же как и кипчакского наречия. В ургенчском же говоре этому [е :] соответствует узкое ультрадолгое [и :]: кипч. *бева*, Хив. *бе : вә*, лит. *бева*, Ург. *би : вә* «вдова»; кипч. *мева*, Хив. *ме : вә*, Ург. *ми : вә* «фрукты», соответственно: *шева-ше : вә-ши : вә* «манера», «способ», «говор», *зевәр- зе : вәр- зи : вәр* «имя собств»; лит. *девор* «стена», Хив. *де : вал*, Ург. *ди : вал*, но в селении Беговат того же Ургенчского района зафиксирована форма *дейвал* с тем же значением. Это правило относится и к таким заимствованным словам, которые употребляются с таджикским префиксом «бе»: *бе : ча : ра - би : ча : ра* «бедный», «несчастный», *бе : вәтән - би : вәтән* ист. «безземельный», «бродяга», *бе : пә : м - би : пә : м* «глупый». Вокализм заимствований из арабского и таджикского языков изменился в целом согласно закону палатальной гармонии; смягчился или приобрел характер задней артикуляции. Однако имеется много примеров, когда по какой-либо причине этот закон нарушен, и таким образом появилось значительное количество «ломанных» слов. Эта мысль верна особенно в отношении огузских говоров. В силу несовпадения фонетической структуры источника заимствования с таковой в изучаемых говорах (отсутствие звука [е] во втором слоге, невозможность сочетания двух гласных, напластывания двух согласных в одном слоге, отсутствие некоторых согласных звуков арабского источника) произошло зна-

⁴⁵ Баскаков. Каракалпакский язык, II М., 1952, стр. 290.

⁴⁶ В узбекских говорах отмечены факты н > й даже в аффиксах: *пахтайың* «хлопка», *атайың* «отца» (Карнак-Туркестан); *апамкыйә* «к моей сестре», *да : йәмкыйә* «к моему дяде» (Ургенч — Хива).

чительное изменение вокализма заимствованных слов: ар. 'и:д, ог. *ҳейът*, кипч. *айът* «праздник», ар. *шам*, ог. *шәм* «свеча», ар. 'атр, ог. *атъл* «духи», ар. 'умр; ог. *өмүр* «жизнь», тадж. *лаб*, ог. *леу* «губы», тадж. *кэ:шки*, ог. *кешкэй* «как жаль», «хорошо было бы, если...», ар. *ва:қи'а*, ог. *ва:қа* «существование», ар. *вақт*, ог. *вах* «время», ар. *ла'нат*, ог. *нэ: лэт*, кипч. *нэлэт* «проклятие» и др.

Не менее интересные факты встречаются и в заимствованиях из русского языка и через него из других языков. Причины изменения те же, что и в указанных выше нетюркских словах. В этом отношении расхождения между узбекскими говорами незначительны, ог. *эртъс*, *духтър*, *палаң*, *кэлхас*, *агарат*, *мағазън*, *машън*, *пэбрьк*, *нэльк*, *се:лка:* кипч. *Уоблъс*, *Уордън*, *радъй*, *бэржъ* (<баржа), *зъби:нэ*, *камър* (<камера), *дуктър*, *самавтър*, *кэрэбат*, *завът*, *кыйна*, *пылътънсэ*, *дългэи*, *ьспьскэ*, *үчэскэ*, *пырэвли:нэ*, *гэзът*, *эпырэссэ*, *үнвэрмэк*, *турпа* (<труппа), *сапқас*, *бьльт*, *палтон*, *қастън* и др.⁴⁷

Лабialiзация. Вопрос о лабиализации этимологического неогубленного гласного мы частично рассмотрели выше в связи с дифтонгизацией и долготой гласных. Изменение гласных по линии огубления и сужения в подавляющем большинстве случаев происходит благодаря влиянию соседних губных согласных и реже по причине ассимиляции губным гласным соседнего слога.

Как указывалось выше, влияние соседнего билабиального согласного [в] на качество гласных очень сильно как в огузском, так и в кипчакском наречиях.

Сочетание *эв* в кипчакских говорах дает в огузском наречии долгое [ө:] или дифтонг [өү]:

Кипчакское наречие	Огузское наречие	Литературный язык	Перевод
<i>сэвлэт</i>	<i>сэ: лэт</i>	<i>савлат</i>	осанка
<i>дэвлэт</i>	<i>дө: лэт</i>	<i>давлат</i>	государство
<i>сэвбэт</i>	<i>сө: бэт</i>	<i>суҳбат</i>	беседа
<i>ҳэвль</i>	<i>ҳөҮ ль</i>	<i>ҳовли</i>	двор
<i>шэвлэ</i>	<i>шө: лэ</i>	<i>шовла</i>	каша
<i>кэвъш</i>	<i>көҮ ш</i>	<i>ковуш</i>	туфли
<i>кэвлэ-</i>	<i>кө: үэ-</i>	<i>ковла</i>	копать
<i>тэвъп</i>	<i>төҮ п тийп</i>	<i>табиб</i>	лекарь
<i>эвлат</i>	<i>ө: лад</i>	<i>авлод</i>	потомки

⁴⁷ О различных комбинациях размещения гласных в заимствованных словах, см.: А. К. Боровков. Изменения в области узбекской лексики и новый алфавит (на основе русской графики), Известия УзФАН, 7, 1940, стр. 18.

ав.льйа	өҮ льйа	авлиё	кладбище (лит. святой)
дав	дөҮ	дев	див
сэв-	сөҮ-	сев-	любить

Сочетание *ав* в кипчакских говорах дает в огузском *оу* или *уу*.

қавъқ	қоҮ қ қууқ	қовуқ	мочевой пузырь
қавън	қоҮ н қуун	қовун	дыня
тавъқ	тоҮ қ тууқ	товуқ	курица
авън-	оҮ ш- ууш-		жалеть
қабарға	қоҮ рға қуурға	қовурға	ребро
ғавъш	ғоҮ ш ғууш		стебель джугары

Однако в кипчакских говорах этимологическое *ағ||ав* иногда дает *ув||уу*, а в ургенчском говоре огузского наречия— долгое [у:] или дифтонг: ог. кипч. *сууқ* «холод», *қууқ* «мочевой пузырь», *қуурдақ* «жаркое», *ууз* «молозиво», *у:лдърық* «икра» и т. д.; в хивинском говоре соответственно *оу:соуқ*.

Несколько изолированно стоят примеры типа ог. *бедана*, кипч. *бөдәнә*, лит. *бедана* «перепел», ог. *дәпә*, кипч. *төбә*, лит. *тепа* «возвышенность», «холм», «темя», ог. *гәвәләк*, кипч. *гәбәләк*, лит. *капалак* «бабочка», но ог. *без*, кипч. *без* лит. *бүз* «грубая материя», кипч. *тешьк*, ог. *дөшък*, лит. *тешик* «дыра», кипч. *кәвън*, ог. *көйън*, лит. *кѣнчил* «желание», кипч. (Швт. 2), *сәвлә*, ог. *сөллә*, лит. *сўзла* «говорить», кипч. *ежәшмәк*, ог. (Хив., Х-асп.) *өжәшмәк*, лит. *ўчакишмоқ* «действовать назло» и др.

Отмечено огубление этимологического «-ығ||-ық» в конечном слоге некоторых слов: ог. *айу:*, кипч. *айу*, лит. *айиқ* «медведь», ог. *азу:*, кипч. *азу*, лит. *озық* «коренной зуб»; но ог. *арығ*, кипч. *ару:*, др. *арығ* «чистый» (кипч. «красивый»); в словах *йазық* «грех», *қазық* «кол», конечный согласный остался без изменения, но др. *асығ* «польза», ог. *а:съй*, ташк. *әзуғ*, *қәзуғ*, *әйуғ*; *йәзуғ* и т. д.; ог. *қуйу:*, *суйу:*, кипч. *қойъ*, но *суйъқ* «густой», «жидкий»; ташк. *қуйуғ*, *суйуғ*.

В указанных примерах в азербайджанском и турецком языках выпал, как и в хорезмских говорах, конечный [қ-ғ]: азерб. тур. *айу* но *азы*; у Абухайяна *айуқ*, *азу* (9); в команском языке: *айу*, ст. узб. (ازيق, آيق) *айық*, *азық*, др. اذيق, Аф *ايو*; ог. кипч. *қуйъ* „колодец“, др. قيع (МК, III, 180), ст. узб. قودوق (Рдл., П, 1002), тур. азерб. *қуйу*, каз. *қудық*, кк. *қуйы*, в команском языке *қуйу* „колодец“ (Gronbech, 202).

Огубление широких гласных перед билабиальным [в] имеет широкое распространение в различных диалектах азербайджанского и турецкого языков. Примеры из азербайджанского языка: *овжу*, *довшан*, *доулет*, *овгет* (Foу, 174); в бакинском диалекте и в муганской группе говоров отмечены: *нобат*, *ховла* (ар. نوبۃ), *йоваш*, *овар*⁴⁸. В стамбульском диалекте: *но́бет*, *до́лет* (Bergstrasser, 16); в текстах проф. А. Джафероглу встречается огубление [а] в указанной позиции: *гөде*, *товук*, *лөбет* (Caferoglu, Anadolu, 5, 9, 13, 22).

В письменных памятниках средневековья задние и передние широкие гласные в основном сохраняются, но в некоторых из них, например, в команском словаре приводятся варианты: *сев-сөв-сөй*- „любить“, (Gronbech, 218); *көсөв* „кочерга“ (> *көсэгү*), *күйөв*, „зять“ (> *күйägү*); *бузав* // *бузов* „теленек“ (Gronbech, 72).

В кипчакской группе говоров Хорезма изменение по линии а-о-у, э-ө-ү проводится непоследовательно: *бузав*, *қавън*, *тавъқ*, но *сувуқ* // *сууқ*, *күйәв* // *күйү*: «зять». В указанных примерах узбекский литературный язык отражает особенности в основном ташкентского диалекта: лит. *бузоқ* (произносится *бузқ*), *кйсов*, *күёв*, *совуқ*, *товуқ*, *қовуқ* «мочевой пузырь», *қовун*, *совун* и т. д.; *овқат*, (ар. اقۋاة); но лит. *давлат*, *навбат*, *ёввош* // *ювош*; ташк. *эввoш*, *дэвлат*, *нэвбат*, *эвқат*, *сэвлат* и т. д.⁴⁹

Изменение полуширокого [о] в сторону сужения в кипчакских говорах происходит также под влиянием согласного [в].

Огузское наречие	Кипчакское наречие	Литератур- ный язык	Перевод
<i>доғрь</i>	<i>тувръ</i>	<i>туғри</i>	правильно
<i>бог-</i>	<i>був-</i>	<i>буғ-</i>	душить
<i>оғрь/о : ръ</i>	<i>увръ/у : ръ</i>	<i>уғри</i>	вор
<i>доғра-</i>	<i>тувра-</i>	<i>туғра-</i>	крошить
<i>оғыл</i>	<i>у : л ул</i>	<i>уғил</i>	сын
<i>қо : ржақ</i>	<i>қу : рчақ</i>	<i>қуғирчоқ</i>	кукла

Огузское [ө] и кипчакское [ү] в соседстве с согласным [й]:

⁴⁸ М. Ширэлиев. Азербайжан диалектологийэснини эсаслары, стр. 46; Р. Рустэмов. Губа диалекти, стр. 33; Азербайжан дилинин Муган групу шивэлэри, стр. 26.

⁴⁹ См. об этом подробно в книге Ш. Шаабдурахманова: Узбек адабий тили ва ўзбек халқ шевалари, Тошкент, 1962, стр. 62—80.

өй	үй	уй	дом
сөллә-	сүйлә-	сузла-	говорить
сөв-	сүй-	сөв-	любить
өрйән	үйрән	урган	учиться
бө: рәк	бүйрәк	буйрак	почка
гөй-	куй-	куй-	гореть
дөв-	туй-	туй-	толочь
сөңәк	суйәк	суяк	кость

То же самое соответствие наблюдается в соседстве с некоторыми другими согласными:

гөрәш	күрәш	кураш	борьба
дөшәк	тушәк	тушак	постель
өртый	уртьк	уртик	покрывало
кө: на	гө: нә, но күнәй-	—	старый, стареть.

Кроме того, и внутри каждого наречия имеются соответствия о||у, ө||ү, которые трудно подвести под определенное правило: кипч. өз, Хив. үз, Ург. өз, лит. *үз* «сам», везде бөтән, но К-кпр 3 бүтән «другой», «чужой»; ог. бөвәк, кипч. бுவәк, Х-асп 15 бுவәк «ребенок», кипч. бөгәт, Хив. бөвәт, Ург., Швт. бுவәт «дамба»; Ург., Хив., кипч. бөкәләк, Х-асп., Я-ар. бүкәләк-«сустав», Х-асп. авъш-, Хив. оуш-, Ург. ууш-, Хнк. оғуш-, кипч. у:ш- «склоняться», «жалеть»; Хив., Хнк. күтәр-. Ург., Х-асп, Швт. гөтәр-, кипч. көтәр- «поднимать»; кипч. бува, ог. ба:ва «дед»; Ург. довача, кипч. дувача «талисман» и мн. др.

Делабиализация. Изменения гласных по линии ослабления губной работы больше всего характерны для узких огубленных [ү], [у]. Причем в кипчакских говорах огубленные гласные первого слога устойчивее, чем в огузских.

Кипчакские [ү], [у] в первом открытом слоге в огузских говорах дают узкие [ь], [ъ]: кипч. түйә, ог. дьйә, Х-асп. 1, дүйә «верблюд»; кипч. түп, ог. ди:в «куст», «низ»; кипч. күйүв, ог. гьйәв «жених»; кипч. йүбәр-, ог. йьвар||и:вар- «отправлять», кипч. бүргә, ог. бьрә «блоха».

Наблюдается известная закономерность перехода огубленных гласных [ү] и [у] в [ь] и [ъ] перед [л], [р], [н], [м]: кипч. йүл-ғән, ог. йьлғын «тамариск»; кипч. бүлбүл, ог. бьлбьл «соловей»; йумуртқа-йьмърта «яйцо», сүлгь-сьлгь «полотенце»; кипч. бундай-шундай, уондай, ог. мьндый, шьндый, хьндый «так, таким образом»; кипч. йумрәк, ог. йьмрық «кулак»; кипч. мончақ-мунчақ, ог. мьнжық «бусы»; кипч. түлкь, ог. тьлкь «лиса»; слово маймъл «обезьяна» имеет для всех говоров одинаковую форму; кипч. бурт||мурт, ог. мьрт||мьрът «усы». Должно быть отмечено, что некоторые слова имеют обратную огласовку, т. е. в огузском наречии сохраняются

этимологические [ү] и [у], а в кипчакском эти гласные делабиализируются: ог. *бүтһн*, кипч. *пътһн* «целый»; ог. *бу:дақ*, кипч. *пътақ* «ветвь»; ог. *йүльк*, кипч. *жъльк*||*йъльк* «костный мозг»; ог. *му:т*, кипч. *мът* «зря»; ог. *бу:т*, кипч. *път* «нога»; однако лит. *мурсак* для обоих наречий будет иметь форму *мьйсак*||*мьссак* «женское верхнее платье». В кипчакском наречии везде *гүпчәк*, в огузском *кьпчәк* «ступица», ог. *сьпсә*, кипч. *сүпсә* «метла».

Единичные примеры на отсутствие определенной регулярности можно найти и внутри каждого наречия: Ург., Хив. *жъл*, Х-асп *жұл* «нарезанное на отдельные куски тонкое тесто»; Ург., Хив. *сьмськ*, Хнк. 1 *сүмськ* «назойливый», *ушақ-ъшақ* «мелкий»; *сүмәләк-сьмәләк* «пища из пшеничного солода и муки»; *шувақ-шъвақ* «штукатурка»; *үйә-и:вә-үвә* в огузских говорах, *уйа-ъйа* в кипчакских говорах. Ср. еще ог. *улақ*, кипч. *ълақ* «козленок».

В кипчакских говорах в сложных словах типа «указательное местоимение + имя = наречие» перед согласным [й] второго компонента огубленное [у] дает обычно мягкое [ь:] *бйақ-қа* «сюда», но *ойаққа* «туда»; в огузских говорах интервокальное [й] выпадает, а слившиеся гласные дают обычно восходящий дифтонг, о чем подробно говорили выше. То же самое происходит и со сложными словами типа кипч. *бйер*, *шйер*, но *войердә* «там». В примерах ог. *нүчьк* и *нү:чһн* «для чего» изменение вокализма первого элемента (нә) произошло под влиянием огубленного гласного [ү] второго слога (*нә + чүк*, *нә + үчһн*), который сам делабиализировался.

Ослабление губной работы как по линии расширения, так и в смысле утраты лабиализации имеет различные причины. Попытаемся объяснить одну из них.

Переход узкого гласного в более широкий и более звонкий звук по линии $ү > \emptyset$, $у > \emptyset$, нам кажется, обусловлен тенденцией к сохранению качества окружающих звонких согласных. Так как озвончение начальных [т] и [к] в огузских говорах носит регулярный характер, сохранение этимологического узкого [ү] или [у] в первом слоге привело бы к расшатыванию системы. Сохранение конечного [ғ] также является характерной чертой огузских говоров (ср. *дағ* «гора»). Таким образом, увеличение слогового гласного способствовало, в первую очередь, к сохранению системы, созданного типа. Озвончение начального согласного [к] и [т] не характерно для кипчакских говоров, так же как и для литературного языка. По этой причине в литературном языке мы имеем, например, форму *туғ* «рожать», в кипчакских говорах конечное [ғ] систематически дает [в], в силу чего в них это слово будет иметь форму *тув*, в

огузских говорах, следовательно, — *дог*. То же самое происходит и в словах типа ог. *гә:рәш*, кипч. *күрәш*, лит. *кураш*. Ср. еще: кипч. *түй*-, ог. *дәв*- «толочь»; кипч. *күйьк*, лит. *куюк*, ог. *гөйьк* «горелый». Причиной расширения узких, гласных, возможно, явилась и дифференциация значений слов. Ср. кипч. лит. *үй*, ташк. *өй*, ог. *өй* «дом», но *үй* «собирать в кучу».

В огузских говорах долгота в словах типа *ду:з* «соль», *бу:з* «лед» возникла, по всей вероятности, не только по причине различия семантики слова (ср. *дуз* «степь», *буз* «разрушать»), но и в силу необходимости укрепления первого слога, так как здесь долгота гласных обеспечивает сохранение звонкости согласных.

Довольно большое количество примеров наблюдается и на утрату лабиализации, обусловленную открытостью слога: кипч. *бүргә*, ог. *бьрә* «блоха»; кипч. *йумуртқа*, ог. *йъмърта* «яйцо» и т. д.

В делабиализации узких гласных [ү], [у] немаловажное значение имеет и влияние окружающих согласных [н], [л], [й] (ср. ог. *пәл*, кипч. *пул* «деньги» и т. д.).

Редукция и выпадение гласных звуков. Слабая позиция некоторых гласных в слове нередко приводит к их редукции и выпадению. Это явление как постоянно действующий фактор не стоит изолированно, а находится в тесной связи с другими фонетическими явлениями, которые способствуют изменению структуры слога, и сокращению количества слогов в слове. Такого рода изменения характерны не только для вокализма тюркского корня, но и для аффиксов словообразования и словоизменения. Не менее ощутимо действие этого закона и в сложных сочетаниях, когда один из компонентов, потеряв свою акцентуационно-смысловую самостоятельность, сливается с другим, основным элементом, образуя с ним одно лексическое целое.

В изучаемых наречиях встречаются все типы изменений, которые неоднократно отмечались в большинстве тюркских языков и диалектов⁵⁰.

⁵⁰ Н. К. Дмитриев. Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках, Исследования по сравнительной грамматике..., 1, стр. 281; Ж. Г. Киекбаев. Башкорт теленең фонетикаһы, Өфө, 1957, стр. 37 и след.; Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка..., стр. 80; В. В. Решетов. Узбекский язык, стр. 302 и след. М. Ширәлиев. Азәрбайжан диалектологийасынын әсаслари, стр. 70 и след.; Р. Рүстәмов. Губа диалекти, стр. 59; Азәрбайжан дилинин Муган групу шивәләри, стр. 61 и след.

Как известно, редукции и выпадению подвергаются преимущественно узкие гласные неударного открытого слога внутри слова. Однако нередки и случаи ослабления и выпадения широких гласных в указанной позиции. Рассмотрим различные типы такого изменения.

1. Случаи выпадения узких гласных [и-ь], [ъ] типа *орън-орнъ*, отмечаемые как норма для литературного узбекского языка, имеют место и в изучаемых говорах. Некоторое исключение, быть может, составляют кипчакские говоры, в которых указанный узкий гласный полностью не выпадает, а сильно редуцируется, приобретая характер очень слабого беглого [ъ]. Это особенно заметно в соседстве с сонорными согласными: *орън* «место», *орънъ* «его место», *көңъл* «желание», *көңль* «его желание», *ақъл* «ум», *ақълъ* «его ум».

2. Появление протетического узкого гласного в некоторых заимствованных из арабского языка словах и выпадение его в определенных фонетических условиях — общее явление для ряда тюркских языков. Не составляют исключения в этом отношении и хорезмские говоры узбекского языка: *пъкър-пъкръ* «мысль-его мысль», *өмур-өмръ* «жизнь-его жизнь», *ҳөкм-ҳөкмъ* «приговор-его приговор», *ильм-ильмннэн* «знание-от его знания» и др.

3. В односложных словах с конечными согласными при наращивании притяжательного аффикса I л. мн. ч. начальный гласный аффикса сильно редуцируется и часто выпадает: *сөз-сөзмьз*, *гөз-гөзмьз*, *ат-атмъз* (*ат'мъз*).

В двусложных словах с конечными согласными при их аффигировании происходит редукция и выпадение узкого гласного второго открытого слога корня (кроме III лица мн. ч.):

В кипчакских говорах

кел'ньм «моя невестка»

кел'ньмьз «наша невестка»

кел'ньң «твоя невестка»

кел'ньңьз «ваша невестка»

кел'нь «его невестка»

кельнларь «их невестка».

В огузском наречии это слово во втором слоге имеет долготу: *гели:н* и потому в этой позиции не подвергается редукации.

В двусложных словах с конечными гласными (например, *ата* или *үкә*) редукции и выпадению подвергается узкий гласный притяжательного аффикса третьего лица: *атас'на* «его отцу», *аталар'на* «их отцу»; в I и II лицах мн. числа аффиксальный гласный ослабляется, но не выпадает: *атамьза* и т. д. В исходном падеже в джекающих говорах, где в притя-

жательном склонении одно [н], выпадает аффиксальный узкий гласный: *атас'нан* «от его отца», *қоңиғ'нан* «от его соседа», *мәктәпләр'нан* «из их школы» и т. д.

Интересное явление наблюдается в хазараспском говоре огузского наречия, где род. падеж оформляется при помощи аффикса «иң». После притяжательного аффикса II лица ед. числа аффикс род. падежа будет иметь здесь форму «-н» (долгое «нң») с выпадением узкого [ь|ғ]: *атаң* «твой отец», *атаңң* «твоего отца», *сөз* «слово», *сөзъңң* «твоего слова»; с притяжательным аффиксом третьего лица (-сь), как обычно, выпадает конечный узкий гласный [ь]: *атас'ның* «его отца».

В этом же говоре зафиксированы случаи выпадения узкого гласного в лично-притяжательных местоимениях: ташк. *мәнькь*, лит. *меники*, ог. *мәнькь*||*мәнькь*, X-асп *мәңкь* «мой», «принадлежит мне», *бьскь*||*бьзъңкь* «наш», *сьскь*||*сьзъңкь* «ваш». Притяжательно-субстантивированная форма имени: *апамкь* «принадлежит моей сестре»; *апасъңкьнә геттә* «он пошел к своей сестре». В кипчакско-огузских говорах обычно *бьскь*||*бьзәркь*, *сьскь*||*сьзәркь* (К-кпр. 9).

4. В результате выпадения интервокального согласного происходит слияние гласных внутри слова, что приводит к возникновению дифтонгообразного долгого гласного звука. В слове *дъй'ржәк* «колесо» (<*дъгържәк*) интервокальное [й] выпадает и в быстрой речи обычно произносится в форме *ди:ржәк*; ср. еще: *ти'йр*||*ти:р* «обод», *ту'в қ*||*ту:қ* (Ург. I) «курица» и т. д. В этих примерах количество слогов сократилось в результате выпадения второго слогового узкого гласного.

5. Аффикс сравнения (ист. *дай'ън*||*дәйин*||*тәгин*) в огузском наречии сократился в результате стяжения *әйи*||*ай'ъ* в один слог, причем конечный узкий гласный звук второго слога выпал, широкий гласный первого слога под влиянием [й] сузился до обыкновенного [и]: *мәнди:н*, *шәнди:н*, *хәнди:н* «так, таким образом», *а:дамдәй'н*||*а:дамди:н* «как человек», *сүтти:н* «как молоко». В ханкинском говоре того же огузского наречия узкий гласный и конечный согласный [н] выпали, а широкий гласный [а-ә] сузился и приобрел характер закрытого [е:]: *а:дамдей*, *сүтдей*, *үрйәнчдей* «как Ургенч», *қоундей* «как дыня». В кипчакских говорах этот аффикс имеет форму *дай*||*дәй*, *тай*||*тәй*: *аттай* «как лошадь», *кәлдәй* «как озеро». Некоторые кипчакские говоры, территориально близкие к огузским, употребляют форму *ди:н*, как и в огузском наречии.

6. В глагольных формах настоящего, настояще-будущего и будущего времени, а также в причастиях обычно редуциру-

ется или выпадает широкий гласный перед аффиксами соответствующих форм:

а) глагольная основа с конечным согласным + а-э, и + аффикс «-йатър»: *барйатър* «он идет туда», *гелйатър* «он идет сюда». В этой же форме глагола с конечным гласным основы + деепричастие на «й» и + «йатър» под влиянием [й] предыдущий гласный редуцируется (а > и), а сам [й] выпадает: *и:ишлийатър* «он работает», *башли:йатърман* «я начинаю»; в отрицательной форме: *гөрмийатър* «он не видит»; *барйатрған* «идуший», *гөрйатрған* «видящий» и т. д.;

б) в форме настоящего-будущего времени глагола с конечным гласным а + й-и: *и:шли:мән* «я работаю вообще», *барми:ман* «я не пойду». Однако в последнем примере в быстрой речи указанный гласный вовсе выпадает и образуется форма, где два сонорных [м], слившись, произносятся слитно, как долгий слогообразующий [м]: *бармман* «я не пойду», *гелммән* «я не приду» (Ург., Швт);

в) в глагольной форме будущего времени на -жақ||жәк происходит то же, что и в пункте «а»: *баржақ* «он пойдет», *гәлжәк* «он не придет», в отрицательной форме так же, как и после гласного основы, обычно *ижақ||ижәк*: *бармижақ*, *гәлмижәк*, *и:шлижәк*, *сорамижәк* и т. д. В джекающих говорах обычно *ышльйжақ*, но *бармайжақ||бармажәк*.

7. В сочетании слов с конечным гласным плюс союз *хәм* оказавшийся между гласными звук [х] выпадает, в результате слияния двух гласных происходит сокращение слогов, причем слогообразующий становится долгим гласным звуком: *пахта:м* (< *пахта хәм*) «и хлопок», *атаса:м* «и его отец», *балаға:м* «и ребенку», *гүнә:м* «и его день» и т. д.

8. В связи с выпадением коренного сонорного [л] в некоторых глагольных основах ведущий элемент слился с вспомогательным глаголом, и с последующим выпадением узкого гласного деепричастия на «иб», образовались формы *әпке* «принеси» (< *алъб гәл*), *әпкет* «унеси» (< *алъб гет*), *абгә* (Х-асп 15), *әккә* (Я -ар. 3), кипч. *әпкь әпкәт*, ог. кипч. *аппар* «уведи» (< *алъб бар*), *апқал* «задержи» (< *алъб қал*), кипч. *сапқой* «клади» (< *салъб қой*), *кепкетть* «он пришел и ушел» (< *келиб кетти*), *сапкетть* «положил и ушел» (< *салъб кетть*) и др. Кроме того, в огузских говорах зафиксированы случаи редукции гласных вспомогательных глаголов: *гет* «уходить», но *алъкът* (Ург. 13), *қойъкът* «оставь», *әкът* (Я-ар. 3), *әкът* «уведи» (Хив. 2, 12); *йивәр* «отправлять», кипч. *йүвәр||йүбәр*, но *уръбйәрдь* «он ударил» (< *уриб йубардь*), *сөкьбйәрдь* «он выругал» (Ург. Хив.), *алъпәрдь* «он взял», *қоупәрдь* «он выгнал» (Хнк. 1, 4, 11). Факты сокращения как

зависимых, так и главных компонентов сложного целого отмечены и в узбекских говорах городского типа⁵¹.

9. Стечение гласных на стыке двух компонентов (элизия) приводит к выпадению одного из гласных независимо от качества этих звуков. Причем в большинстве случаев выпадает конечный гласный первого компонента: *ат-ана* (ог.), *ат-ена* (кипч.), *қарийт* «черная собака», *барақ* «все белое» (кипч.), *өзалдъ* «он сам взял». Сюда же нужно отнести примеры типа *ағыйнъ* «друг» (ог.). В ханкинском говоре зафиксированы сложные слова: *а : ғайа* «братья» и *апайа* «сестры» (<*аға* + *ийа*, *апа* + *ийа*).

10. Устранение гласного звука внутри слова (синкопа) отмечено в заимствованных из русского языка словах: *кытанса* «квитанция», *мыли : сә* «милиция», *дылгат* «делегат», *бәли : сә* «больница», *вәлсәпәт* «велосипед»; кипч. *самвар*. Видимо, сюда же нужно отнести случаи выпадения гласного [о] в словах типа *участок*, *список*, но уже с последующей вставкой в конце слова гласного [а]: *үчәскә*, *испәскә*.

Устранение гласного звука в конце слова вызвано, по мнению А. К. Боровкова⁵², необычностью ударения, безударные гласные в конце слова редуцируются и выпадают: *кәмбр* «камера», *машън* «машина», *пәбрък* «фабрика», *мыньт* «минута», *тылгърам* «телеграмма», *жужър* «дежурный», *гәзът* (кипч.), *гәзи : тә* (ог.), *ради||рәдъй* «радио», *подър* «пудра», *мәскәв*, *папъртс*, *памадър*, *мәкәран* и др.

Вставка гласных звуков. Появление лишнего гласного звука в определенных позициях тесно связано с фонетическим освоением заимствованных слов. При несовпадении фонетической структуры заимствованное слово подвергается соответствующей обработке и иногда претерпевает сильное изменение в соответствии с фонетическими законами узбекского языка. Вставка гласного звука происходит в двух случаях.

1. Употребление сонорного [л] и [р] в начале слова несвойственно кипчакским говорам, в силу чего в заимствованных словах перед этими согласными вставляется узкий беглый гласный: *ьрәпи : дә* «нарукавник», *ьразъ* «согласие», *ьри : с* «председатель», *ьрат* «ряд», *үрви : зъйә* «ривизия», *ьрай* «желание», *ьрадъй* «радио», *ьрайкам* «райком», *ьраш* «межа», *ьлапа* «конверт», *ьлай*, *ьлачън* «сокол», *ьла : қа* «сом», *ьлабър* «неповоротливый», *ьлаш* «труп», «груда», *ьләппък* «липкий»,

⁵¹ А. К. Боровков. Изменения в области узбекской лексики..., стр. 31.

⁵² Там же.

ьрәжәп «имя собств.», *ьләчәк* «женский головной убор», *ьләгән* «посуда для теста», *ьләккәбай* «легковая машина», *ьлодър* «лодырь» и мн. др.

В Шаватском районе [Швт. 3] отмечено употребление протетического узкого звука в начале слова *китап-ькьтап* «книга». В кипчакском наречии в некоторых словах вставочный беглый гласный превратился в полнозвучный огубленный гласный [o], а перед этим гласным, как правило, появляется уже узкий беглый гласный, образуя с первым восходящий дифтонг: *уоръс* «русский человек», *уорамал* «платок», *уораза* «пост», *уоразъмбет* «имя собств.». Употребление протетического гласного нехарактерно для огузского наречия. В кипчакских говорах, размещенных на юге, этот протетический звук в основном исчез.

2. При стечении двух согласных в начале слова перед первым из них появляется узкий гласный звук, что характерно для заимствованных из русского языка слов во всех говорах Хорезма: *ьскәләт* «склад», *ьшкап* «шкаф», *ьстансә* «станция», *ьстадьйан* «стадион», *ьспьрәпкә* «справка», *ьзбар* «сбор», *ьс-тар* «стол», *ьскәми* : *кә*, *ьштәрап* «штраф», *ьзваньк* «звонок», *ьстькан* «стакан», *ьстудьнт* «студент» и др. В случае стечения согласных в начале слова «для разведки» между согласными вставляется гласный звук (эпентеза): *ььрләпкә*, *ььрәвли* : *нә*, *кәрәбат* «кровать»; *пъркърар* «прокурор», *кәвәтьр* «квартира», *ььргәдә*, *қулъп* «клуб», *пултъқ* «плуг», *ььрәсти* : *нә* *ььрәпи* : *ср*. При стечении двух согласных в конце слова гласный звук появляется после конечного согласного (эпитеза): *банкә*, *әтпьскә*, *ьсталба* «столб»; устранение инлаутного гласного [o] в словах типа *участок*, привело к появлению в конце слова лишнего [a]: *учәсткә*, *испьскә*⁵³.

О СИНГАРМОНИЗМЕ

Обе разновидности сингармонизма (губной и небный) наряду с агглютинацией, как известно, являются характерными особенностями тюркских языков. Закон губного притяжения проявляется не везде одинаково. В алтайском, киргизском языках, например, влияние огубленного гласного первого слога корня простирается до третьего и четвертого слогов. Ср. кирг. *түлкүлөр*, *түлкүнү*⁵⁴.

⁵³ А. К. Боровков. Изменения в области узбекской лексики..., стр. 32; А. Н. Кононов. Грамматика узбекского литературного языка, М.—Л., 1960, стр. 48.

⁵⁴ И. А. Батмашов. Фонетическая система..., стр. 76.

В письменных памятниках узбекского языка отражение закона губного притяжения на письме отличается неустойчивостью. Ср. в «Тафсире»: *булут//булът, узун//узън*⁵⁵.

В отдельных диалектах азербайджанского языка дальше второго слога закон губного сингармонизма обычно нарушается⁵⁶. В туркменском языке влияние первого огубленного гласного простирается не только до второго слога (о-у), но и в некоторых диалектах — до третьего (о-о-у): *моголлум* «учитель»; *ө-ө-ө: көмөлөк* «радуга»⁵⁷.

В изучаемых наречиях действие закона губного сингармонизма, собственно говоря, не обнаруживается. Первый слог с гласными о-ө не оказывает влияния на гласный второго слога независимо от того, относится ли этот слог к корню или аффиксу, открыт он или закрыт: *оғыл* «сын», *о: дън* «дрова», *доғръ* «правильно», *дойдъм* «я насытился», *до: лъ* «полный». То же самое наблюдается и за у-и первого слога, однако в отдельных случаях, особенно в джекающих кипчакских говорах узкий гласный второго слога производит впечатление огубленного у-ү: *пүтүн* «целый», *үчүн* «ради», *түтүн* «дым». В остальных говорах в этой позиции больше элемента узкого ь-ь, чем огубленного у-ү. Но в определенных фонетических условиях — в соседстве с губно-губными согласными [м] и [в] — гласный второго слога дает везде у-ү: *йувун* «умываться», *йүзүм* «виноград». Интересно отметить, что возвратное местоимение с притяжательным аффиксом I л. ед. числа произносится отчетливо *үзъм* (с узким [ь] во втором слоге), но слово *үзүм* «виноград» — с огубленным узким [ү] во втором слоге.

Влияние первого слога с о-ө на гласный второго слога, как сказано выше, в изучаемых говорах не обнаруживается. Однако в огузском наречии в вышеуказанной позиции (в соседстве особенно со слабо проточным [в]) обычно о-у, ө-ү: *севүн* «радоваться», *қовун//қоун* «дыня», *соуқ*, «холод», *тоуқ* «курица», *қоуқ* «мочевой пузырь», *дөвун* «измельчав», *соуп* «закончив» и т. д. В ургенчском говоре соответственно будет: *қуун*, *тууқ*, *сууқ*, *қууқ*. Первый слог с гласными о-ө, у-ү во втором открытом слоге во всех хорезмских говорах дает узкое ь-ь: *бөръ* «волк», *қуйъ* «колодец», *сувъ* «его вода», *туйъ* «его волос», *тулък//тьлък* «лиса».

⁵⁵ А. К. Боровков. Очерки истории узбекского языка, III, стр. 186.

⁵⁶ Н. И. Ашмарин. Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи, Баку, 1926, стр. 65; М. Ширэлиев. Указ. соч., стр. 61; Фуад Кязимов. Принципы сингармонизма в азербайджанском языке, ОЛЯ, т. XIII, вып. 1, 1954, стр. 91.

⁵⁷ М. Н. Хадыров, К. Бегензов. Туркмен дилиниң фонетикасы, 1956, стр. 33.

По всем говорам узбекского языка закон губного сингармонизма проводится не везде последовательно: в одних говорах лабиально-сингармонистическое чередование гласных проводится более или менее регулярно до второго, реже до третьего слогов, а в других говорах, как и в хорезмских, действие губного притяжения выражено очень слабо⁵⁸.

Совсем по-другому обстоит дело с другой разновидностью сингармонизма — с небной гармонией гласных. Сущность сингармонизма состоит в том, что «...гласные корня видоизменяют определенным образом вид вокализма аффиксов словообразования и словоизменения»⁵⁹. Этот закон сингармонистического чередования гласных звуков аффиксов с вокализмом корня, характерный для всех тюркских языков, в опорных узбекских говорах перестал функционировать. Процесс утраты сингармонизма своими корнями уходит, по всей вероятности, в древность, ибо внимательное изучение памятников письменности на узбекском языке позволяет констатировать факты нарушения сингармонизма еще в эпоху Алишера Навои. Исследование К. К. Юдахина показало⁶⁰, что выдающиеся узбекские поэты-классики XIV—XV вв. были представителями не-сингармонистических говоров. А. К. Боровков подвергает сомнению утверждение К. К. Юдахина, заявляя, что в поэтической речи, в частности в рифме, сингармонизм не учитывался⁶¹.

Дело в том, что в узбекских говорах городского типа, так же как и в литературном языке (в последнем в меньшей степени), конечный открытый слог с широким гласным типа общетюркского *ата, ана* всегда мягкий, т. е. произносится, как *эта, эна, бэла, хэла*, что совершенно невозможно в говорах, сохранивших сингармонистическое чередование гласных. Именно с этой точки зрения очень интересный факт обнаруживается при внимательном чтении памятников, написанных арабскими буквами:

اير كيراك اور تانسە ياتسە يالينە يارەييب ياتسە آتى نينك يالينە
ايت اولومى برلا اولسە اير تانب دوشمىغە يالينە
يخشى راق

⁵⁸ В. В. Решетов. Узбекский язык..., стр. 298.

⁵⁹ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание, изд. 2, Казань, стр. 117; См. также на той же странице подстрочное примечание члена-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева.

⁶⁰ К. К. Юдахин. Материалы к вопросу о звуковом составе чагатайского языка, Культура и письменность Востока, кн. IV, 1929, стр. 62—68.

⁶¹ А. К. Боровков. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка, Сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946, стр. 104—106.

Сравним еще пример:

عارضيك مهرين آچيب جسميم آشكارالطف ايتب كونكلومنى
аражан аортаме пнхан аортаме
аутсалб айл жанигхе син аурта жанимни у жаним аилни
мини пнхан аортаме жндан аортаме

Как известно, в начале тюркских слов буква элиф 1 обозначала передний гласный [ā], а тот же знак с маддой наверху — задний гласный [a]; в середине и в конце слова для обозначения твердо гласного [a] в основном использовался знак ʃ или ʃ, а знаком ɔ, o (Ҳаи ҳавваз) обозначался передний гласный [ā]. Если это так, то почему в приведенных примерах в конце рифмующихся твердых основ пишется буква, обозначающая передний гласный [ā]? Ведь в сингармонистических говорах эти слова, т. е. *йана, йанса, йалына* и т. д. произносятся твердо. Оказывается, такое написание, судя по критическим изданиям произведений Алишера Навои⁶² носит регулярный и последовательный характер. На наш взгляд, эти примеры свидетельствуют о начале разрушения стройной системы сингармонизма еще в XV в. Любопытен факт, что все слова с передними гласными в дательном падеже имеют на письме форму с элифом, в конце: *кэмка, аозка, кишика*,

козларика, сوزика и т. д. Думается, это связано с особенностью графики и не имеет отношения к произношению, так как передача конечного гласного через ā (ɔ) способствовала бы смещению на письме аффикса дательного падежа с мягкой основой и союза «-ки» (ср. написание слов *чунки, балки, чунонки, сабабки* и т. д.).

Как бы то ни было, дальнейшее исследование в этом направлении даст возможность, по крайней мере, объяснить причины подобного явления, по всей вероятности связанного с историческим процессом разрушения закона палатальной гармонии в истории узбекского языка.

Интересно отметить факты нарушения закона сингармонизма в некоторых тюркских языках⁶³.

В узбекских говорах городского типа, лежащих в основу литературного языка, например в ташкентско-ферганских, са-

⁶² Алишер Навоий. Мажолисун-нафоис, Ташкент, 1961, стр. 197, 241 текста (критическое издание подготовила Суюма Ганиева).

⁶³ М. Ширалиев. Баку диалекти, Баку, 1947, стр. 52—53; Он же. Азербайжан диалектологияси, Баку, 1941—1942, I—II ҳисса, стр. 65; Он же. Азербайжан диалектологиясынын эсаслари..., стр. 62.

маркандско-бухарских, количество фонематически противопоставляемых звуков сократилось, но в тех же говорах появилась необычная для общетюркского вокализма особая фонема [э] — гласный заднего ряда с различной степенью участия губ. Исследователи отмечают наличие аналогичного звука в татарском и башкирском языках⁶⁴.

Е. Д. Поливанов, считавший, как уже было сказано выше, что сокращение количества гласных фонем, частичная утрата в связи с этим сингармонизма и возникновение фонемы [э] произошли благодаря только внешним факторам, был, очевидно, неправ⁶⁵. А. К. Боровков же вполне убедительно доказал, что появление лабиализованного заднего [э] вместо общетюркского заднего [а] прежде всего связано с соседством губно-губного проточного [в], глубоко-заднеязычных согласных [к], [г]. Кроме того, немаловажное значение имела и глубокая артикуляция самого гласного [а] во всех узбекских говорах⁶⁶.

Интересно отметить, что в некоторых узбекских говорах появление заднего лабиализованного [э], например, в огузских⁶⁷ и казак-найманском говорах⁶⁸, не исключает сохранения закона палатальной гармонии; и наоборот, в чимкентско-сайрамском говоре узбекского языка, по нашим наблюдениям, звук [э] отсутствует, однако в нем закон сингармонизма уже нарушен. Так что появление эканья ставить в прямую зависимость от дивергенции звука [а] нельзя.

С этой точки зрения чрезвычайно большой интерес представляют огузские говоры Хорезма. Эти говоры, безусловно, сингармонистичны. Однако та стройная система чередования гласных аффиксов с вокализмом корня, которую мы наблюдаем в большинстве тюркских языков, очень часто нарушается под влиянием различных фонетических факторов, тогда как в кипчакском наречии этот своеобразный закон соблюдается гораздо строже и последовательнее. В связи с этим встает вопрос об отношении переднего и заднего [и-ъ] так же, как и

⁶⁴ В. А. Богородицкий. Указ. соч., стр. 38; Он же. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию, Казань, 1933, стр. 22—23, 43; Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, 1948, стр. 7—9.

⁶⁵ Е. Д. Поливанов. Звуковой состав ташкентского диалекта, журн. «Наука и просвещение», 1922, I, стр. 17—18.

⁶⁶ А. К. Боровков. По поводу теории «иранизации» узбекского языка, Известия АН УзССР, 1955, 8, стр. 84—85.

⁶⁷ Ф. А. Абдуллаев. К вопросу об оканье в узбекском языке, кн. «Узбек диалектологиясида материаллар», 1957, стр. 265.

⁶⁸ Е. Д. Поливанов. Образцы не-иранизированных (сингармонистических) говоров узбекского языка, Известия АН СССР, сер. VII, Л., 1931, стр. 93—110.

полуузкого [е] к закону палатальной гармонии⁶⁹. По крайней мере, мы не обнаружили ни одного примера в кипчакских говорах Хорезма, где в искони тюркских словах нарушалась бы гармония передних и задних гласных, т. е. мягкое передне-среднее [ь] всегда употребляется в мягких основах и аффиксах, а заднее [ъ] — в твердых основах и аффиксах. То же самое относится и к фонеме [е], которая зафиксирована только в первом слоге мягких основ. Мягкое [э] и твердое [а] отмечены лишь в заимствованных «ломаных» словах.

В огузском наречии в целом употребление [е] и [и] в твердых основах как тюркского происхождения, так и заимствованных встречается довольно часто (ср. кипч. *йълан*, ог. *илан* «змея»; кипч. *чайқа-*, ог. *чейқа-* «полоскать», лит. *чайқа*).

Кипчакское наречие	Огузское наречие	Литературный язык	Перевод
<i>йълан</i>	<i>илан</i>	<i>илон</i>	змея
<i>чайқа-</i>	<i>чейқа-</i>	<i>чайқа-</i>	полоскать
<i>жайъл йайъл-</i>	<i>йейъл-</i>	<i>ейил-</i>	расстилать
<i>чағыр-</i> (Швт. 10)	<i>чеғыр-</i> (Х-асп 5, 6)	<i>чақир-</i>	звать
<i>жъла йъла-</i>	<i>йеғла-</i> (Ург., Хив.)	<i>йиғла-</i>	плакать
	<i>йағла-</i> (Х-асп. Хнк.)		
<i>жъйна-</i>	<i>йеңна-</i>	<i>ийғ-</i>	собирать
<i>сайра-</i>	<i>сейрә се : рә-</i>	<i>сайра-</i>	щебетать

В сложных словах: кипч. *жарканат*, ог. *йерқанат* «летучая мышь», кипч. *қаралъ*, ог. *қарель* «слива».

В заимствованных словах:

<i>пайда</i>	<i>пейда</i>	<i>фойда</i>	польза
<i>зайа</i>	<i>зейа</i>	<i>зое</i>	зря
<i>айбат</i>	<i>ҳе : вәт</i>	<i>хайбат</i>	грозный
<i>айът</i>	<i>ҳейът</i>	<i>хайит</i>	праздник
<i>майъп</i>	<i>мейъп</i>	<i>майиб</i>	калека
<i>шанъяз</i>	<i>шенъяз</i>	<i>шониғз</i>	имя собств.

Из приведенных примеров явствует, что влияние некоторых согласных звуков, особенно [й], на соседние широкие гласные как по линии смягчения, так и в части делябилизации чрезвычайно сильно. Разрушительное действие согласного [й] сказывается не только в корнях, но и в аффиксах.

Все заимствованные слова из арабского, таджикского и позже из русского языков должны были как-то приспособляться к закону небной гармонии.

Как известно, арабские эмфатические согласные в заимствованных словах на узбекской языковой почве были заменены

⁶⁹ В. Радлов. О языке куманов..., стр. 25; А. Gabain. Указ. соч., стр. 45; М. Ряснянен. Указ. соч., стр. 79.

ны простыми согласными [т], [с], [з], [д]⁷⁰, поэтому они не могли оказать никакого влияния на характер гласных заимствованных слов. Гласные в заимствованных словах из арабского в какой-то мере претерпели изменения согласно фонетическим законам узбекского языка. В одних случаях такого рода гласные приобрели характер передней артикуляции, в других — задней, в третьих, в силу ряда обстоятельств образовались «ломанные» слова с передними и задними гласными в корне⁷¹. Рассмотрим эти изменения.

1. Арабские заимствования с долгими и краткими задними гласными в огузском наречии артикулируются как передние гласные: *мэмлә* «обращение» (ар. معاملة), *сә:т* «часы» (ар. ساعة), *сә:дәт* «имя собств.» (ар. سعادة), *әдәт* «нрав, привычка» (ар. عادة), *ейшә* «имя собств.» (ар. عائشه) *хәссә*, «трость» (ар. عصا), *кәсәпәт* «несчастье» (ар. كسافة), *пәләкәт* «рок» (ар. فلاк). Сюда же примыкает довольно большое количество слов арабского происхождения с задними краткими гласными: *сәвәп* «причина», *тәләп* «требование», *мәктәп* «школа», *әдәп* «хорошая манера», *әмәт* || *ә:мәт* «имя собств.» (ар. احمد), *мә:ббәт* «любовь», *әләм* «флаг», *әввәл* «сначала», *нә:бәт* «очередь», *сә:бәт* «беседа», *тә:мәт* «клевета», *мә:м-мәт* «имя собств.», *мә:ттәл* «ожидание», *мәдәт* «помощь», *дә:ләт* «государство», *мә:ләт* «срок», *мә:м* «важный» и мн. др. Таджикские слова: *дәнә* «зерно», *сә:дәйәр* «купец», «спекулянт», но *со:да* «торговля».

2. Разнотипные гласные всех слогов в заимствованных словах приобретают одинаковый более задний «твердый» характер: *хана* «печальный», *хавар* «известие», *а:шық* «влюбленный», *харап* «разрушение», *раман* «имя собств.» (ар. رمان), *авам* «простолюдина», *ғыйват* «сплетня», *аҳмақ* «глупый», *жу-ван* «ответ», *савал*//*савал* «вопрос», *салам* «привет», *тахам* «пища», *о:қат* «пища», *аҳвал*//*авҳал* «положение», *ма:ләм* «учитель», *та:ләм* «обучение», «наставление», *қалам* «карандаш», *а:ләм* «ученый», *мамът* «имя собств.» (ар. محمود).

3. Передние и задние гласные совмещаются в одном и том же корне арабско-таджикского происхождения, образуя «ломанные» слова: *дерйа* «река», *дәрман* «сила», *әрман* «желание», *сәрсан* «бродячий», *бәла* «беда», *ө:лад* «потомки», *де:хан* «крестьянин», *ме:ман* «гость», *ве:ран* «разрушение», *е:ван*

⁷⁰ Н. В. Юшманов. Строй арабского языка, Л., 1938, стр. 10—11.

⁷¹ Ф. Абдуллаев. Арабизмы в узбекском языке, канд. дисс., Ташкент, 1945, стр. 95.

«терраса», *сәйа* : *хат* «путешествие», *а* : *ләм* «вселенная», *ме* : *рәван* «заботливый», *кәмал* «имя собств.», *ғайрәт* «старание».

4. Особый вид нарушения сингармонизма наблюдается в тех заимствованных арабско-таджикских словах, в которых имеются согласные [к] и [г] и заднерядные гласные. Их немного: *ка* : *мәл* «имя собств.», *ка* : *р* «дело», «занятие», *дука* : *н* «лавка», *га* : «иногда», *ка* : *са* «чашка», «пиала», *ка* : *тәп* «секретарь», *га* : *пара* «некоторый», *мука* : *пат* «награда», *нька* : «бракосочетание», *дуга* : «мелодия», *ка* : *л* «ложбина», *ка* : *н* «много», *та* : *к* «виноград», *ка* : *сәп* «кустарь».

Примерно такие же изменения претерпели заимствования из русского языка:

1) *рәдий* «радио», *кәпәрәт* «кооператив», *вәләсәһьт* «велосипед», *пәрәвли* : *нә* «правление», *зәви* : *нә* «звено», *кәптәнсә* «квитанция», *испәрәнкә* «справка», *истәнсә* «станция», *бәрйәдә* «бригада», *йектәр* «гектар»;

2) *ваған* «вагон», *унвәрсал* «универсал», *пулуқ* «плуг», *мағазән*, *қастән*, *палтән* «пальто», *тәрахтәр* «трактор», *обләс* «область», *уннавамақ* «универмаг», *духтәр*, *пайғз*, *параваз*, *тәқалат*, *рубанқа*; *машән*, *палаң* «план», *памадәр* «помидоры», *зайән* «заём» и др.;

3) *кәмхаз*, *сәпхаз*, *кәлхаз*, *матаськәл*, *пи* : *ра* «перо», *ки* : *на* «кино», *кәләват* «кровать», *батәңкә*, *күлтәватәр*, *прийамньк* и др.

Из аффиксов словообразования и словоизменения как своих, так и заимствованных не подчиняются закону палатальной гармонии:

1) слова *жан*, *бай*//*вай*, *хан*, употребляющиеся в качестве аффиксов и присоединяемые к именам собственным: *ешчан*//*еччан*, *мәтчан*, *бекчан*, *ерйәшвай*, *хәсәмбай*, *әнәхан*, *бькәжан*;

2) таджикские аффиксы *стан* : *гүльстан*; *бан*//*ман*: *гүзәрман* «лодочник», *пейшман* «мастер по кладке кирпича», *хана*: *сийсхана* «конюшня»;

3) аффиксы принадлежности: *нькә*//*кә*: *апамкә* «сестрин» (Х-асп.) *апамнькә* (Ург. 1), *вуланькә* «их», *баланькә* «детский»;

4) аффикс сравнительной степени прилагательных *рақ* : *ог*. *кьчьһрақ* «поменьше», *гү* : *чльһрақ* «сильнее», *кипч*. *күшльһрәқ*;

5) иногда аффикс отношения: *дәгь*//*дейь*: *алъсдәйь* *душман* «враг, находящийся вдали», *йакындәйь* *дос* «друг, находящийся вблизи»; *ба* : *ғдейь* «находящийся в саду», *атыздәйь*, *йапдәйь* и др. Смягченный вариант этого аффикса употребителен только в ханкинском говоре и в отдельных мелких говорах огузского наречия, в остальных же существуют оба варианта:

6) аффикс сравнения *дәй*//*дей* : *урадей* «как яма», *бәладей* «как беда», «бедовый», *мундей* «так, таким образом», *қандей*

«как»; то же и аффикс уподобления: *ди : йн: атаңди : йн* «как твой отец»;

7) вопросительная частица *нә: атаң нә?* «а отец твой?», *бардың-нә?* «а если и пошел ты?»;

8) частица утверждения, подчеркивания *лә: а : дам-лә* «он ведь человек», *каштың-лә* «ведь ты убежал-таки»;

9) аффикс прогрессива: *йатър : барйатър* «он идет туда»; *гүлйатър* «он смеется», *гәлйатър* «он идет сюда» (кипч. -ватър);

10) аффикс причастия будущего времени «доғын»: *гәләдоғын* «тот, который придет», *охыйдоғын* «тот, который будет учиться» (кипч. -тавғын);

11) аффикс предела *чанль//чәлль*: *азана-чәлль* «до утра», *калаға-чәлль* «до города», *хыйваға-чәлль* «до Хивы» (кипч. -чәкль// -чақлъ);

12) частица усиления *қу: гетть-қу* «он ведь ушел», *ийәң-қу* «он ведь твой младший брат» (кипч. -ғо);

13) аффикс глагола и причастия будущего времени *жақ//жәк*, но в кипчакских говорах этот аффикс имеет только твердый вариант: *келжақ* «придет», *сөйлйжақ* «он будет говорить».

Гораздо сложнее обстоит дело с взаимоотношениями компонентов в сложных словах. Как общее правило, компоненты сохраняют свою самостоятельность: *апайә* «сестры» (*апа* + *ийә*), *а : ғайә* «братья» (*а : га* + *ийә*), *а : ғыйнь* (*а : ға* + *инь*) «друг, товарищ», *атәңә* «родители», *апүкә* «сестры», *әкәтоқа* «друзья» и т. д. То же самое и в сочетаниях типа глагольная форма плюс недостаточный глагол в спрягаемой форме: *барвәдъ*, *барған әдъ*, *барар әдъ*, *барйатър әдъ*, *баржақ әдъ*, *барәдоғын әдъ*, *барсәдъ* и т. д. Однако в слившихся словах с одним ударением и претерпевшим сильное фонетическое изменение гласные одного из компонентов подчиняются гласным другого компонента: *әпкә* «принеси» (> *алъб гә*), *әпкет* «унеси» (> *алъб гет*), *әппер* «подай сюда» (> *алъб бәр*) (кипч. *әпкъ*, *әпкет*, *әппер*), *иншу* «вот этот» (*инә шу*), *навучун* «почему?», *навъ* «что это» (> *нә бу*), кипч. *шүйтъп* «таким образом», *бүйтъп*, *үйтъп* (Мнг. 2).

Кроме этого, наличие ряда сингармонистических вариантов — кипч. твердая основа, а ог. мягкая — также свидетельствует о начале разрушения палатальной гармонии: кипч. *мың*, ог. *мың*, кипч. *йъл*, ог. *йъл*, кипч. *пъч*, ог. *бъч*, кипч. *пъшъқ*, ог. *пъшьк* «кошка», кипч. *санқъ*, ог. *сәңць* «бродяга» и мн. др. Как указано выше, почти любое слово, где имеется сочетание *ай* или *йа* на огузской почве дает *-әй-ей-ий* или *йә, йе, йи*. Ср. *пейда* «польза», *ейран* «молочный напиток», *мейдан* «площадь» и мн. др.

ОБ УДАРЕНИИ

Ударению в тюркских языках посвящено довольно много специальных работ. Тем не менее этот вопрос не получил своего окончательного решения и является предметом разногласия и споров между специалистами-тюркологами⁷². Ученые, занимавшиеся вопросами ударения преимущественно в турецком языке (Нильсен, Коллендер, Дени, Проле, Ракетти и др.), высказывали различные, порою совершенно противоположные мнения относительно того, является ли ударение в турецком языке музыкальным (тоническим) или экспираторным (динамическим). Нет до сих пор единого взгляда и на вопрос о месте ударения в тюркском слове⁷³.

Причины такого теоретического разнобоя в зарубежной тюркологии в учении об ударении вполне определенно указаны в книге проф. Э. В. Севортяна «Фонетика турецкого литературного языка»⁷⁴. Развернувшиеся за последние годы работы экспериментально-лабораторных исследований по отдельным тюркским языкам дадут специалистам апробированный материал для более уверенного суждения о природе ударения в тюркских языках и, в частности, помогут выяснить:

а) соотношение различных компонентов ударения в тюркских языках (длительность, экспирация, музыкальность);

б) общие и отличительные моменты ударения по отдельным тюркским языкам как в отношении участия компонентов, так и в определении места ударения в слове;

в) роль словесного ударения в дифференциации лексико-грамматических элементов в тюркских языках.

Наши выводы относительно словесного ударения в хорезмских говорах основываются исключительно на слуховом анализе фактов и ни в коем случае не претендуют на окончательное решение вопроса.

Ударение в изучаемых наречиях, на наш взгляд, является динамическим (экспираторным), по крайней мере, участие музыкального компонента в словесном ударении весьма незначительно⁷⁵.

⁷² W. Pröhle. Zur Frage des Wortakzents im Osmanisch-Türkischen, «Keleti Szemle», 12, Budapest, 1911, стр. 199.

⁷³ М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике..., стр. 33.

⁷⁴ Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка..., стр. 128.

⁷⁵ А. Махмудов. Словесное ударение в узбекском языке, Ташкент, 1959, стр. 49.

Вопрос словесного ударения на материале узбекского литературного языка более подробно освещен в специальной работе проф. А. Г. Гулямова⁷⁶ и в кандидатской диссертации А. Махмудова. Мы приводим некоторые факты, характерные для хорезмских говоров и несколько отличающиеся по месту ударения от такового в узбекском литературном языке.

1. В изучаемых говорах словесное ударение в именных категориях падает на последний слог независимо от того, является ли этот слог коренным или аффиксальным. Притом, по мере наращивания аффиксов ударение передвигается на слог, замыкающий слово: *а : т* „имя“, *а : дыңыз* „ваше имя“, *а́ : дыныздан* „от вашего имени“, *дъйа́* „верблюды“, *дъйа́л* „верблюды“, *дъйа́ләрмъз* „наши верблюды“, *дъйа́ләрмъздан* „от наших верблюдов“; *йахшъ* „хороший“, *йахшърақ* „лучше“, *йахшърақларъннан сайлаб ал* „выбирай лучших“; *беш* „пять“, *бешънжъ* „пятый“, *бешънжъдан алтънчыға* „с пятого в шестой“ и т. д.

2. В парных словах и словосочетаниях каждый компонент сохраняет в конце слова свое собственное ударение: *балалъ-ча : ғалъ*, *өйлъ-жайлъ*, *ге : жэ-гүннъз*, *йалған-йашық*, *арва-сарва*, *сүв-пүв*, *нан-пан*, *қазан-тавақ*, *гәп-сөз*, *кътан-пътан*, *экэ-тоқа* др.

3. В сложных словах первый компонент обычно теряет собственное ударение, однако наличие какого-то элемента ударения не вызывает сомнений (второстепенное ударение): *карель* „слива“, *йашуль* „руководитель“ (с одним главным ударением на конце сложного целого), но *адақ арва* (главное ударение падает на конечный слог второго компонента, второстепенное ударение — на конец первого компонента), *бай аръ*, *ёл бъчкы*, *лэвап ка : са́* „большая чашка“, *ашпъ-чақ* „большой нож“ и др. В именах собственных, состоящих из двух или более компонентов, главное ударение падает на конечный слог сложного слова: *әнэбыйъ*, *абдыраман*, *жаббарйән* (< *жаббар бергән*).

⁷⁶ А. Г. Гулямов. Узбек тилида ургу, Тошкент, 1947.

4. В сложных словах местоименно-наречного типа ударение, как правило, падает на первый слог (указательно-вопросительные местоимения плюс существительное): *нѡвѣ* „что это?“ (< *нѣ бу?*), *нѡвчун* „для чего, почему?“, *иншѣ* „вот это“ (< *инѣ шу*), *нѣ:рдѣ* „где?“ *нѣ:рѣ* „куда?“, *хѡ:дѣ* „там“, (< *у йердѣ*), *бѣ:дѣ* „здесь“, *ансың* „потом“.

Наличие второстепенного ударения все более явно выступает по мере увеличения количества слогов и передвижения главного ударения на последний слог слова. Причем сонорная длительность первого, особенно открытого, слога в огузском наречии заметно увеличивается. Если взять за 100 сонорную длительность [а] в слове *бағ* „сад“, то при наращении аффикса с начальным гласным, например, *ба:*

ғымѣз „наш сад“, несмотря на перенесение главного ударения на последний слог, гласный первого открытого слога количественно увеличивается примерно в 1,5 раза⁷⁷. Эту характерную особенность огузских говоров так же, как и туркменского языка, необходимо учитывать при изучении природы долгих гласных, тесно увязав ее с проблемой словесного ударения.

Гораздо сложнее обстоит дело с ударением в категории глагола. Почти во всех формах глагола изъявительного наклонения главное ударение падает на первый слог корня, при особой интонации (в эмоциональной речи) ударный гласный значительно увеличивается в длительности.

Глагольные формы прошедшего времени:

гѣрдѣм-гѣрмѣдѣм, ѡлдѣм-ѡлмадѣм, гѣрѣпмѣн-гѣрмѣпмѣн, ѡлѣпмѣн-ѡлмапмѣн, гѣрѣпмѣш-гѣрмѣпмѣш, ѡлѣпмѣш-ѡлмапмѣш. То же самое и с недостаточным глаголом „ѣ“: *гѣрѣвѣдѣм, гѣрмѣвѣдѣм, ѡлѣвѣдѣм, ѡлмавѣдѣм, гѣрѣян ѣдѣм-гѣрмѣян ѣдѣм, ѡлған ѣдѣм-ѡлмаған ѣдѣм, гѣрѣр ѣдѣ, гѣрмѣс ѣдѣ, ѡлар ѣдѣ, ѡлмас ѣдѣ, гѣрѣпмѣ:дѣ-гѣрмѣпмѣ:дѣ* и т. д.

Исключение из этого правила составляет форма предположительного прошедшего времени, где ударение падает на слог перед аффиксом „дѣ-дѣ“: *гѣрѣѣндѣ-гѣрмѣѣндѣ, бѣрғѣндѣ-бѣрмағѣндѣ*.

⁷⁷ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание..., стр. 50.

Глагольные формы настоящего и будущего времени:

*гелйатърман-гемъййатърман, барйатърман-бармъйа-
търман, гелэмән-гемъймән, барамән-бармъймән; гелжэкмән-
гемъйжэкмән, баржақмән-бармъйжақмән.*

Форма настояще-будущего времени I и II лица ед. и мн. числа, как обычно, принимая вопросительную частицу *-ми*, имеет ударение на первом слоге слова, в III лице ед. и мн. числа ударение падает на слог перед *ми* в положительной форме:

барамъ-бармасмъ, гелэмъ-гемәсмъ, барамъла, бармасмъла (в отрицательной форме на первом слоге корня).

В условной и желательнo-повелительной формах глагола главное ударение также падает на первый слог слова. Исключение составляет второе лицо ед. и мн. числа глагола желательнo-повелительного наклонения с аффиксом усиления, когда главное ударение принимает слог перед усиленной частицей „а-ә“: *гелсәқ-ә „приди же!“, барсақ-а „иди же!“*.

В причастиях прошедшего, настоящего и будущего времени в определительной позиции главное ударение падает на последний слог: *ахәр сув, учәр қуш, гөрәр гүн, совәр йа : р.* Однако в этих же формах, выступающих в роли глагола сказуемого, главное ударение на первом слоге: *гелйәммән, барғансан, охығалла, сөвгән, гелжәкмән, айтарман, баржақман, барадуғымман.*

В деепричастной форме на б//иб ударение падает на первый слог: *алъб гет, охыб алдъм, йазъб йардъм, гөръб чыхтъм, и : шләб болдъ.* То же самое и в деепричастной форме на ынә//ынча, гынә//гынча. В деепричастиях на әль//алъ, гәль//ғалъ (деепричастие времени) ударение падает на последний слог: *гетәль: сен гетәль „с тех пор, как ты ушел“*. В сложных глаголах оба компонента сохраняют свое самостоятельное ударение на первом слоге.

Если же оба компонента сливаются путем стяжения, ударение удерживается на первом слоге начального компонента: *әпкә „принеси“, әпкет „унеси“, әппар, әпқал.*

Характерной особенностью огузских говоров в употреблении экспираторного ударения является то, что в словах,

выступающих в роли обстоятельств, ударение на первом слоге. Кроме главного ударения, в них гласный первого слога заметно увеличивается в длительности, тогда как те же слова в роли определения к существительным ударение принимают на последний слог: *йахшъ а : дām* „хороший человек“, но *йāхши : шлийдъ* „он хорошо работает“; *ағыр кышь* „спокойный человек“, но *ағыр йұрьйдъ* „он медленно ходит“, *қаттъ сууқ* „крепкие морозы“, но *қаттъ сөкдъ* „крепко ругал“.

Местоименно-наречные и служебные слова типа: *зордан* „еле“, *бырдән* „внезапно“, *башда* „вначале“, *көпдән* „с давних пор“, *хәммә* „все“, *лөкән* „но“, *бәлкѣ* „быть может“, *әмма* „однако“, *әввәл* „сначала“, *хәшкәм* „никто“, *хәшнәсә* „ничто“, *күллә* „подряд“, „все“, *шүннйән* „так“, *хәми:шә* „вечно“, *кәшкә* „хорошо бы“, *мүхләм* „очень“, *қанча* „сколько“, *шунчақлә* „столько-то“ и мн. другие принимают ударение на первый слог, но *әлвәттә* „конечно“ — на второй слог.

Не принимают на себя ударения следующие аффиксы и частицы: 1) вопросительная частица *-ми* как при имени, так и при глагольных формах; 2) аффикс отрицания *-мәс-мас* при глаголе; 3) аффикс сказуемости; 4) союзная частица *да:* со значением выделения, противопоставления: *үзъ йахшъ да : йāман охыйдъ* „он хорош, но плохо учится“; 5) частица *-лә* (без сингармонистических дублетов): *хуам а : дамлә* „он тоже ведь человек!“, *болдъм-лә* „я уже...“; 6) *бълән// вълән* со значением совместности: *мәм бълән* „со мной“, *бā : д вълән* „быстро“, *гү : ч вълән* „насильно“; 7) аффикс *гьнә-гына*: *йахшъгына* „хорошенький“, *үчгьнә* „только три“; 8) аффикс *ча-чә*, образующий наречие: *мәннчә* „по-моему“; 9) частица *-қу* со значением подчеркивания, утверждения: *бәррдәм-қу* „я ведь ходил“, *оҳымансан-қу* „ты ведь не читал“; 10) частица *-дъ* (<дир) со значением предположения, неуверенности или утверждения: *а : дām-дъ* „кажется, чело-

век“, *бърма:ндъ* „кажется, он не ходил“, *бържақдъ* „наверно, он собирается идти“; 11) формы *эмыш экән* (от недостаточного глагола „ε“) с различными значениями модальности употребляются без ударения как при имени, так и при глаголе: *а : дам экән* „оказывается, он человек“, *гейән эмышсән* „говорят, что ты приходил“, *ағанедъ* „он брал“; 12) частица *а||э* со значением усиления: *барсаң-а* „иди же!“, *гөрсәң-э* „посмотри-ка“ и т. д.

В кипчакских говорах Хорезма ударение также экспираторное. Размещение ударного слога, по нашим наблюдениям, в основном то же, что и в огузском наречии, однако здесь замечается менее слабое выделение ударяемого гласного (т. е. с меньшей силой экспирации). Особенно это заметно в категории глагола, где чрезвычайно сложны взаимоотношения первого ударного и последнего полуударного слогов. По этой причине мы пока воздерживаемся высказать определенные суждения относительно природы ударения в кипчакских говорах Хорезма. Дальнейшие изыскания, особенно по линии экспериментально-лабораторных анализов, внесут ясность в вопрос об ударении в живых узбекских говорах.

Экспираторное ударение в изучаемых наречиях, кроме основного своего назначения, служит одним из средств дифференциации значений слов и грамматических форм, т. е. имеет фонологическое значение. В работе проф. А. Г. Гулямова в хорезмских говорах отмечены случаи противопоставления ряда омонимов — слов по признаку ударяемости и неударяемости аффиксального гласного. Рассмотрим их:

1) аффикс *-ма||-мә* с ударением образует отлагательное имя, без ударения — отрицательную форму глагола 2 л. ед. числа повелительного наклонения: *доғма* „не рожай“, *доғ-мә* „сын“, *доғмачә* „сыннок“ (ист. рожденный рабыней), *отъръшмә* „не сиди вместе“, *отъръшмә* „вечеринка“, *қы-дъръшмә* „не ищи вместе“, *қыдъръшмә* „путешествие“, „прогулка“, *сәлмә* „не клади“, *сәлмә* „ручей“, „арык“, *қуурмә* „не жарь“, *қуурмә* „кавардак“, *дәлмә* „не наполняйся“, *дәлмә* „голубцы“;

2) аффикс *мәк||мақ* с ударением образует имя, без ударения — неопределенную форму глагола: *бармақ* „идти“, но *бармак* „палец“, *буламақ* „перемешивать“, *буламақ* „зати-

руха“, *қалмақ* „оставаться“, *қалмақ* „крючок для рыбной ловли“, *оймақ* „рыть землю“, *оймақ* „наперсток“, *қуймақ* „лить“, *қуймақ* „яичница“;

3) аффикс *-р// -ар* с ударением образует имя существительное и причастие, без ударения — глагольную форму настоящего-будущего времени: *ачар* „он откроет“, *ачар* „ключ“, *қачар* „он убежит“, *қачар* „телка по второму году“, *учар* „он улетит“, *учар* „ловкий“ (дословно „летающий“), *ақар* „будь белым“, *ақар* „проточная (вода)“, *сөвар* „он полюбит“, *сөвар* „любящий“. Сюда же можно отнести и примеры вроде: *қачыр* „заставь бежать“, *қачыр* „мул“ (в первом примере „ыр“ образует понудительный залог);

4) аффикс *-дык || -дық* с второстепенным ударением образует форму прошедшего времени I лица мн. числа, с ударением — имя существительное: *ойдык* „мы выкопали“, *ойдык* „яма“, *ахтык* „мы понесли по течению“, *ахтык* „внук“, *сөвдык* „мы полюбили“, *сөвдык* „возлюбленный“, *гөрдьк* „мы увидели“, *гөрдьк* „участь“.

Замечательной особенностью прилагательных-наречий, выполняющих функции обстоятельств, является то, что они всегда сохраняют главное ударение на первом слоге: *қатты* *сууқ* „крепкие морозы“, но *қатты* *сөкдъ* „крепко выругал“, *йаңа* *вәж* „новая вещь“, *йаңа* *гелдьм* „я только что пришел“. В односложных словах-наречиях коренной гласный удлиняется: *а:з* *сөллә*, *кө:п* *тыңла* „меньше говори, больше слушай“, *те:з* *йурьидъ* „он быстро ходит“, но *тез* *а:дам* „вспыльчивый человек“ и т. д.

СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ

ХАРАКТЕРИСТИКА СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Система согласных звуков в изучаемых наречиях как по количеству фонем, так и по их качественной характеристике совпадает в общих чертах с системой согласных, с одной стороны, каракалпакского, а с другой — туркменского и азербайджанского языков. Тем не менее, они обладают рядом специфических, присущих каждому из них, особенностей, которые отличают их друг от друга и от литературного узбекского языка.

В огузском наречии имеются следующие согласные: б, в, г, ғ, д, й, ж, з, к, қ, л, м, н, ң, п, р, с, т, х, ҳ, ч, ш.

Кроме этих 22 самостоятельных согласных фонем, имеется еще один проточный глухой звук [ф], выступающий как вариант фонемы [п] с очень ограниченным диапазоном применения.

В йекающих говорах кипчакского наречия имеются все вышеуказанные согласные фонемы, а в джекающих говорах этого наречия отсутствует фонема [х].

Губные согласные. Фонема [б] — губно-губной смычный согласный с нормальной звонкостью, чем и отличается от приглушенного [б] в кипчакских говорах, в которых глухие и звонкие согласные, особенно в начале слова, мало дифференцированы, как и в каракалпакском и в алтайском языках¹. Кроме того, огузское [б] связано с энергичной работой органов произношения (губы плотно сжаты), в джекающих говорах смычка органов слабее.

В огузских говорах фонема [б] встречается в любой позиции, приобретая лишь приглушенный характер в абсолютном

¹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык..., стр. 62; Ф. Г. Исхаков. Тувинский язык..., стр. 61—62; В. В. Решетов. Узбекский язык..., стр. 230.

конце слова; в кипчакских говорах в целом употребление [б] в начале слова связано преимущественно со смысловозначительной функцией последнего в плане противопоставления б-п.

Фонема [п] — губно-губной смычный глухой согласный звук. В кипчакских говорах он образуется при плотном смыкании губ с последующим их мгновенным размыканием. Основное различие между кипчакским и огузским [п] заключается в наличии элемента придыхания в первом и отсутствии его во втором. Кроме того, при произношении [п] в кипчакском наречии сила выдоха больше, чем в огузском. Хакасский ученый Д. И. Чанков на основании экспериментальных данных следующим образом характеризует фонему [п] в хакасском языке: «Фонема [п] образуется путем смыкания нижней губы с верхней при сильном мышечном напряжении и с последующим их размыканием. В момент размыкания губ воздушная струя, с силой вырываясь наружу, создает шум, который воспринимается как сильный глухой взрывной звук»². В кипчакских говорах в начале слова фонема [п] весьма устойчива и обычно соответствует огузскому [б] в некоторых словах; озвончение этого звука в указанной позиции вместо древнего [п] произошло, по-видимому, на почве противопоставления п-б: *пал* «гадание», *бал* «мед», *паш* «разоблачение», *баш* «голова», *пел* «нрав», *бел* «талия» и др.

В середине слова в огузском наречии фонема [п] очень устойчива в противоположность кипчакской, где этот звук между гласными и в соседстве со звонкими согласными озвончается, варьируя между смычным [б] и проточным [в]: ог. *қапақ*, кипч. *қабақ* «веко»; ог. *топрақ*, кипч. *тоб'рақ* «земля»; ог. *депә*, кипч. *төбә* «возвышенность», «темя»; ог. *кәпәк*, кипч. *кебәк* «отруби». В конце слова кипч. [п] в основном соответствует огузскому [п], но в последнем часто происходит замена [п] [в]: кипч. *түп*, ог. *ди:в* «куст», «корень»; кипч. *теп*, ог. *дөв||дөу* «пинать»; кипч. *қан*, ог. *қав* «кусаться» и т. д. Но в обоих наречиях *көп* «много», *үөл||үон* «целовать», *йьп||жьп* «нитка», *топ* «мяч».

Фонема [в] в обоих наречиях губно-губной проточный звонкий звук. Он в огузских говорах собственно ничем не отличается от аналогичного звука других йекающих говоров и литературного языка. Здесь при произношении [в] губная работа, по нашим наблюдениям, заметно слабее, чем в кипчакских говорах. В джекающих говорах при артикуляции [в] губы заметно выпячиваются, как при гласном [о] с последую-

² Д. И. Чанков. Согласные в хакасском языке, Абакан, 1957, стр. 15.

шим сужением органов произношения. В начале слова этот звук напоминает дифтонгообразный гласный типа широкого уо (подобен английскому w)³.

В обоих наречиях фонема [в] в начале слова употребительна лишь в заимствованных словах и в некоторых междометиях. В середине слова звук [в] в огузском наречии соответствует преимущественно кипчакскому [б]: кипч. *қабан*, ог. *қаван*; кипч. *шорба*, ог. *шорва*; кипч. *йабан*, ог. *йаван* «село». В некоторых говорах того же кипчакского наречия (например, в Гурлене) зафиксированы случаи замены [б] через [в]: *йалбар*|| *йалвар* «умолять».

Фонема [м] — губно-губной смычный носовой звук. В произношении его между изучаемыми наречиями нет значительных различий. Эта фонема употребительна во всех позициях слова. Должно быть отмечено лишь сравнительно меньшее употребление ее в начале слова в кипчакских говорах. В этой позиции огузскому [м] соответствует часто кипчакское [б]: кипч. *байрам*, ог. *ме:рәм* «праздник»; кипч. *бурън*, ог. *мурън*|| *мун* «нос»; кипч. *бахмал*, ог. *махмал* «бархат»; кипч. *балғам*, ог. *малғам* «мокроты».

Передние шумные согласные. Из шумных согласных, образующихся в передней части языка, в изучаемых говорах мы имеем [т], [д], [с], [з], [ш], [ч], [ж].

Фонема [т] — переднеязычный смычный глухой согласный звук.

При артикуляции кипчакского [т] кончик языка упирается в десна и верхние резцы, образуя довольно плотную смычку. В момент раскрытия смычки производится сильный взрывной звук. В огузском наречии этот звук менее напряженный, чем в кипчакском и произносится с меньшей силой выдоха. Фонема [т] может употребляться в любой позиции слова и аффикса. В огузском наречии в громадном большинстве случаев фонема [т] в начале слова озвончается, случаи сохранения [т] также нередки: ог. *тур* «вставать», *тәман* (Ург., Хив.) «большая игла», *тәкә* «подушка», «козел», *та:р* «музыкальная струна», *тәннәк* «сорт огурца», *тейдъ* «валенки», *тәшкәр* «проверять», *то:шан* «заяц», *тоғалақ* «круглый», *томазан* «жук» и др. В односложных словах с долгим широким гласным звук [т] в абсолютном конце слова имеет склонность переходить в полувзвонкий звук [д]: *а:д* «имя».

Фонема [д] — переднеязычный смычный звонкий согласный звук. В огузском наречии звук [д] — полновзвонкий напряжен-

³ В. В. Решетов. Узбекский язык..., стр. 237.

ный, тогда как в кипчакском он произносится с меньшим напряжением и носит обычно приглушенный характер.

В кипчакских говорах употребление звонкого [д] в начале слова зафиксировано только в немногочисленных, преимущественно заимствованных, словах: *дэрийа* «большая река», *дуз* «степь», *дэм* «очень», «весьма», *давэл* «сильный ветер», *доппэ* «детская тюбетейка», *дастэрхан* «скатерть», *душлаш* «встречаться», *дүдән* «корзиночка» и др.

В огузских говорах согласный [д] имеет чрезвычайно широкое применение особенно в начале слова вследствие регулярного озвончения древнего глухого [т]: *дырсак* «локоть», *дыннақ* «ноготь», *ди:ш* «зуб», *дъл* «язык», *дыйа* «верблюды», *да:л* «кива», *дур-* «стоять», *дөшк* «дыра», *дөшак* «постель», *ду:з* «соль», *дөк* «лить», *дөрэт* «плодить», «размножать», *дөң* «лед» и др.

В употреблении звонкого [д] в огузском наречии имеются некоторые особенности, заключающиеся в том, что глухой согласный [т] между гласными внутри некоторых слов озвончается тогда, как в кипчакском остается глухим: ог. *бу:дақ* «ветка» (кипч. *пэтак*), *қу:дэр-* «беситься» (кипч. *қутэр*), *а:дыққан* «известный» (кипч. *атққан*), *о:дән* «дрова» (кипч. *отән*). Некоторые аффиксы с начальным [д] после проточных глухих согласных основы сохраняют свою звонкость, приобретая несколько приглушенный характер: *ашдэ* «он открыл», *гешдэ* «вечером», тогда как в кипчакском наречии в указанных фонетических условиях [д] теряет звонкость: *аштэ*, *кештэ*, *қыштан* «из зимы».

В конце слова фонема [д] в кипчакском наречии употребительна лишь в заимствованных словах типа *бад* «ревматизм», *йад* «наизусть» (конечный согласный полувзвонкий). В огузских говорах [д] в конце слова более устойчива и встречается в исконных тюркских корнях: *о:д* «огонь», *а:д* «имя»; однако и в этих примерах фонема [д] несколько приглушена.

Фонема [с] — переднеязычный щелевой глухой согласный звук. По артикуляционно-слуховому признаку эта фонема ничем не отличается от обычного тюркского глухого [с] и не требует дополнительных разъяснений. В ее употреблении между изучаемыми наречиями отмечено расхождение для начала слова: огузскому начальному [с] в кипчакских говорах нередко соответствует аффриката [ч], реже [ж]: ог. *со:чэ*, кипч. *чавчэ* (Гур. 1), *жавчэ* «сват» (Мнг. 2), ог. *сү:жэ*, кипч. *чүчэ* «сладкий», *са:ч-чач* «волосы».

Фонема [з] — переднеязычный щелевой звонкий согласный звук. Встречается он в любой позиции слова и аффикса. В огузских говорах этот звук устойчив, в кипчакских же в конце слова

обычно теряет свою звонкость: ог. *зордан* «еле», «насилу», ог. *зовала* «кусочек теста», кипч. *заґама* «обод», ог. *заңць* «лестница», *за:мат* «труд», *су:зақ* «пловец», кипч. *бьс*, *сьс*, *көс*, ог. *бьз* «мы», *сьз* «вы», *гөз* «глаз»; ог. *ағыз*, кипч. *авьс* «рот» и т. д.

Фонема [ш] — переднеязычный щелевой глухой согласный звук. Он имеется во всех соседних тюркских языках, употребителен во всех позициях слова и аффикса. По нашим наблюдениям, фонема [ш] в огузских говорах произносится мягче, чем в кипчакских: ог. *шу||шь* «вот этот», *ша:лз* «неочищенный рис», *шө:лэ* «рисовая каша», *а:ш* «пища», *қашық* «ложка», *қошығ* «песня», *а:шық* «влюбленный». Зафиксированы случаи соответствия *ч||ш* (ог. *чи:ш*, кипч. *шиш* «опухоль»), *ш||з* (*чеш||чез* «раздеваться», *шульк||зульк* «пиявка»).

Фонема [ч] — переднеязычная смычная глухая аффриката. Эта фонема употребительна во всех позициях слова и аффикса. В кипчакских говорах в конце слова и в содестве с глухими согласными в середине слова аффриката [ч] имеет склонность переходить в мягкий проточный согласный [ш]: *аштз* «он открыл», *қаштэм* «я убежал», *сә:т үштэ* «в три часа». Кипчакское [ч] в ряде случаев соответствует огузскому анлаутному [с]. Не редки и случаи чередования аффрикаты [ч] по линии *ч||ш*, *ч||т*, *ч||й*, *ч||ж* и т. д.

Фонема [ж] — переднеязычная смычная звонкая аффриката. В произношении этой фонемы в изучаемых говорах нет принципиальных различий. В джекающих говорах в начале слова [ж] выступает вместо среднеязычного звонкого [й] в йекающих говорах того же кипчакского наречия. В огузском наречии в указанной позиции употребляется звук [й]. Даже лит. *жағ* «челюсть» в йекающих говорах произносится как *йағ*; ар. *жава:б*, кипч. *йек*, *йувап* «ответ». Следы джеканыя сохранились в этих говорах в немногочисленных примерах: кипч. *жьйда*, ог. *и:дэ*, лит. *жийда*; ог. *йеңна||йығна*, кипч. *жъйна* «собирать»; соответственно *жъйнақ* «собрание» (ср. Ташк. *йүң||жүн* «шерсть», *йүған||жүған* «седло», *йүр||жүр* «пойдем»). В огузских говорах фонема [ж] в середине слова часто соответствует кипчакскому [ч]: ог. *аржа*, кипч., лит. *арча* «елка», *а:жэ*, кипч. *аччэ* лит. *аччик* «горький». В абсолютном конце слова употребление аффрикаты [ж] для кипчакских говоров вообще нехарактерно, в огузских же говорах в этой позиции [ж] имеет приглушенный характер. После долгого гласного кипчакскому [ч] соответствует огузский [ж], но звонкость [ж] минимальна; это правило относится и к заимствованным словам: *а:ж* «голодный», *та:ж* «корона».

В огузских говорах Хорезма в известных фонетических ус-

ловиях иногда наблюдается употребление проточного звонкого [z] (каз. [ж]), выступающего как вариант аффрикаты [ж]. Например, *аждаха* «дракон», *сэждэ* «преклонение». Кроме того, в речи интеллигенции этот звук постепенно усваивается в словах, заимствованных из русского языка: *журнал*, *желат*, «жилет», *баржам*, *дужурный*, (обычно *жужур* с аффриктой [ж]). Соответствие ж||z, которое имеет место в некоторых узбекских говорах⁴, не зафиксировано нами.

Переднеязычные сонорные. Из переднеязычных сонорных в изучаемых говорах отмечены следующие: [л], [р], [н].

Фонема [л] — переднеязычный проточный сонорный звук. Существование двух вариантов [л] в сингармонистических говорах — переднего и заднего — обусловлено составом вокализма корня. При этом, деление сонорного [л] на задний и передний не имеет фонологического значения. В огузских говорах эта фонема употребляется во всех позициях слова и аффикса. В кипчакских, особенно в джекающих, говорах в начале слова она обычно не употребляется; в некоторых словах перед [л] появляется протетический беглый [ь], чего нет в огузских говорах. По мере движения на юг в йекающих говорах кипчакского наречия этот протетический звук идет на убыль, а то и вовсе исчезает: *блаққа*||*бла:қа* «сом», *ьлай* «грязь»; ог. *лаққа* «лай», *лабър* «якорь», *лаққы* «болтун», *ла:зъма* «женские шаровары», *лачэк* «женский головной убор», *лотра* «осадок масла», *лөв*||*лөү* «губы», *лук* «испорченное яйцо», *лүкчэ* «наличными», «целиком» и др. Случаи выпадения [л] в инлаутной позиции в обоих наречиях встречаются довольно часто. В конце слова, особенно в глагольных основах, [л] также часто выпадает: *а:* «возьми», *қа* «оставайся», *са* «клади» и др.

Фонема [р] — переднеязычный проточный дрожащий сонорный звук. В огузских говорах степень дрожания языка слабее, чем в кипчакском наречии. В огузских говорах эта фонема употребляется во всех позициях слова и аффикса, в кипчакских же употребление этого звука в начале слова не зафиксировано. В заимствованных словах с начальным [р], как и перед [л], появляется протетический гласный звук [ь], реже [ү] и [о]: *ьрийс*||*ьрейъс* «председатель», *ьрәжәп* — имя собственное, *ьрәдъй* «радио», *үрви:зә* «ревизия», *орамал* «платок», *урьнак* «женский головной убор», *ораза* «пост», *оразъмбат* имя собственное и т. д.

В кипчакских говорах в середине и в конце слова и в аффиксах фонема [р] устойчива, редко подвергается влиянию

⁴ В. В. Решетов. Узбекский язык..., стр. 250—251.

ассимиляции. В огузских говорах она менее устойчива и в известных фонетических условиях очень часто ассимилируется под влиянием преимущественно [л] и [н]. Не редки и случаи выпадения [р] в конце слова и аффикса: *ба:* «есть», *хатълла* «женщины», *гелдъла* «они пришли», *баргандъ* «наверно, он пошел», *бъзэ* «мы» (Ург. 12, Хнк. 11), *өйьңэ вэ:* «иди к себе домой» (Ург. 1).

Фонема [н] — переднеязычный носовой согласный звук. По своим артикуляционно-слуховым признакам ничем собственно не отличается от аналогичного звука в других тюркских языках. В начальной позиции слова эта фонема встречается в основном в заимствованных словах, исключение составляет тюркское слово *нә||не* «что» и многочисленные производные от него слова: *нәмәнэ* «что такое?» (Мнг. 1), *нә* «что?», *нү:чън* «почему?», *нъччэ?* «сколько?» и др. Примеры с начальным [н]: кипч. *нама* «мелодия», *нан* «хлеб», ог. *нөзэл* «мишень» (ар. نظر *нах* «нитка», *ней* «флейта», *нәрван* «карагач» (Гурл., Хив.), *нә:л* «рассада», «саженец», *ни:л* «черная краска», *номай* «много», «обильный», *нуқул* «вид сладости» и др. В середине слова между гласными эта фонема иногда выпадает: *ма:т* «рубль». В абсолютном конце слова то же, что и в указанной позиции. Выпадение [н] в конце слова сопровождается удлинением предыдущего гласного с легкой назализацией: *мә:* «я», *сә:* «ты», *на:* «хлеб», *са:* «число», *ка:* «много» и др.

Среднеязычные согласные. Из среднеязычных согласных в изучаемых наречиях имеются следующие звуки: [й], [н], [к], [г].

Фонема [й] — среднеязычный звонкий звук. По артикуляционно-слуховым признакам [й] в хорезмских говорах ничем не отличается от аналогичного звука литературного языка. Различие между двумя наречиями, по нашим наблюдениям, заключается в том, что при произношении огузского [й] пространство между языком и нёбом уже, чем при кипчакском [й] и производит слуховое впечатление какого-то промежуточного звука между [й] и узким гласным [и]. Эта особенность легко улавливается в словах (*йийит* или *йийирмә*, где начальный [й] весьма слабый звук и в быстрой речи обычно выпадает. В ургенчском городском говоре нами зафиксированы параллельные формы *йийит||ийит* «парень», *йийирмә||ийирмә* «двадцать».

В огузском наречии и в йекающих говорах кипчакского наречия фонема [й] употребляется в любой позиции слова и аффикса, в джекающих говорах кипчакского наречия этот звук обычно нехарактерен для начальной позиции. В анлаутной позиции, как указано выше, этому звуку соответствует в

джекающих говорах аффриката [ж], т. е. *жур* «ходить», *жол* «дорога», *жугур* «бегать», *жуган* «узда», вместо *йур*, *йугур*, *йуган* в йекающих говорах того же кипчакского наречия. Исключение в начале слова составляет [й] в заимствованных словах: *йанвар* «январь», *йолка* «ёлка».

Фонема [н] — среднеязычный смычный носовой звук. Фонема [н] имеет два сингармонистических варианта. Противопоставление заднего переднему [н] обусловлено, как и фонемы [л], мягкостью и твердостью корневого вокализма. Задний и передний варианты фонемы [н] не имеют решающего значения в семантической дифференциации слов, так как фонологическую функцию выполняют гласные звуки.

Мягкий вариант этой фонемы образуется смычкой средней части языка с твердым нёбом, а твердый вариант — задней части языка с мягким нёбом. Мягкий вариант фонемы [н] в огузских говорах имеет более передний, смягченный характер, чем аналогичный звук в кипчакских говорах⁵. При произношении твердого [н] это различие легко улавливается. Фонема [н] в начале слова, как и во всех тюркских языках, не употребляется. В середине слова в позиции между гласными и перед

сонорными [р] и [л] [н] часто выпадает (*та:лай* «нёбо»), но предыдущий гласный удлиняется и приобретает характер носового звука. Звук [н] может удваиваться: *таңңа* «деньги», *доңңыз* «свинья», *йеңңа* «невестка» (ог.). В кипчакских же говорах в указанной позиции [н] или переходит в другие звуки (*мағлай*), или же, сохраняя свое качество, как бы выделяет лишний звук [г] или [ґ]: *таңға*, *тоңғыз*. При определенных фонетических условиях выделенными звуками могут быть и глухие согласные [к], [қ], что выясняется в сравнительно-историческом анализе вопроса о расщеплении фонемы [н]⁶. В абсолютном конце слова [н] в обоих наречиях сохраняется в чистом виде и произносится без элемента [к-г], как это отмечено в городских говорах (ср. Ташк. *келиңк* «приходите»). Зафиксированы случаи огузско-кипчакского соответствия *ң||й*: *йеңна-жъйна* «сбирать», *сөңәк-сүйәк* «кость», *қаңыр-қайыр* «сгибать» и др.

Фонема [к] — среднеязычный смычный глухой согласный звук. В огузских говорах [к] относится к категории смягченного звука; в кипчакских говорах он несколько отодвинут назад и мало отличается от аналогичного средне-заднерядного согласного других узбекских говоров.

⁵ В. В. Решетов. Узбекский язык..., стр. 271 и след.

⁶ Ф. А. Абдуллаев. Туркий тилларда [н] товушининг урчишига доир, журн. «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари», 1961, 2, стр. 62—69.

Характерной особенностью фонемы [к] в огузских говорах является отсутствие заднего варианта. Во всех фонетических условиях [к] остается среднеязычным мягким согласным. В заимствованных словах с широким гласным [а] в начале слова фонема [к] сохраняет свое качество, но при этом между начальным [к] и следующим за ним [а] появляется элемент, подобный [й], который придает начальному согласному отчетливый мягкий оттенок, следующий за ним широкий гласный [а] заметно увеличивается в длительности: *к'а:р* «дело», «занятие», *к'а:мъл* — имя собственное, *к'а:н* «много», *к'а:съп* «ремесленник», *к'а:тъп* «секретарь», *к'а:са* «чашка», *к'а:за* «укрытие для охотника», *к'а:л* «ложбина». Эта особенность сохраняется и в последующих слогах: *дук'ан* «лавка», «магазин», *ньк'а:* «бракосочетание», *мак'а:н* «место» и др.

Следует отметить, что в туркменском языке в приведенных примерах происходит изменение другого порядка, а именно: гласный звук после [к] палатализируется и заметно удлиняется при сохранении качества начального согласного как среднего звука: *кә:р*, *кә:се*, *кә:н*, *кә:мил*, *кә:л*, но в слове *дук'а:н* «лавка» то же, что и в огузских говорах.

В кипчакских говорах фонема [к] также является среднерядным, но с заметным задним уклоном. В приведенных примерах [к] — типичный заднеязычный согласный звук, произносящийся без всякого смягчения, гласный первого слога сохраняет обычную долготу: *кар*, *катъп*, *камъл*, *каса* и др. В последующих слогах то же, что и в первом слоге: *дукап*, *нька*.

Фонема [к] употребляется во всех позициях слова и аффикса. В огузском наречии этот звук сравнительно устойчив, в интервокальном положении не озвончается, чередование по линии к||г, к||й наблюдается преимущественно в смешанных огузско-кипчакских говорах. В кипчакских говорах в начальной и конечной позициях фонема [к] устойчива, между гласными внутри слова обычно к||г: *егън* «посев», *өгън* «каяться», *тегън* «бесплатно», *сөгън* «ругаться». Кипчакскому [к] в начале слова в огузском наречии соответствует обычно звонкий согласный [г]: *кет-гет* «уходить», *кун-гун* «день», *кър-гър* «входить», *көк-гөк* «синий», *көр-гөр* «видеть», *көз-гөз* «глаз» и мн. др. Не редки и случаи, когда кипчакскому [к] соответствует такой же звук в начале слова в огузском наречии: *көп* «много», *көл* «озеро», *кул* «зола», *кадь* «тыква», *кър* «грязь», *касав* «кочерга», *кәрвич-кәрбъч* «кирпич», *кәңшърьк* «переносица», *кә:за-кәбза* «лопатка», *акә* «старший брат», *иккь-екь* «два», *ука* «младший брат», *такә* «козел» и т. д.

Фонема [г] — среднеязычный смычный звонкий согласный звук. Он относится к категории максимально смягченных сог-

ласных и по артикуляционно-слуховым признакам очень похож на проточный среднеязычный звук [й]. В этом отношении огузское [г] заметно отличается от аналогичного звука в кипчакском наречии, где фонема [г] несколько отодвинута назад и сравнительно устойчива. В обоих наречиях фонема [г] встречается в любой позиции.

В начале слова огузскому [г] в кипчакских говорах обычно соответствует глухой согласный [к]. Употребление звука [г] в кипчакских говорах с задними гласными не зафиксировано, в огузском наречии при употреблении [г] с задними гласными, как и при [к], согласный [г] сохраняет свое качество, но между ним и задним гласным [а] появляется призвук, подобный [й], который придает фонеме [г] мягкий оттенок, а следующий широкий задний гласный увеличивается в длительности: *г'а:* «иногда», *г'а:пара* «некоторый». В некоторых говорах (например, Хнк. 1) отмечено употребление кипчакского слова *гапыр* «говорить», с задним гласным и удвоением инлаутного [п]: *г'аппыр* «говори».

В середине слова фонема [г] в огузских говорах очень неустойчива; после проточных и смычных согласных, между гласными и после сонорных она теряет свое качество и переходит в [й]: *өсйән* «росший», *өтйән* «прошедший», *өлийән* «умерший», *нәйә* «почему», *ләйән* «блюдо», *өйәй* «неродной», *кышйә* «человеку», *буйүн* «сегодня», *әйәр* «если» и т. д.

В кипчакских говорах фонема [г] в середине слова или сохраняет свое качество, или же дает соответствие г||й, о чем речь будет идти ниже.

Заднеязычные согласные. Фонема [к] — заднеязычный смычный глухой согласный звук. В огузском наречии фонема [к], так же как и [ғ] и [х], по месту артикуляции значительно отличается от аналогичного звука в кипчакском наречии. Огузскому заднеязычному [к] в кипчакских говорах соответствует глубокозаднеязычный смычный глухой звук [қ]. Огузская фонема [к] менее напряжена и при ее произношении сила смычки слабее, чем в кипчакских говорах и в литературном языке. Огузская фонема [к] ничем не отличается от аналогичного звука в туркменском языке. При произношении как туркменского, так и огузского [к] задняя часть языка поднимается вверх и плотно смыкается с поверхностью мягкого нёба. По месту образования звук [к] совпадает с заднеязычным вариантом сонорного [ң], разница лишь в том, что [к] — глухой, а [ң] — звонкий и притом сонорный⁷.

Фонема [к] употребляется во всех позициях слова и аф-

⁷ А. П. Поцелуевский. Фонетика туркменского языка..., стр. 22.

фикса. В начале слова она сохраняет свое качество, в середине слова обычно переходит в проточный согласный [x]: *арха* «спина», *ухы* «сон», *тархал* «рассеиваться». В позиции между гласными в огузском наречии не озвончается, исключение могут составить случаи в мелких говорах огузско-кипчакского типа, где чередование $q||f$ — обычное явление (например, Х-асп. 15; Швт. 10; 11; К-кпр. 12; Ург. 7 и др.) По месту образования кипчакская фонема [q] совпадает с аналогичным звуком литературного языка. Здесь в начале слова [q] сохраняется, внутри слова обычно происходит чередование по линии $q||f$; в абсолютном начале в джекающих говорах сохраняется, в середине и конце слова этот звук не претерпевает существенных изменений. В йекающих говорах того же кипчакского наречия нередки случаи спирализации [q] в середине и в конце слова: *арқа||арха* «спина», *тавақ||тавах* «блюдо», *савақ||савах* «нитка» и др.

Фонема [x] — заднеязычный проточный глухой согласный звук. Огузскому заднему [x] в йекающих говорах кипчакского наречия обычно соответствует глубокозаднеязычный глухой звук того же качества, в джекающих говорах кипчакского наречия этот звук соответствует [q]: *қалта* «мешок», *қалә* «тетя», *қатән* «женщина», *қабар* «известие», *қат* «письмо», *қош* «до свидания».

В огузском наречии фонема [x] встречается во всех позициях слова, в начале реже, в середине и в конце часто выступает вместо [q]: *охы* «читать», *тохы* «ткать», *вах* «время», *тахә||тейха* «тубетейка» (кипч. *тақйа*), *парх* «разница», *арха* «спина».

Придыхательный согласный [χ] — гортанный проточный глухой согласный звук. В обоих наречиях он очень слабый, похожий на выдох. Эта мысль верна особенно в отношении [χ] в джекающих кипчакских говорах. Здесь при произношении этого звука артикулирующие органы находятся в положении для произношения следующего гласного, и струя воздуха не встречает на своем пути препятствия. В начале слова фонема [χ] напоминает немецкий звук [h] в слове *haben*.

В начальной позиции звук [χ] в кипчакских джекающих говорах очень неустойчив, в заимствованных словах в этой позиции он обычно выпадает: *әммә* «все», *әр кәм* «каждый», *әзирлә* «приготовить», *әсән* — имя собств., *арам* «поганный», но в тех же джекающих говорах отмечено употребление протетического [χ] перед широкими гласными в начале слова: *χарра* «пила», *χаръ* «оса», *χақъл* «ум», *χайша* — имя собств., *χайван* «терраса», но *айван* «животное» (Мнг. 2, 3). По мере приближения к границам йекающих говоров того же кипчак-

ского наречия в указанной позиции придыхательное [х] произносится более отчетливо: *хамма, хәр кьм, хазър || хэзър, харам, хэвль* «двор», *хасән* и т. д. В интервокальном положении [х] выпадает, перед согласными, как правило, переходит в [й], иногда ассимилируется с последующим согласным: *массь* «ичиги», *мэккэм* «крепкий»; в абсолютном конце слова обычно выпадает: *паиша* «царь», *гуна* «грех», *нька* «бракосочетание», *важ* «вещь».

Интересно ведет себя этот звук в исконных тюркских словах в начале слова лит. [х] во всех говорах соответствует нулю ([х] выпадает): лит. *хурк*, ог., кипч. *үрк* «пугаться», лит. *хур* ог., кипч. *үр* «выть», и наоборот, лит. *инжу*, ог. *хьнжь* «изумруд», лит. *уркач*, ог. кипч. *хөркәч||хөлкәч* «горб верблюда». Отмечено соответствие й||х: *йенә||хенә||хьнә* «еще», *йештә-мә* (Ург. 9) «ничего», *хештәмә* (Гурл. 1), *йешкьм* «никто» (Мнг. 2, 3).

Арабский смычно-гортанный звук 'айн (Σ) в заимствованных словах проявляет себя различно в зависимости от позиции: в начале и конце слова в обоих наречиях этот звук выпал, о замене его придыхательным [х] не может быть и речи, ибо протетическое [х] вставляется перед словами неарабского происхождения (ср. *хәптьк* «аптека», Ург. I, Хив. I). В середине слова звук 'айн также выпал, но предыдущий гласный обычно приобретает характер долготы: *ма:на* «смысл», *мә:рәкә* «компания», «сбор», *тә:льм* «воспитание», *ма:лъм* «известный»; в конце слова этот звук выпадает вовсе: *тәмә* «корысть», *жәм* «сбор», *мәп||нәп* «польза».

Классификация согласных звуков огузского наречия

По способу образования		По месту образования	Придыхательные	Глубокоязычные	Заднеязычные	Среднеязычные	Переднеязычные	Губногубные
шумные	смычные	глухие			қ	к	т, ч	п
		звонкие				г	д, ж	б
	проточные	глухие	х		х		с, ш	(ф)*
		звонкие			ғ	й	з, (з)	в
сонорные	плавные						л	
	дрожащие						р	
	носовые				(н)	ң	һ	м

Классификация согласных звуков кипчакского наречия

По способу образования		По месту образования	Придыхательные	Глубокоязычные	Заднеязычные	Среднеязычные	Переднеязычные	Губногубные
шумные	смычные	глухие		қ	(к)	к	т, ч	п
		звонкие			(г)	г,	д, ж	б
	проточные	глухие	х	х			с, ш	
		звонкие		ғ		й	з (z)	в
сонорные	плавные						л	
	дрожащие						р	
	носовые				ң	(н)	н	м

*Знаки, взятые в скобки, обозначают варианты фонем.

ИЗМЕНЕНИЯ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Чередование согласных. В кипчакских говорах конечный глухой корня [п] при наращении аффикса с начальным гласным озвончается: кипч. джек. *кәп-кәбь, түп-түбь, сап-сабь, өп-өбьп, қап* «кусаться», *қабаған* «кусачий», *чап* «окучивать», *чабьқ* «окучка»; в йекающих говорах того же наречия обычно п||б||в: *чап-чавьп, гәп* «разговор», *гәбьм||гәвьм* «мой разговор». В джекающих говорах (Мнг. 2, 3, Кипч. I) отмечено озвончение [п] также перед сонорными [л] и [р]: *кәбрәк* «побольше», *тобрақ* «глина», *кьбрьк* «ресницы», *жабрақ* «лист», *кәбләрь* «многие из них».

Озвончение конечного глухого согласного [п] основы первого компонента происходит под влиянием начального гласного следующего слова: *өбьбалдъ* «он поцеловал», *кәбәкән* «оказывается много», *гәбалмадъ* «он не послушался», *тобойнъйдъ* «он играет в мяч», *қабьбалдъ* «она укусила» (о собаке).

В тех же говорах конечный глухой согласный [п] основы озвончается под влиянием начального звонкого согласного следующего слова. Причем оба согласных приобретают одинаково полувзвонкий оттенок: *алъб жур*, «возьми с собой», *кәб бердъ* «он много дал», *гәб бар* «есть разговор», *жьб жьбардъ* «он отправил нитки», *сөгьб бердъ* «он выругал».

Заемствованные слова с конечными глухими согласными (этимологические [б], [п]) не составляют исключения из этого правила.

Для огузских говоров нехарактерно озвончение типа *көп-көбь*, т. е. конечный согласный остается глухим и при наращении аффикса с начальным гласным: *көп-көпь*. Однако в смешанных говорах огузско-кипчакского типа отмечены случаи озвончения по линии п||б в словах: *қассап-қассабь* «мясник — его мясник» (Х-асп. 15), *ми:рап-ми:рабь* «мираб — его мираб» (Я-ар. 6).

Конечный согласный деепричастия обычно глухой, однако в сочетании этой формы с недостаточным глаголом «е» в спрягаемой форме [п] деепричастия систематически дает звонкий [в]: *алвадь* (<*алъб адь*) «он брал», *барвадьм* «я отдал», *галвадьла* «они приходили» и т. д. Исключение составляет ханкинский говор, где в указанной позиции [п] остается глухим: *гальпедь* «он приходил», *баръпедь* «он ходил», *гетьпедь* «он ушел». В сочетании деепричастной формы с вспомогательным глаголом с начальным звонким согласным конечный [п] деепричастия приобретает полувзвонкий оттенок: *қараб дуржақ* «он будет ждать», *гульб йардь* «он засмеялся», *и:шлэб болдь* «он кончил работу», *өтьб гетть* «он прошел»; перед гласным второго компонента [п] звонкий: *қараб отърдъ* «он ждал». В сочетаниях типа имя + вспомогательный глагол (*көп болдь* «прошло много времени») и имя + глагол с начальным гласным (*көп алдь* «он взял много») звонкость конечного согласного первого компонента минимальная.

В огузских говорах конечный согласный [п] союзного слова *дап* при всех обстоятельствах остается глухим, а в кипчакских перед гласным и звонким согласным второго компонента звук [п] озвончается: *деб айттъ* «он сказал, что...».

Позиционное чередование по линии ч||ж не зафиксировано в кипчакских говорах. В огузском наречии такого типа изменения отмечены в нескольких примерах: *гу:ч* «сила», *гу:жъм* «моя сила», *у:ч* «конечность», «вершина», *у:жъ* «его вершина», *геч* «поздний час», *ге:жа* «ночь», *қуч-* «обнимать», *қу:жақ* «объятие», *қу:жақла* «обнимать».

Озвончение согласного [к] происходит примерно в таких же фонетических условиях, как и при согласном [п]. В кипчакских говорах конечный тлухой согласный [к] при наращении аффикса с начальным гласным всегда озвончается: *көк* «зеленый», *көгәр* «зеленеть», *сөк* «ругать», *сөгьп* «выругав», *ек* «сеять», *егьп* «посев», *төк* «высыпать», *төгьп* «удобрение», *келмәк* «приходить», *келмәгә* «чтобы прийти», *өлк* «труп», *өлгь* «его труп» и т. д.

В словосочетании перед начальным гласным второго компонента конечный глухой [к] первого слова озвончается: *кәг ерьк* «зеленый урюк», *сәг алдъ* «он купил крупу», *тәгәгой* «ладно, сшей». В тех же говорах озвончение начального согласного второго компонента после гласного первого отмечено в слове *бүгүн* «сегодня», «этот день», *шүгүн*, *ү огүн* «тот день». Отмечено озвончение [к] после сонорного [р] в сочетаниях *бър гүн* «однажды», *хәр гүн* «каждый день».

В указанных позициях согласный [к] в огузском наречии остается глухим, но в говорах огузско-кипчакского типа, хотя и нерегулярно, встречаются случаи озвончения глухого [к] в отмеченных позициях: *үчәгә чък* «лезь на крышу», *әшәгъ қат* «привяжи осла», *гөйнәгъ а:ла* «у него рубашка пестрая», *дәвләр мәслә:т әтмәгә қарадълар* «дивы начали совещаться» (Ург. 13, Я-ар. 1).

Озвончение [к] происходит в тех же фонетических условиях, что и изменение глухого [к].

На стыке корня и аффикса в положении между гласными в кипчакских говорах глухой согласный [к] озвончается: *йоқ* «нет», *йоғъ* «его отсутствие», «*чъғар* «выводить», *ағъмтәл* «беловатый», *ашъғәп туръппан* «я спешу», *тағъбал* «нацепи», «приколи», *оғъ жоқ* «нет патрона», *алмаға кеттә* «пошел, чтобы купить», *жақшылғъ* «его доброе дело» и др. То же самое наблюдается и в словосочетаниях, где [к], попадая в интервокальное положение, озвончается: *қағ ерьк* «сушеный урюк», *йоғ еттә* «он потерял».

В огузских говорах [к] в указанной позиции остается глухим, однако отмечены случаи озвончения глухого [к] как в независимой позиции, так и перед сонорными [л]. Последнее характерно для всей территории распространения огузского наречия:

айақымда қара әдк қадағлъ
деймә, бала, мән бърәвә адағлъ,
ге:жә баръйн дәсәм, айла қараннъ,
гүннәз баръйн дәсәм, и:зъм сорағлъ (Ург. 1).

В мелких говорах огузско-кипчакского типа в определенных фонетических условиях отмечено озвончение [к]: *хәрдә ешьк раварағ ачығ йатәптә* «там дверь открыта настежь» (Ург. 13), *балаңғы йамаллғы* «дурной поступок твоего ребенка» (Швт. 10), *сғыринъ бър айағы ахсәйдъ* «корова хромает на одну ногу» (Ург. 6), *қулағым ағрғйатър* «у меня болит ухо» (Ург. 13), *сандғы бәклә* (Х-асп. 15) «закрой сундук».

В конце основы озвончение глухого [к] зафиксировано в отдельных мелких огузских говорах: *ит қыстағда бит қыстағ*

«очень спешно» (перевод дан по общему смыслу выражения), *қуйуғ* «густой», *суйу:*||*суйуғ* «жидкий», *а:шығ* «влюбленный», *сорағ* «вопрос», «*чықмаға қарадъ* «начал выходить» (Я-ар. I), *батърнъ му:ша:м йарағ* «кулак богатыря — тоже оружие» (Хнк. 4).

В указанной позиции озвончение [к] в кипчакских говорах не наблюдается: ог. *қуйуғ*, кипч. *қойъ*, но ог. *суйуғ*, кипч. *суйуқ*, ог. *уйағ* «бодрствующий», кипч. *ойав*. Видимо, в обоих наречиях еще не закончился процесс выпадения конечных согласных в ряде прилагательных. Ср. ог. *до:лъ*, кипч. *толъ*, лит. *тўлиқ* «полный», ог. *а:жъ*, кипч. *аччъ*, лит. *аччиқ* «горький» и многие др.

Оглушение согласных в определенных фонетических условиях имеет широкое распространение, причем каждое из изучаемых наречий в этом отношении обладает своими специфическими особенностями.

Как уже отмечалось выше, конечный согласный в деепричастной форме на «иб||б» в обоих наречиях в отдельно взятом виде и перед начальным глухим согласным аффикса или следующего слова сохраняется, а перед начальным гласным или звонким согласным имеет в огузском наречии приглушенный характер, а в кипчакском полностью оглушается. Ср. формы перфективного прошедшего времени:

Огузское наречие

баръбман, гельбмән
баръпсан, гельпсән
баръптъ, гельптъ

Кипчакское наречие

баръппан, кельппән
баръпсан, кельпсән
баръптъ, кельптъ

Слияние компонентов путем стяжения в единое целое с одним значением привело к оглушению не только конечного [б] деепричастия, но и начального звонкого согласного второго компонента: ог. *әпкә* «принеси» (<*алъб гәл*), кипч. *әпкь*, ог. *әпкәт||әпкьт* «унеси», ог. *алъб гьр*, кипч. *әпкьр* «внеси». В отдельных селениях Хазараспского района оба согласных в указанных примерах остаются звонкими: *әбгә* (Х-асп. 6,14). Интересный материал дает нам ханкинский говор. Здесь в указанной форме согласный звук как в интервокальном положении, так и перед звонкими согласными остается глухим: *баръп йәрдь* «он передал» (<*баръб йүбардь*), *гәльпәнь гетть* (Хнк. 10) «как пришел, сейчас же ушел» (видимо, из древней деепричастной формы *барибан*).

В заимствованных словах этимологическое конечное [б] в безаффиксальном употреблении везде оглушается. В огузских говорах конечный согласный остается глухим и при на-

рашении аффикса с начальным гласным: *ми:рап-ми:рапъ*, *азап-азапъ* «мучение-его мучение», *қассап* «мясник», *қассана* «мяснику», *мактапъмьзэ* «нашей школе» и др. В указанных позициях в кипчакском наречии глухой согласный [п] озвончается.

Оглушение согласного [з]. В кипчакских говорах конечный согласный [з] в корнях и основах подвергается оглушению, иногда сохраняя минимальную звонкость. По нашим наблюдениям, [з] в этой позиции полностью оглушается лишь после узких гласных основы: *бьс* «мы», *сьс* «вы», *тус* «соль», *қъс* «девочка». В двусложных и многосложных словах [з] сохраняет минимальную звонкость: *уөкьз* «бык», *тоққъз* «девять», *оттъз* «тридцать», *алдыңыз* «вы взяли». После полушироких и широких гласных независимо от количества слогов, согласный [з] оглушается лишь слегка: *қаз* «гусь», *саз* «музыкальный инструмент», *көз* «глаз», *сөз* «слово», *мәз* «железа», *аз* «мало», *таз* «плешивый», *тоз* «износиться» и др. Перед гласным аффикса или следующего слова звонкость [з] полностью восстанавливается: *қъзъм* «моя дочка», *бьзаргә* «нам», *туз алдъ* «он купил соль», *сөз айттъ* «сказал слово», *сьзм* «вы тоже». Перед звонким согласным звук [з] несколько теряет свою звонкость: *аз болдъ* «было мало», *сөз бар* «есть разговор», *қъз болдъ* «родилась дочка», *туз жедъ* «ел соль», *ғоз йүвардъ* «прислал орехи». Перед глухими согласными этот звук теряет полностью свою звонкость: *көс көрмәгән қулағ ешьтмәгән* «не видано, не слыхано», *уөкьс саттъм* «я продал быка», *қъсча* «девочка», *жувасчъ* «маслобойщик», *тусчъ* «продавец соли», *уөкьччә* «бычок».

В огузских говорах оглушение [з] зафиксировано лишь перед глухими согласными, в остальных случаях звонкость сохраняется полностью. Эта особенность огузских говоров во многом связана с количественным соотношением гласных фонем: наличие долгого и полудолгого гласного в любых обстоятельствах обуславливает сохранение конечного согласного звонким: *қы:зчам* «моя дочурка». Оглушение звука [з] отмечено также в немногочисленных словах нетюркского происхождения: *рьсқ* «пропитание» (ар. *ризқ*), *рөськә* (<*розъ бькә*) — имя собств.

Однако и в огузских говорах согласный [з] в быстрой речи может подвергаться оглушению, способствуя редукции и выпадению предыдущего узкого гласного звука. Ср. примеры: *йо:сс ма:айтың* «нет, вы мне скажите» (Швт. I), *бъ наввъ, чьтмь? чьтәми:н нә, сс наввъ давадьңъз?* «Что это, ситец? А что, если не ситец? А вы что думали?» (Ург. 3); *бьсләнь*

атъзла бэлэнт, су: чъқавэрми:дъ «наши поля расположены на возвышенности, вода трудно поднимается» (Ург. 6).

Оглушение аффрикаты [ж]. В определенных фонетических условиях этимологическое глухое [ч] в результате «расщепления» дало звонкое [ж]. Этот звук в аффиксе будущего времени глагола («жақ||жэк») в интервокальном положении и после звонких согласных сохраняет свое качество: ог. *баражақ||баржақ* «он пойдет», *гэлэжэк||гэлжэк* «он прибудет», *и:шлижэк* «он будет работать», *охуйжак* «он будет учиться», *сөвжэк* «он будет любить». После глухих согласных [ж] заметно теряет звонкость: ог. *гетжэк* «он уйдет», *тапжақман* «я найду», *қачжақмъсан* «ты хочешь бежать?», *отжэкмъс* «мы будем переходить», *чықжақсъла* «вы будете выходить» и др. То же самое и в кипчакских говорах, но с той лишь разницей, что здесь происходит полное оглушение [ж] после глухих согласных: *аччақ* «он откроет» (без сингармонистического варианта), *етчақ* «он сделает», *сатчақмъс* «мы хотим продать». Кроме того, оглушение [ж] перед глухими согласными в сложных именах собственных со вторым элементом *жан* («душа») — общее явление в хорезмских говорах: *досчан*, *мэтчан*, *қошчан*, *ешчан*, *бэкчан*, *хейътчан*, *сейътчан* и т. д.

Оглушение [д]. В изучаемых говорах начальный согласный [д] в аффиксах в положении между гласными сохраняет свою звонкость: *қаладан* «из города», *пахтада* «на хлопке», *аладъ* «он возьмет». В исходном падеже после носовых [н], [м], [н] аффиксальный согласный [д] в обоих типах склонений в кипчакских говорах так же, как и в огузском наречии, обычно ассимилируется с предыдущим согласным, в местном падеже сохраняет свою звонкость: *атънда* «на своей лошади».

В кипчакских говорах в местном и исходном падежах звук [д] в позиции после глухого согласного полностью теряет звонкость, после звонкого согласного будет иметь приглушенный характер: *куздә* «осенью», *сөздән* «от слова»; то же самое и в глагольной форме простого прошедшего времени: *үоздъм* «я перегнал», *создъқ* «мы тянули», *аздың* «ты похудел».

В огузских говорах звонкий начальный согласный аффикса местного и исходного падежей после глухих согласных корня или основы оглушается неполностью; то же самое происходит и с начальным [д] аффиксов простого прошедшего времени глагола и сравнения: *хазаръсдан* «из Хазараспа», *гешидән* «с вечера», *ағашда* «на дереве», *асдъм* «я повесил», *дү:шда* «во сне», *қашидъ* «он убежал», *гөшидъм* «я переселился», *экдъ* «он посеял», *шу вахдан* «с этого времени», *ағашидъйн* «как

дерево». Исключение составляют случаи после смычного глухого [т], когда [д] полностью теряет свою звонкость: *гетть* «он ушел», *еттъм* «я сделал», *баттық* «мы погрузились», *өттъң* «ты прошел», *аттъйн* «как лошадь», *сүттъйн* «как молоко» и др.

Спирантизация. Кроме отмеченных выше случаев чередования п||б||в и қ||ғ, встречаются следующие типы спирантизации. [к] в позиции перед аффиксами с начальным смычным [д] спирантизируется, напоминая среднеязычный немецкий проточный глухой звук [ch] в слове *Ich* «я» или смягченное русское [х] в слове *хитрый*. Причем согласный аффикса приобретает полувзвонкий характер: *әкдь* «он посеял», *сөкдьң* «ты поругал», *әкдә* «в извести», *гөйьқдь* «он пригорелый». Перед начальным проточным звуком аффикса или следующего слова происходит то же самое: *әксә* «если посеет», *дөксәк* «если мы выльем», *сәксән* «восемьдесят», *өльқсә* «дохлый», *сөқсә* «если он будет ругать», *бейьқсән* «ты высокий». Перед смычным [ч] спирантизация [к] отмечена в словах *тәқчә* «ниша», *өқчә* «каблук», *өрдәқчә* «утенок» и др.

Чередование заднеязычного смычного [к] и проточного [х] того же ряда происходит: а) перед начальными [д] или [т] аффикса или следующего слова, причем звонкости [д] почти исчезает: *су: ахтъ* «вода потекла», *шу вахта* «в это время», *ахтық* «внук» (<*ақлық*), *йохть* «наверно, нет» (>*йоқдър*), *йахтъ* «он зажег свет», *махта* «хвалить», *қахтъ* «он вбил»; б) перед проточными [с], [ш]: *ахшам* «вчера», *дохсан* «девяносто», *ахса* «если потечет», «хромать», *йохса* «если не ...», *махсат* «цель», *дахсън* «пусть он нацепит», *қорхса* «если он боится», *тахсъм* «деление»; в) перед смычным [ч]: *захча* «галка», *ахча* «деньги», *бахча* «детсад», *охчъ* «стрелок», *бухча||* *быхча* «узелок» и т. д.

В джекающих говорах кипчакского наречия случаи спирантизации [к] и [к] не зафиксированы, в йекающих же говорах того же наречия в указанных позициях [к], [к] сохраняются, но по мере приближения к территории распространения огузского наречия чередование к||к қ||х приобретает более или менее регулярный характер: *тохсан йашар чал* «девятистолетний старик», *чъраның йахтъсъ* «свет лампы», *ахшамъ мьнән уйхламадъ* «целую ночь не спал», *қорхса-кемәсън!* «если боится — пусть не приходит!», *ахтъғынъ үйләнтържақ* «он собирается женить своего внука» (Я-бзр. I).

Чередование г||й в огузских говорах имеет чрезвычайно широкое распространение:

а) начальный гласный [г] аффикса дательного падежа в

положении между гласными регулярно дает [й]: *дъйа* «верблюд», *дъйайа* «верблюду», *анъбыйь* — имя собств., *анъбыйьйа*; *ишыйа* «его работе», *нейа* «почему?»;

б) после звонких согласных вместо начального [г] аффикса причастия прошедшего времени [й]: *өлйән* «умерший», *гөрйән* «увидевший», *дүзйән* «настроивший», *гөййән* «сгоревший», *сөййән* «любивший»;

в) после глухих согласных начальный звук аффикса той же причастной формы в большинстве говоров огузского наречия переходит в [к] с незначительной звонкостью (Хив., Х-асп., Швт., Бгт., Я-ар.): *өткән* «прошедший», *өскән* «росший», *чүшкән* «слезший». Но в ургенчском и ханкинском говорах (за исключением кипчакских говоров этих районов) отмечено более или менее регулярное чередование г||й в указанной причастной форме: *гетйән* «ушедший», *өчйән* «погасший», *чүшйән* «слезший».

г) в сложных сочетаниях звук [г], попадая в интервокальное положение, в некоторых мелких говорах дает рефлекс [й]: *иккыйум болдъ* «прошло два дня», *нейарэк* «что нужно?», *өйә йөрйөз* «внеси в дом» (Хнк. 1); *шуйүллә* «в эти дни», *өйһнә йетте* «он ушел к себе домой» (Ург. 1);

д) чередование г||й в ханкинском говоре отмечено и в местно-притяжательном аффиксе «*дәгъ*» (употребляется он без сингармонистического варианта): *ба:ғымғздейь* «находящееся в нашем саду», *ельңдейь* «находящееся в твоих руках»;

е) повсеместно отмечено чередование г||й в аффиксе желательной формы глагола 1 л. мн. числа, когда перед аффиксом «*гәль*» гласный звук: *геләль*, но *гелмәйәль* «не придем-ка мы», *гетмәйәль* «давай не уйдем»; то же самое наблюдается и в отрицательной форме депричастия времени, причем в положительной форме [г] выпало: *ге ли:нчә* «до его прихода», но *гелмәйһнчә* «до тех пор, пока он не придет».

В кипчакских говорах в указанных случаях звук [г] сохраняется: *кегәнчә-кемәгәнчә*. В отдельных мелких говорах огузско-кипчакского типа [г] также сохраняется: *су: гөрмәгьнчә*, *өдък йешмә* «не снимай сапог, прежде чем не увидишь воды», *көргьнчә саголыңлар* «до свидания, до встречи» (Х-асп 15).

Чередование ч||ш также происходит на стыке корня и аффиксов местного и исходного падежей простого прошедшего времени; причем в кипчакских говорах начальный звук аффикса [д] полностью оглушается, в огузских имеет полувзвонный характер: *ог. гөшдъ* «он переселился», *қашдъм* «я убе-

жал», *гешдә* «вечером», *сә:т үшдә* «в три часа», *ашдан доқнъ хаваръ йоқ* «сытому нет дела до голодного».

Перед взрывными [к] и [қ] в причастной форме прошедшего времени конечное коренное [ч] произносится со слабой смычкой: *қачқан* «убежавший», *ачқан* «открывший», *көчкән* «переселившийся», *өчкән* «потухший» (в последних двух примерах начальный звук аффикса [к] — полувзвонкий).

Выпадение согласных звуков. Случаи выпадения согласных звуков в изучаемых наречиях многочисленны. Рассмотрим их всесторонне. Бывают типы выпадения согласных, образовавшиеся в историческом прошлом этих говоров, носят они более или менее системный характер, другие типы выпадения возникают в результате различных фонетических причин (положение данного согласного в слове, характер окружающих гласных и согласных фонем, ударность и безударность слога и т. д.), и, наконец, выпадению подвергаются согласные звуки в заимствованных словах, фонетическая структура которых почему-либо не соответствует таковой тюркского корня. Рассмотрим их по порядку.

Из истории тюркских языков известны случаи выпадения в некоторых корнях срединных согласных [к], [г], [қ], [ғ]. В огузских говорах выпадение этих согласных в указанной позиции, за немногими исключениями, носит регулярный характер, а в кипчакском они обычно сохраняются. Сравним примеры:

Кипчакское наречие	Огузское наречие	Литератур- ный язык	Перевод
<i>қалғақ</i>	<i>қалақ</i>	<i>қалоқ</i>	мешалка
<i>сапқан</i>	<i>сапан</i>	<i>сапқон</i>	праща
<i>чъчқан</i>	<i>съчан</i>	<i>съчқон</i>	мышь
<i>қумған</i>	<i>қуман</i>	<i>қумғон</i>	чайник
<i>йумьртқа</i>	<i>йъмьрта</i>	<i>(тухум)</i>	яйцо
<i>йоңғырқа</i>	<i>йорьнжа</i>	<i>йунғирқа</i>	клевер
<i>тавьшқан</i>	<i>тавшан</i>	<i>товушқон</i>	заяц
<i>уйғақ ойав</i>	<i>уйағ</i>	<i>уйғоқ</i>	бодрый
<i>булғашық</i>	<i>булашық</i>	<i>(ифлос)</i>	грязный
<i>суғар</i>	<i>сувар</i>	<i>суғор</i>	поливать
<i>қутқар</i>	<i>қутар</i>	<i>қутқар</i>	освобождать
<i>өткар</i>	<i>өтьр</i>	<i>утказ</i>	проводить

Выпадение указанных согласных после узких гласных в конце определенной категории слов, преимущественно прилагательных, носит также системный характер, но уже для всех хорезмских говоров:

Кипчакское наречие	Огузское наречие	Литератур- ный язык	Перевод
уллз	уллз	улуг	большой
кьччъ	кьччъ	кьчък	маленький
саръ	са:ръ	сариғ	желтый
аччъ	а:жъ	аччиқ	кислый
чүччъ	сү:жъ	чучук	сладкий
толъ	до:лъ	тулиқ	полный
торъ	до:ръ	туриқ	пегий, гнедой
қуръ	қу:ръ	куруқ	пустой
елль	елль	эллик	пятьдесят
қаттъ	қаттъ	қаттиқ	крепкий
тьрь	ди:ръ	тирик	живой
қойъ	қуйу: қуйуғ	қуюқ	густой
суйъқ	суйу: суйуғ	суюқ	жидкий
өлъ	өлъ	улик	мертвый
қуйъ	қуйъ	қудуқ	колодец
айу	айу:	айиқ	медведь
азу	азу:	озиқ	коренной зуб
чъра	чъра	чироғ	лампа

В словах *пышкэк* и *ешкэк* («мешалка»; «весла») [к] не выпадает, но в селении Гайву (Ург. 13) отмечены формы *пышэк*, *ешшэк* (ср. *пышък* «кошка», *ешэк* «осел» в том же говоре).

Во всех приведенных примерах срединные и конечные согласные сохраняются в памятниках древней и средневековой письменности, как и в современном литературном узбекском языке. Ср. *қалқақ* «ух»; *эшкэк* «осел» в письменных памятниках древнего периода⁸.

В аффиксах словообразования и словоизменения также наблюдается более или менее регулярное выпадение согласных [к], [қ], [г], [ғ]. В кипчакских говорах имя действия на «-в||-ув» собственно образовалось в результате деформации древнего «-гү||-гу» так же, как и аффикс собирательных числительных «-в||-ов» (<-ағ<агу)⁹: кипч. *барув кэрэк* «надо идти», *оқувға кеттъ* «поехал учиться», в огузских говорах эта форма отсутствует¹⁰. Однако в желательной форме типа *барғъм келдь* «мне захотелось идти», *көрғъм кеватър* «я хочу видеть» начальное [к], [ғ] аффикса сохраняется.

В огузских же говорах вместо этой формы употребляется аффикс «-эсь||-ась» после согласных основы, после гласных основы указанные согласные сохраняются: *оқығысь гелдь*

⁸ С. Е. Малов. Памятники..., стр. 414.

⁹ Н. А. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, М.—Л., 1960, стр. 169.

¹⁰ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. II, стр. 219.

«ему захотелось учиться», *и:шлэйасьм гыйатэр* «я хочу работать»; форма на «-ась||-есь», несомненно, восходит к более древней: «-гусь||-гусь»¹¹.

В повелительно-желательной форме глагола 1 лица ед. и мн. числа в кипчакских говорах не сохранились начальные согласные аффикса (*барайтн-бармайтн*), а в огузских эти согласные сохранились лишь после гласных основы: *барма-гайтн* «не пойду-ка я», *башлагайтн* «начну-ка я», *и:шлэгэйтн* «поработаю-ка я», но *барэйтн* (<*барайтн*, <*баргайтн*) «пойду-ка я». В 3 лице ед. числа начальный согласный аффикса также сохраняется: *баргай* «пусть пойдет», *өлгэй||өлгэй* «пусть умрет».

Выпадению подвергаются в огузских говорах и начальные согласные аффикса деепричастия времени после согласных основы: *бари:нча* «пока он пойдет», *сели:нча* «пока он придет», но *башлагынча* «до тех пор, пока он не начнет», *гөрмэйынча* «до тех пор, пока он не увидит». В кипчакских говорах везде аффиксальные согласные сохраняются: *кегәнчә, кемәгәнчә, қағанча, қамағанча*.

Другая форма деепричастия времени в изучаемых говорах также имеет двоякую форму, отличаясь тем, что в кипчакских говорах начальный согласный сохраняется, а в огузском наречии выпадает; ог. после согласных основы: *экәм әрмэйәдә гетәль бәр йәл олдә* «с тех пор как мой брат ушел в армию, прошел один год». В кипчакских говорах эта форма выглядит как *кеткәль, кегәль* (начальные согласные аффикса сохраняются).

В причастной форме прошедшего времени на «-гән||-ган» начальный согласный аффикса в обоих наречиях сохраняется после согласных основы, после гласных твердых основ в огузском наречии обычно звук [ɣ] выпадает, но слившиеся гласные произносятся как один долгий гласный звук: *ойна:н* «игравший», *ойла:н* «думавший», *барма:н* «не ходивший», *алма:н* «не бравший». После мягкой основы начальный звук аффикса то сохраняется в виде спирализованного [й] (*өлмәй-ән* «не умерший»), то выпадает, причем слившиеся гласные приобретают характер долготы (*и:шлә:н||и:шләйән* «работавший», *гөрмә:н* «не видевший», *сөүмә:н* «не любивший»).

Некоторые исследователи рассматривают так называемую усеченную форму дательного падежа как следствие выпадения начального согласного аффикса «-гә||-га», «-кә||-қа»¹².

¹¹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II, стр. 418.

¹² Н. К. Дмитриев. Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках, Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, I, 1955, стр. 287.

Не вдаваясь в подробности, лишь скажем, что выпадение в посессивной конструкции, по нашему мнению, не произошло (ср. *ат-эм-а*, *ат-ың-а*, *ат-эн-а*).

В обоих типах склонения и после согласных основы в кипчакских говорах срединный согласный звук сохраняется, в огузских — выпадает: *ат-а* «лошади», *өйә* «дому», *сөзә* «слову». После гласных твердых основ начальный согласный аффикса выпадает, причем слияние двух гласных дает ультра-долготу: *алмаа* «яблоку», *халтаа* «мешку», *пахтаа* «хлопку», но в мягкой основе после гласных начальный согласный аффикса дательного падежа сохраняется в виде [й]: *дөйә-йә* «верблюду», *иннә-йә* «иголке», *әрмийә-йә* «армии», *ейә-йә* «хозяину» и т. д.

В начале слова согласные звуки [к], [г], [ґ], [қ] в обоих наречиях обычно сохраняются. В огузских говорах отмечено выпадение [ґ] только в двух словах: ог. *унажэн*, кипч. *ғунажэн* «телка по третьему году»; ог. *омча*, кипч. *ғомча* «дрова».

В инлауте согласный [г], а особенно [ґ], различно проявляют себя в зависимости от характера окружающих звуков. В огузском наречии заднерядный проточный [ґ] выпадает преимущественно перед сонорными [л] и [р], причем предыдущий гласный приобретает характер долготы: *му:лэ* «печальный» (>*муғлэ*>*муңлэ*), *йә:ла* «плакать» (Хнк. 1), *бу:ра* «порода верблюда», *до:ра* «крошить», *до:рэ* «правильно», *о:рэ* «вор», *у:ра-* «отправляться». Перед [д] в обоих наречиях [ґ] также выпадает: *до:дай||бу:дай* «пшеница». Должно быть отмечено, что выпадение [ґ] в указанных примерах в огузском наречии происходит непосредственно, в кипчакских же говорах посредством [в]: кипч. йек. *ту:рэ, у:рэ, бу:дай, бу:ра, ту:ра*, в джекающих говорах [в] обычно сохраняется: *туврэ, уврэ, тувра, бувра* и т. д. В слове *ул* «сын» срединное [в] (ог. *оғыл*) вообще выпало, в некоторых мелких говорах кипчакского наречия *у:л* (Қ-кпр. 9).

Относительно выпадения срединного [г] в мягких основах предложить какое-либо правило представляет известную трудность в силу, во-первых, наличия огузско-кипчакского чередования г||й и, во-вторых, отсутствия регулярности в изменении этих звуков внутри каждого из изучаемых наречий. Например, кипч. *тығрчәк* «колесо», *чәғрмә* «папах», но *тыйрмән* «мельница», *ийрмәк* «прясть»; ог. *ди:ржәк*, *чәүрмә*, *дейрмән*, *әйрмәк||әғрмәк* (Х-асп. 1); кипч. *егләмәк*, ог. *ейләмәк* «задерживать», ог. *егәрмәк*, кипч. *ийәрмәк* «следовать». Но несмотря на это, когда речь идет о выпадении срединного согласного [г], то в общих чертах мы можем дать следующее правило: в огузском выпадение согласного [г] осу-

ществляется в известных позициях через ступень [й]: лит. *тузма*, кипч. *түймә*, ог. *дү:мә* (<*дүгмә*) «пуговица»; лит. *кигиз*, кипч. *кыйс*, ог. *ки:з* «войлок», лит. *тегирмон*, кипч. *тыйрмән*, ог. *дейрмән*||*ди:рмән* «мельница»; лит. *гугурт*, кипч. *күвүрт*, ог. *кү:рт* «спички»; лит. *тугул*, кипч. *түгъ*, ог. *буйъл*||*ту:л* «не» (это слово употребляется в сочетании: *сэн бү:л манам әтәварми:мән* «не только ты, но и я не смогу сделать»).

Выпадение [г] отмечено в немногочисленных примерах в абсолютном конце слова: ог. *йүзү*: «кольцо», *дүзү*:— вид тюбетейки. В кипчакских говорах употребление [г] в конечной позиции не отмечено, здесь обычно [к], и выпадение его в указанном положении не зафиксировано. Ср. ог. *өртый*, кипч. *өртък* «покрывало».

О неустойчивости среднеязычного проточного [й] в различных фонетических условиях частично было сказано выше в связи с образованием вторичных долгот. Выпадение [й] в начале слова в изучаемых говорах не отмечено, а выпадение его в таких примерах, как *илан*||*йълан* «змея», *үзүм*||*йүзүм* «виноград», будет нами рассмотрено в разделе «Историческое соотнесение некоторых согласных звуков».

В середине слова [й] в огузских говорах обычно выпадает, причем предыдущий гласный приобретает оттенок долготы: *та:ха* (Хнк. 1) «тюбетейка», *е:ран* «айран», *ве:ран* «разрушение», *қа:чъ* «ножницы» (Х-асп 15), *у:хы* «сон», *гә:нәк* «рубаша», *дү:ньк* «дымоход», *ду:нәк* «сорт дыни», *ше:тан* «дьявол». Обращает на себя внимание слово *дү:ньк*, в котором в огузском наречии [й] сохраняется или выпадает (*дү:ньк*||*дуй-йньк*), в кипчакском сохранилось древнее *н* (*түңльк*).

В словосочетаниях под влиянием начального [й] второго компонента происходят разнообразные типы стяжения с последующим выпадением самого [й]. Такие типы сокращения, как *бе:р* (>*бу йер*) «здесь», *ше:р*, *хө:р* «там», *не:рдә* «где» (>*нә йердә*), *бе:дә*, *ше:дә*, *вө:дә* (Хнк. 1, 2, 4, 11), зафиксированы по всей территории распространения огузских говоров. Кроме того, в ханкинском говоре отмечено выпадение начального [й] второго компонента сложных глаголов: *алъпәрдь* «он взял» (>*алъб йүбәрдь*), *уръпәрдь* «он ударил», *сөкьпәрдь* «он выругал». Здесь же отмечено выпадение [й] в сочетаниях типа имя + глагол в следующих примерах:

йорънжаа ат үвәрдьм йесън дәп,
жан а:ғама хат үвәрдьм гәсън дәп... (Хнк. 1).
(«Я пустила лошадь в клеверное поле, чтоб она паслась,
Я отправила письмо моему другу, чтоб он приехал»).

Звук [й] после аффикса отрицания «ма||мә» и после гласного основы повсеместно подвергается редукции, в результа-

те чего сочетание «ай||эй», стягиваясь, то дает «ый», то долгое [и:] (последнее характерно для огузского наречия). Отмечено и полное выпадение этого звукосочетания: *бармман* «я не пойду», *галммэн* «я не приду» (Ург. 1, Швт. 4, 5, 9, 10), причем после конечного согласного основы появляется беглое неслоговое (ь): *барьмман* «я не пойду», *гальммэн* «я не приду», *альмман* «я не возьму».

В сложных словах *ичан* «внутренний», *дышан||дешан* «внешний» выпал начальный звук второго компонента (>и:ч + *йан* и *даш* + *йан*).

Придыхательное [х] в обоих наречиях в начале слова очень неустойчиво и встречается преимущественно в словах, заимствованных из арабского и таджикского языков, и в немногочисленных тюркских словах. Пока трудно говорить о причинах выпадения или появления звука [х] в таких примерах, как ог. *өкбз*, лит. *хйкиз* «бык»; ог. > *үрк*, лит. *хурк* «шарахнуться», или наоборот, лит. *инжу*, ог. *хьнжь* «жемчуг»; ог. *ху*, кипч. *во*, лит. *у* «он» и т. д. Это интересное явление в фонетике тюркских языков, отмеченное еще Махмудом Кашгарским, в научной литературе не получило еще достаточно обоснованного решения¹³.

В огузском наречии начальное [х] в основном сохраняется, в джекающих говорах кипчакского наречия, как правило, выпадает, в йекающих — то сохраняется, то выпадает. Джек. *аркьм* «каждый», *ьешкьм* «никто», *ьекэйз* «рассказ», *ьесап* «счет», *үөрмэт* «уважение», *үөкьмэт* «правительство» (Гурл. 4, 5, 6, Кипч. 1, Мнг. 2); в йекающих отмечены параллельные формы: *хөкьмэт* и *үөкьмэт* (Гурл. 1, Мнг. 1). В огузском наречии в указанной позиции этот звук в виде слабого придыхания сохраняется, быть может за исключением слов *исап* «счет», *өссыйн* — имя собств. В последнем примере отмечена и форма *вөссыйн* (Ург. 1).

В конце первого закрытого слога в кипчакских говорах звук [х] выпадает, но это дает неодинаковый результат. В именах собственных и в наиболее употребительных словах [х] бесследно исчезает: *эмэт* (из ар. *احمد*), *рэмэт* (из ар. *رحمت*), *раман* (из ар. *رحمان*), в других случаях [х] в указанной позиции выпадает, но предыдущий гласный увеличивается в длительности и приобретает полудолгий характер, или же вместо [х] появляется компенсирующий согласный [в]: *төвмэт* «клевета», *сөвбэт* «беседа», *мөвлэт* «срок», *қа:р* «гнев», *зә:р* «яд», *шә:р* «город», *ме:р* «любовь».

¹³ Н. К. Дмитриев. Вставка и выпадение..., стр. 286.

В огузских говорах придыхательное [х] в указанной позиции через ступень [й] систематически выпадает независимо от окружающих его соседних звуков: *ме:р̣ьван* «заботливый», *ме:н̣ат* «труд», *ме:ман* «посты», *е:т̣ыйат* «осторожность», *т̣ө:м̣ат* «клевета», *а:к* «известь», *м̣ө:м* «важный», *с̣ә:р* «рано утром».

Начальное [х] союза-частицы *х̣әм* после согласных в обоих наречиях выпадает, а последующий гласный звук остается без изменения; после гласных основы тоже выпадает, но элидирующие гласные произносятся как один долгий звук: *бар-са:м* «хотя и он пойдет», *пахта:м* «и хлопок», *шерпа:м* *гәл-мәд̣ь* «Шарифа тоже не пришла», *алма:м* *пышд̣ь* «яблоки тоже поспели». Разница между наречиями заключается лишь в произношении гласного. В огузском в результате слияния двух гласных возникает ультрадолгий гласный звук типа [aa], в кипчако-ском гласный произносится несколько продолжительнее, чем обыкновенный краткий гласный: *бьрс̣әм* *ке-м̣әд̣ь* (К-кпр. 9) «никто не пришел» (>*бьрьсь х̣әм*).

В заимствованных словах в конечной позиции звук [х] везде выпадает: ог. *пашша*, кипч. *патша* «царь», *гуна* «грех», *нька* «бракосочетание», *га:* «иногда», *вәж* «вещь». В именах собственных *салих* и *салах* обычно *х̣>й:* *салай*, *сал̣ъй*, *сайа* (из ар. صلاح)

Редукция и выпадение средне-заднерядного [н] в инлаутной позиции происходят чаще всего в положении между гласными и перед сонорными [л], [р]: *м̣ә:лай* «лоб», *т̣әлай* «нёбо», *с̣ә:ра* «потом», *а:ра* «орать» (о животных), *м̣ә:л̣ь* «печальный», *а:л̣әмақ*, лит. *агнамоқ* «сваливаться». В этих примерах возникший в результате выпадения [н] долгий гласный произносится с заметной назализацией.

В указанной позиции кипчацкие говоры обычно сохраняют звук [н]. Интересно отметить случаи сохранения в огузских говорах срединного [н] в слове *меңгли* — имя собств. (дословно с родинкой), тогда как в литературном языке и в остальных узбекских говорах в этом примере [н] исчезает бесследно: *Мели* или *Меливой* (в последних словах *мәң||мәң* вообще не сохранилось).

В огузских говорах конечное [н] аффикса родительного падежа повсеместно выпало, совпадая по форме с показателем винительного падежа, как и в ташкентском говоре¹⁴, с той лишь разницей, что в Ташкенте начальный звук аффикса подвергается ассимиляции, а в огузском в любых фонетичес-

¹⁴ Я. Г. Гулямов. Из наблюдений над морфологией ташкентского говора, Сб. «Материалы по узбекской диалектологии», 1, 1957, стр. 174.

ких условиях начальный согласный аффикса остается без изменения. В кипчакском наречии конечное [н] аффикса род. п. в целом сохраняется, но отмечены случаи выпадения [н] в смешанных говорах огузско-кипчакского и кипчакско-огузского типа: ог. *атнъ ейәр*, кипч. *аттың ийәр* «седло лошади»; ог. *сөзнъ мәньсъ*, кипч. *сөздьң мәньсъ*, но кипч.-ог. *сөздъ мәньсъ* (Ург. 5, 6, 9) «значение слова».

Употребление конечного [н] в форме желательного наклонения 1 л. мн. числа отмечено в отдельных мелких говорах огузского наречия, а также в исторических памятниках¹⁵ и туркменском литературном языке¹⁶.

В ханкинском говоре наряду с формой на «-аль||-эль (на согласную основу) и «-галь||-гэль (на гласную основу) отмечено употребление древней формы на «алың||-элың», «галың||-гэлың» со значением почитания, уважения: *баралың-бармагалың, галэлың-гэлмэгалың*. В остальных говорах огузского наречия эта форма повсеместно употребляется без конечного согласного [н]: *бараль-бармағаль, охуғаль-охумағаль, и : ишлэйэль-и : шлэмэйэль*.

В кипчакских говорах древняя форма претерпела сильное фонетическое изменение: др. *бар-ғай-лың* > *барайлың* > *барай-лық* > *барайтқ* > *бартйқ* «пойдем-ка мы», в литературном языке бытуют формы *борайлик* и *борайик*.

Употребление билабиального [в] в начале слова нехарактерно для изучаемых говоров. Звук [в] в этой позиции встречается в заимствованных словах и в некоторых междометиях. В джекающих говорах кипчакского наречия в речи старшего поколения этимологическое [в] обычно заменяется беглым неслоговым [ү] или [у] и образует восходящий дифтонг со следующим гласным: *уақът* «время», *уәж* «вещь»; в йекающих говорах кипчакского наречия начальный согласный [в] усвоен, но губная работа гораздо слабее, чем в огузских говорах.

В слове *бол* «быть», «становиться» о выпадении начального согласного [б] можно говорить лишь в позиционном плане. В огузских говорах в отдельном употреблении этого слова начальный согласный [б] сохраняется: *бол//бо*. Этот звук сохраняется также и в сочетании после конечного согласного [м], [п-б] первого компонента: *тамам болдъ* «кончилось». После глухих согласных основы ([ч] и [ш]) зафиксировано явное выпадение начального [б] в слове *бол*: *ашосън* «приятного ап-

¹⁵ Ср. *саңа берэлиң* «отдадим-ка тебе» (А. Н. Кононов. Родословная туркмен, М.—Л., 1958, стр. 72 текста).

¹⁶ Н. Күррәев, А. Гурбанов. Туркмен дили, Фонетика, Морфология, Ашгабат, 1951, стр. 239; Хэзирки заман туркмен дили..., стр. 391 и след.

петита», *өжәкьңнь и : чь ачолдъ* «твой теленок проголодался». В быстрой речи после конечных согласных в, к, т, с, з, л, р, й, х, ғ, қ [б] то выпадает, то сохраняется, но уже в виде слабого проточного [в]: *кәп вах волдъ* «прошло много времени», *йаз волдъ* «настало лето», *бар востън* «пусть существует» (Хив. 1)

тай кышньды атьзда ат олдъм дәп,

би : чара қә : з йағльды йа : т олдъм дып... (Хн. 4).

(«Жеребенок ржет в поле, говоря, что я уже взрослый конь, бедная девушка плачет, говоря, что она стала чужой»).

Процесс выпадения начального [б] в слове *бол*, видимо, происходил через ступень б > в > ноль, как об этом писал в свое время проф. П. М. Мелиоранский¹⁷. Эта мысль подтверждается фактами живых говоров Хорезма так же, как и материалами карабулакского говора узбекского языка¹⁸.

В связи с этим уместно затронуть вопрос о форме слова *өжәк* и ее отношении к форме *бузақ*//*безәк*, бытующей в различных узбекских говорах. В Хиве и в отдельных селениях Кушкупырского района (например, К-кпр. 3) отмечена форма *бъжақ* с тем же значением. Здесь, как думается нам, несомненно, имеет место выпадение начального [б] через ступень [в]. Чередование з//ж в середине слова — довольно редкое явление, не отмеченное нами в изучаемых говорах, хотя факты из алтайских языков показывают, что такое изменение согласных в истории тюркских языков вполне допустимо¹⁹. Сравните в хакасском языке по диалектам: *мәжък*//*пөзък* «высокий», *төжек*//*төзек* «постель», *кьжь*//*кьзь* «человек».

Выпадение б//в в середине слова в изучаемых говорах встречается редко: ог. *тоуп*, кипч. *табъп*//*тавъп* «находя»; *қоупардъ* «он выгнал» (Хнк. 4), *қовъпйардъ* (Х-асп 15). В заимствованных словах срединное б//в часто выпадает, причем, предыдущий гласный, преимущественно широкий, огубляется, приобретая характер долготы или нисходящего дифтонга: *тоуба* «раскаяние» (ар. *توبة*), *дә* : *ләт* «государство», «богатство» (ар. *دولت*), *о* : *қат* «пища» (ар. *اقوات*), *ө* : *льйа* «кладбище» (ар. *اوليا* «святой»). Сюда же можно отнести и слова типа *тағуқ-тавуқ* «курица», которые в огузских говорах изменились подобным же образом: *тоуқ*, *соуқ* «холод», *қоуқ* «мочевой пузырь», *қоун* «дыня» (Хив. 1); *қуун*, *сууқ*, *қууқ* и т. д. в ургенчском говоре.

¹⁷ П. М. Мелиоранский. Араб филолог..., стр. 41.

¹⁸ К. К. Юдахин. Некоторые особенности карабулакского говора, Сб. «Материалы по узбекской диалектологии», 1, 1957, стр. 37.

¹⁹ Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул. Фонетические особенности хакасского языка и его диалектов, Труды Института языкознания, т. IV, 1954, стр. 334.

В слове *сув* «вода» в огузских говорах [в] выпадает, а слоговое [у] произносится с оттенком долготы (*су:*), но приращении аффикса с начальным гласным [в] полностью восстанавливается: *сува* «воде». В кипчакских говорах в этом примере [в] произносится отчетливо: *сув, сувға*.

Выпадение сонорного [л] чаще всего происходит в конце глагольного корня или основы перед аффиксом словообразования или словоизменения, причем это явление встречается в огузских говорах реже, чем в кипчакских. Часто употребляемые глаголы *бол* «быть», *ал* «братъ», *қал* «оставаться», *сал* «класть», *кел* «приходить» при определенных условиях теряют конечный согласный звук:

а) перед аффиксом отрицания: *амадъ* «он не взял», *қамадъ* «не осталось», *бомадъ* «не вышло», *кемадъ* «он не пришел», *самадъ* «он не клал», *бомъйдъ* «не выйдет», *қамъйдъ* «он не останется»;

б) перед аффиксом причастия прошедшего времени: *аған*, *қаған*, *саған*, *боған*, *кегән*;

в) перед аффиксом перфекта: *аптъ*, *қаптъ*, *саптъ*, *боптъ*, *кептъ*;

г) перед аффиксом условного наклонения: *аса*, *қаса*, *боса* — *болдъ*, *бомаса* — *йоғалсън* «выйдет — хорошо, если не выйдет, то пусть провалится!»;

д) перед аффиксом 3 л. повелительного наклонения: *асън*, *қасън*, *босън*, *кесън*; во втором лице: *а*, *қа*, *са*, *йоғ во!* «убирайся!».

В огузском наречии [л] выпадает также в указанных пяти глаголах и их формах, но нерегулярно: одно и то же лицо может употреблять, скажем, форму *асън* «пусть возьмет» и *алсън* с тем же значением. Кроме того, в ургенчском говоре отмечены формы *ал*, *бол* с особым значением: «возьми же!», «скорее же!».

В кипчакских говорах звук [л] выпадает в местоимении 1 лица мн. числа: *бъзар*, но *сълар*, в огузском наречии обычно *бъзлә*, *съзлә* «мы», «вы». В отдельных подговорах огузского наречия отмечены формы *бъза* «мы», *съза* «вы» [Ург. 12, Хнк. 2, 11]. Эпизодически выпадает [л] также во втором лице мн. числа глагола настоящего-будущего времени: *бардыңызар*, *келдыңызар* (Гурл. 6, 9, Я-бзр. 4, 5). Выпадение [л] в инлаутной позиции отмечено в обоих наречиях в словах: *атмъш* «шестьдесят», *таша* «бросать».

Редукция и выпадение сонорного [р] — явление общее для большинства узбекских говоров. В изучаемых наречиях, особенно в огузском, звук [р] в конце слова неустойчив. Он выпадает здесь в следующих случаях:

а) в аффиксе множественного числа: *балла* «дети», *атъзла* «поля», *гэли* : *ллэ* «невесты», *дъйэлэ* «верблюды», *гэлдъла* «они пришли», *баржақла* «они пойдут», *охыйдъла* «они учатся», *гөрбмъшла* «говорят, они видели». При склонении имен, кроме дательного, аффикс мн. числа имеет во всех падежах форму «-ла/лэ»: *өйлэ* «дома», но *өйлэрэ* «домам». Личные местоимения 1 и 2 л. мн. числа: *бъзла*, *съзла*//*сьла*. В отдельных поговорах, как уже отмечалось выше, в этих местоимениях при склонении конечное [р] выпадает, кроме дат. п.: *бъзэ* «мы», но *бъзэрэ* «нам» (Ург. 12, Хнк. 2, 4, 11). В некоторых мелких говорах огузско-кипчакского типа в указанных позициях конечное [р] сохраняется: *гэли* : *нлэр* «невесты», *гэлдълэр* «они пришли», *бъзэр* «мы» (Х-асп 14, 15);

б) в глагольной форме прошедшего времени предположительного времени систематически: *барғандъ* «он, наверно, пошел», *сэнэм гейәндъсэн* «ты тоже, наверно, приходил?», *охығандъла* «наверно, они прочитали».

Употребление аффикса сказуемости III лица — редкое явление, случаи употребления зафиксированы лишь в песнях различных жанров, но также без конечного [р]:

рийс бувам мыңнән ать қарадъ,
ат устында маңа гүльп қарадъ (Ург. 3).

Во всех огузских говорах отмечено употребление интересной формы глагола настоящее-будущего времени с вопросительной частицей «мь//мъ». Первое и второе лицо ед. и мн. числа будет иметь формы: *барамамъ*, *барасамъ*, *барамъзмъ*, *барасъсламъ*, но в третьем лице ед. и мн. числа: *барамъ*, *барамъла*. Вряд ли здесь можно говорить о выпадении аффикса «дир». Скорее всего в данном случае речь может идти о выпадении звука [р]: *барармъ* > *барамъ*? «пойдет ли он?» с необычным для огузских говоров ударением перед частицей «-мь/мъ» (на втором слоге).

В форме на «-р//эр//ар» (причастие и глагольная форма будущего времени) в огузском наречии конечное [р] сохраняется, однако в ханкинском говоре, особенно в пословицах, отмечены случаи выпадения: *кьччънь йағлағасъ чэсэ, уллъға дейэ, уллънъ уйаласъ гэсэ, кьччъйэ дейэ* (Хнк. 4) «если младший хочет плакать, то он пристаёт к старшему, если старшему стыдно, то он пристаёт к младшему».

Во всех огузских говорах в слове *бар* конечное [р] выпадает с последующим удлинением корневого гласного [а]: *ба:!!* *бэ:*. В сочетании этого слова с различными формами недостаточного глагола «э» (*эдъ*, *эмъш*, *экән*, *эмэс*) [р] обычно не восстанавливается: *бэ* : *экән*, *бээдъ*, однако в данном случае

выпадение происходит нерегулярно. Обычное начало сказки: *бър баракан, бър йоқакан*, но отмечен и вариант: *бър бэ : акан, бър йоқакан...* «жили, были...» (Хив. 1).

В джекающих говорах кипчакского наречия во всех вышеуказанных случаях выпадение [р] не наблюдается, в йекающих говорах, особенно в Гурлене и Янгибазаре, сплошь и рядом встречаются формы: *келжақтэ* «он должен был прийти», *кыйатқандэ* «он наверно идет», *барамэ* «разве он пойдет», но везде *бар* «есть», *барар* «он пойдет».

Выпадение носового [н] внутри слова отмечено в немногочисленных примерах: *ма : т* «рубль» (из *манат*), *йб : ғыч* «рубанок», но *йонығчэ* «столяр»; в парном слове *на : пан* «хлеб и прочее» выпало конечное [н] первого компонента. Примеров на выпадение конечного [н] также немного: *йамă : «плохой», амă : сағ йұрыпсаммы* «жив-здоров ли ты?». Во всех этих примерах выпадение носового [н] сопровождается назализацией и удлинением корневого гласного, но в примере *и : шу* (из *ина шу*) долгое [и :] этого оттенка не имеет.

Выпадение [т-д] в начале слова нехарактерно для обоих наречий. В огузских говорах отмечено выпадение [т] лишь в слове *узат* «исправлять» (лит. *тузат*), имеются также различные фонетические варианты этого слова: *дүзат, үзат, зат, зөт*. Последний употребляется в несколько ином значении: *хунэ ра : с зөтэптылә* «его здорово растрепали!» (Швт. 7). В этом предложении слово *зөтэптылә* по значению соответствует глаголу *бопладилар*, ср. лит. *уни тоза бопладилар*.

Выпадение [т] в конце слова отмечено в слове *кунжэ* «кунжут» и в многочисленных словах, заимствованных из арабского и таджикского языков: кипч. *балэн* «высокий»; ог. *вах* «время», *тах* «трон», *дос* «друг», *қас* «злое намерение», *рас* «правда», *жүп* «пара», *мас* «пьяный», *бэдвах* «несчастный», *нах* «наличными» и мн. др., но в словах типа *пэнт* «наставление», *қант* «сахар» конечное [т] сохраняется. Кроме того, должно быть отмечено, что при наращении аффикса с начальным гласным в большинстве случаев выпавшие [т-д] восстанавливаются: *вах* «время», *вахтэм* «мое время», *тахтэна отэрдэ* «сел на свой трон».

Вставка согласных звуков. Наименее разработанным в тюркологической литературе является вопрос о так называемых вставочных звуках. Имеем ли мы в таких примерах, как *йүзум-үзум* «виноград», *йүзэк-үзэк* «кольцо», *хүрк-үрк* «шарахнуться», вставочные звуки или протетические согласные [й] и [х], или здесь скрываются истинные согласные, до сих пор неизвестно. При внимательном анализе фактического

материала оказывается, что проблема эта теснейшим образом связана с рядом не менее сложных вопросов исторической фонетики тюркских языков, в частности, с дифтонгизацией начальных полуузких гласных в некоторых кипчакских языках, со структурой слога, удвоением согласных на стыке первого и второго слогов, с проблемой первичных долгот и т. д.

Если принять за основу гипотезу проф. Н. А. Баскакова, который полагает, что тип корня с + г + с представляет собой древнейшую структуру, из которой развились позже три других типа корня, то вышеуказанные согласные [й] и [х] не являются вставочными. В самом деле, звук, появляющийся перед полуузкими гласными в джекающих говорах и называющийся обычно беглым гласным, в большинстве случаев оказывается не гласным, а полугласным типа губно-губного [w] перед [o] и [ə] и слабо проточного [й] перед [e]²⁰. Ср. джек. *воқув* «учеба», *вольтрәдә* «он убьет», *вөзә* «он сам», *йертән* «завтра», *йекә* «два», *йеллә* «пятьдесят» и т. д.

К сожалению, чрезвычайно ценное замечание проф. Е. Д. Поливанова об органической связи этой черты (дифтонгизации начальных [e], [o], [ə]) с признаком джеканыя не были развиты им в дальнейшем²¹.

Исходя из этих соображений, мы будем называть вставочными согласными те звуки, которые действительно вставлены в силу ряда фонетических и иных обстоятельств или появились по неизвестным причинам. Приведем примеры на некоторые из них.

Вставочное [х]: др. ар., лит. *ҳор*, кипч. *ар*, ог. *ҳар*, туркм. *ар*, каз. *ару* «уствовать»; др. өч, лит. *ўч*, кипч. йек. *ҳөч*, ог. *ҳөч*//*өч*, туркм. өч. каз. *өш* «месть»; др. *йинжү*//*жинжү*, лит. *инжу*, ог. *хьнжь*, туркм. *инжи* «жемчуг»; др., лит. *ин*, кипч. *ьн*//*хьн*, туркм. *хин* «нора», «гнездо»; др. *үрк-*, лит. *хурк-*, кипч. *үрк-*, ог. *үрк-*, туркм. *үрк-* «шарахнуться», «встрепенуться»; др. *өкүз*, лит. *хүкиз*, кипч. *вөгьс*, ог. *өкьз* «вол»; др. *өкүн*, лит. *ўкин*, ог. *хөкьн*//*өкьн*, кипч. *вөгьн* «каяться», лит. *хур-*, ог. *үр-*, кипч. *үр-* «выть»; кипч. йек. *йьпәпьш*, ог. *йьпүпьш*//*хьпүпьш* «уход»; ог. *ху*//*ву*, кипч. *во* и производные от него слова: ог. *хунда*, кипч. *вонда* «там», «тогда», *хунъ-вонъ* «его», *хуннан-воннан* «от него», ог. *хуннъйн*, кипч. *вондай* «так, таким образом», ог. *хө* : *рдә*, кипч. *войердә* «там» и т. д. Как отмечено выше, в обоих наречиях «үр-» «выть», но в определенных фонетических условиях перед и в начале слова могут размещаться то [в], то [х]: *иккь ит вүрьп дуръптъ*//*хүрьп дуръптъ* (Бгт. 1) «воют две собаки».

²⁰ А. П. Поцелуевский. Фонетика туркменского языка..., стр. 30.

²¹ Е. Д. Поливанов. Материалы..., стр. 30.

Вставка губно-губного [в] отмечена в обоих наречиях, но это явление носит эпизодический характер: *навчун//нэвчун* (с задней огласовкой) «для чего?», *нэву?* «что это такое?», *нэву дедьн?* «что ты сказал?» (Ург. 1), *нэ: вурасам балан?* «зачем ты бьешь ребенка?», *тувда* «куча» (лит. *тўда*), *салғэт тавламэгэн* (Я-бзр. 8) «он не уплатил налога», *өвүрдэк* (Гурл. 2) «утка», *ичатавғэн* (Кипч. 1) «который будет пить», *келатавғэн* (Гурл. 1) «который придет», *шэвзэн* (Швт. 1) «длинный», «высокий», (из *чоз//соз* «тянуть»).

Наблюдаются и случаи вставки [й] в середине слова: *иймансэс* «несчастный», *мейвэсь* «его фрукты» (Бгт. 2), *сий-намаған атнэ сэртэннан өтмэ* «не подходи близко к лошади, которую ты не знаешь» (Хнк. 12), *қыймәлдаған қы: р ашар* «кто движется, тот перевалит гору» (Х-асп. 1), *дейвал* (Ург. 9) «стена», *бейвәтэн* ист. «безземельный», «бедный», *бейчара* «бедный» (Хив. 1), *биймә: л* «не вовремя», *чийшьб гетть* «он распух» (Ург. 6), *бийбь* — имя собств. (Ург. 3), *шийша* «бутылка» (Гурл. 1), ср. туркм. *чүйшә* «стекло»; *мийгър-метър* «метр», *кийна* «кино», *зввийнә* «звено» (Ург. 1) и мн. др.

Вставка согласного [й] для устранения слияния между двумя компонентами — распространенное явление в узбекских говорах. В кипчакском наречии Хорезма: *асайъдъ* «если бы он взял», *йолдайъдъқ* «мы были на дороге», *қанчайъдъ* «сколько было?» и др. Однако отмечено появление лишнего [й] и после деепричастной формы на «-б//иб» плюс недостаточный глагол «е-»: *баръбийдъ* «он ходил», *кельбыйдъ* «он приходил», *баръйдъ* «он был», *йогъйдъ* «его не было»; последнее, видимо, возникло по аналогии.

В старых заимствованиях из арабского языка с начальным айн [ع] перед гласным [а] в литературном языке только в двух словах вставляется придыхательное [х]: *хасса* «палка», *хайит* «праздник». В хорезмских говорах кипчакского наречия, кроме этих слов, вставочное [х] отмечено и в следующих: *хақъл* «ум», *хайал* «жена» (ар. عيال), *хайша* — имя собств., *хар* (ар. عار) «стыд» и ряд др. О замене арабского айна придыхательным [х] не может быть и речи, ибо, во-первых, в живой разговорной речи этот арабский звук не был усвоен и, во-вторых, такое же протетическое [х] появляется и перед гласными как своих, так и заимствованных из таджикского и русского языков слов: *хайван* «терраса», *харра* «пила», *харъ* «оса», даже повсеместно *хәптък* «аптека».

В конце первого слога арабский айн обычно выпадает, а предыдущий гласный увеличивается в количестве: *вэ:дә* «обещание», *нэ:ләт* (ар. لعنة) «проклятие», *не:л*

«нрав», *мә: рәкә* «сборище», *шө: лә* «свет», «пламя», *нә: л* «подкова» и др.

В интервокальном положении айн выпадает и в огузских говорах, стечение же двух гласных образует долготу, а в кипчакских говорах между гласными появляется эпизодически вставочное [ʁ], реже [χ], [β]: *муғаллѣм* «учитель», *мағарѣн* «отдел народного образования», *сағат/саҳат* «часы», *тахам* «пища», *дуғайѣ салам/давайѣ салам* «привет» и др., но повсеместное *сә: дәт* — имя собств. (ар. *سعادة*). По всей вероятности, звук [ʁ] в слове *бағалар* «дети» в кипчакских говорах Хорезма также является вставочным звуком: *балалар* > *баалар* > *баҳалар* > *бағалар*.

Удвоение согласных звуков. Стечение одинаковых согласных в середине слова можно разделить на следующие основные типы.

Первый тип — двойные согласные на стыке корня или основы слова и аффикса, когда конечный согласный корня и начальный согласный аффикса одинаковы. Примеры из лит. языка: *йиллик* «годовой», *гулла* «цвести», *зүррөк* «сильнее», *томми* «крыша ли?», *боссин* «пусть он давит», *оччи* «открой-ка», *нонни* «хлеб» (вин. п.), *ақлли* «умный» и др.

Второй тип двойных согласных также встречается на стыке корня или основы слова и аффикса, но возникает в результате взаимовлияния согласных звуков — прогрессивная или регрессивная ассимиляция. Примеры из ташкентского диалекта: *бьззь* «нас», *мәммь* «я ли?», *бәққа* «в сад», *туққан* «родивший», *өссә* «если погаснет», *қоссән* «пусть убежит»; из наманганского говора: *қәһһә* «его желудок», *бүйүддә* «он приказал», *зәмәллә* «времена», *әлләс* «шелковая материя», *әссәм* «если я скажу», *гәһһә* «разговор» (вин. п.), *қәззәммә* «мою дочь» и др.²²; из кипчакских говоров Хорезма: *учча уччән* «если пожелает, то пусть летит», *ачча* «если откроет», *қоссән* «пусть прибавит», *еккән* «посеявший», *аттың* «лошади», *қаннан* «от крови»; из огузских говоров: *мәннән* «от меня», *гүллә* «дни», *хатәлла* «женщины», *хәннә* «все же», *дәннақ* «ногти», *сәллә* «говорить», *сүррә* «волочить», *хуннәйн* «так, таким образом». Приведем еще примеры из изучаемых говоров и сопоставим их с нормой литературного языка.

²² В. В. Решетов. О наманганском говоре узбекского языка, Сб. «Академику В. А. Гордлевскому», М., 1953, стр. 226.

Огузские говоры	Кипчакские говоры	Литератур- ный язык	Перевод
<i>таннак</i>	<i>тарнак</i>	<i>таррак</i>	сорт огурцов
<i>сунньк</i>	<i>сурньк</i>	<i>сурин(моқ)</i>	спотыкаться
<i>жыль</i>	<i>жыль</i>	<i>жинни</i>	сумасшедший
<i>чаққы</i>	<i>чаққы</i>	<i>(пакки)</i>	перочинный нож
<i>жыннақдэйн</i>	<i>тырнақтай</i>	<i>тирноқдай</i>	мизерный
<i>чунньк</i>	<i>чундьк</i>	<i>(жумрак)</i>	кран
<i>мәннәмәс</i>	<i>мендәмәс</i>	<i>менда эмас</i>	не у меня
<i>томмық</i>	<i>томбық</i>	<i>тумпоқ</i>	бугор
<i>хуммыз</i>	<i>қумбыс</i>	<i>хумдон</i>	печь для обжига кирпича
<i>хамма</i>	<i>хамба қамба</i>	<i>хампа</i>	закром
<i>сыннай</i>	<i>сырнай</i>	<i>сурнай</i>	зурна

Некоторые из вышеприведенных примеров обоего типа не характерны для ряда тюркских языков особенно кипчакской группы. Например, в кирг. *айыл* «аул», *айылдар* «аулы», *эгин* «посев», *эгинди* «посев» (вин. п.)²³, в каз. *жынды* «сумасшедший», *сырнай* «зурна», *сүйре* «тащить», «волочить», *гүлдену* «цвети», *қолда* «поддерживать» и др.²⁴

Эти два типа стечения одинаковых согласных довольно хорошо освещены в тюркологической литературе и не требуют особых разъяснений²⁵.

Третий тип двойных согласных менее распространен в тюркских языках и не подвергался в узбекском языке серьезному изучению²⁶. Удвоение такого типа — геминация — встречается преимущественно на стыке первого и второго слогов независимо от того, является ли слово двусложным или многосложным. Кроме того, этот тип удвоения не связан с взаимовлиянием звуков, а характеризуется появлением нового однотипного звука, не засвидетельствованного в письменных памятниках древнего периода: в туркменском языке *гарры* «старый», азербайджанском *чаггал* «шакал», в узбекском *қаттиқ* «крепкий».

Причины, вызвавшие удвоение согласных (геминацию), пока еще не выяснены. Один из крупнейших зарубежных тюркологов В. Банг по этому поводу писал: «...что касается удвоения звука, то оно является пока книгой за семью печатя-

²³ Азыркы кыргыз тили, II бөлүм, Фрунзе, 1958, стр. 40, 45.

²⁴ Қазыргы қазақ тили, Алматы, 1954, стр. 219.

²⁵ Н. К. Дмитриев. Двойные согласные в тюркских языках, Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», I, 1955, стр. 261—264; В. В. Решетов. Фонетическая структура слова, Ученые записки, вып. XII, Ташкент, 1959, стр. 23; Он же. Узбекский язык..., стр. 299.

²⁶ А. Г. Гулямов. Проблемы исторического словообразования в узбекском языке, докт. дисс., 1958, стр. 122.

ми»²⁷. Примерно такую же мысль высказал и член корр. АН СССР проф. Н. К. Дмитриев²⁸.

В древних памятниках, писанных уйгурским алфавитом, кроме единичных примеров, вроде *қаттуқ* «крепкий», *арттуқ* «лишний», удвоение согласных в середине слова не засвидетельствовано²⁹. В памятниках письменности на основе арабского алфавита геминаты не обнаружены (о единичных случаях отражения геминатии на письме речь будет идти ниже).

Почти полное отсутствие двойных согласных указанного типа в памятниках письменности так же, как и несовпадение фактов в различных тюркских языках, дают основание предполагать, что такое удвоение согласных возникло гораздо позже, на почве уже отдельных тюркских языков после их консолидации (ср. узб. *қари*, каз. *қари*, ог. *қарр* «старый»).

Интересный материал дают нам числительные по отдельным тюркским языкам: туркм. *икки* «два», *еди* «семь», *секиз* «восемь», *доқыз* «девять», *отуз* «тридцать», *ели* «пятьдесят»; аз. *ики*, *едди*, *сәккиз*, *доггуз*, *отуз*, *элли*; каз. *еки*, *жеті*, *тоғыз*, *отыз*, *сегіз*, *елу*; уйг. *икки*||*жики*, *йәттә*, *сәккиз*, *тоққуз*, *оттуз*, *эллик*; яжу. *ишке*||*ике*, *йехти*||*йити*, *сақыс*, *тоқус*, *учон*, *писон*³⁰, кк. *еки*, *жеті*, *сегіз*, *тоғыз*, *отыз*, *елли*; ойрот. *эки*, *дьети*, *сегиз*, *тогус*, *утыз одус*, *бежен*³¹; башк. *ике*, *ете*, *хигез*, *туғыз*, *утыз*, *илле*; узб. *икки*, *етти* *саккиз*, *тўққиз*, *ўттиз*, *эллик*.

В языке древнетюркской письменности соответственно будет *ики*, *йити*, *сәкиз*, *тоқуз*, *отуз*, *элиг*.

Как яствует из примеров, удвоение согласных полностью отсутствует в языке древней письменности, современном туркменском, ойротском, казахском, а также в языке желтых уйгуров; в башкирском и каракалпакском языках удвоение согласных наблюдается редко. В современном уйгурском и узбекском языках во всех приведенных примерах срединные согласные удваиваются. Подобная нерегулярность замечена даже внутри одного и того же языка, например в кипчакских говорах Хорезма *екь* (точнее *йекь*), в огузских *иккь*.

Чрезвычайно интересный материал дает нам в этом отношении чувашский язык. В нем числа 1—10 имеют параллельные формы с удвоением согласных: *перре*, *икке*, *виссе*, *таватта*, *пиллек*, *ултта*, *сиччә*, *саккар*, *таххар*, *вунна*³².

²⁷ Цитата взята нами из книги финского тюрколога М. Рясянена (Материалы по исторической фонетике тюркских языков, М., 1955, стр. 122).

²⁸ Н. К. Дмитриев. Указ. соч., стр. 261.

²⁹ A. von Gabain. Altürkische Grammatik..., стр. 7.

³⁰ С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров, Алма-Ата, 1957, стр. 178.

³¹ Ойротско-русский словарь, М., 1947, стр. 258.

³² Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка, Казань, 1898 стр. 40—41.

Кроме того, в чувашском языке геминация отмечена во всех категориях слов, и она является одной из характерных особенностей этого языка³³: *суккар* «слепой», *аппа* «старшая сестра», *чечче* «оспа»; при склонении имен на [а] и [е] происходит удвоение согласных внутри слова: *саса* «голос», *сассан* «голоса», *сасса* «голосу», и т. д. То же самое происходит при наращении притяжательных аффиксов: *саса* «голос», *сассам* «мой голос», *сасси* «его голос»³⁴.

В тюркских языках, судя по опубликованным работам, где попутно отмечаются эти фонетические явления, геминаты представлены порою единичными примерами. Для турецкого языка отмечены слова: *елли*, *анне* «мать», *хонна* «легкомысленный»³⁵, *ыссы* «горячий», *йассы* «плоский», *еввет* «да, конечно» и др.³⁶ Удвоение согласных в середине некоторых слов отмечено также для табризского диалекта азербайджанского языка³⁷. Сравним примеры из азербайджанского языка: *аддым* «шаг», *саггыз* «мастика», *саггал* «борода», *чаггал* «шакал», *фэлэггэ* «орудие наказания», *ногга балыг* «сом», *ешишэк* «осел»³⁸. Единичные примеры приведены и из туркменского, кумыкского языков: туркм. *аррык* «худой», *гарры* «старый», *ыссы* «горячий», «жаркий», кумык. *аччы* «горький», *улли* «большой», *гиччи* «маленький», *итти* «острый», *қатты* «крепкий», «твердый», *оччам* «тмин», *қаққа* «долина», *қоччақ* «смелый»³⁹. По различным диалектам азербайджанского языка приводятся примеры на удвоение⁴⁰.

В современном узбекском языке так же, как и в его многочисленных диалектах и говорах, геминаты представлены несравненно богаче, чем в других тюркских языках. Примеры из лит. языка: *палла* «время», «пора», «чаша весов», *ялла* «песня», *катта* «большой», *хамма* «все», «весь», *балли* «молодец» (ар. *بلى*), *содда* «простой» (тадж. *سادе*), *тиррақи* «тощий», *тирриқ* «обманщик», *тиррак* «остолбенение», *чиллак* «детская игра», *ғуррак* «горлица», *жиққа ҳўл* «совсем мокрый», *чўққи* «вершина», *пашша* «муха», *алла* «баюканье», «колыбельная песня», *митти* «крохотный», *қирриқ* «жулик», *жизза* «выжарки», *жиззаки* «вспыльчивый», *чекка* «край», *тирран*

³³ Н. К. Дмитриев. Двойные согласные... стр. 263.

³⁴ М. Рясянен. Материалы по исторической фонетике..., стр. 122.

³⁵ Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка, М., 1955, стр. 116.

³⁶ Н. К. Дмитриев. Указ. соч., стр. 262.

³⁷ К. Fоу. *Azerbajganische Studien*, MSOS, IV, Berlin, 1903, стр. 177.

³⁸ Н. К. Дмитриев. Указ. соч., стр. 262.

³⁹ Там же.

⁴⁰ М. Ширэлиев. *Азәрбайчан диалектологийасынын эсаслары*, стр. 124.

ча «озорник», *дакки* «укор», «выговор» и мн. др. Кроме того, в узбекском литературном языке и по живым говорам бытует очень много слов-глаголов, образованных от звукоподражательных слов, обычно трудно переводимых на русский язык: *тўнғилла* (произносится *тоңңылла*) «ворчать», *шанғилла* (произносится *шаңңылла*), *ванғилла*, *аккилла*, *ваккилла*, *саккилла*, *хўнғилла*, *минғилла*, *шинғилла*, *тинғилла* и др.

В грамматических работах по узбекскому языку отмечается наличие удвоенных согласных в середине слова: *арра* «пила», *чинни* «фарфор», *оппоқ* «очень белый», *тўппонча* «револьвер», *қаттиқ* «твердый», *аччиқ* «кислый», «горький», *етти* «семь», *тўққиз* «девять»⁴¹. Примеры из различных узбекских говоров повторяют или дополняют вышеприведенный список из литературного языка. Из бахмальского говора: *ешишак* «осел», *қошиша* «пара», *бәлли* «молодец», *туссақ* «трехлетний баран», *кессәк* «комок», *киччи* «маленький», *чүччи* «сладкий», *ләттә* «тряпка»⁴²; из шахриябзского говора: *қуттә* «сундук», «ящик», *әрриғ* «тощий», *уккол* «укол»⁴³.

В джекающих говорах кипчакского наречия Хорезма употребление геминат имеет несравненно меньшее распространение, чем в йекающих. Явление геминации широко представлено особенно в огузском наречии. Примеры из кипчакских (йекающих) и огузских говоров: *нъччә* «сколько», *ләттә-пүттә* «тряпье», *нэввэ* «что это?», *жоққы әдык* «сапоги с высокими каблуками», *пәттә* «немного» (лит. *пича*), *мъззық* (Ург. Хив.), *мъжжәқ* (Гурл.) «плакса», *геччә* «коза», *гәззәк* «очередь», *пеишә* «комар», *саққыз* «сера», *суллай* «растягиваться» (лит. *сулай*), *шаппат* «ладонь», «пощечина», *сәңңә* «бродяга», *ува* (Хнк. 2), «селение», *лаққа* «сом», *үттьк* «утюг», *чөккыш* «молот» (Гурл.), *пөккә* «пустой», *хыррық* «куча», *хоррық* «храп» (лит. *хуррак*), *хәббән* «грядка дыней», *хәжжә* «алебастр», *хәжжәк* «мелочь», *чүррә/жүррә* «тощий», *чүррь* «малюсенький», *чульк* «детская игра», *хөккә* «прорубь», *чөммәл* «пугало», *топпат* «теплый ветер», *хәппәк* «маленького роста», *шамма* «вываренный чай», *хөжжә* «комнатушка», *ғаррәм* (в сочетании с *бай*) «богач», *пазза* «сошник», (тадж. *поза*), *ләккә* «глиняное блюдо», *ләппәс* «лодырь», *ләппәк* «липкий», *лоппә* «круглолицый», (тадж. *луппак* «кругленький»), *лүппә-лүп* «переполненный» (лит. *лимма-лим*), *жәббәк* «трахома» (лит.

⁴¹ А. К. Боровков, З. М. Магруфов и др. Узбек тили дарслиги, I, Тошкент, 1960, стр. 31; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, М., 1960, стр. 34.

⁴² Х. Д. Данияров. Фонетические особенности бахмальского говора, Труды УзГУ, Самарканд, 1959, стр. 79.

⁴³ Б. Джуряев. Шахриябзский говор узбекского языка, автореферат канд. дисс., 1959, стр. 21,

шиллик), жубба «детское пальто», шаппык «грязный», «неряшливый», шатта «скандалист» (лит. шатта «удар», «пинок»), муррык «уродливый», «отставший от естественного роста», шульк «пиявка» (лит. зулук), шуттык «копилка», шэррык «навязчивый», йэтте «острый» и мн. др.

В некоторых приведенных примерах с неясной этимологией удвоение согласных, быть может, произошло в результате ассимиляции или (в заимствованных словах) геминаты имели место еще в самом источнике заимствования. Более уверенно мы можем вести разговор относительно заимствованных лексических элементов из арабского языка. В значительном количестве слов, заимствованных из арабского языка, с двойными согласными в середине слова геминаты сохранились как в литературном языке, так и в живых говорах: *аввал* «сначала», *хаммол* «носильщик», *аттор* «парфюмер», *хаммом* «баня», *амма* «тетя по отцу», *аммо* «но», «однако», *таваккал* «риск», *муруват* «милость», *қассоб* «мясник», *миллат* «нация», *миннат* «упрек», *иллат* «болезнь», *муҳаббат* «любовь», *хатто* «даже», *албатта* «конечно» и др. Сюда же можно отнести и многочисленные имена собственные, также проникшие из арабского языка: *Саттор*, *Фаффор*, *Муаттар*, *Муҳаррам*, *Муҳаммад*, *Абдулла*, *Хайрулла*, *Фаттоҳ*, *Қаҳҳор* и др. Эпизодически по говорам встречаются случаи устраниения одного из однотипных согласных: Ташк. *эвол* «сначала», Нам. *эмэ* «однако».

Двойные согласные в заимствованных словах в конечной позиции превращаются в одинарные. Но при наращении аффикса с начальным гласным геминаты восстанавливаются: *ҳад-ҳадди* «право — его право», *ҳэз* «удовольствие», *ҳэзэм* «мое удовольствие» (огузские говоры), *қад* «стан», *қаддинг* «твой стан», *ҳаддан ташқари* «сверх меры», *ҳақ-ҳаққинг* *йўқ* «не имеешь права»; однако это правило не всегда соблюдается: *фан* «наука», *фани* «его наука», но *фанний* «научный»; *зан* «предположение», *занимда* или *занимча* «по-моему», *сир* «тайна», *сирини бермайд* «он не выдает своей тайны» и др.⁴⁴

Обращают на себя внимание случаи удвоения конечного согласного корня при аффигировании. В некоторых словах, обозначающих члены организма: *гөз* «глаз», *гөзэм* «мой глаз», *мун* «нос», *мүннэм* «мой нос», *баш* «голова», *башшэм* «моя голова», *йағын* «спина», *йағыннэмэз* «наша спина» и др.

В ханкинском говоре зафиксировано удвоение согласного корня некоторых числительных, обычно не встречающееся в

⁴⁴ Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка, стр. 116.

других близко родственных языках: *учънь саңа вәрәмән, бешишь мән аламан* «три из них дам тебе, а пять из них возьму я» (Хнк. 1). Однако в словах *қаш* «брови», *мойън* «шея», *қан* «кровь» и т. д. при наращении аффикса конечный согласный не удваивается, а происходит явление другого порядка — удлинение корневого гласного: *қа : шъм* «мои брови», *қа : нъ* «его кровь».

Характерно, что в употреблении геминат наблюдается заметное различие между кипчакскими и огузскими говорами Хорезма. Двойному согласному в огузском наречии иногда в кипчакском соответствует одинарный согласный. В качестве иллюстрации приведем некоторые примеры из этих говоров и сопоставим их с фактами языка письменных памятников и туркменского языка.

Древне- тюркский язык	Туркмен- ский язык	Огузское наречие	Кипчакское наречие	Литератур- ный язык	Перевод
<i>қатығ</i>	<i>гаты</i>	<i>қаттъ</i>	<i>қаттъ</i>	<i>қаттиқ</i>	крепкий
<i>сасығ</i>	<i>сасы</i>	<i>са:сы</i>	<i>сассъ</i>	<i>сассиқ</i>	вонючий
<i>ачығ</i>	<i>ажы</i>	<i>а:жъ</i>	<i>аччъ</i>	<i>аччиқ</i>	горький
<i>сүчүг</i>	<i>сүйжъ</i>	<i>сү:жъ</i>	<i>чүччъ</i>	<i>чучук</i>	сладкий
<i>кичиг</i>	<i>кичи</i>	<i>къччъ</i>	<i>къччъ</i>	<i>кичик</i>	маленький
<i>қуруғ</i>	<i>гуры</i>	<i>қу:ръ</i>	<i>қуръ</i>	<i>қуруқ</i>	сухой
<i>улуғ</i>	<i>улы</i>	<i>улъ</i>	<i>улъ</i>	<i>улуғ</i>	великий
<i>сарығ</i>	<i>сары</i>	<i>са:ръ</i>	<i>саръ</i>	<i>сариғ</i>	желтый
<i>тириг</i>	<i>дири</i>	<i>ди:ръ</i>	<i>тьрь</i>	<i>тирик</i>	живой
<i>арығ</i>	<i>аррық</i>	<i>аррық</i>	<i>арръқ</i>	<i>ариқ</i>	тощий
<i>толу</i>	<i>долы</i>	<i>до:лъ</i>	<i>толъ</i>	<i>тулиқ</i>	полный
<i>қойу</i>	<i>гойы</i>	<i>қуйу</i>	<i>қойъ</i>	<i>қуюқ</i>	густой
<i>исиг</i> ⁴⁵	<i>ыссы</i> ⁴⁶	<i>ъссъ</i>	<i>ъссъ</i>	<i>иссиқ</i>	горячий

Приведенные примеры *са : сь-сассъ*, *а : жъ-аччъ*, *сү : жъ-чүччъ* и др., а также слова типа: ог. *ди : з*, кипч. *тъззэ* «колени», ог. *па : за*, кипч. *пазза* «сошка», ог. *са : да*, лит. *содда* «простой», ог. *пакъ*, лит. *пакки* «бритва», ог. *о : ва*, Хнк. *увва* «селение» и т. д. наталкивают нас на мысль, что генетически оба эти явления — долгота гласных и удвоение согласных — теснейшим образом связаны между собой и выполняют какую-то сходную функцию.

В ташкентском диалекте и ферганской группе говоров отсутствуют так называемые первичные долготы, но широко распространено удвоение согласных вышеуказанного типа. А огузское наречие представлено наличием обоих явлений, долгота гласных же здесь имеет более широкое применение,

⁴⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности (см. словарную часть книги).

⁴⁶ В туркменских примерах гласные первого слога, за исключением *ыссы* и *кичи*, долгие (современная туркменская орфография не отражает долготу гласных).

чем геминаты. Долгота гласных в огузском наречии нередко компенсируется в кипчакском удвоением согласных, но нередки и случаи, когда долгота гласных соответствует гласному обычной долготы: ог. *и:ш*, кипч. *ьш* «работа»; ог. *а:д*, кипч. *ат* «имя»; ог. *қу:ръ*, кипч. *қуръ* «сухой»; ог. *до:лъ*, кипч. *толъ* «полный» и т. д.

Некоторые ученые пытались объяснить причину возникновения геминат особой экспрессией речи⁴⁷. Действительно, в таких примерах, как *көззың чықсын!* «пусть твои глаза выскочат!» или *қыззыйн бәшиңгә ур!* «убирайся со своей дочерью!» (ташкентский диалект), согласные удваиваются для усиления, эмоциональности. Но как возникли удвоения в словах типа *чикки*, *саккиз*? По мнению проф. А. Г. Гулямова, первоначально геминаты возникли для выражения экспрессии, затем постепенно распространились на другие слова, но уже не связанные с подобным значением⁴⁸. Объяснение возникновения геминат в словах типа *са:да||садда* «простой» компенсацией долгот не может раскрыть природы возникновения двойных согласных вообще⁴⁹. Не отрицая роли эмоциональной речи в возникновении геминат (все типы геминации, приведенные проф. А. Г. Гулямовым, в той или иной мере связываются им с усилением значения слова), мы вынуждены признать, что многочисленные факты из различных тюркских языков, так же как и материалы живых узбекских говоров, убеждают нас в том, что основные причины возникновения геминации кроются не в стремлении придать эмоциональность речи, ибо если исходить только из психологического фактора, то мы не в состоянии объяснить случаи удвоения, например, в числительных (*йетть*, *саккыз*, *оттыз*, *елль* и т. д.), а также в словах типа: *геччъ* «коза», *саққал* «борода», *шаққал* «шакал», *саққыз* «сера» (огузское наречие).

Внимательный анализ фактического материала свидетельствует о том, что геминаты характерны для категории имен (в широком смысле), в сфере глагола, за исключением единичных случаев, они не имеют широкого распространения. Отмечено наличие двойных согласных в лексическом пласте имен и глаголов, образованном от звукоподражательных слов (примеры приведены выше).

В подавляющем большинстве случаев геминация происходит на стыке первого и второго слогов независимо от того, является ли второй слог корневым или он относится к аффик-

⁴⁷ А. Г. Гулямов. Проблемы исторического словообразования, стр. 122.

⁴⁸ Там же, стр. 123.

⁴⁹ Там же, стр. 126.

су. Количество слогов в слове также не имеет существенного значения.

Мы предполагаем, что здесь мы имеем дело с наличием особой закономерности, заключающейся в стремлении к укреплению первого слога, в тенденции к сохранению корневого вокализма.

Как уже отмечено выше, геминаты, нехарактерные для языка древних письменных памятников, все же встречаются в них. Это дает нам основание предполагать, что удвоение согласных указанного типа, хотя и в зачаточном состоянии, было фонетическим явлением, присущим тюркским языкам еще в древнейший период. В памятниках письменности на арабской графической основе геминаты, видимо, регулярно не отражались главным образом под влиянием письменной традиции. В письменных источниках XIII—XIV вв. это фонетическое явление нашло свое отражение путем применения знака ташдид (ّ), который ставился над буквой. У Ибн Муханны слово «пятьдесят» (узб. *эллик*) изображено в форме *اللى* (*элли*)⁵⁰. Слово *ал* в языке древних памятников

имело значение «перед», передняя часть»⁵¹: *алында* «перед ним» (ср. аз. *алын* «лоб»). То же самое и в памятниках XIV в., например, в «Тафсире»: *алында*⁵². В староузбекском языке эпохи Алишера Навои и Бабурa замечается выпадение «вставочного» [н] (*алында* > *алыда*) и удвоение корневого [л]: *алдыда*⁵³. Сравним следующий пример из «Шайбани-наме» Мухаммада Салиха:

منى خان آلفه ييتكورديلار
بلکه جان آلفه ييتكورديلار

⁵⁰ П. М. Мелиоранский. Араб филолог..., стр. 72.

⁵¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности..., стр. 357.

⁵² А. К. Боровков. Очерки истории узбекского языка, II, стр. 35.

⁵³ А. К. Боровков. «Бадаи-ал-лугат», словарь Тали'Иманий гератского, М., 1961, стр. 75—76.

В произведениях Алишера Навои, переписанных при жизни поэта, встречаются оба варианта написания этого слова, т. е. с одинарным и удвоенным [л]. В диване Навои имеется стихотворение с редифом

آلیدا . Приведем последнее двустишие этого стихотворения:
ای نوایی جان صبا آلیدا قیلغایمین نثار بوکرا حالین دیسا
یتکاندا سلطان آلیدا

«О Навои, я развею мою душу при утреннем ветерке, пусть он расскажет перед царицей состояние этого нищего». Согласно размеру в слове *آلیда* первый слог долгий. (Рукописный фонд Библиотеки Института Востоковедения, шифр 7409, стр. 166).

(Мәни хан аллыға йеткурдиләр,
Бәлки жан аллыға йеткурдиләр⁵⁴)

Но у Абулгази это слово имеет уже несколько иную форму — с диссимилятивным изменением лл>лд: алдыға «к нему», алдында «перед ним»⁵⁵. В современных огузских говорах: алдында, алдына. Числительные два, семь, восемь, девять, тридцать, пятьдесят, за редкими исключениями, в письме переданы через одинарный согласный звук.

В поэтических произведениях стихотворный размер позволяет установить наличие двойных согласных в середине слова, когда по какой-либо причине это не отражено. Сравним пример из «Садди Искандари» Алишера Навои:

йүз еллик мин ул сары қалмақ хам.

Һана йүз мин өзбәк моғул бирлә зәм.

(Сто тысяч монголов и узбеков составили войско одно,
Сто пятьдесят тысяч сюда же калмыков пришло⁵⁶.)

В первой строке слово эллик имеет двойное [л], употребление одинарного [л], т. е. в форме элик, привело бы к нарушению размера мутақариб (схема: v—v—v—v). Первый слог в слове должен быть закрытым (долгим), в противном случае допускается нарушение размера стиха (оба первых слога также остаются открытыми в виде ю-зе, что весьма нежелательно). В памятнике XIV в. «Мухаббат наме» мы имеем в слове «семь» одинарное [т]:

йети қат зәрнигар әйвани вәлә,

йаратти алты күндә ҳақ таала.⁵⁷

В этом примере размер требует одинарного [т]. В словаре Ибн Муханны: укки, сәккиз, доққыз, оттуз, элли⁵⁸, как и в современных огузских говорах Хорезма.

В определенный период развития узбекского языка появилась тенденция, заключающаяся в стремлении укрепить первый открытый слог слова. Скажем, в слове ачығ «горький» конечный согласный в некоторых тюркских языках, в том числе и в хорезмских говорах узбекского языка, выпал после узких гласных. В силу чего оба слога остались открытыми и как бы «разваливаются» на отдельные изолированные части. Для второго слога это менее опасно потому, что он более

⁵⁴ Мухаммад Салих. Шайбани наме, Спб, 1908, стр. 20 (издание П. М. Мелиоранского).

⁵⁵ А. Н. Кононов. Родословная туркмен, стр. 157.

⁵⁶ А. К. Боровков. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка, Сб. «Алишер Навои», 1946, стр. 103.

⁵⁷ Хорезми. Мухаббат-наме, М., 1961, стр. 5 текста (издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджиба).

⁵⁸ П. М. Мелиоранский. Араб филолог..., стр. 53.

или менее надежно защищен силой выдоха — наличием основного ударения. Так как первый слог является преимущественно носителем семантики, то, естественно, возникает потребность в укреплении первого открытого слога, в устранении опасности «фонетической порчи», в сохранении вокализма корня. Для этой цели используются следующие средства:

1. гласный первого открытого слога заметно удлиняется; его количественное соотношение с гласным закрытого слога будет $1 = 1,5^{59}$;

2. гласный первого открытого слога максимально увеличивается в количестве. Соотношение его с гласным закрытого слога⁶⁰ $1=2$ (это одна из функций первичных долгот);

3. происходит удлинение или удвоение согласного как внутри неразложимого корня, так и на стыке корня и аффикса;

4. в конце первого открытого слога вставляется один лишний звук: кипч. *түвда* «куча» (лит. *tūda*), төвләмәдъ (лит. *tūламади*) «не уплатил», *авми:н* «аминь»; по другим узбекским говорам: *нейча* «сколько?», *ийга* «хозяин», *өвзи* «он сам»⁶¹. В ташкентском диалекте: *энсән* «легко», ог. *аңсат*; в языке желтых уйгуров: *ишкә* «два», *йехти* «семь»⁶². Кроме того, дополнительное или вспомогательное ударение также служит, на наш взгляд, одним из средств сохранения корневого вокализма (главное ударение служит средством сохранения формы).

В трехсложных словах позиция второго открытого слога обычно бывает слабой. Эта мысль особенно верна в отношении узких гласных звуков. В силу этого обстоятельства во всех тюркских языках гласный второго открытого слога подвергается редукции и часто выпадает. В результате трехсложное слово превращается в двусложное: лит. *Фотима*, ог. *патма*; лит. *Хадича*, кипч. *хатча||хачча*, лит. *олуча*, ташк. *элчә* «вишня»; лит. *болалар*, ташк. *боллә* «дети». Выпадение гласного второго слога в словах типа *йрин-йрни*, *қорин-қорни* и т. д. также объясняется вышеуказанными причинами. В современном уйгурском языке редукция и выпадение гласного

⁵⁹ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание..., стр. 50; У. Ш. Байчура. Звуковой строй татарского языка..., стр. 89.

⁶⁰ Ф. Абдуллаев. Чўзиқ унлиларнинг табияти тўғрисида, журн. «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари», 1959, 3, стр. 27.

⁶¹ В. В. Решетов. Узбекский язык..., стр. 306.

⁶² С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров..., стр. 178.

второго слога носят системный характер⁶³. Сравним еще в кипч. говорах: *бърсь* «один из них» и *бърсьсь*.

С точки зрения укрепления вокализма корня значительный интерес представляют приведенные из узбекского языка примеры в работах проф. А. Г. Гулямова: *зўрғаттан* «насилу», *қайтаттан* «снова», *бўйаттан* «с давних пор» и т. д. По его мнению, одно [т] в конце этих слов является вставочным⁶⁴. Нам кажется, что причины появления второго [т] кроются в стремлении к укреплению корневого вокализма и в потребности грамматической дифференциации. Роль удвоения согласных в дифференциации значений слов весьма ощутима, ср. ташк. *бўшқадан* «от другого», *бўшқаттан* «сначала», кипч. *ель* «его народ», *елль* «пятьдесят»; ог. *эль* и *эльль*; кипч. *улъ* «его сын», *улль* «большой»; *ъсъ* «согревайся», *ъссь* «горячий», *ачъ* «его голодность», *аччъ* «горький»; ог. *гечъ* «его вечер», *геччъ* «коза» и др. Слова *қатиқ* и *қаттиқ* («крепкий», «кислое молоко»), видимо, также имеют общее происхождение.

Приведенные факты свидетельствуют о широком распространении геминаций в современном узбекском языке и его многочисленных живых говорах. По этой причине мысль о том, что «двойные согласные не характерны для фонетики тюркских языков»⁶⁵, не может иметь доказывающей силы в отношении узбекского языка.

Ассимиляция и диссимиляция согласных звуков. Специальных работ, посвященных вопросам ассимиляции и диссимиляции согласных звуков в узбекском языке, пока еще нет. В грамматических трудах или специальных работах по фонетике так же, как и в кандидатских диссертациях по диалектологии, отмечаются факты изменения согласных по линии уподобления и расподобления⁶⁶. Журнальная статья А. Ишаева, ставившая своей целью осветить вопросы ассимиляции в ман-

⁶³ Н. А. Баскаков. Уйгурский вокализм, Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, I, Фонетика, 1955, стр. 121.

⁶⁴ А. Г. Гулямов. Проблемы исторического словообразования..., стр. 126.

⁶⁵ Н. К. Дмитриев. Двойные согласные..., стр. 261.

⁶⁶ Ҳозирги замон ўзбек тили, I, Фонетика ва морфология, 1957, стр. 199, А. Н. Кононов. Грамматика узбекского литературного языка..., стр. 41—44; В. В. Решетов. Узбекский язык..., стр. 299—301; Х. Гулямов. Джизакский говор узбекского языка, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1954, стр. 9; А. Ю. Алиев. Уйчинский говор узбекского языка, Автореферат канд. дисс., Ташкент, стр. 10; Ф. Абдуллаев. Кипчакский говор узбекского языка, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1957, стр. 10; А. Шерматов. Каршинский говор узбекского языка, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1960, стр. 20—21 и др.

гытском говоре, к сожалению, имеет ряд погрешностей и опрометчивых выводов⁶⁷.

В огузских говорах распространены обе разновидности ассимиляции — прогрессивная и регрессивная, в кипчакских говорах также имеют место оба варианта, однако их распространение здесь ограничено в смысле разнообразия форм уподобления согласных.

Причины ассимиляции согласных звуков не совсем ясны. Принято считать, что одни согласные, оказавшись сильнее других, полностью подчиняют их себе или ограничиваются частичным влиянием, только лишь оглушая или, наоборот, озвончая их. Однако объяснение причины такого явления лишь особенностями артикуляции того или иного согласного звука, как справедливо отмечается специалистами, к сожалению, ничего не дает для научного обоснования ряда вопросов, связанных с ассимиляцией согласных звуков⁶⁸.

Исходя из анализа фактического материала хорезмских говоров узбекского языка, мы намерены высказать некоторые предположения о причинах, вызвавших такого рода изменения.

В изменении согласных звуков по линии уподобления, как нам думается, действуют различные взаимосвязанные и взаимобуславливающие друг друга факторы. Одна из причин ассимиляции кроется, конечно, в природе самих согласных, в их физиологических свойствах. Рассмотрим с этой точки зрения согласные звуки, сгруппировав их с учетом характерных черт: места и способа артикуляции, звонкости и глухости, огубленности и неогубленности, сонорности и др. Причем, в каждом отдельном случае должен учитываться факт возможности или невозможности перехода данного звука в другой согласный звук.

Из сонорных наиболее устойчивым, следовательно, сильным является губно-губной носовой [м]. Этот звук сравнительно редко подвергается влиянию соседних согласных, наоборот, в большинстве случаев сам оказывает полное или частичное влияние как на предыдущие, так и на последующие согласные, главным образом на [н], [п], [б], реже [д].

Менее устойчивым надо считать сонорный [л], но по отношению к [н] и [р] этот звук является сильным, так как в изу-

⁶⁷ А. Ишаев. Манғит шевасида ассимиляция ва диссимиляция ҳодисалари, журн. «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари», 3, 1959, стр. 50.

⁶⁸ Э. В. Севортян. Ассимиляция и диссимиляция согласных в южных тюркских языках, Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, I, Фонетика, М., стр. 307.

чаемых говорах, за редким исключением, [л] позиционно не переходит в указанные согласные, а наоборот, [н] и [р] ассимилируются звуку [л]: *душмалла* «враги», *гейәллә* «они пришли», *гәдәллә* «они придут», *дүлл-дүлл* «разные» и пр.

Соотношение сонорных [н] и [р] таково, что последний всегда ассимилируется звуку [н], а в обратном направлении изменения не происходит: *дәннақ* «ногти», *оннә* «его место», *быннаса* «какая-то вещь», *онна* «расположиться». Естественно, что дрожащее [р], будучи слабым по природе, подвержено различным изменениям и в определенных фонетических условиях часто выпадает. Интересно отметить, что и по другим узбекским говорам звук [р] чаще иных согласных ассимилируется звукам с, т, д, л, н, ч, з. Ср. примеры из наманганского говора: *туссән* «пусть стоит», *отта* «середина», *кәддә* «он увидел», *аззан* «дешевый», *әччә* «елка»⁶⁹; в уйчинском говоре: *бөччә* «ткач», *тәттәр* «он потянет», *тәллә* «выбирать»⁷⁰.

Несколько неопределенно отношение [р] к среднерядному, тоже слабому [й]. Позиционно [р] может переходить в [й], но в обратном направлении переход не зафиксирован. Ассимиляция [й] звуку [р] в изучаемых говорах отмечена лишь в одном примере: ог. *сүррә*, кипч. *сүйрә* «волочить» (лит. *судра*).

Придыхательное [х] также является неустойчивым и в различных фонетических условиях часто выпадает, ассимилируется редко: *мәссә* «ичиги», *мәккәм* «крепкий».

Отношение губного носового [м] к взрывному п-б более или менее ясно. В большинстве случаев в огузских говорах эти звуки остаются нейтральными, т. е. они сохраняют свою самостоятельность. Здесь изменение по линии мп-мм отмечено в следующих примерах: *хуммәз* «печь для обжига кирпича», *хамма* «место для высыпания муки на мельнице», *тамма* «затворка», *кәмма:л* «бедный» (из *хумпаз*, *хампа*, *тамба*, *камбагал*). Все эти слова заимствованы из таджикского языка. Кроме того, губно-губное [б] в обоих наречиях оказывает влияние на носовое [н], превращая его на стыке двух слов в [м]: *омбәр* «одиннадцать», *омбеш* «пятнадцать», *мәмбәлән* «со мною», *арзам болдә* «стало дешевым», *амам бол* «будь

⁶⁹ В. В. Решетов. О наманганском говоре..., стр. 226.

⁷⁰ А. Ю. Алиев. Узбек тилининг уйчи шевасининг фонетик хусусиятлари, Ученые записки Наманганского госпединститута, вып. III, 1957, стр. 162.

здоров», *гүм бермийдъ* «не дает жить». Это отмечено во многих тюркских языках⁷¹. (Ср. ташк. *мәммийәм* «со мною»).

Очень характерной особенностью кипчакского наречия является довольно частое изменение по линии пм-пп: *баръппан* «я ходил», *уйъқлаппан* «я, оказывается, уснул», *көръппыс* «мы видели», *қойъппа* «положил ли он?», *алъппа* «взял ли он?», *ийт қаппъйдъ* «собака не кусается», *теппыйжақ* «не будет лягать» и др. В этих примерах в огузских говорах указанные звуки не подвергаются взаимному влиянию.

Взрывные [п] и [б] по отношению к другим согласным считаются сильными звуками. Однако в некоторых мелких огузских говорах отмечены изменения [п] по линии пк-кк, пқ-ққ, очень характерные для некоторых туркменских диалектов⁷². Представители этих говоров в основном проживают на территории, граничащей с Туркменией. Конечное [п] деепричастной формы на «-иб-ип||-б-п» ассимилируется начальному [к] или [қ] следующего слова: *алыққалдъ* «он оставил у себя», *алъккытъм* «я унес», *қошыққойдъла* «они присоединили» (Бгт. 9), *аққал* «удержи», *эккыт* «унеси», *тушыққалдъ* «упало», *саққой* «положи» (Я-ар. 2, 3). Параллельно употребительны и формы *алықкыт* «унеси», *гөркъқалдъ* «он увидел», что объясняется стремлением к сохранению сингармонистической самостоятельности сочетающихся компонентов.

Отношение глухих согласных — смычных и проточных с, т, к, қ, п — к своим звонким парам вполне ясно. В громадном большинстве случаев глухие согласные оказываются более устойчивыми, чем их звонкие пары. Кроме того, любой из этих глухих согласных рядом с разнотипными звонкими согласными может оказывать влияние по линии неполного уподобления. Отношение разнотипных согласных с точки зрения взаимного влияния оказывается очень сложно, поэтому формы ассимиляции в изучаемых говорах не всегда совпадают.

В изменении согласных по линии уподобления большое значение, видимо, имеет и тенденция к сохранению согласных корня, свидетельством чего могут служить случаи более частотного изменения аффиксальных согласных (прогрессивная ассимиляция), чем наоборот. В кипчакских говорах: *қаччън* «пусть бежит», *ачча* «если откроет», *көччън* «пусть переселится», *қачқан* «убежавший», *өчкән* «потухший».

В узбекских говорах ташкентско-наманганского типа конечные согласные корня [й], [в], [г], [ғ], [р], считающиеся обыч-

⁷¹ А. П. Поцелуевский. Диалекты туркменского языка..., стр. 39; Азәрбајжан дилинин Муган группу шивәләри, Баки, 1955, стр. 51.

⁷² А. П. Поцелуевский. Указ. соч., стр. 40.

но слабыми звуками, казалось, должны были ассимилироваться начальному согласному аффикса, однако на самом деле этого не происходит, наоборот, эти согласные в род. и вин. падежах ассимилируют аффиксальный согласный [н]: ташк.-нам. *эввэ* (охоту-охоты), *бэрэввэ бэлэсэ* «чужой ребенок», *тэғғэ тепэсэ* «вершина горы», *эййэ йэрғэ* «свет луны», *қоййэ сойдэм* «я зарезал барана» и т. д. В андижанско-кокандской группе говоров после указанных согласных в род. и вин. падежах обычно «дь» (диссимилиация).

В кипчакских говорах Хорезма проточное [ш] в конце корня оказывается также устойчивым по отношению к начальному [с] аффикса: *тушышн* «пусть слезет», *қошиша* «если он прибавит», *тешиша-тешишн* «если он хочет, то пусть продырявит». Но в огузском наречии в этих примерах везде *сс*: *қосса* «если прибавит» (регрессивная ассимиляция). Сохранение начального [с] аффикса в огузском наречии, видимо, тоже имеет какое-то значение (для упрочения формы).

Для огузских говоров нехарактерно стечение *чс*, *шс*, *тс*, *чт*, *шт*. По этой причине в одних случаях происходит регрессивная ассимиляция: *чс* — *сс*: *гөссә* — *гөссын* «если он хочет, то пусть переселится», *асса* «если откроет», *қассын* «пусть бежит», *қоччә* «пахарь», *өссә* «если потухнет», *әссын* «пусть он сделает», *кәлхаччә* «колхозник», *чүссә* «если он слезет» и т. д. В других случаях устраняется смычка аффрикаты: *чт-шт* (диссимилиация): *қаштә* «он убежал», *чәра*: *өшдә* «лампа потухла». Для огузского наречия регрессивная ассимиляция (*тс-сс*) вызвана, видимо, необходимостью сохранения начального [с] аффиксов условной и повелительной форм глагола: *гөссә* «если он уйдет», *ассын* «пусть стреляет». При прогрессивной ассимиляции (*тт*) образовались бы однотипный аффикс с показателем местного падежа и с энклитикой «-та||тә» («да-дә») и очень близкие по звучанию формы с рядом аффиксов: *аттән*, *геттән* и т. д.

В кипчакских говорах изменения по звонкости и глухости происходят более последовательно, чем в огузских: *тд-тт*, *кг-кк*, *қғ-ққ*, *чж-чч*, *сз-сс*, *пб-пп*: *атта* «на лошади», *кеттә* «он ушел», *баққан* «кормивший», *еккән* «посеявший», *көччәк* «он переселится», *аппар* «унеси», *сөссөс* «без слов» и т. д.

В отличие от кипчакских говоров в огузском наречии согласный [д] сохраняет звонкость в аффиксах местного и исходного падежей, в аффиксах прошедшего времени глагола после всех глухих согласных, кроме смычного [т]: *ашдан* «из пищи», *қапасда* «в клетке», *гәндән* «из разговора» *йанда* «на реке», *айақдан||айахдан* «из ноги», *қашдә* «он убежал», *өсдә* «он вы-

рос», *тапдъ* «он нашел», *экдъм* «я посеял», *қошдъ* «он прибавил» и т. д. В этих примерах [д] несколько приглушен, но участие голоса в нем не вызывает сомнения. То же самое наблюдается и в причастной форме прошедшего времени на «-гән||-кән», где после глухих основы начальный [г] аффикса сохраняет свою звонкость. Справедливость такого вывода поддерживается и наличием вариантов аффикса в виде «-йән» даже после смычных согласных основы. Сравним примеры:

Огузское наречие	Кипчакское наречие	Перевод
<i>гетгән гетйән</i>	кеткән	ушедший
<i>өсгән өсйән</i>	Үөскән	росший
<i>өпгән өпйән</i>	Үөпкән	целовавший
<i>өчгән өчйән</i>	Үөчкән	потухший

Но после смычного [к] в обоих наречиях одинаково «-кән»: *эккән||еккән* «посеявший».

После глухих согласных основы твердый вариант этого аффикса везде будет «-қан»: *ашқан* «переваливший», *ачқан* «открывший», *асқан* «повесивший», *атқан* «стрелявший», *баққан* «кормивший» и т. д. После [г] и [ғ] основы в огузских говорах начальные звуки этого аффикса обычно сохраняют свою звонкость: *үггән* «собравший в кучу», *доғған* «родивший», *ағған* «переваливший». Для кипчакских говоров сочетание *gg* и *ff* в этих примерах невозможно, однако в дательном падеже и в кипчакских говорах отмечена форма *бағға* «в сад», *ағға* «в рыболовную сетку».

Необходимо отметить, что изменения сонорных [н] и [л] по линии *нн-нд*, *лл-лд* (диссимилиация) было, видимо, характерно для ранней эпохи и что оно связано с невозможностью, скажем, в кипчакских языках стечения двух одинаковых сонорных согласных внутри слова. Впоследствии в связи с усилением другой тенденции — геминации согласных — эта закономерность постепенно начинает разрушаться, однако следы былого закона сохранились не только в кипчакских, но и в огузских говорах. Видимо, не случайно, что в кипчакской группе языков стечение *нн*, *лл* обычно невозможно: *қолда*, *нандъ*, *балдар* («помогать», «хлеб», «дети»). И поэтому утверждение проф. Е. Д. Поливанова вызывает сомнение. Он писал: «... необходимым условием для д>н в исходном, как и для сохранения [н] в родительном падеже, явилось не только наличие предшествующего суффиксу носового, но и наличие носового на конце суффикса. Этот закон относится ко всей

«хорезмской собственно узбекской группе (т. е. кипчакской)»⁷³.

Проф. Е. Д. Поливанов возводит сохранение носового [н] в родительном падеже после такого же сонорного в степень закона для кипчакских говоров. Однако имеются случаи нарушения этого закона в тех же кипчакских говорах Хорезма. Наряду с формой *нанның ушағъ* «крошки хлеба», отмечена и форма *нандың ушағъ* (Ург. 5), *апамдың сыйтыр* «корова сестры» (Бгт. 7), *қумдың ычнә* кетть «ушел он в пески» (Швт. 9) и др.; да и в других языках кипчакской группы, например в киргизском, стечение *нң*, *ңн*, *мн* в родительном падеже при наличии конечного [н] аффикса совершенно невозможно⁷⁴.

В башкирском языке после ж, з, л, м, н, ң основы следует обязательно [д] аффикса⁷⁵. В джекающих говорах в исходном падеже после притяжательного аффикса III л. (-и||-си) мы имеем форму «-нан||-нән», а не «-ннан||-ннән»: *атынан* «от его лошади», *укасьнән* «от его брата», как и в казахском языке. Этот факт наводит нас на мысль, что в плане генетическом родительный падеж имеет какое-то отношение как к местному, так и к исходному падежам, что аффиксы этих падежей исторически восходят к одному источнику — к аффиксу родительного падежа «-ин||-нин», и поэтому аффиксы «-да||-дә», «-дан||-дән» (ист. «-дин») являются диссимилятивными формами того же родительного падежа. Мысль о функциональной обратимости некоторых падежных аффиксов весьма плодотворна и не противоречит предположению о формальной общности аффиксов этих падежей⁷⁶.

Разнообразные формы изменения согласных звуков по линии уподобления можно разделить на следующие типы.

1. *нд-нн*. а) Конечное [н] основы или аффикса и начальное [д] исходного, реже местного, падежа: *мәннән* «от меня», *сәннән* «от тебя», *мәннәмәс* «не у меня», *сәннәмәс* «не у тебя», *хуннан* «от него», *и:зъннән* «по его следам», *гейәннан* «с тех пор как он пришел», *алғаннан* «с тех пор как он взял», *көп-рәннән* «через его мост», *қазаннан* «из котла», *сөвйәннән* «из-за любви» и т. д. б) Конечное [н] основы или аффикса и на-

⁷³ Е. Д. Поливанов. Говор кишлака Кыят-Кунграт..., стр. 10, прим. 5.

⁷⁴ Азыркы қырғыз тили, II, стр. 46 и след.

⁷⁵ К. З. Ахмеров. Краткий очерк грамматики башкирского языка, стр. 760 (Приложение к «Башкирско-русскому словарю», М., 1958).

⁷⁶ Э. В. Севортян. К истории надежной системы в тюркских языках, Ученые записки Военного института иностранных языков, 6, 1948, стр. 90.

чальное [д] аффикса сравнения: *муннъйн* «таким образом», «так», *хуннъйн* «эдак», *шунней* «так» (Хнк. I), *йеръннынъ* «как его земля», *гуннъйн* «как день», *қаннъйи* «как кровь», *уннъйн* «как мука», *барғаннъйн* «как будто он ходил», *өлйәннынъ* «подобно умершему», *тапқаннъйн* «как будто он нашел», *қульнъйн* «как жеребенок», *өзмнъйн* «как я сам», *барайатърғаннъйн* «как будто он идет». в) Более редкие случаи ассимиляции, наблюдаемые в сложных корнях, ныне неразложимых по линии: *нд-нн*: *гуннъз* «днем», *чуннък* «носик чайника»; *гн-нн*: *иннә* «иголка» (лит. *игна*, кипч. *ийнә*).

2. *ңд-ңн*. а) Конечный согласный *ң* основы или аффикса и начальное [д] аффикса исходного падежа: *мыңнан* «от тысячи», *даңнан* «с утра», *аңнан* «от ума», *йуңнан* «из шерсти», *йалыңнан* «от пламени», *алаңнан* «от пустыря», *өзъңнан* «от тебя самого», *сөзъңнан* «от твоего слова», *йа:дыңнан* «из твоей памяти», *өйъңнан* «от твоего дома», *ба:ғыңнан* «из твоего сада». б) Конечное [ң] основы или аффикса и начальное [д] аффикса сравнения: *атыңнъйн* «как твоя лошадь», *сөзъңнъйн* «как твое слово», *йуңнъйн* «как шерсть», *алаңнъйн* «как пустырь». В последних примерах часто встречаются случаи сохранения начального [д] аффикса сравнения: *атыңдъйн*, *өйъңдъйн*.

3. *мд-мн*. а) Конечный согласный [м] основы или аффикса и начальное [д] аффикса исходного падежа: *кумнан* «из песка», *қаламнан* «от карандаша», *сомнан* «от рубля», *ғамнан* «от печали», *та:мнан* «из пищи», *үзүмнан* «из винограда», *ма:лльмнан* «от учителя», *өзъмнан* «от меня самого», *өлүмнан* «от смерти», *эльмнан* «от моих рук», *бълъмнан* «от знания». б) Конечный согласный [м] основы или аффикса и начальное [д] аффикса сравнения: *хумнъйн* «как кувшин», *үгүмнъйн* «как куча», *баламнъйн* «как мой ребенок», *қумнъйи* «как песок», *гүжүмнъйн* «как карагач», *өлүмнъйн* «как смерть». Случаи сохранения аффиксального [д] также имеют место: *өлъмдъйн*.

4. *нб-мб*. Преимущественно на стыке двух основ: *омбър* «одиннадцать», *омбеи* «пятнадцать», *йамбаш* «бок», *азам бълән* «рано утром», *мәм бълән* «со мною», *қам болдъ* «стало кровью», *у:м бар* «есть мука», *сәм бър гүн* «ты однажды...», *амам бол* «будь здоров», *им бә:нә* «вот сюда», *гүм бойъ* «целый день», *йамам боса* «если будет плохо», *гүм бәрмьидь* «не дает жить».

5. *нп-мп*. Преимущественно в неразложимых ныне корнях: *томық* «пенек», «бугорок», *тамма* «подпорка», *гүммәз* «купол», *шәммь* «суббота», *оммала* «перевернуться кувырко́м».

хуммъз «печь для обжига кирпича», *хамма* «место для высыпания муки», *кэмма:л* «бедный».

6. *нм-мм*. Конечное [н] корня или аффикса и начальное [м] аффикса: *қоммақ* «сесть» (о птицах), *йаммақ* «гореть», *гөммәк* «соглашаться», *өммәк* «расти», *ойламмъйн* «не подумав», *алғаммъ* «брал ли он?», *ишамма* «не верь», *сөвүммә* «не радуйся», *бүйүммь* «сегодня ли?», *гәрүммьдъ* «его не видно».

7. *нғ-ңң*. а) В середине неразложимых корней: *тәңңә* «деньги», *йәңңә* «невестка», *мәңңь* «вечный», *қараңңы* «темный», *доңңыз* «свинья», *аңңыз* «залежные земли», *оңңар* «управлять», *доңңыч* «первенец», *шәңңыл* «кружка», *туңңь* «пень» (Хнк. I); б) *ңғ||нғ-ңң*. на стыке корня и аффикса: *мьңңә* «тысяче» (дат. п.), *доңңан* «замерзший», *соңңы* «последний», *даңңы* «утренний», *оңңа* «направо», *өңңь* «прежний», в) *нғ||нғ-ңң* конечный согласный основы или аффикса и начальные [г-ғ] аффикса: *әрүңңән* «ленившийся», *мьңңән* «севший верхом», *сыңңан* «разбившийся», *гүңңь* «дневной», *бүйүңңь* «сегодняшний», *мьңңыч* «удобный для езды» (о лошади).

8. *нл-лл*. Конечный согласный основы или аффикса и начальный согласный [л] аффикса: *о:дълла* «дрова», *халла* «правители», *далла* «выбирать», *дейәллә* «они говорили», *айтқалла* «они сказали», *йамаллық* «зло», *жыль* «сумасшедший» (лит. *жинни*), *қалль* «кровавый», *гүлләш* «враждовать», *нычәллә* «сколько», *шүнчәллә* «столько», *хурсаллық* «радость», *гүлль* «дневной», *сәллә* «обращаться на ты».

9. *рл-лл*. На стыке корня и аффикса: *дәптәллә* «тетради», *дохтәлла* «врачи», *гөрәллә* «они увидят», *тапалла* «они найдут», *бе:ллә* «здешние места», *не-лләдә* *йүрьпсән* «где ты ходишь», *кө:лләни* «слепых», *бәлләшгән* «объединившийся», *золлық* «насилие».

10. *рн-нн*. В неразложимых корнях: *дъннақ* «ноготь», *съннай* «зурна», *тънна* «аист», *сүнньк* «спотыкаться», *онна* «располагаться», *қаннъ* «его желудок», *оннъ* «его место», *йағын-ньм* «моя спина», *мунның* «твой нос» (в последних примерах ассимиляция рн-нн происходит в результате прибавления к корню притяжательных аффиксов и выпадения коренного узкого гласного: *орън-оннъ*).

11. *чж-чч*. Конечный согласный основы и начальное [ж] аффикса: *аччақ* «он открывает», *қаччақ* «он убежит», *гөччақман* «я переселюсь» (Мнг., Гурл.); в этих примерах в огузском наречии аффиксальное [ж] полностью не оглушается.

12. *чс-сс*. Конечное [ч] основы и начальное [с] аффикса: *ог. асстән* «пусть откроет», *гөссә* «если переселится», *уссән* «пусть

он летит», *қасса* «если он убежит», *гессьн* «пусть он откажется», *өссьн* «пусть гаснет».

13. *тч-чч*: *ййьччэ* «паренек», *ғыйваччэ* «сплетник», *сүччэ* «молочница», *еччэ* «мясник», *севэччэ* «корзинка».

14. *тж-чч*: *саччақ* «он продаст», *сейьччан* — имя собств., *аччақ* «он кинет», *күччэкмән* «я буду ждать», *көччэкмьсьслар* «вы собираетесь переселиться?»; ог. *геччгкмьс* «мы собираемся идти», *уччақсаммэ* «ты хочешь выиграть?», *йақыччан* — имя собств.

15. *тс-сс*. На стыке корня и аффикса: *гессэ* «если он уйдет», *гессьн* «пусть он уйдет», *эссэ* «если он сделает», *қазасэ* *йессэ* «если его дни сочтены», *ассам* «если я брошу».

16. *ти-шин*: *тошишэ* «яма для стока воды» (из тадж. *даст-шү*), *пашша* «царь» (из тадж. *подшоҳ*, кипч. *патша*).

17. *шч-чч*: *қоччэ* «пахарь», *баччэ* «главарь», *еччан* — имя собств.

18. *шж-чч*: *еччан* (<*ешжан*) — имя собств. *қоччақ* «он прибавит».

19. *шс-сс*: *ассэ*н «пусть он перевалит», *қоссэ*н «пусть он прибавит», *чүссэ* «если он слезет», *дөссэ*н «пусть он сделает дыру».

20. *зс-сс*: *бусса* «если он разрушит», *қассэ*н «пусть он копает», *оссаң* «если ты перегонишь», *йүссэ*н «пусть он плывет».

21. *зч-чч*: *қовучча* «маленький бассейн», *кэлхаччэ* «колхозник», *өкьччэ* «бычок», *беччэ* «продавец бязи» (но ог. *бу:зчэ* «продавец льда», *ду:зчэ* «продавец соли»).

В кипчакских говорах ассимиляции типа *чс-сс* не зафиксирована. В таких случаях происходит прогрессивная ассимиляция, т. е. *чс-чч*: *ачча аччэ*н «если хочет, пусть откроет», *учча уччэ*н «если хочет, пусть летит» и т. д.

Для кипчакских говоров нехарактерными являются и формы ассимиляции типа: *рн-нн*, *нл-лл*, *шч-чч*, *сч-чч*, *тс-сс*. Однако это правило будет нарушаться по мере приближения к территории огузского наречия, преимущественно в йекающих говорах Янгйбазарского и частично Гурленского районов. Здесь отмечено наличие вариантов: *ханлар*||*халлар*, *орнэ*||*оннэ*, *қошчан*||*қоччан* и т. д.

В некоторых огузских говорах, видимо, под влиянием туркменских наблюдаются необычные для узбекских говоров изменения согласных по типу: п-б + к-қ = кк-ққ: *алыққал* «оставь у себя», *алыккыт* «унеси», *аккэ* «принеси», *аккыт* «унеси», *қойыққыт* «оставь и уходи».

пм-пп является характерной особенностью кипчакских говоров *барыппа* «ходил ли он?», *қаппыды* «разве он остался?», *ийт қаппыды* «собака не кусается» и т. д.

тд-тт характерно для обоих наречий: *гетть||кетть* «он ушел», *атта* «на лошади», *йаттэ* «он лег», *суттэ* «в молоке», *оттан* «из огня», *суттэйн* «как молоко» (кип. *суттэй*).

В кипчакских говорах глухие согласные основы т, ш, п, с, ч, к, қ определенным образом влияют на начальные согласные аффикса родительного и винительного падежей -ниң, -нъ: *тамақтэ* «пищу», *ағаштың пэтағэ* «ветви дерева», *аттың башэ* «голова лошади», *кытаптэ ач* «открой книгу», *хэктэ әпкэ* «принеси известь» и т. д.

После сонорных [н], [ң], [м] аффикс род. п. обычно «-ниң», но, как уже было отмечено выше, это правило нарушается, и в некоторых говорах того же кипчакского наречия этот аффикс в указанной позиции будет иметь форму «-диң» (диссимилиация).

После сонорных основы [л], [р], так же как и после звонких согласных [й], [ғ], [з], [в], аффикс род. п. «дэң||дың»: *байдың үйэ* «дом богача», *қочқардың шахэ* «рога барана», *палавдың майтэ көбәкән* «много масла в плове», *саздың сәсэ* «звук саза» и т. д. Аффикс вин. п. соответственно будет после глухих согласных «тэ||тэ», после сонорных и звонких «дэ||дэ»: *қойдэ сой* «зарезь барана», *саздэ чэрт* «поиграй на сазе», *қумдэ көрдэм* «я видел пески», *аттэ мьн* «садись на коня», *отғндэ айэр* «колоть дрова» и т. д.

Изучение вопроса об изменении согласных по линии расподобления теснейшим образом связано с историей деформации различных морфологических показателей (Ср. этимологию аффикса «-даш»⁷⁷; мысли о происхождении конечных [т] и [д] в словах *аст*, *уст*, *алд*, *арт* в тюркских языках⁷⁸). С этой точки зрения несомненный интерес представляет история слова *алд* «перед», «передняя часть», которое восходит к корню *ал* «перед». В исторических памятниках форма *аллэда* «перед ним» образовалась в результате удвоения срединного [л] (геминация), впоследствии, например, у Абулгази мы уже имеем форму *алдэда* «перед ним» (диссимилиация). Глагольный аффикс «-ла||-лэ» после сонорных часто в различных тюркских языках дает «-да||-дэ»: *үнлэ-үндэ* «звать», «приглашать» (узб. лит. *инда* «промолвить»), *алла-алда* «обманывать», *қолла-қолда* «оказывать помощь», *таннур-тандэр* «печь», *таңла-*

⁷⁷ А. Г. Гулямов. Об аффиксе «даш» в узбекском языке, Сб. «Белек», Фрунзе, 1946, стр. 31.

⁷⁸ Ф. Г. Исхаков. Некоторые предположения о происхождении конечных «т» и «д» в словах *аст*, *уст*, *алд*, *арт*, Сб. «Академику В. А. Гордлевскому», М., 1953, стр. 124.

таңда «выбирать», аңла-аңда «охотиться», «караулить» (ог. аңдъ, кипч. аңлъ «следить»); в огузских говорах слово сундык «спотыкаться» образовалось от корня сур «тащить», сурьн «тащиться» прибавлением аффикса «-ик» (сурньк); затем путем ассимиляции рн-нн возникла форма сунньк, а путем диссимиляции — сундык.

Слова типа маңдай «лоб», таңдай «небо» в казахском языке также, как и слово тандыр, изменили свой фонетический облик в результате диссимиляции. Ср еще: узб. жинни (из жин-ли «сумасшедший», прогрессивная ассимиляция), ог. -кипч. жьлль (регрессивная ассимиляция), каз. жинди (диссимиляция).

В изучаемых говорах имеется очень много глагольных основ, образованных от звукоподражательных слов: тыңңырда — звук, издаваемый музыкальным инструментом, жарқылда «скрипеть», тарқылда «хрустеть», чуққылда «злословить», ҳоңқылда «буркнуть», ҳоңңырда «ворчать», шаңңылда «неистово кричать». В этих и подобных им примерах глагол образован при помощи аффикса «да||дә» (<«-ла||лә»).

Перестановка согласных звуков, или метатезис, также является чрезвычайно распространенным явлением в изменении фонетической структуры тюркского слова. В одних случаях перестановка согласных звуков происходит на чисто фонетической почве — для удобства произношения, а в других — перемещение звуков связано непосредственно с семантической дифференциацией слова. В истории языка имеется слово таңшир||таңиштир «сравнивать»⁷⁹. Этимология этого слова более чем прозрачна: таң «равный» и сложный аффикс «-иш+тир». В современном туркменском языке: дәңиштир «сопоставлять»; ог. тәшкър «проверять», кипч. текшир, лит. текшир «проверять», «исследовать», но туркм. дернә «проверять», которое является измененной формой дең+ир, отсюда туркм. дерңевжи «ревизор», узб. терговчи «ревизор» (н>г, перестановка [г] [р]). То же самое можно сказать и о слове тебра-тебрәт «приводить в движение» и лит. терват «качать люльку», тебрәт «двигать», ог. дәрпәт «качать люльку», туркм. терпет «шевелить», «двигать».

В связи с этим уместно высказать предположение относительно форм слова йаңмър||йайғмър||йаңңыр||жаңбыр||наңмыр

⁷⁹ Монгольский словарь «Мукаддимат-ал-адаб», I—II, М.—Л., 1938, стр. 141.

«дождь» в различных тюркских языках. По нашему мнению, первоначальными формами этого слова были чаң-жаң-йаң + аффикс «-ир». В определенный период развития тюркских языков срединное [н] удваивается (геминация), таким образом образовалась форма *йаңңыр-йаңғыр*. Впоследствии в одних языках это слово изменилось по линии диссимилиации — *йаңбър-йаңмър*, поэтому мы имеем в каз.: *жаңбыр*, хак. *наңмыр*, ойр. *дыаңмыр*. Кроме того, н > ғ привело к образованию *йағмър*, перестановка звуков [ғ] [м] дала форму узб. *йамғир*, лит. *ёмгир*, ташк. *йаңғър*, но тур. *йағмыр*. Первоначальной формой всех этих вариантов было *чаң*, что подтверждается наличием в языке произведений Алишера Навои формы *чавын*⁸⁰ «дождь со снегом» и *чавын||жавын* в современных (кипчакской группы) тюркских языках.

В изучаемых говорах бытует большое количество параллельных слов с перестановкой согласных: ог. *өрйән*, кипч. *үйрән*, лит. *ўрган* «учиться»; ог. *тайха||те:ха*, кипч. *тақйа* «тубетейка»; кипч. *йапрақ*, ог. *йарпақ||йорпақ* «лист»; кипч. *шьм-гърък*, ог. *сьңқърък*, лит. *миширик* «сопли»; ог. *қоңшъ*, лит. *қўшини* «сосед»; лит. *айлан*, кипч. *айнал*, ог. *айнан* «крутиться»; кипч. *қўйлан*, ог. *қыйнал*, лит. *қийнал* «испытывать трудность», «мучиться»; ог. *сўйльн*, кипч. *сўйльн* «фазан»; лит. *аҳвол*, ог. *авҳал* «положение», лит. *Иброҳим*, кипч.-ог. *ир-вайъм* — имя собств; ог. *тағма*, кипч. *тамға* «тавро»; лит. и кипч. *термил*, ог. *дәмрьл* «пристально смотреть»; кипч. *тәқър*, ог. *қытър* «упрямый»; кипч. *топрақ*, ог. *торпақ* «земля» и мн. др.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЧАЛА, СЕРЕДИНЫ И КОНЦА СЛОВА

В изучаемых говорах в абсолютном начале слова могут употребляться все гласные и согласные звуки, кроме носового [н]. В джекающих говорах кипчакского наречия в этой позиции не может размещаться также и звук [й]; но эпизодически он встречается здесь в некоторых заимствованных словах: *йар* «друг», *йанвар* «январь».

Сочетание двух гласных звуков в середине слова не допускается. Заимствованные слова с двойными гласными в середине слова приспособляются к фонетическим законам языка — двойные гласные, как правило, превращаются в обычные краткие гласные (кипчакское наречие: *сәт* «часы», *кәпәрәтп* «кооператив») или, сливаясь, приобретают оттенок долготы (в огузском наречии: *ма:лләм*, «учитель», *сә:т* «ча-

⁸⁰ «Абушка», стр. 231.

сы»). Стечение однотипных согласных подробно рассмотрено в разделе «Удвоение согласных звуков». О возможных сочетаниях однотипных и разнотипных согласных в неразложимых корнях так же, как и на стыке корня и аффикса, будет сказано ниже.

Сочетание двух гласных в конце слова также не допускается. Стечение двух согласных в конечной позиции допускается лишь в определенных фонетических условиях: если первый согласный — один из сонорных, реже шумных (*тарт-* «тянуть», *арт-* «нагружать», *тулп* «редька», *қалп* «ложь», *қонч* «голенище», *дыч* «покой», *қант* «сахар», *бәләнт* «высокий», *пәнт* «обман», *ант* «клятва» и др.). В остальных случаях один из согласных, чаще всего конечный, устраняется: *дос* «друг», *гәш* «мясо» (кипч.), *қас* «злое намерение», *пәс* «низ», *вах* «время», *тах* «трон». Сочетание *рқ* в конце слова допустимо в основном в огузском наречии, в кипчакском же, между согласными появляется беглый [ь]: *қърық* «сорок», *парық* «разница», *ғарық* «утопление», *шарық* «восток». Однако и здесь в речи интеллигенции и учащейся молодежи это правило сплошь и рядом нарушается в связи с необходимостью усвоения норм литературного произношения.

Сочетание согласных в середине неразложимых основ

бб	эббән (Гурл., Мнг.), хэббән (Ург., Хнк.) «грядка дыней», мурабба «варенье», даббь доббь «толстый», лэббэй «да, я слушаю».
бг	эбгәр «бедный», шэбгър «мучение», кэбгър «шумовка»
бд	эбдән «здорово», абдал — имя собств.
бж	эбжөш «сорт кишмиша», эбжъл «проворный», «ловкий»
бз	кэбзә «лопатка», абзал «сбруя», лэбзи:нә «род сладости»
бл	дэблә «посуда для масла», қыбла «юг»
бр	абрай «авторитет»
вб	сөвбәт (Мнг., Гурл.) «беседа», тувба «раскаianie»
вв	эввэл «сначала», наввъ (Ург. I) «что это?», овва «село» (Хив. I), увва (Хнк. I), навват «род сладости»
вг	гәвгүм «сумрак»
вғ	савғат «подарок», йавған «постный суп», қавға «ведро»
вд	дүвдән «корзина», чувда «пух» (Мнг. I), гәвдә «телo», савда «торговля», увдақ «крошки», товда «куча»
вй	ловйа «фасоль»
вж	чавжън (Мнг. I) «высокий», қавжърақ «засохший»
вз	шавзън «высокий» (Хив. I), шо:зън (Ург. I)
вк	дәвкән «лавка» (Я-бзр. I), шәвкәлә (Хив. I) «украшение»
вқ	авқат «пища», навқан «шелковичный червь» (Гурл., Мнг.)
вл	әвлат «потомки», ҳәвлә «двор», авлақ «укромное место», сәвлә (Швт. 4) «говорить», дөвлә «посуда для масла» (Хнк. I)
вм	йавмәт «йомуды — туркменский род», авми:н «аминь», тәвмәт дәвмәт «клевета» (Мнг. I), гәвмыш «лучшая порода коров»
вн	увнъқ «крошки» (Гурл. I), қувнақ «радостный», «веселый»
вр	тувръ «правильный», увръ «вор», дәвран «удовольствие» (Мнг. I), дүврә «круг», саврън «награда»

в с әвсәр «глупый», кәвсән «налог», авсән «невестка» (Мнг. 1)
 в х навхан «шелковичный червь» (Я-бэр. 1), шавхын «шум»
 в ы авхал «положение», «состояние»
 в ч савчъ «сват», дэвчэ «незрелый урюк»
 в ш шавшақ «мелкий дождь», тавшан «заяц» (Я-бэр.)
 г б дэгбэр||дэбгьр «бедный»
 г д дэгдъ (Мнг. 1) «теплые носки», игдэ «джидэ» (Швт. 3)
 г в лагва «болтун» (Ург. 1), ыгва «сплетня»
 г з мағзава «помои», «нудный»
 г л мағлай «лоб», муғль (Ург. 3) «печальный», йағла (Хнк. 1) «пла-
 кать», оғлан «молодец»
 г р ыгран «хныкать», агрық «боль», доғрь «правильно»
 г т па:ғта «хлопок», та:ғта «доска» (Швт. 5)
 д г шүдгэр «зяблевая пахота», йэдгэр «память» (Мнг. 1)
 д л йеддъ «семь», доддъ «беспечный», мэддэ «нарыв» (Мнг. 1)
 д й шүдйэр «зяблевая пахота» (Ург. 1)
 д р адра «неровная местность» (Ург. 1), надра «барахло» (Мнг. 1)
 й б худрай «эгоист», бэдрой «некрасивый»
 й в әйб||ейб «порок», ҳейбэт «угроза»
 й г хыйва «Хива», дейвал «стена», «забор» (Ург. 10), ейван «терраса»,
 й ф мейвә «фрукт» (Хив. 1), дийвана «нищий» (Мнг. 1)
 й д ийгьльк «доброта», кыйгьз «войлок»
 й й қайғы «печаль», айгыр «жеребец»
 й ж пейда «польза», ийдә «джидэ», мейдә «мелкий», чүйдә «мелкий»,
 й з ҳайда «гнать» (Мнг. 1), ҳейдә (Ург. 1), жьйдә (Гурл. 1, Мнг. 1)
 й к еййам «давно», теййар «готовый», еййар «плут»
 й қ ийжан «рубленое мясо» (Гурл. 1)
 й й күйзә «чистить», қайза «сдирать», «снимать»
 й к быйкә «госпожа», чүйкылдәк «название пищи», сүйкә «тереть»
 й қ уйқъ «сон», қуйқа «осадок», чайқа «полоскать», мыйқа «род
 птицы»
 й л мейльс «собрание», тайлақ «голый», сүйльн «фазан» (Мнг. 1), сөйлә
 й м «говорить», көйлак «рубаха»
 й м мыйман «гость», қаймақ «сливки», оймақ «наперстник», қуймақ
 й н «яичница», түймә «пуговица»
 й н айна «стекло», ойна «играть», түйньк «дымоход», қайна «кипеть»,
 й н ийнә (кипч.) «игла»
 й п пайпақ «чулки», сыйпан «скользить», айпән «бояться»
 й р сыйрақ «голень», қайрақ «точило», байрақ «знамя», қуйрық «хвост»,
 й с сүйрә «волочить», айран «молочный напиток»
 й т қайсә (Мнг. 1) «который», қайсар «упрямый»
 й х шайтан «бес», мыйтыр «метр» (Гурл., Мнг.), қыйтар «косой»
 й ч тейха (Ург. 1) «тюбетейка», сыйхақ «терка» (Мнг. 1)
 й ш быйча:ра «бедный», қайчъ «ножницы»
 й ш мәйшәт «угощение», «удовольствие»; ейшә «имя собств.»
 ж б гүжбән||гүжмән (Мнг. 1) «жирный», «толстый»
 ж д әждәха «дракон», сәждә «преклонение»
 ж ж хүжжә «сорт сливы», ҳәжжық «мелочь», ҳәжжә «алебастр»
 ж м бажман «лесник», гүжмән «толстый»
 ж р тежри:бә «опыт» (Ург. 1), ажрық «вид травы», ажра «отделяться»
 з з гәззық «очередь», пазза «сошка» (Мнг. 1), мьззық «плакса», жьззық
 з з «выжарки», кәззап «обманщик», пәззық «растопка»
 з г қызған «жадничать», қозғақ «пух»
 з н гәзнәр «порода верблюда», қазнақ «сени»
 к в дәквәрдә «быстро», «не откладывая»
 к й тәкйәмәт «войлок»

кк	иккь «два», үккь (Ург. 1) «прорубь», чэккә «висок», мәккә «куку-руза», мәккәм «крепкий», йеккә «одинокый», пөккь «пустой»
км	хөкмән «безусловно», өкмәт «правительство», чәкмән «чекмень»
кн	кәкнәр «мак»
кп	өкпә «легкие» (Кипч. 1)
кр	көкрәк «грудь», түкрьк «плевок» (Мнг. 1), бәкрә «осетр»
кс	өксьрьк «кашель», өльксә «падаль», өксын «обидеться»
кт	мәктәп «школа», өктәм «имя собств.», өкть «проворный»
кч	өкчә «ступня», тәкчә «ниша»
қв	тақва (Мнг. 1) «обманщик»; ақвал «положение» (Мнг. 2)
ққ	саққал «борода», чаққан «быстрый», чаққы «перочинный нож», саққыз «смола», лаққа «сом», заққым «ид»
қл	муқлъм (Мнг. 2, 3) «обязательно», оқлав «каталка», сақла «хранить», тоқль «двухлетний баран»
қм	тоқмақ «дубина», соқмақ «тропа», мақмал (Мнг. 1) «бархат»
қп	қақпақ «крышка» (Мнг. 1)
қс	ақсақ «хромой», тоқсан «девяносто»
қт	йақть «свет», ақтьқ «внук»
қч	сақчь «караул», чақча «тыква-горлянка», ақча «деньги»
қш	ақшам «вечер», қақша «трястись», жақшь «хорошо» (Мнг. 2)
лб	албасть (Мнг. 1) «злой дух», былбыл «соловей» (Ург., Хнк.), чалбър «брюки», дәлбә «безумный», қалбър «решето» (Мнг.)
лв	палван «богатырь», әлван «красная материя», ғалва «халва», ғалва «шум», дәлвәдәл «бродяга» (Ург. 1)
лг	сүлгь «платок», сүлгын «фазан» (Швт. 1), үлгь «трафарет»
лғ	улғар «виноградный куст», қалғақ «мешалка», толғақ «схватка», салғыт «налог»
лд	балдър «ляжка», балдақ «ручка», қалдъвач «ласточка», алда «обманивать», чылдырмә «бубен»
лж	дәлжык «озорной», өлжә «добыча»
лк	түлкь «лиса», сәлкь «свободный», йелкә «плечо», хөлкәч «горб верблюда» (Гурл. 1)
лқ	талқан «толокло», салқын «тень», «тенистый», улқан «большой», толқын «волна», чалқа «навзничь», шълқым «нечистоплотный»
лл	кәллә «черепа», күллә (Ург. 1) «враждовать», мылләт «укор», пыллә «кокон», ёль «пятьдесят», улль «большой»
лм	алма «яблоко», салма «ручей», долма «голубцы»
лп	тәлпәк «шапка», чәлпәк «вид лепешки», халпа «певица», чолпь «дуршлаг», жалпъ (Мнг. 2) «все, целиком»
лт	қаньлтър «железный лист», халта «мешок», алть «шесть», күлтә «снопа», алтын «золото», мълтық «ружье»
лх	талхан «толокло», талхин «песня», салхын «тенистый»
лҳ	мәлхәм «мазь» (Гурл. 1)
лч	қылчық «рыбья кость», балчық «грязь», күлчә «маленькая лепешка», ғалча «плут», «обманщик»
мб	қумбъз «печь для обжиги кирпича» (Мнг. 2), хумбъз (Гурл. 1), тәмбь «подпорка», шәмбь «суббота»
мг	шымғырьк «сопли», емгәк «труд»
мғ	қумған «чайник» (Кипч. 1), йамғыр «дождь», тамға «клеймо»
мд	әмдалль «прилично», «хорошо»
мз	кәмзыль «камзол»
мй	өмйән «грудь» (Хив., Ург.)
мм	эммә «тетя по отцу», хәммә «все», хуммъз «печь для обжиги кирпича» (Ург. 1), тәммь «подпорка» (Ург., Хив.)
мп	лампа, томпақ түмпәк «бугор», кәмпьр «старуха», қампай «раздуваться»

мр құмр «горлица», йумрық «кулак», омрав «грудь лошади» (Мнг.),
 дэмрыл «пристально смотреть» (Ург. 1)
 ме сомса «пирожок», сүмсык «назойливый», самсам «нудный»
 мт тумтақ «куцый», сьмтық «бесстыдный»
 мч замча «сорт дыни», гомча||қомча «дрова» (Мнг. 1), түмчә «посуда
 для кипячения воды», чьмчық «воробей», қамчь «плеть»
 мш йумшақ «мягкий», тумшық «морда»
 нд кындьк «пуп», кәндьр «кендырь», чәндьр «крепкий», тандьр «печь
 для выпечки лепешек», инд «теперь», чүндьк «нос»
 нй дүнья «мир», аняйқ «там»
 нж пәнжә «пятерня», зынжыр «цепь» (Ург. 1), ғанжар «кинжал», мьн-
 жық «бусы», йорьнжа «клевер», қанжық «сука»
 нн дьннақ «ноготь», гүнньз «днем», чьнь «фарфор», сьннай «зурна»,
 мунтьйн «таким образом» (Ург. 1)
 нт йантақ «янтак», чонтық «куцый»
 нч қанчық «сука» (Мнг. 1), монча «баня», сончақ «бусы»
 нг зәңгь «лестница», үзәңгь «стремя» (Ург. 2), жеңгә «невестка»,
 нз шәңгьл «кружка», тәңгә «деньги», сәңгь «бродяга» (Мнг. 1)
 нк маңгьт «Мангыт», тоңгыз «свинья», ғангырав «колокол»;
 нз мәңзә «быть похожим» (Ург. 1)
 нк төңкә «пень», төңкәр «опрокидывать», түңкә «фитиль», өңкый «веч-
 но», «все время» (Мнг. 1)
 нқ қаңқай «торчать», танқа «посуда для воды», аңқав «эсвака», жоңқа
 «шепка» (Мнг. 1), чоңқьр «глубокий»
 нд таңлай «небо», маңлай «лоб», тыңла «слушать», түңлык «дымоход»
 (Гурл. 1)
 нн таңнай «небо», маңнай «лоб» (Мнг. 2)
 нш йеңнә «невестка», тәңнә «деньги», доңңыз «свинья» (Ург.)
 нр маңра «мычать», аңра «орать», саңрав «глухой», шәңрәй «гордый»
 нс аңсат «легкий», йеңсә «нарукавник», қолаңса «вонь» (Ург., Хнк.)
 нт қаңтар «привязывать», аңтар «переворачивать» (Ург. 1)
 нч түүчә «посуда для кипячения воды»
 нш қоңшъ «сосед», кәңшърьк «переносица», ғыңшъ «хныкать»
 нк өпкә «легкие», кәпкьр «шумовка», ыпкын «легкий ветер»
 нд қапқақ «крышка», йьпқа «тонкий», қапқан «силок»
 нп сүплык «мусор», түпльй «туфли»
 нп гүпль «телогрейка», топль «тубетейка», шаппат «пощечина»;
 пр супра «скатерть», йапрақ «лист», топрақ «земля»
 нс сьпсә||сүпсә «метла» (Ург. 1), дәпсын «гневаться»
 нт шапталь «персик», кәптәр «голубь», чьпта «рогожа»
 нч қьпчақ «Қипчак», күпчәк||гүпчәк «ступица», кәпчә «маленькая ло-
 патка», көпчын «пружина»
 нш шәпшәк «яρμο», тапшър «поручать» (Ург., Хив.)
 рб торба «торба», шорба «суп», арба, қурбан «имя собств.»; кәрбьч
 «кирпич», қурбақа «лягушка», чарбақ «усадыба» (Мнг. 1).
 рв торва, шорва, арва, чарвах, дарваза «ворота», кәрвьч (Ург., Хив.)
 рг бүргә «блота», үргәнч, үргән «учиться» (Х-асп. 1), сәргьздан «мы-
 тарствующий» (Мнг., Гурл.)
 рг қуурга «ребро» (Ург. 1), қабьрға (Гурл. 1), қарға «ворона», торғай
 «жаворонок», йорға «иноходец», дарға «капитан»
 рд шыгьрдәк «бронхи», күрдык «вид кушанья», өрдәк «утка»;
 рй үрйән (Ург. 1) «учиться», дерйа «река», тьрйк «наркотическое
 вещество»
 рж аржа «большой сундук», қу:ржақ «кукла», уржық «юла»
 рз мьрза «грамотей», арза «заявление», арзан «дешевый»
 рк өркәч «горб верблюда», сьркә «уксус», әркә «разбалованный»

рқ	арқа «спина», арқан «веревка», марқа «жерех» (рыба)
рл	өрлэ «подниматься ввысь»
рм	қармақ «крючки», дәрман «сила», чърмавтқ «повелика»
рн	търнақ «ноготь», сърнай «зурна» (Мнг. 1), арна «река»
рп	кърпк «ресница», көрпэ «одеяло», арпа «овес», дәрлэт «двигать»
рр	қаррь «старый», дәррө: «быстро», күррә «осленок», аррық «худой», парраш «уборщик», търрық «нечестный»
рс	дырсәк «локоть», бо:рсақ «пончики», қумърсқа «муравей»;
рт	чертәк «навес», ертән «завтра», партав «залежные земли»
рх	сархым «кружка» (Гурл. 1), арха «спина», тархал «расходиться»
рч	қу:рчақ «кукла», арча «сундук», урчәқ «юла» (Мнг. 1)
рш	гүршәк «сушеный урюк», туршъ «вид сладости» (Мнг., Гурл.)
сб	әсбап «инструмент» (Мнг., Гурл.)
св	әсвап (Ург. 1), исвәнт «гармала»
ск	өләскә «падаль», искьрт «жадный», мәскәв (Ург. 1)
сқ	йасқа «брод», қасқақ «обод» (Мнг. 1), дасқар «воробей»
сл	мәслә:т «совет»; әслъ «в сущности»
см	дасмал «люфак», қасмақ «струп», асман «небо»
сн	қаснақ «обод» (Ург. 1), әснә «зевать»
сп	әспәк «запрет» (Гурл. 2)
сс	қассап «мясник», мәссь «ничиги», ьссь «теплый», мьссәк «женская, верхняя одежда»
ст	үстәр «стол», уста «мастер», йастық «подушка», қыста «торопить», астаң «тихо», хаста «больной»
тк	чөкьткә «саранча», чөткә «щетка»
тқ	тоқытқа «отверстие под стеной», «труба»
тл	патлақ «выпуклый», чатлавық «щипцы», атлас «атлас», «шелковая материя»
тм	атмъш «шестьдесят», батман «мера веса», кәтмән «кетмень»
тн	қутнақ «обязательно» (Мнг. 1); қатна «посещать»
тп	пәтпәрәк «змея» (Мнг. 1)
тт	мәттәл «ожидание», пыттә «немного», шүттк «коптика»
тй	тахйа «тубейка» (Гурл. 1)
хл	ахлық «закваска», мухлъм «обязательно» (Гурл. 3)
хм	махмал «бархат», ахмақ «дурной» (Гурл. 1)
хс	дохсан «девьяноста», ахсақ «хромой» (Ург. 1)
хт	тохта «стоять», «остановиться», сохта «азартная игра», ахта «мерин», ахтық «внук» (Ург., Хив.)
хч	бахча «садик», бухча «узелок» (Ург., Хив.)
хш	йахшъ «хорошо», бахшъ «сказитель», охша «быть похожим», ахшам «вчера» (Ург., Хив.)
хв	ахвал «положение»
хм	рәхмәт «спасибо» (Хив. 1)
хс	сәхсән «восемьдесят»
хч	тәхчә «ниша» (Ург. 1)
чк	кьчкьнә «маленький», кәчкьрт «кривой нож» (Ург., Гурл.)
чқ	қочқар «баран», чьчқан «мышь» (Гурл., Мнг.)
чм	чүчмүләк «икснолирион» (Мнг. 1)
чч	кьчч «маленький», чүччъ «сладкий», аччъ «горький»
шб	үшбәләк «свисток»
шв	нәшватъ «груша»
шк	кәшкәт «кривой нож» (Хнк.), чәшкә «полдень» (Мнг. 1)
шқ	ышқа «вид камыша», қашқа «отметина на лбу животного», ышқьр-«свистеть»
шм	душман «враг», пешмәк «вид сладости», пушман «раскаивание»
шн	ташнав «яма для стока воды», ашна «знакомый», «приятель»

шр эшрәп «нужный», мәшрәк «нитка» (Мнг. 1)
шт иштәй «аппетит», пүштә «грядка»
шх ышхърәк «свист» (Хив.)
шш пешшә «муха», ешшәк «осел» (Ург.), тошшә «яма для стока воды» (Хив.)

Сочетание согласных на стыке корня и аффикса

бб аббар «унести» (Я-бзр. 9)
бг эбгә «принести», әбгәт «унести» (Х-асп. 14)
бй альбйәр «подавать», бәрйбйәр «передавать» (Ург., Хив.)
вг авган «накренившийся», тувган «родственник», сувгар «поливать»,
кувгән «изгнанник» (Гурл., Мнг.)
вд авда «на охоте», дөвдә «он крошил», сөвдәк «любимый» (Ург. 1),
авдар «переворачивать» (Гурл., Мнг.)
вж қовжақ «он выгонит», сөвжәк «он полюбит» (Ург., Хив.)
вй сөвйән «любивший», дөвйән «измельчавший» (Ург.)
вл сәвлә «говорить» (Швт. 3), савлық «здоровье» (Мнг., Гурл.)
вн авна «валяться», қувна «радоваться», бавла «привязывать» (Мнг.,
Гурл.)
вч авчә «охотник», сувчә «поливальщик»
гл беглык «должность бека»
ғд йағдан «из масла», ағдә «он накренился» (Ург.)
ғж йағжақ «будет идти дождь», доғжақ «будет рожать» (Ург.)
ғл бу:ғл «с паром», сағлық «здоровье», бағла «привязывать» (Ург.,
Хив.)
ғм бағман «садовод», доғма «сын», боғма «скарлатина» (Ург.)
ғс доғса «если будет рожать», сағсән «пусть надонет»
дг йәдгәр «имя собств.»
дд йаддан «на память», а:дда «в имени» (Ург.)
дл йалда «зубрить», а:дла «именовать» (Ург., Хив.)
дм шадман «имя собств.»
йв бейвәтән||бйвәтән «бедный», бйвақ «безвременный» (Мнг.)
йг кыйгыз «надевать», ийглык «доброе дело» (Гурл.) күйгән «сгорев-
ший», үйгә «дому», сүйгәч «любящий»
йғ тойғыз «насытить», тайғақ «скользкий», жйғой «скушай-ка», (Гурл.,
Мнг.)
йд күйдәр «сжигать», үйдәрмә «сплетня», тойдан «со свадьбы», ойдық
«яма», қойдә «барана»
йк лайкәш «рабочий», зыйкәш «дренажная канава»
йқ сойқала «тереть» (Мнг.), тайқала «скользить» (Мнг., Кипч.)
йл байлық «богатство», сөйлә «говорить», ойлә «задумчивый»
йм еңкәймәк «сгибаться», ойма «резьба», қыйма «рубленое мясо»
йн жыйна «собирать» (Гурл., Мнг.), қойнә «барана»
йп тайпанчық «скользкий», сыйпан «кататься на льду» (Мнг.)
йр байрақ «богаче», ойрақ «более низкий»
йс тойса «если он насытится», олайса «если так..» (Мнг.)
йт үйтып «таким образом», шүйтып «вот так» (Мнг.)
йч күйчә «мелодист», тайча «жеребенок», ойчан «задумчивый»
зг дүзгә «убранство», сүзгәч «бодающий», безгәк «лихорадка» (Ург.,
Хив.).
зғ йазғы «летний», азғын «худощавый», азғана «немного» (Гурл.,
Мнг.)
зд ағзәдә «поле», қәздәр «нагревать», аздәр «сбивать с пути»,
қы:здйн «как девушка», гүздә «осенью» (Ург.)
зз бәззә «насе», муззә «лед» (Ург. 4)

эй	дүзйән «составивший», йүзйән «плывший» (Ург.)
эл	ду:злык «солонка», айазлык «мороз», гөзлә «нацелить» (Ург. Хив.); ьзлә «искать» (Мнг., Гурл.)
эм	азман «кастрированный», үзмән «мучная пища», йазмақ «писать», йүзмәк «плавать»
зн	ғознъ «орех» (вин. п.), ғазнъ «гуся» (Ург.)
эр	азрақ «меньше», тезрақ «скорее» (Ург., Хив.)
кд	сөкдъ «он ругал», дү:нькдән «из дымохода» (Ург.)
кж	әкжәк «он посеет», дөкжәк «он будет лить» (Ург.)
кк	дөккән «выливающий», чөккән «осевший» (Ург.), ешьккә «двери», тешьккә «дыре» (Гурл.)
кл	йүклә «нагружать», йүклъ «с грузом», бөклә «закрывать», әклә «белить» (Ург.)
км	төкмә «не лей», өкмәк «сеять», сөкмъ? «просо ли?»
кн	әкнь «известь» (вин. п.), сөкнь «просо» (вин. п.)
кс	тыксә «если сошьет», өльксә «мертвечина» (Мнг. 1)
кт	ектъм «я посеем», төктър «заставь вылить»
кч	декчә «котелок», ийкчә «веретено», ешәкчъ «погонщик ослов»
қб	қақбаш «упрямец», ақбаш «вид травы» (Мнг. 2)
қв	қазақвай «имя собств.», ақваш (Ург. 1)
қд	ақдъ «потекла», сууқда «в мороз» (Ург. 1)
ққ	аққан «текший», аққа «белому», аққын «течение» (Мнг. 1)
қл	ақла «белить», йоқла «искать», йоқлык «бедность» (Гурл.)
қм	қақмач «лепешка», тоқмақ «колотушка», йақмақ «сжигать», йылықма «несамостоятельный» (Ург. 1), ыльқма (Мнг. 1)
қи	су:сақнъ «ковш» (вин. п.), аяқнъ «ногу» (Ург., Хив.)
қр	ақрақ «белее», доқрақ «сытнее»
қс	ақса «если потечет», ақсын «пусть потечет»
қт	бақтым «я кормил», йуқтърдъ «он заразил» (Мнг. 1)
қч	сақчъ «караул»; бақча «садик»; оқчъ «стрелок» (Гурл. 1)
лб	малбай «разиня», қалбай «имя собств.» (Мнг. 1)
лв	алватър «он берет» (Мнг., Гурл.), гәлвадь «он приходил» (Ург., Хив.)
лг	күлгъ «смех», ьлгәк «крючок», былгән «знавший» (Мнг. 1)
лғ	алғър «хапуга», қалған «оставшийся», қалғынды «остаток»
лд	йолдаш «спутник», көлдә «на озере», күлдър «заставить смеяться», қолда «на руке», «помогать», әлдькчә «передник», (Ург., Хив.)
лй	өлийән «умерший», былийән «знавший» (Ург.)
лж	алжақ «он возьмет», сатължақ «будет продан»
лк	күлкъ «смех», әввәлкъ «прежний» (Ург. 1)
лл	гүллә «цвести», қоллар «руки», пуллъ «денежный, сөллә «говорить» (Ург. 1)
лм	алмақ «братъ», гүлмәнт «женское украшение» (Мнг.), гәлмьйн «не придя» (Ург. 1)
лн	малнъ «имущество» (вин. п.), елнъ «руку» (Ург., Хив.)
лп	гәлпәнъ «как только он пришел», алпанъ «как только он взял» (Хнк.)
лр	қопалрақ «грубее», қъзълрақ «краснее»
лс	алсын «пусть он берет», алса «если он возьмет»
лт	келтър «приносить», өлтър «убивать», қойлтър «сделать густым», суйлтър «сделать жидким» (Гурл., Мнг.)
лх	малхана «коровник»
лч	палчъ «гадальщик», көлчә «участок земли», белчә «лопатка»
мб	омбеш «пятнадцатъ», йамбаш «бок», гәлмьбь «невестка». (Ург. 1)
мг	емгъч «сосун», чөмгър «умеющий нырять» (Мнг. 1)
мд	хәмдәсә «и также», тамдъ «крышу» (Мнг. 1), ғамда «в печали»

мж	емжэк «грудь», дамжъ «капель» (Ург. 2)
мй	гөмйән «закопавший», өмйән «сосавший» (Ург. 1)
мк	апамкъ «принадлежит моей сестре», кимкъ «чей?» (Х-асп. 1)
мл	гамла «сделать запас», өмлә «прививать», пөмлә «понятливый», хамлық «незрелость», қумлық «песчаный» (Ург.)
мм	мөммән «я есть» (Ург.), тамма «крыша ли?» йүммә «не закрывай» (Мнг.)
мн	өзмәнән «от меня самого», гүна:йьмнь «мой грех» (вин. п.)
мп	қампай «пухнуть», томпақ «кочка»
мр	қамрақ «зеленее», шүмрәк «хитрее» (Мнг. 2)
мс	гөмсьн «пусть он закопает», дамсьн «пусть копает»
мт	хамтак «прорезживание», гөмтьк «изъян»
мч	тамчъ «капель», кәмчълък «недостаток» (Мнг. 1)
нв	жанвар «животное», «живое»
нд	мундай «так», қартындаш «родственник», жандар «живой»
нж	ойынжық «игрушка», сөвүнжъ «подарок», бьрынжъ «первый»
нл	қанлъ «кровавый», жанлъ «живой» (Гурл. 6)
нм	хөкымәк «каяться», сүйымә «не радуйся» (Мнг., Гур.)
нн	гүннз «днем», шүнньн «так», мәннәмәс «не у меня», мәннән «от меня» (Х-асп. 1)
нс	йанса «если сгорит», көнсьн «пусть соглашается»
нт	йанташ «приближаться»
нх	ме:манхана «гостинная», нанхауа «место для хранения хлеба»
нч	Уойынчақ «игрушка», қойынчъқ «припадок», ьерьнчәк «ленивый» (Мнг.).
нҗ	сәңгъ «бродяга», мьңгән «верхом», ертәңгъ «завтрашний», күңгъ «дневной» (Мнг.), өрйәңгән «привыкший» (Ург.)
нғ	чаңғыт «пылить», тоңғақ «замерзающий», уонғар «управлять», сыңғыч «ломкий» (Мнг.)
нд	аңдъ «караулить», сьндър «переварить» (Гурл. 1), сеньндьн «как ты», өңдә «вперед», доңдър «заставит мерзнуть» (Ург. 1)
нж	кьмыңкъ «чей?», тьныңкъ «недавнишний» (Х-асп. 1)
нқ	соңқы «последний» (Ург.), тоңқай «нагнуться», аңқав «ротозей» (Мнг.)
нл	қалыңлық «толщина», аңла «понимать», онла «поправить»
нн	даңнъ «утро» (вин. п.), мьңнән «из тысячи» (Ург. 1)
нң	оңңар «управлять», йаңңан «сгоревший», алыңнан «взятый», доңнан «замерзший» (Ург. 1)
нр	соңра «потом», аңра «кричать», соңрақ «позже»
нс	йеңсә «нарукавник», әнсә «шея», данса «если привяжет»
нт	төңтәр «переворачивать» (Мнг.), аңтар «опрокинуть» (Ург.)
нш	ғыңшы «жалобно ныть» (Мнг.)
пк	тәпкъ «пинок», әпкъ «приносить»
пқ	тапқър «находчивый», следопыт, чапқъ «большой нож»
пл	сәплък «подарок», чөплә «собирать», әплъ «умелец», көплък «большинство»
пм	тапмачақ «загадка», көпмъ? «много ли?»
пн	сәпнъ «подарок» (вин. п.), сапнъ «рукоятку» (Ург.)
пп	аппар «унести», гәппә «разговор ли?» (Мнг.), әппәр «передавать»
пр	көпрақ «больше», сапрақ «чище» (Ург. 1)
пс	тапса «если он найдет», йапсьн «пусть он закроет», апсан «ты взял»
пт	қаптъ «он остался», аптъ «он взял» (Мнг., Гурл.)
пч	қапчъқ «карман», кәпчә «лопаточка», апчъқ «выносить»
рг	зәргәр «ювелир», сәргәк «трезвый», көргьльк «участь»
рғ	зорға «еле», сорғьч «промокашка», жарғы «пила» (Мнг. 2)

рд йүгүрдөк «бегун» (Мнг.), куурдак «жаркое» (Ург. 1)
 рй сарйаг «сливочное масло», бэрийэн «давший» (Ург.)
 рж дьгържөк «колесо», қаржаң «сердитый», уржақ «он побьет»
 рк тырка «сцеплять», әркөк «мужчина» (Ург.)
 рл көрлөк «слепота», барлық «бытьё», «все», зорла «заставлять», ғьбър-
 ла «шевелиться», шьбърла «шептать» (Мнг., Гурл.)
 рм өрмәжөк «паутина», қоурма «жаркое», йарма «похлебка»
 рн қарнғ «снег» (вин. п.), өрнғ «упрямого» (Ург. 1)
 рр сүррә «волочить» (Ург.), аррақ «подалше», зоррақ «сильнее»
 рс бурса «если повернет», орсын «пусть косит»
 рт өртык «покрывало», чөкьртөк «корень растения» (Ург.)
 рч көрчык «слепои», дьгърчөк «колесо» (Мнг.)
 сй өсийэн «росший», кесйэн «резавший» (Ург.)
 ск мьскәр «жестящик»
 сқ асқан «повесивший», басқьла «топтать»
 сл дослық «дружба», послақ «кора», пәслық «впадина»
 см харасман «мельник», асма «висячий», басма «не наступи»
 сп пәспил «скромный», аспап «инструмент» (Ург. 4)
 ср сүсрөк «слабее», пәсрөк «ниже» (Мнг.)
 сс өссә «если вырастит», ассын «пусть вешает», бассын «пусть насту-
 пит»
 ст өстър «вырастить», достан «от друга», қастан «назло» (Мнг.)
 сч мәсчыльк «пьянство» (Мнг.); досчыльқ «дружба» (Гурл., Мнг.)
 тв хейтвай «ния собств.», айтвәр «передавать» (Ург.)
 тй әтйән «сделавший», өтйән «переходивший» (Ург. 1)
 тк өткьр «острый», өткыз «проводить», түрткь «толчок», йеткыз «доста-
 вить» (Гурл. 1).
 тқ утқьз «проиграть», батқақ «болото», артқь «задний», тартқьла
 «тянуть», тутқьч «рукоятка» (Мнг.)
 тл көтлөк «пеленки», атлғ «верхом», мәртлөк «смелость»
 тм қатма «худошавый», чатма «перегородка»
 тт үзәттър «заставь смастерить», артта «сзади» (Ург.)
 тх атхана «конюшня»
 тч йүртчыльқь «община», «народ» (Мнг.)
 фл түфлөк «плевок», үфлә «дуть» (Ург.)
 хд тавахда «в блюде», савахдан «из нитки» (Ург., Хив.)
 хл мьйхлғ «с гвоздем», уйхла «спать» (Ург.)
 чк өчкән «потухший», көчкән «переселившийся» (Гурл.)
 чқ қачқь «беглец», санчқь «гарпун», уқьқьр «бегун» (Мнг.)
 чл ачлық «голод», гүчль «сильный» (Ург.)
 чм сачма «дробь», көчмәнчь «кочевник»
 чр сьчра «брызгаться» (Ург.), чачра (Мнг.)
 чч аччын «пусть откроет», учча «если полетит» (Мнг.)
 шд и:шдән «с работы», ашдғ «он открыл» (Ург.)
 шк атәшкьр «лопатка для выгребания золы», пышкән «созревший»
 шқ ашқан «переваливший», ташқын «наводнение» (Мнг.)
 шл күшль «сильный», башлғь «главарь», башла «начинать» (Мнг.)
 шм қошмачь «посредник», түшмә? «сон ли?»
 шп ашпәз «повар», башпатрақ «рассеянный» (Мнг.)
 нс қошса «если прибавит», қашса «если убежит» (Швт. 6)
 шт ҳәштәмә «ничего», кештә «вечером», аштғ «пишу» (Мнг.)
 шх ашхана «столовая», «кухня»
 шч и:шчәң «трудолюбивый», башчыльқь «руководство» (Ург. 1)
 шш намашшам «вечерний час», тошшғ «яма для стока воды» (Хив.)

СООТВЕТСТВИЯ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Соответствия п||б, б||м, б||в. Наблюдая за фонетическими закономерностями начала, середины и конца слова, мы обратили внимание на заметное различие между огузскими и кипчакскими говорами Хорезма в произношении губно-губного смычного согласного [б]. Этот звук в огузском наречии является звонким согласным, ничем не отличающимся от аналогичного согласного [б] литературного произношения, тогда как в кипчакском наречии, особенно в его джекающей группе, он имеет определенно приглушенный характер и произносится со слабой смычкой. Уловить эту особенность в произношении [б] в начальной позиции не представляло особой трудности. Кроме того, область применения этого звука здесь несравненно уже, чем в огузских говорах. Сплошь и рядом огузскому [б] в начале слова соответствуют в кипчакском наречии глухое смычное [п]: кипч. *пыч*, ог. *бьч* «кровать»; кипч. *пычан*, ог. *бечан* «сено».

Несколько по-другому проявляет себя этот звук в положении между гласными в середине слова, где в момент произношения [б] смычка еще больше ослабевает, и заметно увеличивается звонкость звука, иными словами, [б] в указанной позиции приобретает характер промежуточного символа между смычным [б] и проточным [в]. И, видимо, не случайно, этот звук [б] в кипчакском наречии в интervoкальном положении и в соседстве с сонорными [л] и [р] постоянно варьирует между слабо-смычным [б] и губно-губным проточным, тоже слабым [в]: *қабақ-қавақ* «веко», *қабар-қавар* «распухать», *сабақ-савақ* «нитка», *арба-арва* «бричка», *табақ-тавақ* «блюдо», *йалбар-йалвар* «умолять», «просить» и мн. др. В джекающих говорах того же наречия в указанном положении более или менее регулярно встречается слабое [б].

В огузском наречии звук [б] между гласными и в соседстве с сонорными [л] и [р] дает двоякий рефлекс. В большинстве случаев здесь мы имеем б>в; употребление глухого [п] в указанной позиции также имеет место: ог. *депә*, кипч. *төбе* «возвышенность»; ог. *капақ*, кипч. *қабақ* «веко»; *сапғыш-сабғыш* «прививка» и др.

В конце слова или аффикса звук [б] в кипчакских говорах теряет свою звонкость, в огузских говорах оглушается или приобретает полувзвонкий характер.

Сравнительное изучение этих и подобных явлений ввело нас в круг очень сложных вопросов исторической фонетики тюркских языков. Одной констатацией фактов замещения одного звука другим в изучаемых говорах мы не в состоянии

объяснить истории этого изменения, изучение же этого явления неизбежно влечет за собою и ряд других вопросов, связанных не только с соответствиями⁸¹ п//б, б//в, но и с изменениями б//м, б/в//й в тюркских языках.

В связи с этим возникает ряд очень сложных вопросов общетеоретического и историко-лингвистического характера. Основные из них.

1. Какой из этих звуков является первоначальным, скажем, в анлаутной позиции?

2. Причины замещения [п] звонким [б] или, наоборот, [б] глухим звуком [п], т. е. носят ли подобного рода изменения чисто фонетический характер или они имеют другие основания?

3. Какова роль этих изменений в дифференциации лексико-грамматических элементов в истории тюркских языков?

Ответить на эти вопросы, опираясь лишь на факты узбекского языка, оказывается, невозможно, хотя в нем представлены чуть ли не все основные фонетические черты, характерные для близкородственных тюркских языков. Кроме того, разнообразие в позиционном размещении этих звуков, отсутствие какой-либо последовательности даже внутри одного и того же языка чрезвычайно осложняют задачу выяснения этих вопросов. Тем не менее, мы попытаемся ответить хотя бы на первые два вопроса, используя для этой цели материалы хорезмских говоров узбекского языка и частично некоторых родственных тюркских языков.

Как известно, в древнем уйгурском алфавите для передачи принципиально различных звуков [п] и [б] существовал лишь один знак, а в руническом — один знак для глухого [ч] и звонкого [дж]⁸². Арабское письмо вообще не имело особых знаков для [п], [ч] и [г] по причине отсутствия этих звуков в самом арабском языке. В силу этих обстоятельств многие древние фонетические черты, присущие языкам тюркской системы, в прошлом не нашли своего отражения на письме и служат до сих пор причиной существования различных точек зрения на этот счет.

⁸¹ Термин «соответствия» мы употребляем применительно к таким звуковым изменениям, которые произошли в определенный период истории тюркских языков и в этом смысле разграничиваем понятия «соответствия» и «чередования». Последнее употребляется нами для обозначения собственно комбинаторных изменений звуков, доступных непосредственному наблюдению. (См. об этом: В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание, стр. 115).

⁸² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 17, 106.

При решении ряда вопросов исторической фонетики, в том числе и вопроса о глухом или звонком начале тюркского слова, по нашему мнению, нужно «... следовать общему правилу переходить от известного к неизвестному...»⁸³. Исходя из этих соображений, мы вынуждены признать, что в данном случае главным источником должны служить живые народные говоры современных тюркских языков, которые «...сохраняют многие древние черты, не дошедшие до нас в письменных источниках и представляющие драгоценный, часто незаменимый материал для лингвистического анализа тех же памятников древней письменности».⁸⁴ С этой точки зрения сами письменные памятники, хотя и самые древние, отступают на второй план и служат лишь вспомогательным источником при изучении аналогичных вопросов исторической фонетики тюркских языков. В силу наличия вышеуказанных причин утверждения Б. А. Серебренникова о том, что для установления направленности изменения звуков показания письменных источников являются главными⁸⁵, неприемлемо в данном случае в отношении тюркских языков.

Быть может, академик В. Радлов был в известной мере прав, приводя в своем издании памятника XI в. «Кутадгу билик» алтайскую систему (в древности в начале и в конце слова могли быть только глухие согласные).

Не вдаваясь в подробности этого сложного вопроса, лишь заметим, что, по нашему мнению, в древнейший период глухое начало было характерной фонетической чертой даже той группы тюркских языков, которая впоследствии послужила базой для создания письменного литературного языка. В этом убеждает нас сравнительно-исторический анализ фактов современных тюркских языков и живых народных говоров узбекского языка.

Общепризнанной является точка зрения, что современные алтайские языки сохраняют, особенно в фонетике, такие черты, которые были характерны для древнейшего периода истории тюркских языков⁸⁶. Такое же мнение существует и в отношении языка желтых уйгуров⁸⁷. Проф. Н. А. Баскаков пишет по этому поводу: «Еще совсем недавно в литературном алтайском языке губно-губные звуки п-б-ф-в представляли

⁸³ П. М. Мелиоранский. Араб филолог..., стр. 1.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Б. А. Серебренников. О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков, ВЯ, 1960, 4, стр. 62.

⁸⁶ С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки, Известия ОЛЯ АН СССР, XII, вып. 2, стр. 137.

⁸⁷ С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров, Алма-Ата, 1957, стр. 6.

собой недифференцированное единство, а в народном разговорном языке это явление сохраняется и по настоящее время»⁸⁸. Еще в большей степени эта мысль относится к тувинскому и хакасскому языкам⁸⁹, в которых не употребляется звонкое [б] в начале слова. Чрезвычайно интересный материал дает нам в этом отношении язык желтых уйгуров, где размещение звонких согласных, кроме [й], в указанной позиции весьма ограничено. Слабая дифференцированность вообще звонких согласных в некоторых языках кипчакской группы, например в каракалпакском, так же как и в кипчакских говорах узбекского языка, свидетельствует о том, что в них еще не завершен процесс озвончения по крайней мере первоначально глухих звуков в начале слова.

Судя по данным памятников письменности, из звонких согласных в указанной позиции употреблялись звуки [й], [б], редко [м], в единичных случаях [н]⁹⁰. О начальном [й] проф. С. Е. Малов пишет: «Для начала слова более древними были шипящие и свистящие звуки, звук же [й] был в очень малом и редком употреблении»⁹¹. Проф. Н. А. Баскаков писал о возможности развития [й] из аффрикативных и фрикативных звуков⁹².

Как уже сказано выше, арабское письмо в большинстве случаев скрыло от нас особенности употребления согласных в начале слова, хотя в некоторых памятниках имеются кое-какие данные, свидетельствующие о том, что еще в ранний период истории тюркских языков (XI—XIII вв.) появилась потребность в создании особых знаков для передачи [п], [г], [ч] в различных позициях слова, не выходя, конечно, за пределы арабского алфавита (پ -п, گ -г, چ -ч). По крайней мере в словаре и грамматике Ибн-Муханны различие вышеуказанных глухих и звонких пар согласных проводится более или менее последовательно: *тәпә*, ог. *дәпә*, кипч. *тәбә* «бугор»; *дәп*, ог. *дәп*, кипч. *теп* «лягать»; *жуғда*, ог. *жуғда*, кипч. *чулда* «верблюжий пух»⁹³. Проф. А. М. Мелиоранский замечает, что پ -п в начале слова встречается очень редко и приводит пример *памбуқчи* «хлопковод»⁹⁴.

⁸⁸ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, 1952, II, стр. 24.

⁸⁹ Ф. Г. Исхаков. Тувинский язык, М., 1957, стр. 62—63.

⁹⁰ А. Габэи. Грамматика древнетюркского языка, Лейпциг, 1950, стр. 52 (на немецком языке).

⁹¹ С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки, стр. 141.

⁹² Н. А. Баскаков. Примечания к русскому изданию кн. М. Рясенена (Материалы по исторической фонетике тюркских языков, М., 1955, стр. 216).

⁹³ П. М. Мелиоранский. Араб филолог..., стр. 42.

⁹⁴ Там же, стр. 36.

В связи с этим считаем необходимым отметить непоследовательность в передаче начального [б] в новом издании Словаря Махмуда Кашгарского⁹⁵. Слово «хлопок» *بيق* (1,360) транскрибируется в форме *бамук*, аз. *памбык*, ог. *мамык* «пушистый», лит. *момик*. У Ибн Муханны *мамык* «хлопок» (113); слово *بيق* передается в форме *пучуқ* «курносый» (1,358); *بلك* *белик* «фитиль», лит. *пилик* (1,366). Такая же непоследовательность наблюдается и в передаче этого звука в середине слова: *تبىق* *тобук* «щиколотка» (1,361), ог. *топык*, кипч. *тобък*.

Возвратимся к фактам современных живых говоров узбекского языка. В кипчакских говорах Хорезма фонематическое противопоставление [п] и [б] в искони тюркских корнях отсутствует. Но зато фонематическая дифференциация этих согласных реализуется в заимствованных словах из арабского и таджикского языков и собственных тюркских слов, причем начальному согласному [п] в заимствованных словах противопоставлен звонкий согласный [б] в своих словах: *пыл* «слон», *был* «знать», *бал* «мед», *пал* «гадание», *бат* «погружаться», *пат* «сила», *пеш* «подол», *беш* «пять», *байла* «привязывать», *пайла* «делить», *пел* «нрав», *бел* «поясница», *пэс* «низ», *бэс* «довольно». Но главная причина кроется, конечно, не в заимствованных словах. Если исходить из предположения, что начальный согласный в древности был глухим, то озвончение его началось еще задолго до проникновения арабских и персидских слов, на почве самих тюркских языков.

Озвончение начального глухого согласного звука произошло, по мнению Г. Рамстедта, в тех случаях, когда после широкого гласного следовал конечный звонкий согласный звук наподобие тур. *даг* «гора», но *таш* «камень». В дальнейшем это явление постепенно по аналогии распространяется и на другие типы слогов с узкими гласными и конечными глухими согласными типа *пич-бич* «резать»⁹⁶. Если рассматривать вопрос с точки зрения истории какого-либо отдельно взятого языка или диалекта, то утверждение Г. Рамстедта, кажется нам, имеет основание. На изменение начального согласного звука, видимо, оказывало влияние не только качество, но и длительность — долгота гласного звука. В огузских говорах Хорезма *баш* «голова», *даш* «камень» произносятся с замет-

⁹⁵ Махмуд Кошгарий. Девону луготит-турк (в скобках указаны страницы нового издания).

⁹⁶ G. J. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, Helsinki, 1957, стр. 81—82.

ным удлинением корневого гласного, тогда как слова типа *қаш* «брови», имеют гласный обыкновенной долготы.

Кроме этих причин, особенно в огузских говорах, озвончение начальных предполагаемых глухих согласных имело и фонологическое значение, т. е. служило способом различения значения слова: ог. *тур* «вставать», *дур* «стоять», *көр* «следить», *гөр* «видеть», но *гө:р* «могила», *кър* «грязь», *гър* «входить», *ки:р* «белье», ог.-кипч. *порсык*||*поссык* «пончики», *боурсақ* «куски теста, жареные в масле», кипч. *път* «кончатся», *би:т* «вошь». В огузских языках озвончение начальных согласных [п], [к], [т], [қ] постепенно приобрело системный характер (в огузских говорах Хорезма [қ] в начале не озвончается), но в кипчакских языках это явление распространяется лишь на согласный звук [п], хотя и этот процесс далеко не завершен.

Дифференцирующее значение этого явления впоследствии усиливается уже на почве внешнего фактора: благодаря заимствованиям большого количества лексических элементов из арабского и таджикского языков с начальными согласными [п], [б] и [ф]<[п]. Сравните: *бала*, *бағ*, *патша*, *парқ* «разница», *пайда*||*пейда* «польза», *пакыр* «бедный», *пъкър* «мысль», *би:вәтән* «бездомный», *бәла*||*бәлә* «беда», *бахт* «счастье», *базар* и др.

В кипчакских говорах Хорезма начальное [п] сохраняется преимущественно перед узкими гласными, тогда как в огузских говорах сплошь и рядом это правило нарушается: кипч. *пъч* «кроить», *път* «кончатся», *путьн* «целый», *пътақ* «ветвь», *пъчқъ* «пила», *пут* «нога», *пърчақ* «град», *пъчән* «сено», *путьл-мә*; ог. *бъч*, *бът*, *бутьн*, *бу:дақ*, *бу:т*, *буржак*, *бечән*, но *пъчақ* «нож», *пъш* «варить».

Перед полушироким гласным: *порсық*, ог. *борсық* «барсук», перед широким гласным: *пәтънкә* «ботинки».

В одном древнем памятнике, написанном руническим шрифтом, слово «обезьяна» передано в форме *пичин*⁹⁷, кипч. *мәчън*, ог. *бежън*, др. уйг. *бәчин*, но в языке желтых уйгуров сохраняется начальное глухое [п].

Вышеуказанные примеры в других тюркских языках выглядят следующим образом аз. *бычаг*, *бичмәк*, *будаг*, *бечән*, *пиширмәк*; башк. *бысак*, *бесеу*, *ботак*, *бесән*, *бешереу*; каз. *пышақ*, *пышу*, *пытақ*, *пиширу*; уйг. *пичак*, *пичмәк*, *путак*, *пичән*, *пиширмәк*; туркм. *пычак*, *бичмәк*, *пудак*||*будак*, *бичән*, *биширмек*; уз. *пичоқ*, *бичмоқ*, *бутоқ*, *пичан*, *пиширмоқ*.

⁹⁷ С. Е. Малов. Таласские эпиграфические памятники, М.—Л., 1936, стр. 20.

В алтайских языках, чувашском и в языке желтых уйгуров в этих примерах в начале слова — глухое [п]⁹⁸.

Несмотря на кажущуюся последовательность в употреблении глухого [п] или звонкого [б] по отдельным тюркским языкам, не приходится говорить о строгой закономерности замещения одного звука другим даже в пределах маленького языкового массива. Сравните слова: аз. *палчых* «грязь», *позмаг* «разрушать», которые даже в кипчакских говорах употребляются со звонким согласным в начале слова: *балчък*, *бузмак*. В каракалпакском языке слово «мед» имеет два варианта: *бал/пал*.

Мы видим, что отдельные языковые группы, в основном алтайские и желтых уйгуров, все еще сохраняют в начале слова глухие согласные, т. е. черту, характерную для древнейшего периода истории тюркских языков. Другие же языки тюркской системы в одном случае полностью заменили древний глухой согласный звонким в начале слова (в башкирском языке везде [б]), в другом — озвончение носит более или менее системный характер ([т], [к] и [к]) в туркменском и азербайджанском языках), а в третьем — все еще продолжают существовать оба варианта, что свидетельствует о том, что процесс озвончения глухого согласного (например, в некоторых кипчакских языках) еще не завершен.

Письменные памятники как древнего периода, так и средневековья не дают достаточного материала для уверенного суждения о фонетической эволюции губных (да и не только губных) согласных. В словарной части труда проф. С. Е. Малова⁹⁹ слова с начальным согласным [п] почти все иноязычного происхождения (исключение составляет несколько слов, например, *пишмиш* «выполненный», *пус* «прятаться», *пыш* «попевать» и др.). В известных чагатайских словарях, в команском словаре, за исключением единичных примеров, также отсутствуют слова с начальным [п] тюркского происхождения (ср. русск. *рес* в СС, Gronbech, 187).

Более обильный фактический материал приводится в исследованиях, словарях и пособиях по современному тюркским языкам и живым народным говорам. В различных диалектах и говорах азербайджанского языка отмечены примеры: *путах//пытах*, *пычах*, *пүтүн*, *пичин*, *пышгы*, *пухчапишмэк*, *пухары*, *пи-*

⁹⁸ Н. К. Дмитриев. Фонетические закономерности начала и конца тюркского слова, Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, М., 1, 1955, стр. 271.

⁹⁹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 408.

ших¹⁰⁰; *позул-, палчых* (Foy, Azer., 189). В работе В. Максимова приводится довольно большое количество примеров с начальным [п] для говоров Худавендигяра и Карамании в противоположность звонкому [б] константинопольского диалекта¹⁰¹. В текстах проф. Джафароглу также приводится много примеров на употребление глухого [п], который в литературном турецком языке заменяется звонким [б] (см. еще: Foy, Azer., 301—302; Emre, 150).

Соответствия п//б//в в начале слова не встречаются. Случаи б > в отмечены в огузском наречии на стыке двух слов в сочетании, где начальное [б] второго компонента систематически дает [в], за исключением после сонорного, губно-губного [м]; в кипчакских говорах отмечено лишь слово *вет* (< *бет* «лицо») в функции послелoga: *уй веткэ кетть* «пошел в сторону дома». Примеры из огузского наречия: *ат вьлэн* «верхом на лошади», *йок во!* «убирайся», *баравэрмэдъм* (Ург. 1) «я не мог идти», *баравьлмэдъм* (Хив. 1) с тем же значением, *не и : шьн вэ?* «какое тебе дело?».

В связи с этим уместно упомянуть и случаи изменения [б] по линии б > в > о (ноль) в слове *бол*¹⁰²; в карабулакском говоре узбекского языка отмечены варианты *бол, вол, ол*¹⁰³.

В икано-карабулакских говорах, по нашим наблюдениям, форма *ол* встречается гораздо чаще, чем *бол* лишь в условиях Sandhi (исключения составляют случаи, когда конечный согласный первого компонента — губные [м] или [б]): *ат олдэ* «стал лошадей», *мат олдэ* «он побежден», *савдасъдън йарлэ олдэ беақъл* «глупый от торговли стал бедным», *а : ч олдэк* «мы проголодались», *бо : дайың саманъ ол* «будь соломой пшеницы», *йол осун* «счастливого пути»; в Карабулаке: *йол босу*¹⁰⁴. В городских говорах ташкентско-ферганского типа в указанной позиции обычно *вол-* наряду с *бол-*, но эта особенность, конечно, не отражается на письме.

В. А. Богородицкий последовательно проводит мысль о том, что тюркские языки в древности в начале слова употребляли

¹⁰⁰ М. Ширэлиев. Азэрбайчан диалектологийэсинин эсаслары..., стр. 80; Р. Рустэмов. Губа диалекти..., стр. 67; Муган групу шивэлэри, стр. 48.

¹⁰¹ В. Максимов. Опыт исследования..., стр. 40.

¹⁰² М. П. Мелиоранский. Араб филолог..., стр. 41.

¹⁰³ К. К. Юдахин. Некоторые особенности..., стр. 37; Е. Д. Поливанов. Материалы..., стр. 28; Он же. Фонетическая система говора кишлака Икан, Известия АН СССР, сер. VII, Л., 1929, стр. 537.

¹⁰⁴ К. К. Юдахин. Некоторые особенности..., стр. 37.

звонкий согласный звук, оглушение, например, в чувашском языке, относится, вероятно, к позднему времени¹⁰⁵.

Проф. М. Ряснен также придерживается линии $b > p$ и возражает против схемы Ю. Немета $p > b > v$ ¹⁰⁶.

Член-корр. АН СССР проф. Н. К. Дмитриев в свое время писал по этому поводу, что «появление звонкого [б] (< п) в анлауте считается признаком южно-турецкой группы, поскольку она здесь отличается от общетюркской схемы. Нужно сказать, что признак этот малохарактерный, так как некоторые языки и иных групп обратили в «б» всякий начальный «п» (например, башкирский язык). В османском мы имеем довольно пеструю картину с преобладанием «б». Само собою разумеется, что диалекты и в этом отношении часто отклоняются от литературного языка»¹⁰⁷.

Естественно, что для огузского наречия также характерно преобладание [б] в указанной позиции, но разноречивой в употреблении [п] и [б] в начале слова гораздо сильнее особенно в смешанных говорах огузско-кипчакского типа. Из приведенных в нашем словаре ста с лишним слов с начальным [п] — общими для обоих наречий являются больше половины, менее двадцати пяти процентов иноязычного происхождения, остальные характерны для кипчакского.

Подавляющее большинство слов, приведенных в книге Ш. Шаабдурахманова, заимствовано из таджикского языка (по крайней мере, из пятидесяти слов с начальным [п] мы обнаружили лишь всего восемь узбекских слов: *пъча* «немного», *пъш-* «варить», *пък* «пустой», *пурка-* «брызгать», *пут* «нога», *путаг* «ветвь», *пъкак* «пробка», *поңқарға* «ворон»)¹⁰⁸.

б//м в начале слова. В ряде случаев начальное кипчакское п//б соответствует огузскому носовому [м], если в том же слоге или слове следует носовой согласный звук, хотя говорить о какой-либо строгой последовательности нельзя. Приводимые ниже примеры показывают, что употребление [м] в начале слова не всегда соответствует указанному правилу.

¹⁰⁵ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание, стр. 11.

¹⁰⁶ М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков, М., 1955, стр. 147.

¹⁰⁷ Н. К. Дмитриев. Материалы по османской диалектологии, фонетика «караманинского» языка, ЗКВ, т. IV, Л., 1930, стр. 134.

¹⁰⁸ Ш. Шаабдурахманов. Узбек адабий тили ва узбек халқ шева-лар, Тошкент, 1962, стр. 286.

Кипчакское наречие	Огузское наречие	Литератур- ный язык	Перевод
<i>байрам</i>	<i>ме:рэм</i>	<i>байрам</i>	праздник
<i>бужанэ</i>	<i>межэнэ</i>	<i>(данак)</i>	косточка
<i>балғам</i>	<i>малғам</i>	<i>балғам</i>	мокроты
<i>башақ</i>	<i>машақ</i>	<i>бошоқ</i>	колос
<i>бойын мойын</i>	<i>мойын</i>	<i>буйин</i>	шея
<i>бечын мачын</i>	<i>межын</i>	<i>(май мун)</i>	год обезьяны
<i>бурын мурын</i>	<i>мурын мун</i>	<i>бурун</i>	нос
<i>бурът мурт</i>	<i>мурът</i>	<i>бурт (обл.)</i>	усы
<i>бақмал махмал</i>	<i>махмал</i>	<i>бахмал</i>	бархат

Однако ог., кипч. *буруч* «перец», лит. *мурч* «черный перец»; ог., кипч. *мэз*, лит. *без* «железа».

Однако ог. *бълэн||вьлэн*, кипч. *мьнэн*, лит. *билан* послелог «с». Склоняемая форма указательного местоимения *бу* «этот» сохраняет в джекающих говорах кипчакского наречия [б], в огузском: *мунь*, *мунда*, *муннан* так же, как и в других формах: *мунча*, *муннъин*, *мунчаллэ*. Аналогичные явления отмечены и в других узбекских говорах¹⁰⁹.

История этого соответствия своими корнями, видимо, уходит в древность, ибо размещение б//м в начале слова отмечено в памятниках письменности: *бәңзә-мәнзә* «походить», *бәңү-мәңү* «вечный», *биң-миң||муң* «тысяча», *бин-мин* «садиться верхом»¹¹⁰; у Ибн Муханнэ: *мунда*, *мундан*, *миң*¹¹¹; в «Тафсире»: *мунда*, *мундан* и т. д.¹¹²; др. *мәңзә* (Млв. 1, 400), *бәңзәт-* (АФ.), но *мәңзик* (0113); СС *бензе-* (Gronbech, 55); ст. узб. *منگز امامك* (Рдл. IV, 2084); у Абухайяна *منزدي* (Rifat, 88).

В современных тюркских языках в размещении б//м также наблюдается непоследовательность: каз., кк. *мойын*, *мурын*, *мен* (послеслог), но каз. *байла-*, кк. *майла*¹¹³ «привязывать»; узб. *буйин*, *бурун*, *билан*, *байла-*; кк., кипч. *мақмал*, ог., лит. *бахмал* (ар. *مخمل*); по диалектам азербайджанского языка: *миз* «мы», *маҳанэ* (перс. *бәханэ*), *муна||мына*, *муну||мыны*, *мунда||мында* и т. д.¹¹⁴

В современных тюркских языках, как уже отмечалось выше, в размещении б//м обнаруживаются значительные расхожде-

¹⁰⁹ В. В. Решетов. Узбекский язык, 1, Фонетика, 1959, стр. 235.

¹¹⁰ А. Грабаин. Указ. соч., стр. 53.

¹¹¹ П. М. Мелиоранский. Указ. соч., стр. 113.

¹¹² А. К. Боровков. Очерки истории узбекского языка, II, Советское востоковедение, VI, 1949, стр. 36.

¹¹³ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, 1, Материалы по диалектологии, М., 1951, стр. 368.

¹¹⁴ М. Ширэлиев. Азербайчан диалектологийэсынын эсаслары, стр. 81.

ния: сравните чув. *пар*; яжу, *пыз*; туркм. *буз*; кирг. *муз*; узб. *муз*; ог. *бу* : з; кипч. *муз* «лед». Даже в употреблении таджикского аффикса *бан* нет однообразия в различных узбекских говорах: лит. *бон*, ог. преимущественно *ман*; кипч. *бан*//*ман*. Ог. *харасман* «мельник», *гүзәрман* «лодочник», *пешман* «мастер по кладке стен», *бажман* «лесник», но *бағван* «садовник». Примерно такое же разнообразие наблюдается и в киргизском языке¹¹⁵.

В середине слова в позиции между гласными и в близком соседстве с сонорными [л] и [р] в ряде случаев глухое [п] сохраняется, что является характерной особенностью огузского наречия, в кипчакском же наречии в указанной позиции изменение по линии *п > б* реализуется довольно регулярно. Исключения могут составить некоторые слова: *апа* «мать», *кәпәк* «отруби», *кәпър* «мост», *папақ* «папах», *қапа* «печальный»; ог. *дәпә* кипч. *төбә* «бугор»; ог. *топық*, кипч. *тобъқ* «щиколотка»; ог. *қапақ*, кипч. *қабақ* «веко»; ог. *күпъ*//*күвь*, кипч. *күбъ* «мас-лобойка»; ог. *кәпъқ*, кипч. *көбьқ* «пень»; ог. *дәрпәт*, кипч. *тебрәт*//*тербәт* «качать» и др.

Комбинаторное замещение глухого [п] звонким [б] перед аффиксальным гласным в кипчакских говорах носит абсолютный характер, тогда как в огузских говорах [п] сохраняет свою глухую окраску: ог. *кәп* «много», *кәпәл* «умножаться», *чап* «окучивать», *чапық* «окучка»; кипч. *кәп-көбәй*, *чап-чабъқ*. Более последовательно в этой позиции проводится линия: кипч. [б], ог. [в].

В интервокальном положении и в соседстве с сонорными [л], [р] кипчакский согласный [б] более или менее регулярно замещается фонемой [в].

Кипчакское наречие	Огузское наречие	Литератур- ный язык	Перевод
<i>араба</i>	<i>арва</i>	<i>арава</i>	бричка
<i>қабаръқ</i>	<i>қаваржық</i>	<i>қавариқ</i>	волдырь
<i>чубан</i>	<i>чужан</i>	<i>чипқон</i>	чирий
<i>торба</i>	<i>торва</i>	<i>турва</i>	мешочек
<i>кәрбьч</i>	<i>кәрвьч</i>	<i>(ғишт)</i>	кирпич
<i>табақ</i>	<i>тавах</i>	<i>товоқ</i>	блюдо
<i>табан</i>	<i>та:ван</i>	<i>товон</i>	пята
<i>қабан</i>	<i>қаван</i>	<i>қобон</i>	кабан
<i>бөбәк</i>	<i>бөвәк</i>	<i>(чақалоқ)</i>	младенец

¹¹⁵ И. А. Батманов. Случаи сохранения «б» перед носовым согласным в киргизском языке, Сб. «Белек», Фрунзе, 1946, стр. 17—18; Он же. Фонетическая система современного киргизского языка, Фрунзе, 1946, стр. 37.

қабырға	қоурға	қовурға	ребро
гүбәләк	гәвәләк	капалак	бабочка
дабрын-	даврын-	(хөвлиқмоқ)	спешить
йабан	йаван	(қишлоқ)	селение
чүбәк	чүвәк	чувақ	тапочки
түбәк	дүвәк	тувақ	горшок

Но в обоих наречиях *сабън* „мыло“.

В узбекских говорах городского типа этимологическое [б] заменено в срединной позиции в основном проточным [в]: *қэвэқ, тэвэқ, сэвэқ, эвэт, сават, қэват, эврэ, кэвэл, савэл, тэвэл, хавар, дэрвэзэ, қумарвэз, дэрвэз, бэғвэл* и мн. др.¹¹⁶ Однако орфография литературного языка придерживается этимологического принципа (*боғбон, дарбоза, кабоб* и др.). В кипчакских говорах, как явствует из примеров, также в основном [б]; в казахском и кк. то же (*қабақ, қабар, сабақ*); в азербайджанском языке по диалектам отмечены: *човсч, арава, гавырға, бава, хавар, йава, савыр, савын, гурваға, гурван* и т. д.¹¹⁷ По диалектам турецкого языка наблюдается то же самое: *саввах, савын, тавах, гавул, бава, гавах* (Caferoglu, Sivas, 220, 235, 236).

В замещении б || п в середине слова также наблюдается непоследовательность даже в пределах одного и того же литературного языка: лит. *қовоқ* „веко“, *тепа* „холм“, *она* „старшая сестра“, *сува-* „штукатурить“, *қупор-* „выворачивать“; ог. *қапақ, ана, сувар, қонар-, дәнә*; кипч. *қабақ, төбә, ана, суба-* || *сува-*, *қобар-* и т. д.; Абухайяан *فبق* (66), Аф. *қабақ*; ст. узб. *қабақ* || *қапақ*; туркм. *габақ*; яжу. *қалқ*; тур. *капак*; др. *тәбу* (МК III, 235), ст. узб. *тепә* („Абушка“, 183), *تپه* (Рдл. III, 1109), Аф. *تپه* (087), СС *тебе* (Gronbech, 238), Ибн Муханна *тене* (Rifat 71), кипч. *кубь* „маслобойка“, ог. *кувь*, бух. *гүппь*, лит. *кув* и т. д.

В джекающих говорах кипчакского наречия (Гурл. 6, 7, Мнг. 2) в словах *тобырақ* «земля», *жабырақ* «лист» отмечено появление протетического неслогового [ь] перед корневым [р] и озвончение [п]; то же самое и в слове *кәп-көбырақ* «побольше».

Соответствие б/м отмечено в немногих словах в срединной позиции: *тәбән* (Мнг. 1), *тәвән* (Хнк. 1), *тәмән* (Ург. 1) «большая игла», *сабан* (Мнг. 2), *саман* (Ург., Хив.) «солома»; ог. *палми*: н, лит. *полбин* «гадальщик». Таджикский аффикс «бан» в огузских говорах, как сказано выше, имеет форму

¹¹⁶ См. словарную часть книги Ш. Шаабдурахманова: *Ўзбек адабий тили ва ўзбек халқ шевалари...*, стр. 228 и след.

¹¹⁷ М. Ширәлиев. *Азәрбайчан диалектологийәсынын әсаслары*, стр. 87; Муган групу..., стр. 45.

«ман»: *харасман* «мельник», но *багван* «садовник»; кипч. *багман*.

Употребление удвоенных согласных типа *мм* очень характерно для огузских говоров, тогда как в кипчакских подобные случаи не отмечены: ог. *хаммал*, кипч. *амбал//хамбал* «грузчик»; ог. *қыммат*, кипч. *қъмбат* «дорого», ог. *хамма*, кипч. *хамба//хамба* «место для высыпания муки на мельнице»; ог. *хуммъз*, кипч. *қумбъс* «печь для обжига кирпича»; ог. *тәммә*, кипч. *тәмбь* «подпорка», лит. *тамба*.

Соответствие *п//б* в конце слова нехарактерно для обоих наречий; изменение *п > б* может происходить только в кипчакских говорах как результат комбинаторно-позиционных чередований (ср. кипч. *тап-табъп* «находя»). В огузском наречии наблюдается соответствие *п//в*, при этом в кипчакском сохраняется глухое [п]: кипч. *түп*, ог. *ди* : в «куст»; *чап-чав* «окучивать»; *тсп-дав* «лягать»; *тап-тав//тоу* «находить»; но лит. *гап* «слово», ог. *гәп*, кипч. *гәв*. В связи с этим нужно отметить чрезвычайное разнообразие в изменении звука [п] в узбекских говорах по линии *п//б*, *б//в*, *в//г*, *в//ғ//й*. Сравните пример: кипч. *түп*, но *тубьнда*, ташк. *тевьда*, ферг. *тегида*, ог. *тейьнда*, лит. *тагида* «под», «низ» (последлог).

Изучение подобных фонетических явлений, так же как и выяснение возможности обратного изменения хотя бы в плане позиционного чередования по линии *м > п*, помогут правильно решить ряд вопросов исторической фонетики тюркских языков, выяснить генезис некоторых явлений в плане словообразования и словоизменения. Ср. усилительную частицу прилагательных: *көм-көк* «синий-пресиний», *сар-сарығ* «желтый-прежелтый» *тим-қара* и *тип-қара* «очень черный».

Соответствие *т // д*. Озвончение некоторых согласных в начале слова является одной из характерных фонетических особенностей огузского наречия. Как уж отмечалось выше, отсутствие особых знаков в старой письменности для различия *п-б*, *к-г*, *ч-ж* не позволяет проследить историю замещения одного звука другим. Несколько по-другому обстоит дело с передачей на письме глухого [т] и звонкого [д] в силу того, что в арабском алфавите существовали отдельные знаки для обозначения этих звуков. Тем не менее установлению закономерного соответствия *т // д*, например, в начале слова, мешает непоследовательность размещения *т // д* в указанной позиции даже в тех памятниках письменности, в огузском происхождении которых нет никакого сомнения. Так в грамматике и словаре Ибн Муханны для передачи [т] и [д] существуют различные знаки: ت, ط, نای и طای, же-

ребенок“, *اٲ* или *اٲ* „лошадь“; *ز* (ظ), *ذ* для [з], *ص* или *س* для [с]: *صغر* или *سغر*¹¹⁸ (ср. также: Rifat, 96 — 110).

Некоторые из этих разночтений трудно объяснимы; остается неясным, имеем ли мы здесь дело с небрежностью переписчика, или в них кроются какие-то особенности произношения¹¹⁹. Однако относительно размещения т//д в разных позициях и частые колебания в их правописании дают нам основание предполагать, что в огузских памятниках XIII—XIV вв. озвончение начального глухого [т] имело уже закономерный характер. Во всяком случае, независимо от того, к какому огузскому из юго-западных тюркских языков принадлежит этот памятник, наличие обоих вариантов в орфографии Ибн Муханны (*тил* и *дил* «язык») не является случайностью: оно отражает более или менее верно действительное произношение начальных согласных [т] и [д]. Язык или диалект, на базе которого создан этот памятник, был, несомненно, огузским и правильно отражал начавшийся еще раньше процесс озвончения некоторых согласных особенно в начале слова. Выражение Ибн Муханны — «некоторые из наших тюрок заменяют [т] посредством [д]»¹²⁰ — видимо, нужно понимать именно в этом смысле.

Огузское наречие Хорезма во многом, особенно в фонетике, хорошо сохранило черты, которые отмечены в словаре и грамматике Ибн Муханны. Что касается озвончения начального [т], то, по нашему мнению, оно получило в нем уже дальнейшее развитие и приобрело характер определенной закономерности, что наблюдается в туркменском и азербайджанском языках.

Кипчакское наречие Хорезма в указанной позиции, как правило, сохраняет древнее глухое [т], область применения звонкого [д] в начале слова здесь несравненно уже, чем в огузском. Кроме того, в кипчакском наречии [д] в начале слова произносится со слабой смычкой и носит приглушенный характер: *дурьс* «ладно», *доббъ* «толстый», «жирный», *доѳма* «сын», *дарьс* «удобрение», «навоз» и др. Приводимые ниже примеры могут дать довольно яркое представление об озвончении начального [т] в огузском наречии.

Кипчакское наречие	Огузское наречие	Литератур- ный язык	Перевод
<i>тамър</i>	<i>дамър</i>	<i>томир</i>	жила, корень
<i>тьрсак</i>	<i>дьрсак</i>	<i>тирсак</i>	локоть
<i>тъзза</i>	<i>ди:з</i>	<i>тиза</i>	колено

¹¹⁸ П. М. Мелиоранский. Араб филолог..., стр. 010.

¹¹⁹ А. К. Боровков. Очерки истории узбекского языка, III, Ученые записки Института востоковедения, XVI, М.—Л., 1958, стр. 174.

¹²⁰ П. М. Мелиоранский. Араб филолог..., стр. 36.

таш	да:ш	тош	камень
тарақ	дарақ	тароқ	гребешок
темыр	демыр	темир	железо
тынч	динч	тинч	покой
тав	да:ғ	тоғ	гора
тең	дең	тенг	равный
төрт	дөрт	турт	четыре
тамақ	дамақ	томоқ	горло, пища
тырнақ	дыннақ	тирноқ	ногти
тыл	дьл	тил	язык
тушак	двшак	тушак	матрац
тув	доғ	туғ	рожать
туйма	дү:мә	тузма	пуговица
тон	дон	тун	верхняя одежда
тий	дей	тег	трогать
тэрәк	дэрәк	терақ	тополь
тай	дай	той	скользнуть
тыш	ди:ш	тиш	зуб
тоқь	доқы	туқи	прясть
тырь	ди:рь	тирик	живой
төк	дөк	тук	лить
тоң	доң	тунг	мерзнуть
туз	ду:з	туз	соль

Как явствует из примеров, количество которых легко можно увеличить во много раз, кипчакское наречие так же, как и литературный язык, сохраняет в начале слова глухое [т]. Употребление в этой позиции звонкого [д] в других узбекских говорах как городского, так и кипчакского типа носит эпизодический характер. По говорам отмечено наличие вариантов: *тэвуш-дэвуш* «голос», *топпъ-доппъ* «тюбетейка», *тәлә-дәлә* «поле», *тийирмән-дийирмән* «мельница».

В старых текстах художественных и иных произведений турецкого и азербайджанского языков явление $t > d$ в основных чертах повторяет факты, указанные в словаре Ибн Муханны. Например, в одном из старейших письменных памятников (XIV в.) отмечено употребления знака ط вместо этимологического [т] в древних памятниках: طاش «камень», طنسا «если он схватит», درنقى «ноготь», دُفَرَنْجِي «девятый»¹²¹, دُفَرَنْجِي «четвертый», ترك دِلْنَجَا «по-турецки», دَفَى «еще» (в самом тексте); в «Та'рихи ал-Осман» Ашык Па-

¹²¹ В. Д. Смирнов. Древнейшая датированная турецкая рукопись XIV в., т. XXII, СПб., 1914, стр. 11 отдельного оттиска из ЗВО.

ши: ادكلرن اياغندن چكرلر „они сняли свои сапоги“,
 يدي يوزبك „разные“, درلودرلو „являясь во сне“, دشكه كرب
 „семьсот беков“, انى خوش طوتردى „он близко держал его
 к себе“; в другом историческом сочинении конца XIV в.:
 بو واقعه هجرتك يديوز طقسان سكرنده واقع اولنى
 „это событие произошло в 798 г. хиджры“; приведем отдельные
 слова: دقز „девять“, دل „язык“, دارتىشقى „спор“,
 طارغ „гора“, دمر „железо“, اد „имя“,
 طرن „стоявший“, دون „ночь“,
 اودن „дрова“, طولايته „дола-
 йына „сверху“ и др.¹²²

Не составляют исключения и произведения художественной литературы XV и XVI вв. турецкого и азербайджанского языков. В диване Мехри Хатун (ум. 1514 г.):
 ودكلى „он пролил“, خاك ايدر „он превратил в прах“ (стр. 16 рукописи),
 قپوسندن قپين كدمسن آه „наполнился“,
 طوللى „когда же ты уйдешь от его [или ее] ворот, горе мне!“ (стр. 48)¹²³; Судя по рукописи Фузули (конец XVI в.), можно предполагать, что знак ط передавал уже звонкий согласный [д], но продолжал употребляться по традиции вплоть до нового времени¹²⁴.

В произведениях туркменского поэта XVIII в. Махтумкули слова с этимологическим [т] в начальной позиции весьма часто употребляются наряду со звонким [д]. Видимо, мы здесь имеем дело с определенными условностями, влиянием традиции „чагатайского“ языка. В рукописи ЛОИНА (шифр 319) отмечены варианты: تاغلار, تاشلار „горы и камни“,
 دريك — تريك „язык“, دل — تل „четыре“,
 دورت — تورث „живой“, (стр. 14, 15, 34, 37, 38).

Громадное большинство слов тюркского происхождения с этимологическим начальным [т] в современном азербайджанском языке употребляется со звонким согласным [д]. Однако по многочисленным диалектам и говорам азербайджанского языка наблюдается в этом отношении довольно пестрая картина. Для большинства диалектов, например, отмечены: тү-кан//түкән, тиши (газ. муг.), түшман, туссағ (муг.), түшәркә

¹²² Образцовые произведения османской литературы, издал В. Д. Смирнов, СПб, 1903, стр. 19—24.

¹²³ ديوان مهرى خاتون, рукописный фонд ЛОИНА, шифр. В-2519.

¹²⁴ ديوان فضولى, рукописный фонд ЛОИНА, шифр С-1924.

{муг.), *төвшан*, *тик*, *тишгары*, *турур*, *түш* (Загатала)¹²⁵. В книге Р. Рустамова отмечены факты употребления [т] в различных позициях, что резко отклоняется от нормы литературного языка.

Для турецких диалектов Худавендигяра и Карамани отмечены примеры: *тарак*, *турна*, *тат*-, *тар*, *там*, *турмак* (лит. *дам*, *тарак*, *турна*, *татмак*, *дар*, *дурмак*)¹²⁶. В текстах проф. Джафароглу также можно найти многочисленные примеры отклонения от нормы литературного турецкого языка как по линии сохранения глухого [т], так и озвончения его в указанной позиции (ср. *үсдүң*, *булуд*, *гурд*, *Anadolu*, 9, 10, *Sivas*, 6, 7, 10, 27). В книге Ахмета Джеват Эмре приводится много примеров на озвончение этимологического [т] в начале слова в сравнении со словарем Махмуда Кашгарского (*Emre*, 153).

В огузских говорах озвончение [т] в середине слова отмечено, как уже упомянули выше, в немногочисленных словах тогда, как в туркменском и азербайджанском языках и живых говорах т > д носит более последовательный характер¹²⁷. (ср. еще: *Foy. Azer.*, 190).

В кипчакском наречии звук [т] всегда остается глухим. В огузском наречии, кроме слова *а : д* «имя» и некоторых заимствованных из арабского и персидского языков слов (например, *за : д*, *да : д*, *йа : д*, *аза : д*), озвончение конечного [т] не отмечено. Конечный согласный в приведенных примерах собственно нельзя считать полностью звонким, скорее, это глухой звук с участием минимальной доли звонкости; но при аффигировании в этих примерах он или остается полувзвонким (если аффикс начинается с согласного), или же полностью озвончается (если аффикс начинается с гласного): *а : дың нэ?* «как тебя зовут?», *Рәшиддән* «от Рашида» и т. д. Но в словах типа *ө : т*, *о : т* конечный согласный в любой фонетической позиции остается глухим *ө : тьм* «моя желчь».

Трудно поддается объяснению наличие в кипчакских говорах довольно значительного количества слов с начальным [д]¹²⁸. Известная часть такого рода слов, например, *дарға*

¹²⁵ М. Ширэлиев. Азербайжан диалектологийэсынын эсаслары, стр. 81; Р. Рустамов. Губа диалекти, стр. 69.

¹²⁶ В. Максимов. Указ. соч., стр. 45.

¹²⁷ Н. И. Ашмарин. Общий обзор..., стр. 37; Н. К. Дмитриев. Материалы..., II, 134; М. Ширэлиев. Указ. соч., стр. 88, 94.

¹²⁸ В. В. Решетов. Узбекский язык..., стр. 241; III. Шоабдурахмонов. Тошкент шевасининг фонетик хусусиятларидан, «Узбек тили ва адабиёти масалалари», 1960, 6, стр. 48; И. Фарманов. Ошский говор узбекского языка, автореферат канд. дисс., Ташкент, 1960, стр. 9; Хисом Гуломов. Узбек тилининг Жиззах шеваси, Узбек тили диалектологиясидан материаллар, 1, 1957, стр. 72; Б. Джураев. Шахризабский говор

«капитан», *дархан* «свободный», *догма* «сын» (ист. «рожденный рабыней») и др., могла быть заимствована из огузского наречия, а в словах, вроде *даңымак* «кончатся» (Мнг. 2), *даққъ* «ленивый» (Гурл. 1), *дъм* «очень», «весьма», *даббъ* «толстый», «жирный», *дүвдән* «корзинка», *дәблә* «посуда для масла», *дөрмәк* «размножаться» (Гурл. 3), *дыгърмән* «мельница» (Я-бзр. 7), *дыгърчак* «колесо» (Гурл. 1), *дырдырмәк* «сильно дрожать» (Гурл. 3), изменение начального согласного, видимо, произошло уже на местной почве, как результат озвончения глухого [т]. Количество слов с начальным [д] увеличивается за счет заимствований из арабского и таджикского языков: *дарча-дарча* «окошечко», *даррав* «быстро», *давлат* «государство», *давәт* «чернильница», *дар* «виселица», *дараза* «окно», *дәрд* «боль», *дава* «претензия», *дурьс* «ладно», *дос* «друг», *дәр* «лекарство», *дйхан* «крестьянин», *дарйа* «река» и др.

Причины озвончения глухих согласных в начале слова пока не совсем ясны. За неимением других объяснений мы берем за основу утверждения Г. Рамстедта о том, что первоначальный глухой согласный звук озвончается в позиции перед широкими гласными и при обязательном присутствии конечного звонкого согласного корня в словах типа турецкого *даг* «гора», но *таш* «камень». Постепенно начальный глухой согласный начинает озвончаться и перед гласными другого качества, т. е. в дальнейшем это явление распространяется по аналогии и на другие типы слогов — с узкими гласными и конечными глухими согласными типа *пич-бич* «резать»¹²⁹. Эта мысль подтверждается примерами из того же огузского наречия: кипч. қаз, ог. ғаз, лит. ғоз «гусь»; кипч. қаррәм бай, ог. ғаррәм бай «очень богатый» (из қарун «имя легендарного богача»). Озвончение этимологического [х] в заимствованных словах типа *ғанжар* «кинжал», *ғазина* «сокровище», *ғаравахана* «развалина» и др. также подтверждает правомерность предположения Г. Рамстедта, хотя и изменения по линии қ > ғ и х > ғ не являются характерными для огузского наречия узбекского языка.

Причин, вызвавших озвончение некоторых согласных звуков в начале слова, могло быть несколько. Одной из них, думается, была тенденция к дифференциации значения слова, к устранению опасности омонимии и т. д., обусловленная об-

узбекского языка, автореферат канд. дисс., М., 1959, стр. 13; Х. Д. Данияров. Фонетические особенности бахмальского говора, Труды Узгосуниверситета им. Алишера Навои, сер. 91, Самарканд, 1959, стр. 66.

¹²⁹ G. J. Ramstedt. Указ. соч., стр. 81—82.

ним процессом развития лексико-грамматических элементов языка. В самом деле, чем объяснить наличие, например, вариантов *тур* «вставай» и *дур* «стой», *той* «свадьба», но *дой* «насытиться», *тѣз* «чертить», но *диз* «нанизывать». Сравните лит. *чиз* «чертить», *тиз* «нанизывать». В некоторых источниках *чиз* «писать»¹³⁰. Сравните еще: ог. *тар* «жердь», *та:р* «струны», *дар* «узкий», *да:р* «виселица», *таш* «переполняться», *дашъ* «таскать», но *да:ш* «камень», *туш-чуш* «слезать», *оуш* «сон», *тышлѣ-чышлѣ* «кусаться», но *ди:ш* «зуб», *тей* «низ», «под», *дей* «трогать», *тай* «жеребенок», *дай* «скользить», *тақ* «непарный», *дақ* «вешать», *таң* «удивление», *даң* «утро» и мн. др.

По всей вероятности, долгота гласных служила уже одним из средств сохранения созданного типа — удержания звонкости начального согласного, особенно в тех случаях, когда слогаобразующим был узкий гласный, а конечный согласный глухим. Ср. *дѣз* «нанизывать», но *ди:з* «колено», *ди:ш* «зуб», *ду:з* «солъ», *ди:т-ди:т* ет «разорвать на куски», лит. *тит-тит* *кил*¹³¹. Впоследствии заимствованные лексические элементы из арабского и таджикского языков с начальными [т] и [д] способствовали, с одной стороны, расширению области применения звонкого согласного [д] в начале слова и, с другой, удержанию глухого [т] как средства для дифференции значений слов.

Мысль о том, что озвончение начального глухого [т] произошло в огузских языках примерно между XI и XIV вв. подтверждается фактами из замечательного памятника XIII—XIV вв. — словаря Ибн Муханны. Приведем некоторые примеры из этого памятника с начальным [д] и сопоставим их с фактами огузского наречия и азербайджанского языка.

Словарь Ибн Мухан- ны	Азербайд- жанский язык	Огузское наречие	Кипчакское наречие	Перевод
<i>дар</i>	<i>дар</i>	<i>дар</i>	<i>тар</i>	узкий
<i>дару</i>	<i>дары</i>	<i>даръ</i>	<i>таръ</i>	просо
<i>дат</i>	<i>дадмак</i>	<i>дадмақ-</i>	<i>татмақ-</i>	пробовать -
<i>дагыт-</i>	<i>дагыт-</i>	<i>дагыт-</i>	—	рассеять
<i>дам</i>	<i>дам</i>	<i>дам</i>	<i>там</i>	крыша
<i>дѣп-</i>	<i>дѣп-</i>	<i>дѣп-</i>	<i>теп-</i>	лягать
<i>дѣтра-</i>	<i>дѣтра-</i>	<i>оьтра-</i>	<i>тьтра-</i>	дрожать
<i>дур-</i>	<i>дур-</i>	<i>дур-</i>	<i>тур-</i>	стоять

¹³⁰ А. Зайончковский. Арабско-кипчакский словарь, Варшава. 1954, стр. 50 (на польском языке).

¹³¹ См. нашу статью в журн. «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари». 1959, № 4, стр. 27.

дағ	даг	дағ	тав	гора
дөрд	дөрт	дөрт	төрт	четыре
дүдүк	—	дүдьк	түтьк	флейта
дүз	дүз	дуз	түз	равнина
дөш	дөш	дөш	төш	грудь
дөшәк	дөшәк	дөшәк	төшәк	матрац
дөк	док	дөк	төк	лечь
думағу	тумав	думав	тумав	насморк
дөве	дәә	дыйә	түйә	верблюд
дирик	дири	ди : рь	тьрь	живой
диз	диз	ди : з	тьззә	колени
дийүл	дейил	дүйзл дәйзл	түзь	не есть, не

С начальным [т]

тәпә	тәпә	дәпә	төбә	бугор
түш	ройа	дү : ш	түш	сон
тақуқ	тоюг	тоуқ тууқ	тавуқ	курица
тамыр	дамар	дамар	тамър	жила, ко- рень
тәмән	—	тамән	тамән	игла
таңур	—	тандыр	тәндыр	печь
тоңғуз	докуз	доңңыз	тоңғыз	свинья
топ	топ	топ	топ	мяч
тудак	додаз	ду : дақ	лэв	губы
тузақ	—	дузақ	тузақ	силок

С начальным [т] (ар. Ы).

тарт	дартмак	ларт	тарт	тянуть
тай	дайча	тай	тай	жеребенек
таң	дақ	дан	тан	заря
тумақ	—	тумақ	тумақ	шапка
танаг	—	таннав	танав	ноздри
танав				
туз	дуз	ду : з	туз	соль
тавшан	довшан			
тавышған	тавшан	тавшан	тавьшқан	заяц
	давшан			
тоғ	тох доқ	доқ	тоқ	сытый
тол	дол	дол	тол	насыщаться
той	дой	дой	той	быть полным
тағаржық	—	та : рьқ	тағара	посуда, таз

В туркменском языке будет соответственно *дар, даръ, даг, дүйә, дири, дил, диз, дә : л* и др.

Как явствует из примеров, мы можем говорить об абсолютном озвончении в тех случаях, когда у Ибн Муханны приведены слова с начальным [д], а в остальных примерах нет строгой последовательности.

Озвончение срединного глухого [т] нехарактерно для кипчакского наречия. В огузских говорах случаи озвончения отмечены в немногочисленных словах, однако установить определенную закономерность затруднительно, по той простой причине, что в одной и той же позиции в середине слова встречаются оба варианта.

Огузское наречие	Туркменский язык	Кипчакское наречие	Литературный язык	Перевод
о:дън	одун	отън	утин	дрова
едък	эдик	етък	этик	сапоги
бу:дақ	пудақ	пътақ	бутоқ	ветка
адақлъ	адағлы	атақлъ	отоқли	известный
қудър	гудыра	қутър	қутур	быть бешеным
өлдър	өлдүр	өлтър	үлдир	убивать
күрдък	күрдък	куртък	(кулчатай)	вид кушанья
йалдърақ	ялдырак	йалтърақ	ялтироқ	сверкающий
йеддъ	еди	йеттъ	етти	семь
адыққан	—	атъққан	отоқли	знаменитый
дадъмақ	дадымак	татъмақ	татимоқ	пробовать
өдәмәк	өдемек	өтәмәк	утамак	выполнять
йандақ	яндак	йантақ	янтоқ	верблюжья
				колючка
къкърдәк	—	къгъртәк	кекиртак	горло

Нередко мы сталкиваемся с фактом употребления в середине слова вариантов: ог. аңтар, кипч. авдар «переворачивать», гетър-кетър (в обоих наречиях корневое [л] выпало) «приносить».

В кипчакском наречии өлтър «убивать», толтър «наполнять», но күлдър «насмешить», алдър «заставить брать», қалдър «оставить», йаздър «заставить писать», кийдър «заставить одеть». Судя по огузским словам адамак «называть», «именовать», адағль «помолвленная», адақ арва «трехколесная бричка», «детская бричка», казалось, озвончение происходит в положении между широкими гласными, однако это правило распространяется на ограниченное количество слов. В словах типа ата «отец», хатар «ряд», батър «герой», қотър «рябой» срединный согласный остается глухим. В тувинском языке: ада «отец», катыг «твердый», чидиг «острый», адаар «называть», адыгжы «стрелок», адар «стрелять»¹³². В слова-

¹³² Тувинско-русский словарь, М., 1955, стр. 40—41 (составил Ч. Ш. Сат, под редакцией А. А. Пальмбаха); Ф. Г. Исхаков. Тувинский язык, стр. 67.

ре Ибн. Муханны отмечены единичные случаи озвончения серединного [т]: *одын* «дрова» *тудақ* «губы»¹³³.

В кипчакских говорах озвончение [т] в конце слова не зафиксировано. В огузском наречии, кроме слова *а:д*, озвончение конечного согласного [т] также не отмечено. В словах типа *ө:т* «желчь», *о:т* «огонь» конечное [т] остается глухим в любой фонетической позиции *ө:тым* «моя желчь», *о:жақнъ отъ* «огонь печи». Употребление двойного алифа в словаре Махмуда Кашгарского, например в слове «имя» *آت*, имеет, видимо, отношение к долгому гласному [а] или [аа], чем к конечному согласному, ибо при звонком произношении конечного [т] он имел возможность передать эту особенность посредством знака [و—д] *آ*: *а:д*¹³⁴.

Случаи комбинаторного чередования *т>д* в изучаемых говорах не отмечены. Ср. туркм, *ет* «делать», *едер* «он сделает», *гит* «уходить», *гидер* «он уйдет»¹³⁵.

Соответствие к//г. Озвончение этимологического глухого [к] в начале слова является характерной фонетической чертой юго-западной группы тюркских языков — азербайджанского, турецкого, туркменского, гагаузского. Эта же черта резко выделяет огузское наречие среди многочисленных говоров узбекского языка и служит в качестве одного из отличительных признаков при классификации узбекских говоров Хорезма¹³⁶.

Причины озвончения глухих согласных в начале слова, как уже отмечалось выше, пока еще окончательно не выяснены. Нам кажется, что и в озвончении начального глухого согласного [к], кроме фонетических, видимо, существовали и другие, не менее важные, причины, вызвавшие это явление.

В настоящее время объяснить причины озвончения начального глухого [к] в огузском наречии, исходя из фонетических условий, затруднительно, ибо здесь наблюдается озвончение [к] перед гласными любого качества, независимо от характера конечного согласного корня или слога:

¹³³ П. М. Мелиоранский. Араб филолог..., стр. 073 (В шестом списке сочинения Ибн Муханны: *отун*, *тутак* طُطُق آطُنْ (Rifat, 63, 108).

¹³⁴ Махмуд Кошғарий. Девону луғотит-турк, стр. 107.

¹³⁵ Н. К. Дмитриев. Глухие и звонкие согласные в середине слова, Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, 1. Фонетика, М., 1955, стр. 275; М. Ряснянен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков, М., 1955, стр. 139.

¹³⁶ Е. Д. Поливанов. Материалы по грамматике узбекского языка, Ташкент, 1935, стр. 21; Он же. Говор кишлака Кыят-Кунграт..., стр. 26.

гүз «осень», гет//гэт «уходить», гөк «синий», геч «поздно», гүч «сила», гөр «входить», гьзла «прятать», гечь «коза» и др. По-видимому, здесь сыграла роль все та же тенденция дифференциации значений слов. Приведем примеры: в слове *кърмак* произошло озвончение начального согласного звука [к]: *гөр-* «входить», но в слове *кър* «грязь» [к] осталось глухим, для обозначения слова «белье» была использована долгота гласного *ки*: *р*. Другой пример: *гөр-* «видеть», *көр* «слепой», но проникшее из таджикского языка слово *гөр* «могила» произносится с долгим гласным; слово «синий» в огузском *гөк*, но небо будет *көк*, *күл* «зола», *гүл-* «смеяться», *гүл* «цветок», *кәл* «плешивый», *гәл-* «приходить» *кәп* «сушиться», *гәп* «разговор», *көл* «озеро», *гөл* «простак», *күн* «непависть» *гүн* «день», *көч* «имущество», *гөч* «переселяться»¹³⁷. Аналогичные примеры на *п||б*, *т||д*, приведенные выше, подтверждают правомерность этого предположения.

В большинстве письменных памятников эта особенность не отражается. У Ибн Муханны существует особый знак для передачи звонкого [г] (арабский знак *ك* с тремя точками внизу *ك*), хотя орфография отличается крайней непо-

следовательностью. Видимо, в XIII—XIV вв. еще только намечалась тенденция к озвончению глухого [к] так же, как и некоторых других глухих согласных звуков. П. М. Мелиоранский приводит оба варианта — с начальным глухим и звонким согласным [к] и [г]: *کل* *күл* и *کل* *гүл* — «смеяться»,

кәл и *кәл* *гәл* — «приходить», *کن* *күн* и *کن* *гүн*

«день» и др. Ср. примеры с [г]: *гизлә-* «прятать», *гәлин* «невеста», *гөм-* «закапывать», *гүз* «осень», *гөз* «глаз», *гүл* «цветок».

Транскрипция П. М. Мелиоранского не может считаться безупречной по той простой причине, что при фонетической передаче слов он исходил из предположения, что словарь Ибн Муханны был создан в эпоху Хулагидов на староазербайджанском языке, хотя он и сам с присущей ему осторожностью заявлял: «Однако я не располагаю прямыми доказательствами невозможности происхождения нашего сочинения из оставшихся Маверранагра и Хорезма и некоторых других»¹³⁸.

¹³⁷ W. Radloff. *Phonetik...*, II, стр. 140.

¹³⁸ П. М. Мелиоранский. *Араб филолог...*, стр. XVIII—XIX.

Употребление звонкого [г] в огузском наречии вместо [к] в других узбекских говорах носит более или менее регулярный характер. В индивидуальных случаях возможны отклонения от общей схемы, наблюдаемые также и в других тюркских языках огузского типа¹³⁹: ог. *гэл* «приходить», *гет||гит* «уходить», *гүн* «день», *гөз* «глаз», *гөр* «видеть», *геч* «поздно», *ге:жә* «ночь», *гүннөз* «днем», *гәли:н* «невестка», *гөйнак* «рубаша», *гый* «одевать», *гьр* «входить», *гермак* «растягивать», *генжә* «младший», *гетман* «кетмень», *гама* «лодка», *гәзмак* «бродить», «гулять», *гөйьк* «пригорелый», *гөк* «синий», *гө: рәш* «борьба», *гулмак* «смеяться», *гыйьм* «одежда», *гыйев* «жених», *гәмишк* «щербатый», *гемәк* «кобчик», *гөчмак* «переселяться» и мн. др.

Наряду с этим имеется много случаев сохранения начального глухого [к] в огузском наречии. В обоих наречиях при сохранении глухого [к] в некоторых примерах могут быть различия по другим признакам (качество гласных корня и т. д.): ог. *көвәк* «дупло», *кө:зә* «верхние ребра», «лопатка»; кипч. *кәбзә*, ог. *көйьн* «желание»; кипч. *кавьн*, ог. *каләп* «моток» лит. *калава*; ог. *кәрвөч* «кирпич», *касәв* «кочерга», *кари:з* «яма», *кезьн* «после», «за» (Х-асп, б), кипч. *кейин*, ог. *кьрмак* «узелок», *көл* «озеро», *кычь* «маленький», *көр* «слепой», *кес* «резать», *кеп* «сушиться», *көп* «много», *кепәк* «отруби», *кул-та* «сноп», *көшәк* «верблюжонок», *кутар* «поднимать», (Хив. 1), кипч. *көтар*, *кьр* «грязный», «грязь» и мн. др.

С другой стороны, в кипчакских говорах имеется значительное количество слов, в абсолютном начале которых размещено звонкое [г]: *гәшьр* «морковь», *гәчь* «коза», *гьләм* «ковер», *гәп* «разговор», *гүррьң* «беседа», *гүпль* «телогрейка», *гүбәләк* «бабочка», *гүрбәк* «сорт дыни», *гүбь* «маслобойка», *гәззьк* «очередь», *гәвгүм* «полумрак», *гүпчәк* «ступица», *гәвшә* «жевать», *гүнжь* «кунжут» и др.

Отмечены и явления обратного порядка, т. е. огузскому начальному [к] соответствует кипчакское звонкое [г]: ог. *күпь||күвь*, кипч. *гүбь* «маслобойка»; ог. *күпчәк*, кипч. *гүпчәк* «ступица»; ог. *ку:рт*, кипч. *гугьрт* «спички», ог. *кө:шә*, кипч. *гәвшә* «жевать»; ог. *күзә*, кипч. *гузә* «кувшин»; ог. *кәж*, кипч. *гәж* «кривой», «упрямый»; ог. *кө:нә*, кипч. *гө:нә* «старый», «ветхий» и др.

Такие слова, как *гөммә* «пирожки», *гәлин* «невестка», повсеместно употребляющиеся в кипчакских говорах, по всей вероятности, заимствованы из огузского наречия; ср. кипч.

¹³⁹ Н. К. Дмитриев. Фонетические закономерности..., стр. 268.

көм «закапывать», ог. *гөм* с тем же значением, кипч. *кел*, ог. *гәл* «приходить», (*гөммә* из *гөм* + *мә*).

В говорах смешанного типа, в огузско-кипчакских или в кипчакско-огузских, естественно, употребительны в ряде случаев оба варианта, т. е. с начальным глухим [к] или со звонким [г], причем наиболее распространенным является вариант с начальным [г].

В размещении [к] и [г] в середине слова между гласными наблюдается как бы обратное явление, т. е. в кипчакских говорах мы имеем как систему звонкое [г], а в огузских в большинстве случаев — глухое смычное [к]:

Огузское наречие	Кипчакское наречие	Литературный язык	Перевод
<i>өкбз</i>	<i>Үөбз</i>	<i>хүкиз</i>	вол
<i>эки : з</i>	<i>егбз</i>	<i>эгиз</i>	двойной
<i>өкбн</i>	<i>өбн</i>	<i>үкин</i>	каяться
<i>теки : з</i>	<i>тегбз текбс</i>	<i>текис</i>	ровный
<i>бөкәләк</i>	<i>бөгәләк</i>	<i>(бүгин)</i>	сустав
<i>кькьрдәк</i>	<i>кьгьртак</i>	<i>кекирдак</i>	горло
<i>тукәл</i>	<i>тугал</i>	<i>тугал</i>	полностью

Однако о строгом огузско-кипчакском соответствии к||г в указанной позиции говорить не приходится, в ряде случаев наблюдается сохранение глухого [к] и в кипчакских говорах: ср. *әкә* «старший брат», *үкә* «младший брат», *ткән* «колющая», *тәкә* «козел».

Комбинаторное чередование к||г в кипчакских говорах — общеизвестный факт, не имеющий исключений: *егбн* «посев», *сөгбш* «ругань», *төгбн* «удобрение», *бүгүн* «сегодня», *көгәр* «зеленеть», *чөгбп* «затонув» и др.

Отсутствие регулярности в размещении [к] и [г] в середине слова наблюдается и в других тюркских языках¹⁴⁰. Ср. туркм. *экиз* «близнецы», *экин* «посев», *бегенч* «радость», *беглик* «должность бека», *текиз* «ровный», *текер/тигир* «колесо», *тукул* «все», «весь», *сөгунч* «ругань», *өкүз* «бык», *өкүнч* «сожаление», «раскаяние», *өгей* «чужой», *өгүт* «совет», *өги* «тошнота» и др.¹⁴¹

В конце слова (корня) в обоих наречиях глухое [к] в основном сохраняется, причем при наращении аффикса с начальным гласным в кипчакском наречии систематически к > г, в огузском конечное [к] сохраняется.

¹⁴⁰ Н. К. Дмитриев. Глухие и звонкие согласные..., стр. 275; М. Рясанен. Материалы..., стр. 133.

¹⁴¹ Туркменско-русский словарь, Ашхабад, 1940 (Составили Х. Байлыев и Б. Каррыев).

Следует упомянуть и о соответствии г//й в середине и частично в конце слова (корня). В таких случаях обычно кипчакскому срединному [г] соответствует огузское [й]: *жуған-жуйән* «кукуруза», *егән-айән* «плечо», *сөгән-сөйән* «усач», *өмгән-өмйән* «грудь», *егәлә-ейәлә* «овладеть», *әглә-әйлә* «задерживать», *егьльк-ейьльк* «добро», *әгәр-әйәр* «если», *түгьдейл//дүйьл* «не», *өгәй-өйәй* «чужой», *кегәй-кейәй* «спица», *чьгьн-чььн* «ежевика», *чьгьт-чььт* «семя хлопка», *егәв-ейәв* «напильник», *чөгьрма-чөйьрма//чөүрма* «папах», *пәргәр-пәйәр* «циркуль» и др. Случаи обратного соответствия: *өг. егәрмәк*, кипч. *ийәрмәк* «следовать».

Соответствие к//г//й в конце слова также носит нерегулярный характер. В кипчакских говорах конечное [к] в основном сохраняется: *сөк* «просо», *төк* «лить», *көк* «синий», *түк* «волосы», *төк* «шить»; конечное к//г литературного языка в обоих наречиях дает иногда различный рефлекс, лит. *тәг*, кипч. *тәй*, ог. *ди:в* «под», «основание»; лит. *тег*, кипч. *тәй*, ог. *дей* «касаться», «трогать»; лит. *туг*, кипч. *түй*, ог. *дөв* «завязывать», «толочь», лит. *эг*, кипч. *ий*, ог. *ей* «сгибать»; а sporadически в огузских говорах в этой позиции [й]: лит. *бек*, кипч. *бәй*, ог. *бей* «бек»; лит. *узук*, кипч. *жүзүк*, ог. *йүзүй* «кольцо»; лит. *бөльм*, кипч. *бөльк*, ог. *бөльй* «знание»; лит. *үртик*, кипч. *өртөк*, ог. *өртөй* «покрывало».

ба : зара барсаныз, *йүзүй* эпкәльн

йүзүй эмәс, чатма *дүзүй* эпкәльн (Ург. 3).

«Если пойдете на базар, купите кольцо,

Не кольцо, а купите шитую золотом тюбетейку».

Во всех приведенных примерах срединные и конечные согласные в основном сохраняются в памятниках древнетюркской письменности и староузбекского языка¹⁴². Однако в памятниках огузско-кипчакского типа трудно проследить в этом отношении строгую последовательность. Например, в словаре XIV в., составленном неизвестным автором, *التحفة الزكية* для кипчакского языка приводятся примеры на систематическое выпадение конечных согласных в определенной группе слов: *йълз*, *тири*, *тары*, *ири*, *қаты*, *ыссы*, *сары*; для некоторых слов отмечено выпадение [қ-ғ] в указанной позиции с удлинением конечного узкого гласного: *айу:*, *ару:*, *асу:*, *алу:*, *шаншу:*, *сату:*¹⁴³ (в ст. узб.

¹⁴² С. Е. Малов. Памятники..., стр. 414.

¹⁴³ Примеры взяты нами из книги проф. Ахмета Эмре «Сравнительная грамматика тюркских языков», I, Фонетика, Стамбул, 1949, стр. 208 (на турецком языке).

айық, арығ, алық, асығ, санчығ, сатық). Однако нередко случаи, когда в одном и том же памятнике приводятся иногда оба варианта: у Ибн Муханны *долу*, но *дирик* (Rifat, 27, 28); в СС *сасы*, *сары* (Gronbech, 94, 215); у Ибн Муханны *асығ*, но *чыра* || *чырақ* (Rifat, 11, 26); в древних памятниках *қолқақ* „ухо“, *айшак* „осел“¹⁴⁴, но в последующие периоды срединный согласный выпал: у Абухайяна *айшак* (12), в СС ешек, ст. узб. *ایشاک* „осел“ (Рдл. I, 905).

Интересно отметить, что даже в огузском наречии в словах *ашкэк*, *пышкэк* срединный согласный [к] не выпадает, но в кишлаке Гайву (Ург. 13) отмечены *пышэк* «мешалка», *ашшэк* «весло»; в том же говоре *пышэк* «кошка», *ашэк* «осел».

В различных источниках согласные [к] и [г] в основном сохраняются (в определенной категории слов в конечной позиции они выпадают): СС. *өг||өв* «хвалить» (181, 182), *тегирмен* «мельница» (238), *йүген* «узда» (130), *игне||ине* (105), *егги* «добрый» (84), *егечи* «сестра», *егев* «напильник» (84), но *биз* «шило» (61), *кийиз* (142); у Ибн Муханны (издание Килесли Рифата): *өкүз* «бык» (55), *тгирмен* (70), *ейгү* (32), *игегү* (33), *йигде* «джиды» (89), *йигне* «игла» (89), *йитик* и *йити* «острый» (90); у Абухайяна: *инә||игнә* «игла» (39), *дәгул* «нет», «не» (33), *ағар* «седло» (13), *кийиз* «войлок» (50) и т. д.

В письменных памятниках староузбекского языка так же, как и в известных чагатайских словарях, вышеуказанные особенности, за немногими исключениями, на письме обычно не отражаются. Хотя и некоторые свидетельства источников дают нам право говорить о том, что и в истории узбекского языка согласные [к] и [г], особенно в середине слова, подвергались изменениям как по линии перехода в другие звуки, так и по части выпадения. Алишер Навои в известном своем труде «Тяжба двух языков», говоря о трех особенностях звука [и], приводит в качестве примера слова *биз* «мы» (с кратким гласным) и *бииз* «шило» (с долгим гласным)¹⁴⁵, что подобное произношение характерно для обоих наречий Хорезма, но неидентично литературному произношению (лит. *бигиз*, *кигиз*).

Интересно отметить любопытный факт, встречающийся в указанной рукописи дивана Мехри Хатун. В этом памятнике для обозначения звонкого [г] в конце слова использован знак „кяф“ с тремя точками наверху символа, но в других позициях *кяф* употребляется без точек над пред-

¹⁴⁴ С. Е. Малов. Памятники..., стр. 414.

¹⁴⁵ Алишер Навоий. Танланган асарлар, III, Тошкент, 1948, стр. 184.

полагаемым звонким согласным [г]. Ср. пример с начертанием слова *ог*- „хвалить“ в следующем двустииши:

کراو شرسک بلبلك کلشنده کل براوشبو جهانک بی بقا
از ارین اوڭ کلزارین اوڭ

„Если хочешь хвалить, то хвали вопли и стенания соловья в саду. Подойди сюда, преходящий цветник этого мира хвали“. Любопытен также факт употребления начертания *кяфа* с крючком в середине для обозначения носового [н] в этой же рукописи: جورک „твое притеснение“, رخک „твое лицо“, دردک „твоя печаль“, غمزک „твое кокетство“ и т. д.¹⁴⁶ Использование этого знака для [н] встречается, хотя и реже, в диване Фузули: دوتک *дуттуң*, „ты держал“¹⁴⁷. (Как известно, такой крючок ставился обычно в середине другого варианта начертания *кяфа* (ک).)

В упомянутой рукописи старотурецкого языка XIV в. употреблен тот же знак (различные варианты начертания *кяфа* — ک, ک, ک) с тремя точками наверху для обозначения, по всей вероятности, сагырна: اُنْکَن „его“, „сначала“, „затем“ и т. д.¹⁴⁸ Однако в этом памятнике нет особого знака для передачи звонкого [г], как и в памятниках староузбекского языка.

О палатализованном характере согласных [к] и [г] в огузском наречии и об их неустойчивости, в особенности в середине слова, было сказано выше. Примерно такой же характер носят, видимо, и азербайджанские звуки [к] и [г], которые, по утверждению исследователей (К. Фой, Н. И. Ашмарин, Н. К. Дмитриев, М. Ширалиев и др.), подвержены различным изменениям (г > й, выпадение в середине слова и т. д.). Что касается положения [к] и [г] в начале слова, то они более устойчивы и не подвергаются изменениям.

Изменение к > г, видимо, началось очень давно, и трудно говорить что-либо относительно дальнейшей судьбы этого процесса в *ог*. наречии, если учесть факт мощного влияния узбекского литературного языка и присутствия в соседстве и

¹⁴⁶ Рукопись дивана Мехри Хатун, стр. 7, 41, 42, 486.

¹⁴⁷ Рукопись дивана Фузули, стр. 244.

¹⁴⁸ В. Д. Смирнов. Указ. статья, стр. 14, 16 (см. также приложенный снимок Facsimile с последних двух страниц рукописи).

впережку кипчакского наречия, в котором, как и в литературном языке, в начале слова употребляется глухой согласный [к].

Соответствие к//х. В изучаемых наречиях смычное [к] различно проявляет себя в зависимости от характера соседних звуков. В джекающих говорах кипчакской группы звук [к] устойчив и в любой позиции слова и аффикса сохраняет свое качество. В йекающих говорах Хорезма того же кипчакского наречия этот звук в известных фонетических условиях дает рефлекс [х], хотя и трудно говорить о какой-либо закономерности. Непоследовательность в замещении [к] и [х], особенно в середине слова, можно наблюдать даже внутри огузского наречия.

[к] в начале слова. Во всех хорезмских говорах общетюркское [к] в начале слова сохраняется (о частичном замещении [к] фонемой [ғ] в этой позиции будет сказано ниже).

Джекающие говоры, ввиду отсутствия в них фонемы [х] вообще, даже вместо этимологического [х] в заимствованных словах употребляют [к]: *қармъс* «арбуз», *қачър* «мул», *қамба* «место для высыпания муки», *қат* «письмо», *қапа* «печальный», *қабар* «известие», *қальк* «народ», *қуржън* «переметная сума», *қумбъс* «печь для обжига кирпича», *қушамақ* «быть похожим», *қатън* «женщина», *жақшъ* «хороший». В середине слова, особенно перед глухими согласными ч, т, ш, с, при произношении [к] заметно ослабевает смычка, напоминая промежуточный согласный между [к] и [х]: *бақчъқана* «детский сад» (Мнг. 2), *жақшъ, қошонда!* «хорошо, тогда до свидания!» (Гурл. 6), *аттъ ақтъқанаға байла!* «привяжи лошадь в конюшне» (Гурл. 4). Однако замена смычного [к] проточным [х] в джекающих говорах не наблюдается. То же самое относится и к конечной позиции фонемы [к]: *ақ* «белый», *уақ* «время», *уок* «пуля», *тоқ* «сытый», *жоқ* «нет», *тық-* «втыкать» и др.

В йекающих говорах кипчакского наречия звук [к] неустойчив, часто наблюдается, преимущественно в середине слова, замена [к] фонемой [х], а в конечной позиции [к] в основном сохраняется.

В огузском наречии [к] в начальной позиции в основном сохраняется, исключения составляют единичные примеры: *хатън* «женщина», *хатар* «ряд», *хан* «правитель», *халта* «мешок»; в заимствованных словах начальное этимологическое [х] удерживается: *хам* «сырой», *хапа* «печальный», *халпа* «сказательница», *хар* «униженный», *хала-* «желать», *хал* «родинка». Спирантизация [к] в срединной позиции здесь носит более или менее регулярный характер. Для иллюстрации приведем примеры:

Огузское наречие	Джекаю- щие говоры	Йекающие говоры	Литератур- ный язык	Перевод
<i>ахта</i>	<i>акта</i>	<i>ахта</i>	<i>ахта</i>	мерин
<i>тахта</i>	<i>тақта</i>	<i>тахта</i>	<i>тахта</i>	доска
<i>пахта</i>	<i>пақта</i>	<i>пахта</i>	<i>пахта</i>	хлопок
<i>пахса</i>	<i>пақса</i>	<i>пахса</i>	<i>пахса</i>	стена
<i>махта</i>	<i>мақта</i>	<i>махта</i>	<i>мақта</i>	хвалить
<i>охы</i>	<i>уоқъ</i>	<i>уоқъ уохъ</i>	<i>уқи</i>	читать
<i>арха</i>	<i>арқа</i>	<i>арқа</i>	<i>орқа</i>	спина
<i>тархал</i>	<i>тарқал</i>	<i>тарқал тархал</i>	<i>тарқал</i>	расходиться
<i>ухы</i>	<i>уйъқъ</i>	<i>уйқъ уйхъ</i>	<i>уйқу</i>	сон
<i>йахтъ</i>	<i>жақтъ</i>	<i>йақтъ йахтъ</i>	<i>(ёруғ)</i>	свет
<i>ахшам</i>	<i>ақшам</i>	<i>ақшам ахшам</i>	<i>окшом</i>	вечер, вчера
<i>ахтык</i>	<i>ақтъқ</i>	<i>ахтъқ</i>	<i>(невара)</i>	внук
<i>пахыр</i>	<i>пақър</i>	<i>пахър</i>	<i>фақир</i>	бедный

Однако в ряде случаев срединное [қ] в огузском наречии сохраняется: *буқа* «бык», *ақыл* «ум», *нақыл* «предание», *сақа* «водораздел», *йақа* «воротник», *йуқа* «тонкий», *йоқал* «исчезнуть», *сақал* || *саққал* «борода», *мақал* «поговорка» и др.

В конце корня или основы [қ] в основном сохраняется, однако в некоторых словах отмечена спирантизация [қ] в конечной позиции: *парх* «разница», *тавах* «блюдо», *хух* «початок джугары», *савах* «нитка», *вах* «время», но *қапақ* «веко», *дарақ* «гребешок», *ачық* «открытый», *сачақ* «скатерть», *қу:жак* «объятие», *қулақ* «ухо» и др.

В письменных памятниках употребление проточного [х] в различных позициях слова в исконных тюркских корнях носит нерегулярный характер. Спирантизация қ > х встречается у Ибн Муханны (издание П. М. Мелиоранского): *ах*, *ахта*, *ахрын*; в шестом списке сочинения Ибн Муханны: *ахшам*, *охлады*, *йахшы* (Rifat, 3, 52, 84); у Абухайяна: *қатун*, *қаз*, *қапақ* (67, 74), *йақшы*, *йақту*, *оқшады* (61, 119); в команском словаре: *ах*, *ахча*, *ахым* (Gronvesch, 31), *хоз* (104); ғ > қ > х: *бахча* (49), но *ақшам* «вечер» (39). В памятниках художественной литературы азербайджанского и турецкого языков для середины и конца слова очень часто қ > х: *йохса*, *чох*, *уйху*, *ах*, *ахды* и т. д.

Более обильный материал можно почерпнуть из исследований по турецкой и азербайджанской диалектологии на замещение этимологического [қ] проточным глухим [х] или звонким [ғ] в различных фонетических условиях. Для говора Карамани отмечены В. Максимовым: *ахча*, *бахыш*, *вахтым*, *та-*

хар, *сыхаим*¹⁴⁹; в примерах *чоу'ду* «было много», *йо'уду* «не было», *айа'а* «к ноге» и т. д., видимо, выпадение [қ] произошло через ступень [ғ] или же [х]¹⁵⁰ (трабесундский диалект). В текстах проф. А. Джафероглу: *вахтиле, ахших, йахма, аахар, ахар, бахар, чыхар, айрулух* и т. д. (Anadolu, 22, 126, 146). В азербайджанском языке, согласно утверждению К. Фоя, в различных фонетических условиях этимологический [қ] дает троякий рефлекс для начала и середины слова — [г]: *оугет, хелгы, хегигет*; [х]: *йехе, сахла*; [ғ]: *неғд, неғл* (Ғоу, Azer., 175).

Частичная спирализация [қ] в различных фонетических условиях отмечена почти по всем основным узбекским говорам, включая и часть джекающих говоров так же, как и говоров городского типа, легших в основу узбекского литературного языка¹⁵¹.

Академик В. Радлов писал о фонеме [х] в тюркских языках: «Употребление глухого задне-лингвального [х] в южных и западных диалектах отмечается лишь в иностранных словах. Только в среднеазиатских диалектах появляется [х] в начале слова тюркских корней, но также редко, вот почему мы должны признать, что это произошло под иностранным влиянием»¹⁵².

Об истории замены [қ] фонемой [х] проф. Е. Д. Поливанов в свое время писал следующее: «Мой объект наблюдения обычно произносит в этом слове (в слове *дийхан*) [х], а не [қ]. Следовательно, здесь в данном слове... мы имеем дело, по-видимому, не с факультативным ослаблением фонемы [қ], но именно с фонемой [х]. И, с другой стороны, звуки [қ] и [х] в середине слова в хорезмской группе говоров различаются друг от друга по следующему принципу: фонема [қ] может факультативно превращаться в спирант [х], но фонема [х] в средне-хорезмской группе говоров не может превращаться в [қ]»¹⁵³.

Естественно, что во времена, когда академик В. Радлов писал свою «Фонетику», не были в достаточной степени изучены ни письменные памятники (а многие из них вовсе не были известны науке), ни особенно живые народные говоры,

¹⁴⁹ В. Максимов. Опыт исследования..., стр. 38.

¹⁵⁰ В. Писарев. Указ. работа, стр. 186 текста; Н. К. Дмитриев. Материалы..., стр. 115—116.

¹⁵¹ В. В. Решетов. Фонетика..., стр. 276; Х. Гулямов. Джизакский говор узбекского языка, стр. 11; И. Фарманов. Ошский говор узбекского языка, стр. 12 и др.

¹⁵² W Radloff. Fonetik..., II, стр. 140.

¹⁵³ Е. Д. Поливанов. Говор кишлака Кыят-Кунграт..., стр. 10; В. В. Решетов. Фонетика..., стр. 276.

изучение которых получило большой размах лишь в наше время. Проф. же Е. Д. Поливанов в своих суждениях уже мог опираться на многочисленные факты живых народных говоров.

Мысль о том, что из этимологического [к] путем ослабления смычки выделилось проточное глухое [х] и превратилось в самостоятельную фонему, подтверждается как материалами письменных памятников, так и фактами современных тюркских языков. Например, в современном живом казахском и киргизском языках фонема [х] отсутствует¹⁵⁴. В древности частичное замещение [к] звуком [х] было, видимо, характерно для огузской группы языков, как это явствует из словаря Махмуда Кашгарского. Ср. примеры: *охшатти* «сделал похожим» (1, 261), *ахсақ* «хромой» (1—141). У Ибн Муханны: *ах* «белый», *ахта* «мерин», *ахырын* «медленно»¹⁵⁵.

В современных узбекских говорах городского типа так же, как и в йекающих говорах кипчакского наречия, спيرانт [х], видимо, давно выделился как самостоятельная фонема. И с этой точки зрения вполне обоснованным нужно считать утверждение, что спирантизация $к > х$ — прогрессивная черта в историко-фонологической эволюции¹⁵⁶ и явилась внутриязыковым процессом, происшедшим в самих узбекских говорах в результате ослабления смычки звука [к], а иноязычное влияние скорее способствовало дальнейшему развитию этого закономерного процесса. Материалы огузских говоров, особенно азербайджанского языка, опровергают утверждение академика В. Радлова. Ср. аз. *йох, қырх, чох, бах* и т. д. (Fou, Azer., 143)¹⁵⁷.

Интересно отметить, что в джекающих говорах кипчакского наречия омонимия устраняется в некоторых словах уже другим способом — изменением качества гласных: *қала* «город», но *қалэ* «тетя», *қъл* «делать», но *қыйл* «сорт», «род», (из *хил*), однако для *қош* «пара» и *хош* «до свидания» нет таких различий: *қош келипсёс* «добро пожаловать!»; ср. тув. *кир* «входи», *хир* «грязь», *кыл* «делай», но *хыл* «волос»¹⁵⁸, как в огузском наречии: *гър* «войди», *кър* «грязь», *ки:р* «белье».

¹⁵⁴ И. А. Батманов. Фонетическая система..., стр. 112; Казыргы казак тили, Алматы, 1954, стр. 131.

¹⁵⁵ П. М. Мелиоранский. Араб филолог..., стр. 010.

¹⁵⁶ В. В. Решетов. Узбекский язык..., стр. 276.

¹⁵⁷ Н. И. Ашмарин. Общий обзор тюркских говоров города Нухи, Баку, 1926, стр. 41; М. Ширәлиев. Азәрбајжан диалектологиясынын әсаслары..., стр. 75.

¹⁵⁸ Ф. Г. Исхаков. Тувинский язык..., стр. 96—97.

Соответствие қ/ғ. В обоих изучаемых наречиях озвончение начального глухого смычного [қ] не зафиксировано. В этом отношении южно-хорезмские говоры стоят особо среди прочих языков огузского типа — туркменского, азербайджанского и др., где қ > ғ носит системный характер¹⁵⁹. В огузском наречии озвончение начального [қ] отмечено в нескольких примерах и то неповсеместно: ог. *ғаз* «гусь», кипч. *қаз*, *ғанғырав* «колокольчик» (Хнк. I), *ғултум* «глоток» (Гурл. I), *ғаррѣм бай* (из *қа:рун* — имя легендарного богача) «очень богатый», *ғабрѣшмақ* (Хнк. II) «ошибаться». В связи с этим уместно отметить озвончение начального проточного глухого [х] в некоторых заимствованных словах перед широким гласным [а]: *ғаравахана* (Ург., Хив.) «развалины», *ғазина* «сокровище», *ғанжар* «кинжал» (Ург., Хнк.), но слово «мул» повсеместно имеет форму *қачыр*, лит. *хачир*.

В огузском наречии этимологическое [қ] в середине слова частично сохраняется, в кипчакских говорах в определенной категории слов обычно қ > ғ: *йақа*, кипч. *жаға* // *йаға* «воротник», *буқа-буға* «бык», *сақа-саға* «водораздел», *тақа-таға* «подкова», *тоқал-тоғал* «безрогая корова», *бақа-баға* «лягушка», но ог. *қурваққа*, кипч. *қурбаға* с тем же значением, *йуқа-йуға* «тонкий». Слово «лес», «заросли» повсеместно будет иметь форму *тоғай*. Видимо, это слово пришло в огузское наречие с севера. Озвончение срединного [қ] в слове *ча:ға* «ребенок» (кипч. *чаға* в парном сочетании *бала-чаға* «семья, дети») связано, видимо, с долготой гласного [а:]. Ср. ог. *а:га*, кипч. *аға* «старший брат». В этих примерах қ > ғ, по всей вероятности, имеет длительную историю, и происхождение этого явления объясняется двояко: в огузском наречии связано с долготой гласных, а в кипчакском — с положением [қ] между гласными. Ср. ог. *шақал*, кипч. *шағал* «шакал», аз. *гурбага*, туркм. *гурбага*, узб. лит. *қурвақа*. В огузском наречии и в йекающих говорах кипчакского наречия срединное [қ] в этих примерах удваивается: *саққал*, *қурвакка*.

Размещение смычного [қ] в конце корня и аффикса также отличает изучаемые говоры друг от друга. В кипчакском наречии, за исключением некоторых говоров, близко расположенных к территории распространения огузского наречия, конечное [қ] в основном сохраняется без изменения. Выпадение конечного [қ] с последующим удлинением гласного —

¹⁵⁹ А. П. Поцелуевский. Дialectы туркменского языка, стр. 35; Э. В. Севортян. Материалы к сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского литературных языков, стр. 30; Н. И. Ашмарин. Указ. соч., стр. 40; М. Ширэлиев. Указ. соч., стр. 75.

явление общее для обоих наречий (*айу*: «медведь», *азу*: «коренной зуб»). В тех йекающих говорах, которые локализованы на смежных территориях с огузскими говорами, иногда в конечной позиции $q > x$: *тавах*, *савах* и т. д., но озвончение [қ] в этой позиции нехарактерно для кипчакского наречия Хорезма. В огузских же говорах нередко случаи озвончения конечного [қ]: *қуйуғ* «густой», кипч. *койъ*, ог. *суйуғ* «жидкий», кипч. *суйъқ*, ог. *ашығ*, кипч. *ашъқ* «влюбленный», *қошығ-қошъқ* «песня», *қашығ-қашъқ* «ложка», *отағ-отақ* «прополка», *қадағ-қадақ* «фунт», «большой гвоздь», *чушағ* «пути», *йахшылығ* «добро», *бошлағ* «отпущенный на волю» и т. д.

Интересно отметить, однако, что перед аффиксальным сонорным [л] озвончение [қ] в огузском наречии выступает весьма рельефно:

айақымда қара эдьк қадағлъ,
деймә, бала, мем бърәвә адағлъ.
ге : жә баръйн дәсәм, айла қараңғы,
гүннәз баръйн дәсәм и : зым сорағлъ (Ург. 3).

Должно быть отмечено, что озвончение конечного [қ] даже внутри огузского наречия не отличается последовательностью и в одном и том же говоре можно услышать оба варианта: *қулақ-қулағ*, *сорақ-сорағ*, *айақ-айағ*. В следующих примерах [қ] устойчив: *қуйрық* «хвост», *буйрық* «приказ», *туйақ* «копыто», *бойақ* «краска», *айақ* «нога», *ълақ* «козленок», *йамақ* «заплата», *дарақ* «гребешок», *аррық* «худой», *қарық* «грядка». Казалось бы, [қ] в этой позиции, как правило, должно было выпадать подобно огузско-кипчакскому *сары* «желтый», *таръ да:ръ//даръ* «просо». Однако в вышеприведенных примерах [қ] остается без изменения.

Соответствие ғ//в. Огузско-кипчакское соответствие ғ//в — общеизвестный факт.

Огузское срединное [ғ] в кипчакском наречии соответствует преимущественно губно-губному [в]: ог. *а:ғыз*, кипч. *авъз* «рот». Любопытно, что и в узбекском литературном языке так же, как и в опорных говорах городского типа, в указанной позиции употребляется [ғ]. Приведем примеры из обоих наречий, сопоставив их с фактами туркменского языка.

Туркменский литературный язык	Огузское наречие	Кипчакское наречие	Узбекский литературный язык	Перевод
<i>ағыз</i>	<i>ағыз</i>	<i>авъз</i>	<i>оғиз</i>	род
<i>доғры</i>	<i>доғръ</i>	<i>тувръ</i>	<i>туғри</i>	правильно
<i>доғра-</i>	<i>доғра-</i>	<i>тувра-</i>	<i>туғра-</i>	крошить
<i>ағыр</i>	<i>ағыр</i>	<i>авър</i>	<i>оғир</i>	тяжелый

оғыл	оғыл	у : л ул	ўғил	сын
боғырсақ	боғырсақ	бавърсақ	буғирсоқ	пончики
бағыр	бағыр	бавър	бағир	печень
ағырмақ	ағырмақ	авърмақ	оғримок	болеть
ағыртмақ	ағыртмақ	авъртмақ	ортмок	выючить
боғаз	боғаз	буваз	буғоз	беременная
жуғда	жуғда	чувда	жуғда	пух
буғдай	буғдай	бу : дай	буғдай	пшеница
	бо : дай			
яғырын	йағын	йаврън	яғирин	спина
ағдармақ	аңтар		ағдар-	переворачи- вать
ағдар	ағдар			родственник
доган	до : ган	тувган	тувфон	

В современном узбекском литературном языке и в опорных говорах городского типа срединный согласный в таких словах, как *йоқа, тақа, буқа, йуқа, сақич, сәқәл, уқалә* и т. д., остается глухим, тогда как в кипчакских говорах в этой позиции систематически [ғ]¹⁶⁰. Изменение ғ > й типа *бағла-байла, сығ-сәй* также характерно для кипчакской группы говоров¹⁶¹.

Особо стоит вопрос об изменении қ-ғ-в в конечной позиции определенной категории слов, являющемся нормой для литературного языка и кипчакской группы говоров. Слова с конечным [в] в огузское наречие проникли, видимо, из кипчакских говоров (ср. *қазув, тоғай* в обеих группах говоров Хорезма) или же литературного языка. Собираательные числительные типа *учов, тўртов*, как известно, образовались путем изменения элементов — *ағу||әгү > -ов||-в* (др. *үч + әгү*), а слова типа *бузов-бузоқ, кўсов, куёв, ўқлов* и т. д. — путем эволюции древних форм *бузағу, көсәгү, күйәгү, оқлағу*. Что касается формы на *-ув||-в* (*ўқу-в, ёз-ув* и т. д.), характерной для кипчакской группы говоров и литературного языка, то она восходит к известному аффиксу *-гү||-ғу* и является результатом развития вышеуказанного закономерного соответствия ғ > в, происходившего внутри самих узбекских говоров, легших в основу литературного языка (ср. формы, употребляющиеся в 30-х годах в литературном языке: *ўқиғу-чи, ўқит-ғу-чи* «ученик», «учитель»).

В письменных памятниках, принадлежащих к различным группам тюркских языков, указанное фонетическое явление отражается различно в зависимости от эпохи создания памятника и принадлежности его к той или другой группе языков. В команском словаре, например, тенденция к изменению по линии қ-ғ-в и қ-ғ-й отражена более или менее

¹⁶⁰ В. В. Решетов. Фонетика..., стр. 274.

¹⁶¹ Там же, стр. 81.

рельефно; причем очень часто в словаре приводятся различные варианты: бағ-бав (Gronbech, 45, 53), бағла-бавла, боғдай-бодай, оғул-овул (173), йағлав-йавлав „сковорода“ (110), тағ-тав (232—237), тоғ-тув, тоғры-тувra (247), тоғуз (248), қују „колодец“ (202), йавдур- „заставить дождь итти“ (119), бузав (70), йағ-йав „масло“ (109), боға „бык“ (62), боғаз „горло“, но сақал, сақыз (62, 214); то же самое примерно наблюдается и в упомянутом памятнике, (التحفة الذكيفة فى اللغة التركية). Туркменскому [ғ] в инлауте в кипчакском языке соответствует очень часто губно-губной [в] и реже [й]: аг-ав, боғаз-бувaz, тоғры-тувры, агрык-аврык, бағла-байла-, буғдай-бувдай-буйдай (Emge, 211).

Как известно, в кипчакской группе тюркских языков развитие по линии ғ>в, қ>ғ>в, қ>ғ>й в указанных фонетических условиях в наше время в основном завершено, и это явление считается системой для этой группы языков. В современном узбекском литературном языке и огузском наречии, срединный согласный [қ] в таких словах, как бақа, ёқа, тақа, буқа, йуқа, сақиш, соқол и т. д., остается глухим, тогда как в кипчакских говорах в этой позиции [ғ]: йаға, буға и т. д.

Примеры на соответствие ғ//в в конце корня: ог. бағ, кипч. бав «сноп», боғ-був «душить», туғ-тув «знамя», сағ-сав «здоровый», аг-ав «рыболовная сетка», йағ-жав//йав- «идти дождю», да:ғ-тав «гора», доғ-тув- «рожать», уйағ-уйав «бодрый», чушағ-тошав «путы» и др.

В связи с ғ//в можно высказать предположение, что первоначальное аң «зверь», «дичь», путем н>ғ>в дало в огузском наречии два самостоятельных слова: аг «рыболовная сетка», «улов» и эв «охота», «дичь»; ср. тув. аң «зверь», аңчэ «зверолов»; каз. аң «зверь», аңшы «охотник». От этого корня образовался глагол: ог. аңдэмақ- «следить», «караулить», кипч. аңлэмақ с тем же значением.

Примеров на соответствие ғ//й немного: ог. сѣғыр, кипч. сѣйэр «корова»; ог. бағла, кипч. байла «привязывать»; ог. йеғна//йығна, кипч. жѣйна «собирать», жѣйнақ «собрание»; ог. йеғла//йағла, кипч. жѣла//йѣла (срединное [й] выпало) «плакать».

Более сложным оказалось прослеживание исторического развития ряда звуков, например, закономерное соответствие ч||ж, ч||й, ч||т и др., являющееся до сих пор объектом дискуссии, источником проявления различных, порою совершенно противоположных, мнений¹⁶². В современных узбекских гово-

¹⁶² Б. А. Серебряников. О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков, ВЯ, 4, 1960, стр. 65 и след.

рах, в том числе и в хорезмских, употребление аффрикаты [ч] в различных фонетических позициях характеризуется чрезвычайным разнообразием, иногда трудно проследить какие-либо закономерности в размещении этого сложного звука. Так как нас интересует вопрос употребления аффрикаты [ч] в начале слова, ее историческое изменение и развитие в различных согласные звуки, то рассмотрим его подробно как по узбекским говорам Хорезма, так и по отдельным тюркским языкам, а в связи с этим выскажем некоторые предположения относительно генезиса джеканы и йеканы в современных тюркских языках. Этот вопрос имеет не только историко-лингвистическое значение, но и приобретает очень большой этно-генетический интерес.

В различных говорах узбекского языка в начале определенной категории слов встречаются чередующиеся согласные.

ч||ж кипч. *чавчъ*, ог. *жавжъ*, лит. *совчи* «сват», кипч. *чарла*, ог. *жарла* «кричать», лит. *чарла* «звать»; кипч. *аччъ*, *чүчъ*, ог. *а:жъ*, *сү:жъ*, лит. *аччиқ*, *чучук* «горький», «сладкий»; кипч. *чарқълдамақ*, ог. *жарқылдамақ*, лит. *ярқилламоқ* «блестеть»;

ч||с кипч. *чачақ*, ог. *сачақ*, лит. *сочоқ* «полотенце»; кипч. *чычқан*, ог. *съчан*, лит. *сичқон* «мышь»; кипч. *чоз*, ог. *соз*, лит. *чўзмоқ* «тянуть»; кипч. *чаташмақ*, ог. *саташмақ* «путаться»;

ч||т *чозғыт-тозғыт* «развезать», *чыз-тыз* «ставить в ряд», *чуштуш* «слезать», *чырэн-тырэн* «опереться»;

ч||ш общеизвестный факт (ср. каз. [ш], узб. [ч]);

ч||й *чеш-йеш* «раздеваться», *чалт-йалт* «блеск» (ср. тув. [ч], узб. [й] в этой позиции); *чекэн-йекэн* «куга»;

ч||о (ноль) *чоңқыр-оңқыр* «яма», *чири-ири* «гнить», *чиркин-иркин* «грязный», *чэврэ-эврэ* «ворожить», лит. *жавра* «ворчать», «бормотать» и т. д.

Одной из характерных особенностей известной части кипчакских говоров узбекского языка является джеканы, т. е. употребление в начале определенной категории слов звука [ж]: *жол* «дорога», *жыл* «год», *жигит* «джигит», *жигирма* «двадцать» и др. Опорные говоры городского типа, легшие в основу узбекского литературного языка так же, как и огузская группа говоров, характеризуются йеканьем, т. е. употреблением звука [й] в указанной позиции: *йол*, *йыл*, *йигит*, *йигирма* и т. д. Следует отметить очень интересный факт. В джекающих говорах, например в кипчакских говорах Хорезма, даже в заимствованных словах начальный [й] систематически заменяется фонемой [ж]: *жар* «друг» (тадж. *йёр*), *жанвар* «январь», как в современном казахском языке (ср. в каз. *жар-жар* в песнях). Характеризуя в этом отношении хорезм-

ские говоры узбекского языка, проф. Е. Д. Поливанов в свое время в категорической форме высказал мнение, что в указанной позиции изначальным был [й], а джеканы в кипчакских говорах Хорезма он объяснял результатом влияния соседнего казахского языка. По его мнению, йекающие говоры Хорезма той же кипчакской группы (среднехорезмские по классификации Е. Д. Поливанова) снова усвоили йеканы уже под влиянием огузских говоров. Таким образом, по Е. Д. Поливанову получается схема: й > дж > й¹⁶³.

Мысль об изначальности йеканья в тюркских языках была высказана еще акад. В. В. Радловым. Переход начального [й] в другие согласные (дж, ж, з, ч, с) он объяснял позиционной обусловленностью — влиянием узкого гласного корня¹⁶⁴. Позднее В. В. Радлов предложил несколько иную схему, но в ней также [й] был признан древнейшим: й > дж; й > ч; от ч линия идет к з и дальше к мягкому проточному ç¹⁶⁵.

Несколько иное предположение высказывал финский ученый Г. И. Рамstedt. По его мнению, [дж] алтайской эпохи в древнетюркском превратился в [й], а затем в отдельных тюркских языках снова в [дж], т. е. дж > й > дж.¹⁶⁶ Член-корр. АН СССР проф. Малов предполагает, что для начала слова более древними были шипящие и свистящие звуки — дж, ч, ш и т. д.¹⁶⁷

Акад. А. Н. Самойлович, разбирая вопрос о джеканы и чеканы, писал следующее: «По вопросу о происхождении джекающих или чекающих элементов в среднеазиатском литературном языке чагатайского периода можно высказать предположение, что часть этих элементов относится к заимствованиям из монгольского языка, а другая часть является вкладом в литературный язык XV—XVI вв. из живых тогдашних джекающих турецких (тюркских.— А. Ф.) диалектов Средней Азии»¹⁶⁸.

Проф. В. А. Богородицкий, как и В. Радлов, возводил рефлекс [ч] к приглушенному [й] через [дж]¹⁶⁹.

Если верно предположение о том, что древнейший тип

¹⁶³ Е. Д. Поливанов. Материалы..., стр. 22.

¹⁶⁴ W. Radloff. Phonetik..., II, стр. 114.

¹⁶⁵ Он же. Die Jakutische sprache in ihrem Verhältnisse zu dem Türk Sprachen, St.-Peterburg, 1908, стр. 16.

¹⁶⁶ G. J. Ramstedt. Einführung..., стр. 65—66.

¹⁶⁷ С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки..., стр. 141.

¹⁶⁸ А. Н. Самойлович. Элементы диалекта джокчи в литературном чагатайском языке, Научная мысль, 1, Ташкент, 1930, стр. 11—14.

¹⁶⁹ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание, Казань, 1953, стр. 106.

структуры корня в тюркских языках представлял с + г + с¹⁷⁰, а слово начиналось с глухого согласного, то приходится признать необоснованной теорию В. Радлова.

В схеме В. Радлова не учитывается наличие преимущественного глухого начала в тюркских корнях, засвидетельствованного как в письменных источниках¹⁷¹, так и в современных алтайских языках¹⁷² и в языке желтых уйгуров¹⁷³. Не случайно в алтайских языках такие согласные звуки, как в, г, д, ж, з, в начале слова слабо дифференцированы или вовсе отсутствуют. Фактически в тувинском, шорском, хакасском и алтайском языках количество согласных не превышает 12—14 звуков¹⁷⁴. Совершенно естественно, что языки этих народностей соответственно сохраняют очень много черт, характерных для языков тюркских народов в древнейший период¹⁷⁵.

Судя по схеме В. Радлова и Г. И. Рамштедта, получается, что тувинский, шорский и хакасский языки и некоторые диалекты алтайского языка, в основе своей чекающие, оказываются, ушли далеко вперед в своем развитии, а, скажем, азербайджанский и узбекский языки, имеющие многовековую письменную традицию и претерпевшие колоссальное чужезычное влияние, являются самыми отсталыми, отражающими в своей фонетической структуре древнейшую стадию развития. Это противоречит не только неоспоримым фактам, но и здравому смыслу.

По схеме В. В. Радлова, наконец, мы не можем объяснить генезиса джеканы, ибо замена [й] аффрикатой [дж] в таком широком масштабе кажется маловероятной. Ссылка В. А. Богородицкого на переход латинского [й] в итальянском в [дж], а во французском в [ж] — неубедительна¹⁷⁶. Утверждение не-

¹⁷⁰ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II, М., 1952, стр. 100; проф. Б. Юнусалиев предполагает тип с + г (Развитие корневых слов в киргизском языке, докт. дисс., М., 1953); Польский ученый А. Зайончковский также придерживается этого мнения, т. е. считает изначальным тип корня с + г (К вопросу о структуре корня в тюркских языках, ВЯ, 1961, 2, стр. 33).

¹⁷¹ А. Gabaip. Указ. соч., стр. 45.

¹⁷² Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка, Казань, 1903, стр. 45 и след.; Ф. Г. Исхаков. Тувинский язык, Очерки по фонетике, М., 1957, стр. 61; Н. А. Баскаков. Алтайский язык, М., 1958, стр. 69.

¹⁷³ С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров.

¹⁷⁴ Ойротско-русский словарь, стр. 228; Ф. Г. Исхаков. Тувинский язык, стр. 62; Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II, стр. 56.

¹⁷⁵ С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки, стр. 137—138.

¹⁷⁶ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание, стр. 106.

которых ученых (В. А. Богородицкий, Г. Д. Санжеев и др.), что язык письменных памятников VIII в. был йекающим, поэтому [й] в начале слова — самое древнее, также должно быть признано необоснованным, ибо язык древнейших письменных памятников может включать иногда такие формы, которые существуют в современных живых языках.

Говоря о развитии согласных звуков в тюркских языках, акад. В. Радлов не принял во внимание факта участия разнообразнейших фонетических явлений в развитии лексико-грамматической структуры языка, что вызвано, по нашему мнению, признанием неизменности корня в тюркских языках¹⁷⁷, а агглютинацию — единственным способом выражения грамматических отношений и пополнения словаря¹⁷⁸. Нельзя объяснять эволюцию звука только фонетической обусловленностью, обходя вопрос о дифференцирующей роли звуков, особенно в древнейший период развития тюркских языков.

В связи с этим встает вопрос о термине «флексия» применительно к тюркским языкам. Судя по работам Т. А. Бертагаева¹⁷⁹, этот термин, очевидно, надо понимать несколько иначе, чем это принято в отношении флективных языков, ибо не редко изменение гласных приводит к изменению согласных основы: *ат-а* : *д* «имя», *отын-о* : *дын* «дрова» — или, наоборот, изменение согласного сопровождается изменением гласных основы: *ата-эдэ*, *ана-эйэ*, *ана-эбэ*.

Прежде чем высказать свои суждения относительно генезиса джеканья и йеканья в тюркских языках, мы рассмотрим сначала, как выглядит вышеуказанное соответствие по родственным языкам.

В тувинском, хакасском, шорском и в северных диалектах алтайского языка в начале слова мы имеем [ч], в мишерском диалекте татарского языка и в барабинском — [ц]¹⁸⁰, в якутском — [с], в чувашском — мягкое [ç], в башкирском — [с] (интердентальный), в ойротском [дъ], в казахском — [ж]; в некоторых диалектах киргизского, каракалпакского, татарского, ногайского, башкирского, узбекского языков — [ж]; в

¹⁷⁷ W. Radloff. Einleitende Gedanken..., стр. 29.

¹⁷⁸ А. М. Щербак. Способы выражения грамматических значений в тюркских языках, ВЯ, 1957, № 1, стр. 26; М. А. Черкасский, Указ. соч., стр. 59.

¹⁷⁹ Т. А. Бертагаев. Флексия основ в агглютинативных языках, в кн.: «Сборник трудов по филологии», вып. I, Улан-Удэ, 1948, стр. 98—118.

¹⁸⁰ Л. В. Дмитриева. Заметки по языку барабинцев, Сб.: «Вопросы грамматики и истории восточных языков», М., 1958, стр. 143—168.

опорных говорах узбекского языка¹⁸¹, туркменском, уйгурском, турецком языках — [й]; в азербайджанском — тоже [й], однако начальный [й] нередко выпадает¹⁸².

Сравним примеры: тув. *чыл, чер, чахсы, чаа, чэди, чэл, чулдус, чилик*; якут. *сыл, сир, — сана, сэттэ, са: л, сулус, силик*; казах. *жил, жер, жахсы, жаңа, жети, жол, жулдуз, жилик*; узб. *йил, йер, йахши, йэнги, йетти, йол, йулдуз, йилик* // илик; азерб. начальное [й] выпадает или сохраняется: *ил, ийирми, агла, илик, инже, илхы* и т. д.

Мы видим, что словарное распределение этих согласных звуков в начальной позиции по отдельным тюркским языкам чрезвычайно разнообразно, и трудно говорить о какой-либо закономерности¹⁸³. В силу закона неравномерности развития в каждом из тюркских языков, наряду с более или менее регулярным чередованием аффрикаты [ч] с соответствующими согласными, имеются и частные отклонения от общей системы, вызванные, очевидно, не только фонетическими, но и фонологическими причинами. Еще более сложно обстоит дело с гласными, где вообще трудно говорить о какой-либо регулярности изменения звуков¹⁸⁴.

В узбекском языке, за исключением звуков *ç, с, ц*, в данной позиции могут размещаться, как сказано выше, [ч], [т], [ш], [с], [й] и даже [х]. Имеются также случаи выпадения начального согласного; примеры из литературного языка: *илон, илик, узук, узум, но йил, юз, йиғла*; по говорам встречаются оба варианта: *йил-ил* «год», *йип-ип* «нитка», *йилан-илан* «змея» и др.

Узбекское [й] и казахское [ж] в балкарском языке более или менее регулярно соответствуют звуку [з]: *зол* «дорога», *заш* «молодой», *зер* «земля» и др.¹⁸⁵ В шорском и хакасском языках в данной позиции наряду с [ч], как и в тувинском, часто

¹⁸¹ О джекающих говорах узбекского языка см. подробно: В. В. Решетов. Кураминские говоры Ташкентской области, докт. дисс., М., 1952; Он же. Узбекский язык, Фонетика, Ташкент, 1959, стр. 60.

¹⁸² Н. К. Дмитриев. Фонетические закономерности начала и конца тюркского слова, Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, 1, Фонетика, М., 1955, стр. 265—273.

¹⁸³ Э. В. Севортян. Материалы к сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского литературного языков, Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, 1, Фонетика, стр. 14—16.

¹⁸⁴ М. А. Черкасский. К вопросу о генезисе сингармонистических вариантов и параллелизмов в тюркских языках, ВЯ, 1960, № 4, стр. 57.

¹⁸⁵ W. Gröhle. Balkarische Studien..., стр. 175; А. К. Боровков. Карачаево-балкарский язык, «Яфетический сборник», 8, Л., 1932, стр. 47.

употребляется [н]: *наа* «новый», *наах* «щека» и др. Эпизодически в отдельных тюркских языках встречаются варианты с согласными *й//т//д*, *й//ж//т//д*: *томалак-думалак* - *йумалак* «круглый», *йүз-жүз-дүз* «сто»¹⁸⁶.

Современному *й||ж||ж* в памятниках XIII—XIV вв. иногда соответствует аффриката [ч]. В «Огуз-намэ» в начальной позиции в основном [й], но нередко и [ч]: *чалгуз* «одинокий», *чарыг* «свет», *чарлыг* «указ»¹⁸⁷. В половецком языке [ц] (по В. Радлову), а некоторые ученые полагают [ч]¹⁸⁸.

Начальное [й] в огузских говорах Хорезма выпадает гораздо чаще, чем в йекающих кипчакских говорах и литературном языке: *и* : *г* «веретено» (лит. *дукйик*), *и* : *ри* «крупный» (лит. *дуг*). В тех же огузских говорах встречаются варианты: *ийит-ийийит* «парень», *ийирмэ-ийийирмэ* «двадцать» и др.

Случаи выпадения начального согласного нередко и в письменных памятниках XIII—XV вв. В произведениях Алишера Навои встречаются варианты: *илқи-йилқи*, *ипāk* — *йипāk*. В половецких памятниках также наблюдается выпадение [й]: *ахшы* «хорошо», *амгыр* «дождь». У Махмуда Кашгарского наряду с [ж] (*жинжи* «жемчуг») употребляется и форма на [й] (*йинжи*). В «Огуз-намэ» отмечены формы: *ыгла* «плакать», *агач* «дерево», *игит* «парень».

Акад. В. В. Бартольд в книге «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»¹⁸⁹ приводит отрывок из сочинения неизвестного автора XIII в., где наряду с текстом на таджикском языке имеется четыре бейта на одном из тюркских языков (вероятно, кипчакской группы):

«Тенгиз баштин булганди, ким тундурур а-ханым?
Терак тубдин *чигилди*, ким тургузур, а-ханым?»

В этих и последующих строках слово *чигил* «падать» имеет в начале [ч], а слово *жир*, как и слово *жугуртир* «заставить бежать», написано через [ж], но имеется и *йарлык* «указ».

¹⁸⁶ Г. Г. Мусабаяев. Современный казахский язык, Алма-Ата, 1959, стр. 66.

¹⁸⁷ W. Bang und G. Rachmati. Die Legende von Oghuz Qaghan, Berlin, 1932, стр. 5—6, Тексты, стр. 9 и след. Нам кажется, что А. М. Щербак без достаточного основания полагает, что в «Огуз-намэ» случаи смешения [ч] и [дж] (чеканье, йеканье, джекание) возникли при копировании текста («Огуз-намэ» и «Мухаббат-намэ», М., 1959, стр. 70).

¹⁸⁸ В. Радлов. О языке куманов, стр. 39; Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, стр. 75—76; Т. И. Грунин. Половецкий язык XVI в., сб. «В. А. Гордлевскому», М., 1953, стр. 95.

¹⁸⁹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. 1, Тексты, СПб., 1898, стр. 163.

В этом отношении характерно графическое изображение социального термина «йабғу» в историко-географических сочинениях арабских и персидских авторов X—XI вв. У одних он пишется в форме «йабғу», у других — «жабғу». Кстати, А. Бернштам, не касаясь теории акад. В. Радлова, высказал предположение о большей древности джеканы по сравнению с йеканьем¹⁹⁰.

Напрашивается вполне уместный вопрос: какой из вышеуказанных согласных [ч, ж, ж, ш, с, т, й] был изначальным? Этот вопрос пока еще остается открытым. В отношении чередования т//ч специалисты по монгольским языкам (акад. Б. Я. Владимирцов, проф. Г. Д. Санжеев) считают более древним звук [т], поскольку в памятниках тюркской письменности VIII в. был [т] (*битиг*), в монгольском языке XIII в. — [ч] (*бичиг* «письмо»)¹⁹¹. Однако условия и причины чередования т//ч не совсем ясны. Г. Рамстедт приводит некоторые названия дворцовых должностей, возникшие еще во времена династии Вэй (около 400 г. н. э.). Одно из них — *пичигчин*¹⁹² «секретарь», говорящее о том, что задолго до засвидетельствованных письменных памятников, в IV в. н. э., конечный звук корня был не [т] (*пит*), а [ч] (*пич*), бытующий до наших дней как в монгольском, так и в алтайских языках¹⁹³.

Член-корр. АН СССР Б. А. Серебренников в одной из своих статей, на наш взгляд, без достаточного основания критикует суждения С. Е. Малова и Н. А. Баскакова относительно эволюции некоторых согласных звуков в тюркских языках. С. Е. Малов писал, что «относительно й-ж, ч, ш, ж я могу сказать предположительно, что более древними здесь были шипящие и свистящие звуки дж, ч, ш, звук же й был в очень малом и редком употреблении (в начале слова): в письменном языке древних тюрков и у ближайших потомков их теперь по языку — желтых уйгуров»¹⁹⁴. По мнению Б. А. Серебренникова, явления, наблюдаемые в северо-восточных тюркских языках, явно противоречат положению, сформулированному

¹⁹⁰ А. Бернштам. Следы джеканы в тюркских языках Средней Азии, Сб.: «Памяти академика Н. Я. Марра», М., 1938, стр. 22 и след.

¹⁹¹ Монгольский словарь «Мукаддимат-ал-адаб», I—II, М.—Л., 1938, стр. 118; Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия, Л., 1929, стр. 405 и след.

¹⁹² Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание, М., 1957, стр. 208 (пер. с немец.).

¹⁹³ Ср. в ойротском языке *бичи* «писать», *бичиг* «грамота». Ойротско-русский словарь под общей редакцией Н. А. Баскакова, М., 1947, стр. 32.

¹⁹⁴ С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки, ИАН ОЛЯ, 1952, вып. 2, стр. 141; Н. А. Баскаков. Примечания к русскому изданию кн.: М. Ряснянен. Материалы по исторической фонетике..., стр. 216.

С. Е. Маловым. Например, в сагайском наряду с *чир* «земля», соответствующему турецкому *йер*, употребляется *чаблак* «картофель» (русс. яблоко). «Если бы в этом языке,—пишет Б. А. Серебренников,— не имел места процесс превращения начального *й* в *ч*, русск. яблоко никогда не могло бы превратиться в *чаблак*»¹⁹⁵.

Как известно, для алтайских языков нехарактерно употребление звука [й] в начале слова, его заменяет систематически аффриката [ч]. Если это так, то приведенный пример Б. А. Серебренникова является весьма неудачным, так как в этом примере речь может идти лишь о простой замене [й] аффрикатой [ч]—звуком, наиболее близким по артикуляции. Если в узбекском языке начальный согласный таких слов, как *чор*, *чоризм*, *черкав* (русс. царь, царизм, церковь) изменился, то это произошло не потому, что звук [ц] переходит в [ч] или исторически [ц] соответствует звуку [ч]. В этом примере также произошла обыкновенная замена [ц], звука, отсутствующего в узбекском языке, звуком [ч], близким по своей артикуляции русскому [ц]. Видимо Б. А. Серебренников также не учел факта изменения [ж] в [й] во всех заимствованных арабских и таджикских словах с начальным [ж] в современном башкирском языке, хотя и в нем имеется звук, близкий к [ч-ж]. В некоторых языках, например, в языке румынских татар отмечено развитие по линии *ж > й* даже в аффиксах: *барайақ*, *келейек* вместо *баражақ* *келажак* «он пойдет», «он придет»¹⁹⁶. В кипчакских говорах узбекского языка (в йекающей подгруппе) в заимствованных словах начальный [ж] очень часто превращается в [й]: *йувап* «ответ» (ар. جواب), *йүмә күнь* «в пятницу» (ар. جمعة), *йәнәзә* «похороны» (ар. جنازة) и мн. др. Но в тех же йекающих говорах в немногочисленных словах с узкими гласными в начале слова звук [ж] сохранился: *жур*- «ходить», *жуган* «узда», *жыйда* «джида», *жун* «шерсть», как и в ташкентском диалекте узбекского языка.

Мы попытались рассмотреть этот сложный вопрос, опираясь главным образом на факты живых тюркских языков. Свидетельства письменных памятников служили нам лишь побочным материалом, так как язык письменных памятников в данном случае оказался однообразным (йекающим) и пол-

¹⁹⁵ Б. А. Серебренников. О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков, ВЯ, 1960, 4, стр. 67.

¹⁹⁶ Али Недрет. Выступление на втором региональном совещании по диалектологии тюркских языков, Вопросы диалектологии тюркских языков, Казань, 1960, стр. 162.

ностью не отражает чрезвычайно сложного и длительного процесса эволюции аффрикаты [ч-ж] в истории тюркских языков.

На основании всего вышеизложенного, мы решаемся высказать мысль, что в древнейший период развития тюркских языков для большой группы слов в начальной позиции была глухая аффриката [ч] (чеканье). Мы считаем тувинский, шорский, хакасский языки и северные диалекты алтайского языка, как и язык желтых уйгуров, самыми древними, сохранившими до наших дней, наряду с другими особенностями, основные фонетические признаки, характерные для тюркских языков еще задолго до появления письменности.

Джекание для некоторых современных тюркских языков надо считать закономерным историческим процессом развития чеканья, а йекание и выпадение начального согласного — дальнейшим развитием этого процесса. «Расщепление» аффрикаты [ч] на соответствующие согласные *с, ш, т, дж, й* и т. д. недостаточно объяснить лишь причинами фонетического характера, а следует рассматривать и как результат все более осложнявшейся формы общения, потребности дифференциации значений слов и грамматических элементов.

Из всего сказанного видно, что изучение исторического развития аффрикаты [ч] имеет принципиально важное значение для выяснения ряда вопросов исторической фонетики тюркских языков.

Соответствия звука н. В большинстве современных тюркских языков, так же как и в монгольских, имеется специфический носовой звук [н̄]. Он в зависимости от качества корневых гласных может иметь заднюю артикуляцию или образовываться в средней части языка. В азербайджанском, турецком и гагаузском языках указанный носовой звук упростился, потеряв некоторые свои специфические особенности, и регулярно был заменен простым переднеязычным сонорным [н]. Сравним примеры: узб. *миң* «тысяча», *аңла* «понимать», *таң* «заря», *сонра* «затем», *йуң* «шерсть», *йең* «рукава», *тыңла* «слушать», *йәңги* «новый»; аз. *мин*, *анла*, *дан*, *сонра*, *йун*, *йен*, *динлэ*, *йени*; тур. *бин*, *анла*, *тан*, *сонра*, *йун*, *йен*, *динле*, *йени*.

В остальных тюркских языках носовой звук [н̄] сохранился. Однако он претерпел различные изменения как в сторону выделения некоторых близких по артикуляции звуков, так и по линии исторических соответствий. Сравнительно-историческое изучение этих изменений, безусловно, будет иметь весьма важное значение для выяснения ряда вопросов исторической фонетики тюркских языков.

В древних письменных памятниках сонорное [н] передавалось особым знаком ¹⁹⁷, в узбекском письме на основе арабского алфавита [н] изображалось сочетанием букв **ن**, а после реформы алфавита — знаком **ئ**. Эти факты говорят о том, что данный согласный для тюркских языков был характерным звуком и, судя по письменным памятникам, никогда не смешивался с переднеязычным тоже сонорным [н]. И в настоящее время в алфавитах большинства тюркских народов существуют специальные знаки как для [н], так и для [н]: узб. *нг*, каз. *ң* кк. *нъ*, тат. *ң*, уйг. *ң*, тув. *ң*, хак. *нъ* и т. д. Передача этого звука при помощи различных знаков в исторических памятниках азербайджанского и турецкого языков [**ئ**, **ئ**] свидетельствует лишь об эволюции этого звука, о постепенной замене [н] переднеязычным сонорным [н]. Наличие в некоторых современных живых говорах этих языков сагырна также подтверждает эту мысль¹⁹⁸.

Замещение различных вариантов звука [н] в монгольских и тюркских языках, например, по Г. Рамstedту, происходит следующим образом: монг. *ңк ңк нг ңг* — *ң*; тюрк. *ңк ңк ң* или *ңг* — *ң*.¹⁹⁹

Насколько это утверждение соответствует действительности, сказать что-либо определенное затруднительно, ибо у нас нет фактов, подтверждающих правомерность этой гипотезы Г. Рамstedта. Однако свидетельства древних письменных памятников, так же как и современных тюркских языков, позволяють высказать предположение, что звук [н] в древнейший период истории тюркских языков был типично-носовым, т. е. таким, какой мы имеем в современных тюркских языках. Гипотеза Г. Рамstedта основывалась, видимо, на том, что в некоторых тюркских языках вместо древнеписьменного [н] иногда встречаются варианты *ңк, ңк, ңг, ңг* и даже *ңң* (удвоение). По нашему мнению, вторые элементы — *к, қ, г, ғ, н*, — встречающиеся в некоторых тюркских языках (в туркменском языке, в огузских говорах узбекского языка), являются дальнейшим развитием звука [н] по линии «расщепления», о чем подробнее скажем ниже.

В различных тюркских языках в определенных фонети-

¹⁹⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М., 1951, стр. 17; П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-тегина, СПб, 1899, стр. 34.

¹⁹⁸ К. Фоу. Указ. соч., стр. 142; Н. К. Дмитриев. Материалы по османской диалектологии, фонетика карамалицкого языка, ЗКВ, IV, 1930, стр. 138.

¹⁹⁹ G. J. Ramstedt. Указ. соч., стр. 117—118.

ческих условиях звук [н] может соответствовать одному из вышеуказанных согласных, притом это изменение в большинстве случаев носит эпизодический характер и проследить какую-нибудь последовательность не представляется возможным. О более или менее регулярном соответствии н//н можно говорить только для азербайджанского, турецкого и гагаузского языков. Специалисты отмечают наличие соответствий н//г, н//к, н//қ, н//ғ и т. д. и в этих языках²⁰⁰.

Таким образом, по тюркским языкам мы получаем следующую возможную схему соответствий согласного [н]:

н||ң носит более или менее регулярный характер в азербайджанском, турецком и гагаузском языках;

ң||г эпизодически во всех тюркских языках: муңуз-мүгуз «рога», еңил-егил «сгибаться», др. өлдин-өлтиг «ты умер»; туркм. дерңе, узб. терға «ревизовать»;

ң||к ст. узб. тәңшир, совр. узб. текишир «проверять», кипч. йулуң «позвоночный мозг», ог. йулук «костный мозг»;

ң||ғ др. йалңуз, узб. йалғиз «одинокий», каз. маңыз, узб. мағиз «ядро», др. тапындығ, совр. тапындың «ты почитал»;

ң||қ тув. кожоң, узб. қошық «песня», каз. шалтаң, узб. шалтақ «неряха», ойр. кааң, узб. қақ «сухой»;

ң||й др. туңлук-түйнук «дымоход», көңләк-көйләк «рубаха», көңил-көйин «желание», уйг. миңә, узб. мийә «мозг», ог. каңыр, кипч. қайър «сворачивать», ог. еңәк, кипч. ийәк «челюсть»;

ң||м тоңыз, тур. домус «свинья», мәниң-мәним «мой», баралың-баралым «пойдем-ка мы», көңләк, тат. күлмәк «рубашка»;

ң||в көңил, кипч. кэвин «желание», аң-ав «охота»;

н||о (ноль) др. мәңли, узб. мели (досл. с родинкой) «имя собствен», мениң-мени «мой», баралың-баралы «пойдем-ка мы».

Нерегулярность размещения звука [н] наблюдается даже внутри одного и того же языка, между отдельными наречиями, скажем, узбекского языка:

ог. әңәк «челюсть», йеңна «собирать», әнил «сгибаться», сүнәк «кость», сиңир «чистить», көнил «желание», аңтар «переворачивать», қақыр «сворачивать»; кипч. ийәк, жбйна, ийбл, суйәк, сыйыр, кейьн||кэвьн, авдар, қайър.

Интересно отметить, что слово «переворачивать» по отдельным говорам узбекского языка будет иметь четыре фоне-

²⁰⁰ Н. И. Ашмарин. Общий обзор..., стр. 39—40; Азербайжан дили диалект вэ шивэлэрини монографик тэдгигинә аид програм, Баки, 1956, стр. 14; М. Рясанен. Материалы..., стр. 169; М. Ширелиев. Азербайжан диалектологиясынын асаслары..., стр. 76 и след.

тических варианта: ог. *аңтар*, ташк. *әғдар*, анд. *антар*, кипч. *авдар* (ср. хак. *анъдар*).

В ряде случаев древнее [н] в огузском наречии, как и в нухинском диалекте азербайджанского языка²⁰¹, вызвало на-зализацию предыдущего гласного, подвергаясь при этом часто выпадению: *до : дъ* «он замерз», *ма : лай* «лоб», *да : лай* «нёбо», *му : лъ* «печальный»; то же перед гласным: *ма : «мне»*, *са : «тебе»*, *а : р* «управлять». В кипчакских говорах в этих примерах [н] сохраняется. Кроме того, в ряде случаев в огузском наречии, так же как и в туркменском языке, [н] удваивается: *доңңыз* «свинья», *йеңңә* «невестка», *түңңь* «пень», *сәңңь* «бродяга»; туркм. *чуңңул* «глубокий», *таңңырда* «греметь», *хеңңирмек* «орать».

Как явствует из примеров, замещение древнего [н] в современных языках тюркской системы вышеуказанными согласными звуками носит довольно своеобразный характер и имеет, хотя и нерегулярно, значительное распространение в лексике любого из тюркских языков. Такое же явление наблюдается и в грамматических формах: др. *атыңа* «его лошади», кипч., ог. *атъна*, узб. *отиғә*; др. *атыңыз*, *келдиңиз*, тат. *атығыз*, *килдегез*, ташк. *кеттиз*, *келдиз*²⁰².

Отметим некоторые характерные особенности носового звука [н].

1. В абсолютном начале слова звук [н] не употребляется как в современных тюркских языках, так и в письменных памятниках.

2. В тех тюркских языках, где сохранился сингармонизм, звук [н] имеет задний и передний варианты.

3. В силу того, что этот звук не употребляется в начале слога, он не подвержен, как другие носовые звуки, различным изменениям по линии ассимиляции. Удвоение этого звука (*еңңил* «одежда», *таңңә* «деньги») объясняется причинами другого порядка.

4. [н] по своей природе сложный звук, состоящий из элементов [н] и [г] для передней артикуляции, [н] и [ґ] для задней артикуляции. Причем, первый элемент является основным. В определенных фонетических условиях второй элемент может иметь глухую окраску, т. е. дать рефлекс [к] или [к].

5. В силу необходимости укрепления первого открытого слога звук [н], замыкающий слог, иногда как бы выделяет,

²⁰¹ Н. И. Ашмарин. Общий обзор народных тюркских говоров..., стр. 40—41; М. Ряснен. Материалы..., стр. 171.

²⁰² Я. Г. Гулямов. Из наблюдений над морфологией ташкентского говора, стр. 191.

«рождает» новый звук [г] или [Ғ], реже [к] или [қ]. Удвоение [н] происходит по этой же причине. Таким образом, древнее *тоңыз* на почве узбекского языка и его многочисленных говоров могло иметь форму *тонғыз* или *тоңғыз*, что и имеем: в литературном языке *тўнғиз* в кипчакских говорах *тоңғыз*, в огузском наречии *доңғыз* (удвоение) «свинья». Ср. еще ташк: *йоңғоқ*, «одинокий», *йонга* «невестка», *қоңғыз* «жук», *оңғай* «удобный». Это правило распространяется в огузском наречии и на односложные слова, когда они принимают аффикс с начальным гласным: *соң-соңцы* «последний», *даңцы* «утренний», *доңцып* «замерзнув» и т. д.

Эти особенности резко отличают [н] от других носовых согласных звуков. Способность этого звука изменяться как по линии «расщепления», так и в плане исторических соответствий заслуживает более подробного рассмотрения.

Если оглушение звонкого согласного в конце слога или слова в ряде тюркских языков является закономерным, то мы должны признать наличие глухой окраски во втором элементе [н], т. е. в определенных фонетических условиях мы наблюдаем звуковой тип *н^к*, *н^к*, в ряде случаев *н^г*, *н^ғ*. Конечный элемент легко может выделяться в самостоятельный звук, т. е. может рождаться новый звук *н-г*, *н-ғ* и звук с глухой окраской *н-к*, *н-қ* и т. д. Невозможность стечения двух или более согласных в одном слоге, в свою очередь, открывает путь к действию другого закона — эпитезе, подобно заимствованным из русского языка словам: *банка*, *танка* и т. д. Следовательно, для разрядки в конце слова появляется добавочный гласный звук. Нарощенными звуками в узбекском языке могут быть [и], [ы] или [ə]. В тех языках, где наиболее сильно проявляет себя губной сингармонизм, наращенными звуками могут быть и губные гласные [o], [ø], [y], [ү] (в якутском, башкирском, киргизском, ойротском и других языках).

Естественно, что эти и подобные им звуковые изменения не могли произойти механически, произвольно, а явились или результатом необходимости упрощения, облегчения произношения, или же в силу потребности дифференциации значений слов и грамматических форм. В самом деле, в современном казахском языке слово *аң*, как и в тувинском и хакасском, означает «зверь», *аңчы* — «зверолов», но в том же казахском языке путем *н||в* образовалось новое слово *ау* со значениями «охота», «сети», «невод»; в огузском наречии — *ағ* «сети», «невод», а *эв* «охота», «дичь», «зверь», *эвчэ* «охотник», как и в литературном языке. Но корень *аң* сохраняется в неразложимой основе глагола *аңды-* «караулить», «всматриваться», кипч. *аңлз*, др. *сөңэк* «кость», ог. *суңэк*, кипч. *сүйэк*, лит.

суяк, но лит. *сўнгат* «почётный кусок мяса для гостя».

Путем «расщепления» [н] на соответствующие звуки образовались близкие по значению самостоятельные слова. По нашему мнению, аффикс *дай//дэй* (с фонетическими вариантами), несомненно, восходит к самостоятельному слову *таң||дәң* со значением «равный», «пропорциональный»²⁰³, в свою очередь восходящему к *чаң//чоң* «количество», «мера», «качество» (ср. ойр. *чоң* «качество»). Путем изменения начального [ч] и конечного [н], так же как и изменения гласного, образовалось в прошлом очень много аффиксов словообразования и словоизменения.

²⁰³ О происхождении этого аффикса см.: А. Н. Кононов. Грамматика узбекского литературного языка, М.—Л., 1960, стр. 285; А. Г. Гулямов. Проблемы исторического словообразования, стр. 707; Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 115; Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание..., стр. 56—57.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. На территории Хорезмской области Узбекской ССР проживают представители двух узбекских наречий — огузского и кипчакского. Несмотря на тесные экономические и культурные связи, территориальную общность, носители этих двух наречий хорошо сохранили языковые особенности, присущие им с древнейших времен. Отличаясь каждое своими специфическими особенностями, они имеют и общие черты, указывающие на генетическую общность многих языковых явлений или же на наличие взаимного влияния между огузским и кипчакским наречиями.

Специфические особенности этих двух узбекских наречий должны рассматриваться в первую очередь и главным образом как результат длительного исторического развития самого наречия, как следствие внутрдиалектного процесса, а постороннее влияние, будь то иноязычное или влияние родственных языков и диалектов, может служить лишь побочным фактором, ускоряющим или замедляющим естественный ход развития этого процесса.

2. Система гласных фонем огузского наречия в основном совпадает по числу качественно различных звуков с системой гласных кипчакского наречия, однако отличается от последней как качественной характеристикой отдельных гласных фонем, так и особенно наличием противопоставляемых пар звуков по линии длительности и краткости гласных. В результате чего количество самостоятельных фонем в огузском наречии увеличивается почти вдвое, т. е. достигает 17 (в кипчакском наречии 9 самостоятельных фонем). Так называемые первичные долготы в огузском наречии отмечены в основном в первом слоге слова и смыслоразличительными функциями нагружены преимущественно широкие и полуширокие гласные.

3. Слегка огубленный широкий гласный [ə] является самостоятельной фонемой в опорных говорах городского типа, легших в основу узбекского литературного языка. В огузском же наречии этот звук выступает позиционным вариантом фонемы [a]. Здесь он несравненно меньше распространен и встречается исключительно в первом слоге слова в близком соседстве с согласными [в], [м], реже [п] и [б]. По мере приближения к концу слова в двусложных и многосложных словах эканье постепенно спадает по линии $\text{ə} = \text{a}^0 = \text{a}$. Ограниченность диапазона звучания и словарного распределения этого звука делает его выявление менее заметным и трудно уловимым для непривычного слуха.

4. В изучаемых наречиях действие закона губной гармонии собственно отсутствует. Начальный слог с гласными [о-ə], не оказывает никакого влияния на гласный второго слога. Влияние узких [y-ү] на гласный второго слога проявляется очень слабо. Только в джекающих говорах кипчакского наречия узкий гласный второго слога производит впечатление огубленного гласного [y] или [ү]: *буйрук, тутун* и т. д. В остальных говорах в этой позиции мы имеем слабоогубленный гласный [u] или [ү]. Во втором слоге элемента узкого [ь] или [ё] больше, чем огубленного [y-ү].

Другая разновидность сингармонизма — небная гармония гласных, — как известно, перестала функционировать в опорных говорах узбекского языка. Огузское и кипчакское наречия Хорезма, безусловно, сингармонистичны. Однако в огузском наречии стройная система чередования гласного аффикса с вокализмом корня, которую мы наблюдаем в большинстве тюркских языков, сплошь и рядом нарушается под влиянием различных фонетических факторов. Употребление «мягких» и «твердых» гласных, отмеченное нами в огузском наречии в многочисленных словах как своих, так и заимствованных, привело к увеличению количества «ломанных» слов. В кипчакском же наречии этот своеобразный закон соблюдается гораздо строже и последовательнее.

5. Заметные различия между обоими наречиями особенно обнаруживаются при изучении фонетической структуры слова. Эти различия наблюдаются при комбинаторно-позиционных изменениях как гласных, так и согласных звуков. В области гласных — редукция и выпадение, сужение и расширение, лабиализация и делабиализация, вставка гласных звуков и т. д.; в области согласных — оглушение и озвончение, спирализация и чередование, вставка и выпадение, ассимиляция и диссимиляция, метатеза и эпентеза, анакопа и синкопа, удвоение согласных звуков и т. д.

6. В характеристике согласных звуков между обоими наречиями нет принципиальных различий. Заслуживает быть отмеченным лишь наличие в огузской группе говоров заднерядных согласных типа туркменско-азербайджанского [к], [ғ], [х], тогда как эти звуки в кипчакском наречии и в литературном языке глубокозаднеязычные.

Мягкость и твердость согласных [к] и [ғ], отмеченные в свое время проф. Е. Д. Поливановым, также являются характерными особенностями огузского и кипчакского наречий (ургенско-хивинский [ғ] — почти среднеязычный звук).

7. Соответствия или историческое изменение согласных звуков — вопрос, наименее изученный в тюркологической литературе. Изменение некоторых согласных не отражено в памятниках, писанных арабскими буквами, в силу чего многие фонетические черты тюркских языков оказались скрытыми. По этой причине чрезвычайно большое значение приобретает всестороннее изучение живых тюркских языков и их диалектов. Очень важные вопросы тюркологии, в том числе и исторические соответствия согласных звуков и закономерности их развития, не могут быть разрешены без глубокого сравнительно-исторического исследования фактов родственных языков. Соответствия согласных по линии п||б, п||б||в, п||б||м; т||д; к||г, к||г||й; қ||ғ, қ||ғ||й, қ||ғ||в, қ||х; ч||ж, ч||ж||й; н||ң, н||г, н||ғ, н||й и т. д., на наш взгляд, обусловлены не только чисто фонетическими причинами, но и потребностью дифференциации значений слов и грамматических форм.

СВЕДЕНИЯ ОБ ОСВЕДОМИТЕЛЯХ

Фамилия, имя, возраст, профессия и адрес осведомителей
г. Ургенч (Ург. 1)

1. Рузметова Пашша, 60, ул. Интернациональная, 14.
2. Аллабергенов Душам, 40, рабочий, ул. Куйбышева, 207.
3. Клычев Мадрид, 36, учитель школы им. Крупской.
4. Абдурахманова Алиа, 43, ул. Азад, 1.
5. Каримова Зулайха, 24, студентка ПИ.
6. Махмудов Хасан, 50, ул. Гурленская, 18.
7. Исмаилова Разия, 49, ул. Колхозная, 25.
8. Джуманиязов Юлдаш, 42, ул. Комсомольская, 38.
9. Матчанова Анабиби, 47, ул. Кирова, 7.
10. Базарова Рахимджан, 61, ул. Энгельса, 78.
11. Аллабергенов Рахим, 57, артист гостеатра.
12. Сабинова Бикаджан, 70, ул. Куйбышева, 77.
13. Гаффарова Рая, 22, студентка ПИ.
14. Исмаилова Якут, 67, ул. К. Либкнехта, 4.
15. Абдалниязова Саодат, 22, студентка ПИ.
16. Ишчанова Рима, 64, ул. Первомайская, 36.
17. Шакирова Назира, 24, студентка ПИ.
18. Атабаева Аведжан, 30, учительница школы им. М. Горького.
19. Худайбергенова Бика, 56, ул. Узбекистанская, 56.
20. Юсупова Назира, 57, ул. Хивинская, 40.
21. Худайбергенова Айдын, 19, студентка ПИ.
22. Махмудова Айша, 38, ул. Комсомольская, 28.
23. Палванниязова Тухта, 23, студентка ПИ.
24. Давлетов Эркин, 26, ул. Кирова, 66.
25. Каримова Айджан, 56, ул. Первомайская, 52.
26. Матъякубова Багиджан, 22, студентка ПИ.
27. Машарипов Кутлымурат, 26, учитель, ул. Крупской, 24.
28. Алимова Рахима, 25, учительница, ул. Гурленская, 16.
29. Бабаджанова Анаш, 80, ул. Базарная, 5.
30. Мадрахимова Анабиби, 50, ул. Первомайская, 6.
31. Сапаева Раяджан, 74, ул. Хивинская, 51.
32. Рузметова Рима, 62, ул. Узбекистанская, 59.
33. Юсупов Барди, 26, студент ПИ.
34. Юлдашева Муслима, 56, ул. Куйбышева, 29.
35. Рамазанова Хаджар, 41, ул. Рабочая, 13.
36. Аллабергенова Назира, 55, ул. Куйбышева, 32.
37. Раджабова Нарджан, 54, ул. Куйбышева, 38.
38. Матъякубов Саид, 67, ул. Колхозная, 26.

39. Кутлымуратова Гульджан, 23, студентка ПИ.
40. Абдугаффарова Анаджан, 75, ул. Базарная, 56.
41. Самандаров Эркин, 25, студент ПИ.
42. Мадрахимов Абдурахим, 55, ул. Тельмана, 46.
43. Машарипов Раджаб, 24, студент ПИ.
44. Машарипова Разия, 26, ул. Мостовая, 42.
45. Исмаилов Ибадулла, 26, студент ПИ.
46. Турдыева Бикаджан, 28, сотрудница гороно.
47. Тиллаева Васила, 22, студентка ПИ.
48. Фатхуллаев Хикмат, 25, студент ПИ.
49. Раджабова Якут, 50, ул. Колхозная, 36.
50. Сиддиков Халилулла, 42, преподаватель ПИ.

Ургенчский район, сельсовет Юкарибаг, колхоз им. Куйбышева (Ург. 2)

51. Рузметова Бикаджан, 57, 6-я бригада.
52. Ибадуллаева Анабиби, 59, 5-я бригада.
53. Хасанова Анабиби, 30, учительница средней школы.
54. Алимов Атаджан, 57, 4-я бригада.

Ургенчский район, сельсовет Чиккашаликер (Ург. 3)

55. Исмаилова Шарипа, 60, 1-я бригада.
56. Зарипова Саодат, 55, 3-я бригада.
57. Худайбергенова Хоним, 24, студентка ПИ.
58. Матъякубова Шукурджан, 23, учительница школы «Большевик».
59. Сапаев Анияз, 45, тракторист, 8-я бригада.
60. Аниязов Сапа, 22, студент ПИ.
61. Абдурахманова Айман, 30, 4-я бригада.
62. Маткаримова Ниязджан, 62, 10-я бригада.
63. Ибрагимова Бибираджаб, 21, студентка ПИ.
64. Каримов Кадыр, 40, 10-я бригада.
65. Бекчанова Салия, 38, 9-я бригада.

Ургенчский район, Кипчакский сельсовет, колхоз «Правда» (Ург. 4)

66. Рузметов Джуманияз, 56, 6-я бригада.
67. Адамов Адыл, 21, ст. табельщик колхоза.
68. Рузметова Сара, 57, 4-я бригада.
69. Ходжаев Джуманазар, 76, 8-я бригада.
70. Джуманиязов Самандар, 24, студент ПИ.
71. Шакиров Янгибай, 53, бригадир 4-й бригады.
72. Алимов Сабир, 40, 8-я бригада.
73. Раджабов Рахман, 69, 3-я бригада.

Ургенчский район, село Уйшун, колхоз «Коммунизм» (Ург. 5)

74. Раззаков Рузибаба, 76, 3-я бригада.
75. Сапашев Янгибай, 37, директор школы.
76. Рахимов Юлдаш, 65, 7-я бригада.
77. Аматов Матмурад, 30, табельщик.
78. Ходжамуратов Раджаб, 93, 8-я бригада.

- 79. Хасанова Таджигуль, 19, студентка ПИ.
- 80. Карабаева Нурджан, 49, 7-я бригада.
- 81. Кадыров Раимбай, 26, колхозник.
- 82. Аллаберген Тангриберген оглы, 69, колхозник.

Сельсовет Урта-Дурмен (Ург. 7)

- 83. Каландаров Хаитбай, 72, колхозник.
- 84. Курбанова Джумагуль, 60, колхозник.
- 85. Хаитбаева Хаджар, 26, завуч школы.
- 86. Бабаджанова Анар, 13, ученица.

Кировский сельсовет (Ург. 8)

- 87. Матчанов Баба, 55, зав. фермы.
- 88. Рахимова Акылджан, 66, колхозница.
- 89. Аллабергенова Зивар, 22, работница РК ЛКСМУз.
- 90. Сабиров Базар, 31, колхозник.
- 91. Бабаджанова Айман, 70.

Ургенчский район, Беговатский сельсовет (Ург. 9)

- 92. Халмуратов Пирнияз, 75.
- 93. Шарипов Шерназар, 62, колхозник.

Сельсовет Алаулик, колхоз им. Ленина (Ург. 10)

- 94. Пирметов Атамурад, 22, студент ПИ.
- 95. Пирметова Анаджан, 40, 1-я бригада.
- 96. Раджабов Панна мама, 67, колхозник.

Сельсовет Чандыркыят (Ург. 11)

- 97. Рузметов Бекъяз, 72.
- 98. Наврузов Адамбай, 78.
- 99. Матниязова Анабиби, 18, студентка ПИ.

Село Келлут, колхоз «Кзыл аскер» (Ург. 12)

- 100. Джаббаров Аллам, 63, 6-я бригада.
- 101. Сапаев Пулат, 17, табельщик.
- 102. Рахимов Аллаяра, 24, студент ПИ.

Сельсовет Гайбу, колхоз им. Ленина (Ург. 13)

- 103. Игамбердыева Айша, 13, ученица средней школы.
- 104. Курязов Юсуп баба, 86, 6-я бригада.

105. Саидов Маткурбан, 12, ученик 5 класса.
106. Уразметов Юлдаш, 24 студент ПИ.
107. Тиллаев Ахмед, 46, 10-я бригада.
108. Хаитова Джумагуль, 15, ученица 7 класса.
109. Шихназаров Нарбай, 68, 10-я бригада.
110. Сапарбаев Бекчан, 12, ученик 5 класса.

Чаткудырский сельсовет, колхоз «Комсомол» (Ург. 14)

111. Юсупова Тухта, 72, 14-я бригада.
112. Кучкарова Соня, 15, ученица 7 класса.
113. Каримов Абдулла, 38, учитель.

г. Хива (Хив. 1)

114. Рейма Халпа, 58, 3 участок, 20 элат.
115. Атаджанова Гульчехра, 18, студентка ПИ.
116. Турдыев Каххар, 43, рабочий артели «Учкун».
117. Курязова Курбанджан, 56, 5 участок, 3 элат, ул. Дзержинского, 9.
118. Атамурадов Хасанбай, 22, студент ПИ.
119. Тангрибергенов Абдияз, 63, 5 участок, 11 элат, дом 11.
120. Матчанова Сумбул, 23, студентка ПИ.
121. Мадрахимова Анабиби, 28, 5 участок, 2 элат, дом 35.
122. Муратова Назира, 26, студентка ПИ.
123. Ибадуллаева Бекпашша, 24, студентка ПИ.
124. Бабаджанова Рузика, 48, ул. Заводская, 62.
125. Сапаева Анабиби, 43, 12 элат, дом 39.
126. Авезова Хаджарбиби, 21, студентка ПИ.
127. Ибрагимова Рахима, 60, ул. Заводская, 36.
128. Абдуллаева Рано, 20, студентка ПИ.
129. Машарипова Рахимджан, 42, ул. Чапаева, 12.
130. Нарметова Клара, 20, студентка ПИ.
131. Ибадуллаева Угульджан, 70, ул. Ленинадская, 29.
132. Худабергенова Султанпаша, 24, студентка ПИ.
133. Ибадуллаева Назира, 20, студентка ПИ.
134. Дарвишева Курбанджан, 38, ул. Ленинадская, 31.
135. Юсупова Анабиби, 48, ул. Новая, 18.
136. Саидов Марим, 46, ул. Узбекистанская, 9.
137. Мадраимова Мунаввар, 45, ул. Узбекистанская, 9.
138. Латипова Анабиби, 67, 6 участок, 16 элат, дом 5.
139. Джуманиязова Гульханым, 48, ул. Чапаева, 27.
140. Джуманиязова Раимпаша, 24, студентка ПИ.
141. Абдуллаева Рано, 19, студентка ПИ.
142. Мадрахимов Ниязата, 70, 6 участок, 20 элат, 31.
143. Машарипов Раджаб, 63, 3 участок, 8 элат, дом 10.
144. Машарипов Палван, 24, студент, ПИ.
145. Гаффар Ниязи, 40, директор средней школы им. Ленина.
146. Мадрахим Ширази (Якубов), 72, заслуженный деятель искусств Узбекской ССР.
147. Балтаев Абдулла, 68, научный сотрудник Хивинского музея, лауреат Государственной премии.
148. Мадрахимов Атаназар, 38, кандидат филологических наук, доцент ПИ.
149. Абдуллаев Камилджан, 36, преподаватель пединститута.
150. Явбасаров Атаджан, 50, заслуженный учитель республики, преподаватель пединститута.

Калининский сельсовет, колхоз им. Калинина (Хив. 2)

- 151. Ишчанов Сапа, 53, 6-я бригада.
- 152. Матъякубов Исмаил, 24, студент ПИ.

Сельсовет Узбекистан, колхоз им. Дзержинского (Хив. 3)

- 153. Тангрибергенев Кадам, 26, студент ПИ.
- 154. Курязов Джуманияз, 43, 2-я бригада.

Сельсовет Комсомол (Хив. 4)

- 155. Атамуратова Рузика, 48, колхозник.
- 156. Атаев Матъякуб, 24, студент ПИ.
- 157. Сапаева Угульпашша, 47, 6-я бригада.
- 158. Тахирова Шукурджан, 22, студентка ПИ.
- 159. Джуманиязов Рузмат, 61, 8-я бригада.
- 160. Иноятова Анабиби, 21, студентка ПИ.
- 161. Матъякубова Дурпашша, 50, колхозница.

Сельсовет Дашик, колхоз им. Орджоникидзе (Хив. 6)

- 162. Алланазарова Махпира, 46, 6-я бригада.
- 163. Алланазарова Угульджан, 22, студентка ПИ.
- 164. Худабергенев Карим, 70, 4-я бригада.
- 165. Мадаминов Хаит, 20, студент ПИ.
- 166. Атаниязов Алланазар, 56, 6-я бригада.

Сельсовет Коммуна, колхоз им. Ленина (Хив. 8)

- 167. Маткаримова Курбанджан, 28, учительница средней шкслы.
- 168. Абдуллаев Якуб, 69, 2-я бригада.
- 169. Якубова Назира, 22, студентка ПИ.

Сельсовет Пахтакор, село Джанашик (Хив. 9)

- 170. Файзуллаев Берди, 65, 6-я бригада.
- 171. Искандеров Атабай, 24, студент ПИ.
- 172. Палванов Абдулла, 54, 4-я бригада.
- 173. Джуманиязов Рузмат, 63, 11-я бригада.

Сельсовет Каттабаг (Хив. 11)

- 74. Самандаров Маткарим, 60, колхозник.
- 75. Сиддигов Низам, 19, студент ПИ.

Сельсовет Маданият, колхоз им. Фрунзе (Хив. 12)

- 76. Саидова Пашша, 34, учительница школы.
- 77. Бабаджанов Авезберди, 56, 4-я бригада.

Сельсовет Гулистан, колхоз «Инкилаб» (Хив. 13)

- 178. Хадиева Бикаджан, 24, учительница средней школы.
- 179. Атаджанов Явбасар, 42, директор средней школы.

Хазараспский райцентр (Х-асп 1)

- 180. Ходжаниязова Угульджан, 37, ул. Ахунбабаева, 7.
- 181. Атамурадов Ахмед, 28, учитель средней школы им. А. С. Пушкина.
- 182. Абдуллаев Карим, 24, студент ПИ.
- 183. Атабаева Нина, 25, учительница, ул. К. Маркса, 13.

Питнякский сельсовет, село Канглы, колхоз им. Ахунбабаева (Х-асп 2)

- 184. Ходжаев Аташ баба, 67, 3-я бригада.
- 185. Ярашев Сапарбай, 12, ученик 5-класса.
- 186. Джумабаев Рузым, 56, гидротехник.
- 187. Матмурат Иса оглы, 78, 6-я бригада.
- 188. Султанова Шукурджан, 13, ученица 5 класса.

Питнякский сельсовет, село Саид, колхоз им. Энгельса (Х-асп 3)

- 189. Шариф баба Яхшибай оглы, 74.
- 190. Якуб Атанияз оглы, 64, 8-я бригада.
- 191. Машарип Бабаджан оглы, 73, 6-я бригада.
- 192. Джуманазаров Кутлы, 12, ученик 4 класса.
- 193. Юлдашев Джуманияз, 42, учитель средней школы.

Янгибазарский сельсовет, колхоз им. Ленина (Х-асп 4)

- 194. Бабаджанов Искандер баба, 71, сторож.
- 195. Салаев Султанмурат, 28, учитель средней школы.

Сельсовет Карвак, колхоз «Социализм» (Х-асп 5)

- 196. Каримов Юсуф, 22, табельщик.
- 197. Худайбергенова Дуржан, 36, 3-я бригада.
- 198. Джуманиязова Угульджан, 21, 3-я бригада.
- 199. Халназаров Атахан, 60, 5-я бригада.
- 200. Майлыев Машарип баба, 76, 8-я бригада.

Сельсовет Жангаты (Х-асп 6)

- 201. Мадамин Юсуп оглы, 53, колхозник.
- 202. Ходжаев Маткарим, 48, колхозник.
- 203. Абдуллаев Батыр, 26, завуч школы им. Горького.
- 204. Ходжаев Балта, 58, колхозник.
- 205. Матъякубов Рузмет, 24, студент ПИ.

Сельсовет Атадык, колхоз им. Фрунзе (Х-асп 7)

- 206. Бекниязов Кучкар, 55, 1-я бригада.
- 207. Бабаджанов Казак, 75, 6-я бригада.
- 208. Джуманазаров Юсуп, 28, аспирант ТГПИ.

Сельсовет Санаат, колхоз «Санаат» (Х-асп. 8)

- 209. Палиязов Худайберген, 54, 8-я бригада.
- 210. Бекиязова Саодат, 24, 4-я бригада.
- 211. Рахманова Шарафат, 20, студентка ПИ.
- 212. Матчанова Амина, 24, 3-я бригада.

Сельсовет Мухаман, колхоз им. Ленина (Х-асп 9)

- 213. Худайберген Урунбай, 30, директор средней школы.
- 214. Джуманиязов Худайберген, 65, 9-я бригада.
- 215. Аллаберген Абдулла, 54, 6-я бригада.

Сельсовет Авшар, колхоз им. Тельмана (Х-асп 10)

- 216. Авезов Назар, 65, 11-я бригада.
- 217. Курбанов Рузмет, 22, студент ПИ.
- 218. Ахмедов Абдулла, 26, учитель школы.
- 219. Алланазаров Курбанбай, 70, 13-я бригада.
- 220. Давлетов Ходжа, 60, 6-я бригада.
- 221. Абдуллаев Азад, 24, студент ПИ.
- 222. Кадыров Атаджан, 61, 4-я бригада.

Сельсовет Мутпири, колхоз им. К. Маркса (Х-асп 11)

- 223. Рузметов Амин, 19, табельщик.
- 224. Марымов Курбанбай, 67, 1-я бригада.
- 225. Ибрагимов Шарип, 26, студент ПИ.
- 226. Рахимова Салима, 40, уборщица школы.

Сельсовет Жувандыр, колхоз им. Дзержинского (Х-асп 12)

- 227. Абдуллаева Ашша, 58, 3-я бригада.
- 228. Давлетов Аминбай, 30, учитель.
- 229. Игамбердыева Зивар, 20, студентка ПИ.

Кировский сельсовет, колхоз им. Калининна (Х-асп 13)

- 230. Саидахмедов Амин, 19, бухгалтер.
- 231. Хударганов Уста Мумин, 50, 3-я бригада.

Сельсовет Караянтак, колхоз им. Димитрова (Х-асп 14)

- 232. Кабулов Нурмамат, 24, студент ПИ.
- 233. Курбанова Биби, 76, 6-я бригада.
- 234. Джуманазаров Хасан, 49, уборщик школы.

Сельсовет Пичакчи, колхоз им. Орджоникидзе (Х-асп 15)

- 235. Авезов Джуманияз, 67, 10-я бригада.
- 236. Искандеров Азад, 26, завуч средней школы им. М. Горького.
- 237. Курбанов Кузы, 24, студент ПИ.
- 238. Беязов Искандер, 57, столяр колхоза.

Ханкинский райцентр (Хнк. 1)

- 239. Рузыбаева Халима, 24, учительница средней школы.
- 240. Абдуллаева Анаджан, 19, студентка ПИ.
- 241. Балтаев Ходжа, 46, мастер-медник.
- 242. Явкачев Ходжи, 55.
- 243. Каримов Курбанбай, 28, директор средней школы им. Свердлова.
- 244. Ахмедов Каримкул, 61, ул. Победы, 26.
- 245. Абдукаримов Атабай, 24, студент ПИ.

Сельсовет Карамазы, колхоз «Ак алтын» (Хнк. 2)

- 246. Атаджанов Каландар, 63, 3-я бригада.
- 247. Худайбергенов Адамбай, 30, учитель школы.

Сельсовет Кыркяп, колхоз «Абад» (Хнк. 3)

- 248. Балтаева Айманджан, 56, 9-я бригада.
- 249. Курбанов Каримбай, 53, 10-я бригада.
- 250. Шарипова Туты мама, 65, 2-я бригада.
- 251. Абдуллаев Юлдаш, 25, студент ПИ.
- 252. Сиддииков Маты, 54, чабан колхоза.

Сельсовет Тамадургадык, колхоз «Азад» (Хнк.)

- 253. Джуманиязов Абдураим, 40, 6-я бригада.
- 254. Абдуллаев Джумабай, 69, 3-я бригада.
- 255. Сапаева Рузика, 62, 8-я бригада.
- 256. Хаджиев Юлдаш, 26, студент САГУ.
- 257. Абдуллаева Анаджан, 20, студентка ПИ.

Сельсовет Тупчы (Хнк. 5)

- 258. Нурметов Джумабай, 33, учитель.
- 259. Атаджанова Салия, 35, колхозница.
- 260. Абдуллаев Садулла, 34, колхозник.
- 261. Джуманиязов Халмат, 53, колхозник.
- 262. Юсупов Мавлян, 30, учитель начальной школы.
- 263. Бабаджанов Халмурат, 62, колхозник.

Сельсовет Каракаш, колхоз им. Ленина (Хнк. 7)

- 264. Атаязов Юсуп, 58, 7-я бригада.
- 265. Худайбергенов Рузмат, 45, 5-я бригада.
- 266. Урунов Раджаб, 22, студент ПИ.

Сельсовет Катта Жирмис, колхоз им. Суворова (Хнк. 8)

- 267. Джуманиязов Раджаб, 35, председатель колхоза.
- 268. Сапаров Матъякуб, 30, колхозник, 7-я бригада.

Мадирский сельсовет, колхоз им. Карла Маркса (Хнк. 9)

- 269. Шарипов Рузмет, 73, 8-я бригада.
- 270. Рахимов Матияз, 79, 3-я бригада.
- 271. Курбанова Анаджан, 10, ученица 3 класса.
- 272. Атаджанов Арслан, 22, студент ПИ.
- 273. Султанов Ибадулла, 52, 10-я бригада.
- 274. Курязов Хаджи, 38, табельщик колхоза.

Сельсовет Навхас, колхоз им. Навои (Хнк. 10)

- 275. Матниязов Абдулла, 75, 5-я бригада.
- 276. Хамраев Салай, 33, учитель.

Сарапаянский сельсовет, колхоз «Коммунизм» (Хнк. 11)

- 277. Нурметов Зияда, 59, 5-я бригада.
- 278. Юсупов Махмуд, 33, учитель средней школы.
- 279. Каримов Джуманияз, 62, 5-я бригада.
- 280. Гаипов Сапа, 26, студент ПИ.

Сельсовет Зинахас, колхоз им. Кирова (Хнк. 12)

- 31. Мадраимов Раззак баба, 71, 6-я бригада.
- 32. Худайбергенов Якуб, 26, студент ПИ.
- 33. Джаббаров Пулат, 56, 3-я бригада.
- 34. Пулатов Аллаберген, 20, студент ПИ.

агатский райцентр, колхозы им. Карла Маркса и Нариманова (Бгт. 1)

- 5. Ходжаев Мирза, 49, 5-я бригада (к-з им. Нариманова).
- 6. Бердыев Маткурбан, 67, 1-я бригада (к-з им. Карла Маркса).
- 7. Джуманиязов Мадамин, 25, учитель.
- 8. Клычев Ходжанияз, 71, 1-я бригада (к-з им. Карла Маркса).
- 9. Худайбергенов Раим, 50, 2-я бригада.
- 10. Ибрагимов Машарип, 26, студент ПИ.

Дехканбазарский сельсовет, колхоз им. Кирова (Бгт. 2)

- 1. Исматуллаев Сапа, 67, 9-я бригада.
- 2. Турсунов Раджаб, 28, учитель средней школы.

Сельсовет Ктай, колхоз «Бирляшув» (Бгт. 3)

- 1. Джуманиязова Якутхан, 58, 3-я бригада.
- 2. Ишниязов Мавлян, 45, 10-я бригада.
- 3. Курбанов Ибадулла, 46, 2-я бригада.

296. Буваджанов Матъякуб, 66, 8-я бригада.
297. Курбанова Джамиля, 20, студентка ПИ.

Село Биджанак, колхоз «Ленин юлы» (Бгт. 4)

298. Бабаджанов Каландар, 66, 6-я бригада.
299. Палванов Аллаберген, 65, 6-я бригада.

Найманский сельсовет, колхоз «Правда» (Бгт. 5)

300. Абдалов Бекчан, 68, 7-я бригада.
301. Назаров Курбан, 60, 1-я бригада.
302. Бекчанов Каландар, 28, учитель.

Ленинский (Бусалакнайманский) сельсовет, колхоз «Комсомол» (Бгт. 6)

303. Куриязова Угульджан, 64, 6-я бригада.
304. Матъякубов Кучкар, 28, студент ПИ.

Сельсовет Куланкарабаг (Бгт. 7)

305. Таджимуратов Сабир, 53, колхозник.
306. Бекниязов Рахим, 32, студент ПИ.
307. Абдулов Ситак, 80.
308. Саидов Турсунбай, 70.

Сельсовет Нукус, колхоз «Москва» (Бгт. 8)

309. Рахимов Джуманияз, 83, 3-я бригада.
310. Кучкаров Машарип, 22, студент ПИ.

Сельсовет «Правда» колхоз им. Ленина (Бгт. 9)

311. Бекчанов Джуманазар, 68, завхоз школы.
312. Утапов Бектурды, 21, кассир колхоза.
313. Джуманиязов Рузмет, 52, 3-я бригада.
314. Ахмедов Рахмат, 20, студент ПИ.
315. Кушниязов Аvez, 45, тракторист колхоза.

Янгиарыкский райцентр (Я-ар, 1)

316. Бабаджанова Якут, 45, ул. Ленина, 15.
317. Атаджанова Зина, 22, студентка ПИ.
318. Аскарова Ленинза, 24, учительница средней школы.
319. Куриязов Алланазар, 48, ул. Горького, 24.
320. Бабаджанова Уллибиби, 28, учительница средней школы.

Таганский сельсовет, колхоз «1-Мая» (Я-ар. 2)

- 321. Атаджанов Рахим, 50, 3-я бригада.
- 322. Нурматов Джамал, 66, 1-я бригада.
- 323. Рузметов Абдулла, 60, 7-я бригада.
- 324. Рузметова Дарманджан, 18, студентка ПИ.

Калининский (Астана) сельсовет, колхозы им. Калинина и им. Чапаева (Я-ар. 3)

- 325. Машарипов Мадрахим, 65, 9-я бригада (к-з им. Калинина).
- 326. Раджабов Шаназар, 22, студент ПИ.
- 327. Ходжаев Айманджан, 55, 5-я бригада (к-з им. Чапаева).
- 328. Юсупов Райим, 53, 6-я бригада (к-з им. Чапаева).
- 329. Рахимов Юсупбай, 20, студент ПИ.
- 330. Ишниязов Джуманияз, 64, 4-я бригада (к-з им. Чапаева).
- 331. Атаджанова Угульджан, 45, 11-я бригада (им. Калинина).
- 332. Ишчанов Атабай, 20, студент ПИ.

Кировский сельсовет (Я-ар. 4)

- 333. Ходжаев Джаббар, 26, учитель.
- 334. Искандеров Рузмет, 25, ирригатор колхоза.
- 335. Аллабергенов Таджибай, 58, колхозник.
- 336. Салаева Сара, 22, студентка ПИ.

Сельсовет Ахунбабаева (Я-ар. 5)

- 337. Авазметов Савур, 37, председатель колхоза.
- 338. Шерметова Муслима, 60, колхозница.
- 339. Курбанов Атабай, 21, колхозник.
- 340. Курбанбаева Аведжан, 21, студентка ПИ.
- 341. Якубов Маткурбан, 67, колхозник.
- 342. Хударганов Балта, 22, студент ПИ.
- 343. Авезов Кутлымурат, 40, колхозник.
- 344. Палиязова Тухтаяз, 60, колхозница.
- 345. Давлетова Шукурджан, 65, колхозница.
- 346. Муратова Мира, 20, студентка ПИ.

Тазабазарский сельсовет, колхоз им. Стаханова (Я-ар. 7)

- 347. Аллабергенов Джаббар, 34, секретарь колхоза.
- 348. Авезов Кутлымурат, 30, 7-я бригада.
- 349. Ибадуллаев Бабаджан, 16, ученик 7 класса.

Сельсовет Коммуна, колхоз им. Ахунбабаева (Я-ар. 8)

- 350. Балтаев Маткурбан, 35, учитель.
- 351. Якубов Раджаб, 45, работник МГД.
- 352. Рахманов Дарвин, 22, студент ПИ.
- 353. Атаджанов Буваджан, 67.

Куйбышевский сельсовет, колхоз им. Орджоникидзе (Я-ар 9)

- 354. Хаитов Исмаил, 52, 5-я бригада.
- 355. Худайбергенова Рано, 19, студентка ПИ.

Кушкупырский райцентр, колхоз им. Ленина (К-кпр 1)

- 356. Кутлымуратов Бабаджан, 20, табельщик, 1-я бригада.
- 357. Джуманазаров Давлат, 48, сторож.
- 358. Бекчанов Аvez, 31, зам. председателя колхоза.
- 359. Матназарова Рано, 18, студентка ПИ.
- 360. Аллабергенова Сося, 56, 4-я бригада.
- 361. Атаджанова Рано, 20, студентка ПИ.

Сельсовет Катаган, колхоз им. Жданова (К-кпр 2)

- 362. Рахматуллаев Рахман, 37, экспедитор колхоза.
- 363. Бекмуратова Мамаджан, 60, 10-я бригада.
- 364. Ишчанов Кутлымурат, 44, завхоз, 6-я бригада.

Сельсовет Кенагас (К-кпр 3)

- 365. Хусаинов Худайберген, 60, колхозник.
- 366. Ходжаев Курияз, 40, председатель колхоза.
- 367. Абдуллаева Мамаджан, 50, уборщица.
- 368. Салаев Атабай, 17, табельщик.
- 369. Самандаров Казак, 37, учитель начальной школы.
- 370. Кутлымуратова Айпаша, 20, студентка ПИ.

Сельсовет Хадра, колхоз им. Чапаева (К-кпр 4)

- 371. Худайбергенов Атавай, 14, ученик 7 класса, 2-я бригада.
- 372. Балтаев Нарым, 45, уборщик (село Низахос).
- 373. Бекчанов Балта, 14, ученик 7 класса, 13-я бригада.
- 374. Ибрагимов Джуманияз, 63, плотник колхоза.

Хайраватский сельсовет (К-кпр 5)

- 375. Аллабергенов Рахим, 54, зав. фермы.

Гуктамский сельсовет, колхоз им. Кирова (К-кпр 6)

- 376. Юсупов Курияз, 53, председатель колхоза.
- 377. Матмуратов Юсуп, 46, 3-я бригада.

Хасянский сельсовет (К-кпр 7)

- 378. Рузметов Нурым, 52, экспедитор колхоза.
- 379. Мудраимов Ашир, 48, председатель колхоза.

Сельсовет Уртаяп (К-кпр 8)

380. Авезов Хайдар, 65, колхозник.

Сельсовет Уйгур (К-кпр 9)

381. Байджанов Туйлы, 14, ученик 7 класса.
382. Явбасаров Раим, 74, колхозник.
383. Сейдов Байджан, 46, колхозник.
384. Баратов Бабанияз, 65, колхозник.
385. Бабаниязов Ходжанияз, 24, студент САГУ.

Сельсовет им. XIX партсъезд, колхоз им. Ахунбабаева (К-кпр 10)

386. Раджабов Атавай, 15., ученик 7 класса.
387. Исмаилов Раджаб, 29, учитель средней школы.

Сельсовет Газават, колхоз «Октябрь» (К-кпр 11)

388. Махмудов Кадам, 17, табельщик.
389. Ходжаева Анар, 28, учительница средней школы.
390. Аллабергена Анабиби, 36, учительница начальной школы.

Сельсовет Узбекяп, колхоз «84 полк» (К-кпр. 12)

391. Палванов Ярмат, 40, ирригатор колхоза.
392. Садуллаева Дурпашша, 29, учительница.

Шаватский райцентр, колхоз им. Кирова (Швт 1)

393. Бабаджанов Давлет, 68, 14-я бригада.
394. Салаева Хуршида, 28, учительница средней школы.
395. Абдурахманов Исмаил, 24, табельщик.
396. Павланов Назар, 40, директор школы.
397. Бабаджанов Сеит, 65, 7-я бригада.
398. Худабергенов Бекияз, 56, 6-я бригада.

Участок Манак, колхоз им. Ахунбабаева (Швт 2)

399. Уразметов Рахимбай, 30, студент ПИ.

Сельсовет Чуклы, колхоз им. Фрунзе (Швт 3)

400. Чуклыев Юсупбай, 71, 3-я бригада.
401. Ишметов Юлдаш, 50, председатель колхоза.
402. Абдалов Мамут, 57, 7-я бригада.
403. Рузметова Пашша, 22, учительница.

Сельсовет Яблыкangлы, колхоз им. Ахунбаева (Швт. 4)

- 404. Шамуратов Маткурбан, 62, 4-я бригада.
- 405. Джуманиязов Хаджи, 46, председатель колхоза.
- 406. Мавлянов Адамбай, 45, колхозник.
- 407. Хусайнов Мадамин, 32, учитель.
- 408. Джуманиязов Ишчан, 50, колхозник.
- 409. Якубов Юсупбай, 42, учитель начальной школы.

Ленинабадский сельсовет, колхоз им. Микояна (Швт. 6).

- 410. Турдыев Сабир, 50, 9-я бригада.
- 411. Бекчанов Кутлымурат, 56, 3-я бригада.
- 412. Сарыев Бекман, 60, 2-я бригада.
- 413. Якубов Пирмат, 30, работник райсобеса.
- 414. Атаджанов Раджаббай, 23, работник редакции.
- 415. Бакиев Джумбай, 60, уборщик школы.
- 416. Атаков Раджаб, 53, 7-я бригада.
- 417. Аллабергенов Палван, 40, директор школы.

Сельсовет Кыят, колхоз им. Калинина (Швт. 7)

- 418. Ишчанов Кутлымурат, 81, 9-я бригада.
- 419. Курбанов Абдулла, 53, 6-я бригада.
- 420. Каримов Атаджан баба, 70, 13-я бригада.
- 421. Халмуратов Эрджан баба, 72, 7-я бригада.
- 422. Ибрагимов Нурджанбай, 25, учитель.

Сельсовет Ктай, колхоз им. Дзержинского (Швт. 8)

- 423. Ярлакабов Усман, 66, 7-я бригада.
- 424. Раджабов Бакварди, 54, 6-я бригада.
- 425. Якубова Анабиби, 33, учительница начальной школы.
- 426. Сабиров Садулла, 24, студент ПИ.

Село Айиртам, колхоз им. Дзержинского (Швт. 9)

- 427. Балтаев Абдулла, 58, 1-я бригада.
- 428. Антипова Роза, 28, студентка ПИ.

Бешмергенский сельсовет, колхоз им. Чкалова (Швт. 10)

- 429. Атаджанов Шарап, 48, пастух.
- 430. Абдуллаев Хамид, 26, учитель средней школы.

Сельсовет Буйрачы, колхоз «Коммунизм» (Швт. 11)

- 431. Иноятов Садулла, 67, 3-я бригада.
- 432. Юсупова Авезджан, 41, 6-я бригада.
- 433. Атанязова Соня, 24, студентка ПИ.

434. Сапаева Ханымджан, 26, учительница.
435. Ишчанов Мадамин, 38, директор средней школы.

Сельсовет Кат, колхоз им. К. Маркса (Швт. 12)

436. Раджабов Сабир ата, 77, 4-я бригада.
437. Халматов Аvez, 60, уборщик.
438. Матназаров Нарбай, 48, 10-я бригада.
439. Джуманиязов Абдулла, 28, 5-я бригада.
440. Атаджанов Машарип, 52, 3-я бригада (к-з «Октябрь»)

Янгибазарский райцентр (Я-бзр. 1)

441. Каримова Айтуты, 32, учительница, ул. Кирова, 13.
442. Худайбергенова Анабиби, 26, студентка ПИ.
443. Садуллаева Дуржан, 28, учительница средней школы.
444. Рахимова Рабия, 22, студентка ПИ.
445. Куванычев Раджаб, 56, колхозник.
446. Раджабов Казакбай, 30, учитель средней школы.

Багаланский сельсовет, колхоз «Коммунизм» (Я-бзр. 2)

447. Таджимуратов Утамурат, 85, 8-я бригада.
448. Матъякубов Урал, 32, директор средней школы.
449. Якубов Дусчан, 71, колхозник, 3-я бригада.
450. Джуманова Авезджан (Авезджан халпа), 65, 7-я бригада.
451. Халилуллаев Сабир, 49, 3-я бригада.

Сельсовет Кыяткунград, колхоз им. Чкалова (Я-бзр 3)

452. Абдурахманов Ишчан, 68, 9-я бригада.
453. Буваджанов Юсуп, 66, 6-я бригада.
454. Абдуллаев Зарип, 19, 7-я бригада.
455. Адамов Саидабдулла, 33, 8-я бригада.

Сельсовет Каландардурмен (Я-бзр 4)

456. Махмудова Угульджан, 70, 3-я бригада.
457. Ачилова Пашша, 20, студентка ПИ.
458. Давлетов Кутум, 76, 5-я бригада.

Сельсовет Аякдурмен, колхоз им. Кирова (Я-бзр 6)

159. Матрасулов Хусаин, 42, бригадир 1-й бригады.
160. Ходжамаков Рузмет, 49, звеньевой.
161. Юсупов Хасан, 55, 6-я бригада.
162. Матъякубова Угульджан, 35, 1-я бригада.

Сельсовет Уйгур, колхоз им. Тельмана (Я-бэр 5)

- 463. Бабаева Нурджан, 47, 6-я бригада.
- 464. Яхшимова Мунаввар, 20, студентка ПИ.
- 465. Джуманиязов Матъякуб, 49, 10-я бригада.

Гурленский райцентр (Гурл. 1)

- 466. Пирназарова Хабиба, 58, пенсионерка, ул. К. Маркса.
- 467. Матмуратов Юлдаш, 35, рыбак, ул. Свердлова, 29.
- 468. Хаитметова Эркиной, 25, учительница, ул. Свердлова, 29.
- 469. Махмудов Юсуп, 58, охотник, ул. К. Маркса, 26.
- 470. Атабаев Раджаб, 24, студент ПИ.
- 471. Матмуратова Айим, 56, ул. Коммунист, 2.
- 472. Ахмедов Уразбай, 59, ул. Комсомольская, 12.
- 473. Уразбаева Угульджан, 28, учительница средней школы им. Ленина.
- 474. Атабаева Дурхоним, 51, ул. К. Маркса, 58.
- 475. Мергенова Дарманджан, 26, учительница средней школы им. Ленина.
- 476. Салаев Нигмат, 22, студент ПИ.
- 477. Худоярова Рахима, 22, учительница, ул. Свердлова, 18.
- 478. Матсапаева Якутджан, 43, ул. Свердлова, 18.
- 479. Уразалиев Машарип, 77, ул. Калинина, 7.
- 480. Аллабергенова Рано, 23, студентка ПИ.

Ишимджиранский сельсовет (Гурл. 2)

- 481. Курбаниязов Адам, 60, колхозник.
- 482. Курбанбаева Айманджан, 47, колхозница.
- 483. Яхшимуратов Мадамин, 38, колхозник.
- 484. Давлетов Турсунбай, 25, учитель средней школы.

Вазирский сельсовет, колхоз «Большевик» (Гурл. 3)

- 485. Атамуратов Хантбай, 40, 6-я бригада.
- 486. Таджибаев Сапарбай, 26, директор средней школы.
- 487. Рузимова Бибиджан, 80, 7-я бригада.
- 488. Бабашева Тазагуль, 48, 6-я бригада.
- 489. Джуманиязов Юлдаш, 56, 4-я бригада.

Сельсовет Марибугат, колхоз «Социализм» (Гурл. 4)

- 490. Мавлянов Нариман, 30, инструктор райкома партии.
- 491. Худайбергенова Ападжан, 30, учительница средней школы.

Сельсовет Нукус (Гурл. 5)

- 492. Тилапов Тангирберген, 46, колхозник.
- 493. Хаитметов Карим, 22, студент ТГПИ.
- 494. Исаева Кызларгуль, 26, колхозница.

Сельсовет Хизирели (Гурл. 6)

- 495. Авезов Бабаджан, 56, колхозник.
- 496. Атанязов Ходжамберди, 87.
- 497. Бабаджанов Сабир, 21, студент ПИ.
- 498. Уразалиева Маджума, 77.

Мангитский райцентр (Мнгт 1)

- 499. Вапаева Апабиби, 40, ул. Энгельса, 48.
- 500. Мирзаев Саидмурат, 58, ул. Орджоникидзе, туп. 1, дом. 2.
- 501. Уразметов Дусчап, 46, рабочий Заготзерно, ул. Орджоникидзе, туп. 1, дом 3.
- 502. Саидмуратов Джумабай, 26, учитель средней школы им. Стрелкова.
- 503. Мусина Ранса, 24, студентка ПИ.

Бештамский сельсовет, колхоз им. Жданова (Мнгт 2)

- 504. Маташев Юсуп, 59, 6-я бригада.
- 505. Матниязов Давлет, 70, 2-я бригада.

Сельсовет им. Максима Горького, колхоз им. Энгельса (Мнгт 3)

- 506. Реимбай Мурат оглы, 65, 5-я бригада.
- 507. Ниязов Кенджа, 35, учитель.
- 508. Маткаримов Абдулла, 66, 7-я бригада.
- 509. Матчанов Уразимбай, 40, тракторист. 11-я бригада.
- 510. Кульджанов Сагынбай, 26, студент ПИ.

Пушкинский сельсовет, колхоз им. Калинина (Мнгт 4)

- 511. Атаджанов Хантуль, 22, 7-я бригада.
- 512. Матъякубова Мунаввар, 28, учительница.

Дурменский сельсовет, колхоз «Коммунизм» (Мнгт 5)

- 513. Нурджанов Абдукарим, 60, 3-я бригада.
- 514. Шамуратов Юлдаш, 48, бригадир, 8-я бригада.
- 515. Ризаев Саидмурат, 56, 5-я бригада.
- 516. Темирова Абадан, 45, 1-я бригада.

Сельсовет Халимбек, колхоз «Комсомол» (Мнгт 6)

- 517. Рузметов уста Аллайр, 56, плотник колхоза, 3-я бригада.
- 518. Сабиров Зарип, 24, студент ПИ.
- 519. Палиязов Давлат, 60, 7-я бригада.

Сельсовет им. Ахунбабаева, колхоз «Москва» (Мнгт 7)

- 520. Джуманиязов Атамурат, 61, 3-я бригада.
- 521. Латипов Атабай, 48, учитель.
- 522. Атамуратов Таджибай, 25, директор школы.

Туркменская ССР, Ташаузская область, г. Ташауз

- 1. Юсупова Анаджан, 55, ул. Интернациональная, 6.
- 2. Юлдашева Дуржан, 50, ул. Первомайская, 42.
- 3. Тураева Анварджан, 20, студентка ПИ.
- 4. Абдурахманова Анаджан, 48, ул. Коммунист, 20.
- 5. Курбанов Юлдаш, 22, студент ПИ.

Ташаузский район

- 6. Мадраимов Атаджан, 64, 2-я бригада, к-з «Париж Коммунаси».
- 7. Саидов Пирман, 61, колхозник.
- 8. Ходжанасова Карима, 60, колхозница.
- 9. Давлетов Рахим, 24, студент ПИ.

Ильялинский район

- 10. Атаджанова Угульджан, 49, 9-я бригада, к-з им. Тельмана.
- 11. Сираджитдинова Амина, 25, учительница средней школы.
- 12. Кузыбаева Анаджан, 22, студентка ПИ.

Каракалпакская АССР

Кипчакский район, участок Ктай.

- 13. Маткурбанов Юлдаш, 63, 4-я бригада, к-з им. Ленина.
- 14. Абдуллаев Юлдаш, 24, студент ПИ.
- 15. Курбанов Таджибай, 78, певец (бахши), 4-я бригада, к-з им. Ахунбабаева.
- 16. Сентмуров Шукур, 55, колхозник.
- 17. Ишмуратов Таджим, 53, зам. пред. колхоза им. Кирова.
- 18. Матчанов Каландар, 73, садовник, к-з им. Ахунбабаева.

Бирунийский (Шаббазский) район

- 19. Рузметова Биби мама, 70, 5-я бригада, к-з им. К. Маркса.
- 20. Хабибуллаев Шахназар, 24, учитель школы им. Навои.
- 21. Юсупова Роза, 22, студентка ПИ.
- 22. Аллабергенов Камал, 30, сотрудник районо, ул. Турткульская, 47.
- 23. Хабибуллаев Эрназар, 36, директор школы.
- 24. Якуб ата Турумбет оглы, 65, рыбак, к-з им. К. Маркса.
- 25. Тангрибергенов Шихназар, 22, студент ПИ.
- 26. Ахмедов Алимбай, 45, 6-я бригада, к-з «Пахтачи», с/с Кылчаинак.
- 27. Таджимуратов Камал, 28, учитель, с/с Кылчаинак.

28. Матчанов Карим, 73, 9-я бригада, к-з им. Орджоникидзе, с/с Кылчинак.
29. Джуманов Абдухаллик, 22, 4-я бригада, к-з «Совет Каракалпакстана», с/с Шимам.
30. Мамутов Худайберген, 72, с/с Бибазар.
31. Давлетбаев Амин, 26, учитель, с/с Бибазар.
32. Файзуллаев Артык, 28, учитель, ул. Колхозная, 8.

Турткульский район

33. Ходжаниязов Ахмед, 46, колхозник.
 34. Раззаков Хакимбай, 26, учитель средней школы.
 35. Сапаров Ишчан, 35, колхозник.
 36. Ишчанов Юлдаш, 22, студент ПИ.
 37. Ходжаниязов Ибрагим, 51, 8-я бригада, к-з им. Куйбышева, с/с «Коммунист».
 38. Джуманиязов Сапарбай, 22, учитель.
 39. Матъякубов Джаббар, 68, 2-я бригада, к-з им. Чкалова, Ленинбадский с/с.
 40. Сабиров Уста-Атаджан, 55, 7-я бригада, к-з им. Андреева.
-

БИБЛИОГРАФИЯ

Классики марксизма-ленинизма

- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21.
Энгельс Ф. Франкский диалект, К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 19.
Энгельс Ф. Анти-Дюринг, К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 22.
Энгельс Ф. Диалектика природы, К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 22.

Общие лингвистические работы

- Аванесов Р. И. и Бернштейн С. Б. Лингвистическая география и структура языка (О принципах общеславянского лингвистического атласа), М., 1958.
Богородицкий В. А. Очерки по языкознанию и русскому языку, М., Учпедгиз, 1939.
Будагов Л. А. Введение в науку о языке, М., 1958.
Булаховский Л. А. Введение в языкознание, ч. II, М., 1953.
Виноградов В. В. Современный русский язык, М., 1938.
Виноградов В. В. О некоторых очередных вопросах русской исторической лексикографии, Известия ОЛЯ АН СССР, т. XII, вып. 3, М., 1953, стр. 185—210.
Грамматика русского языка, т. I, Фонетика и морфология, М., Изд-во АН СССР, 1952.
Реформатский А. А. Введение в языкознание, М., 1953.
Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. Ученые записки МГУ, вып. 128, кн. 1, М., 1948, стр. 128—152.
Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка, М., 1957.
Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. II, III, М., 1958.
Серебренников Б. А. К выяснению сущности внутренних законов развития языка. Доклады и сообщения ИЯ АН СССР, V, М., стр. 3—26.
Щерба Л. В. Русские гласные в количественном и качественном отношении, СПб., 1912.
Щерба Л. В. Фонетика французского языка, Л., 1939.
Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии, Известия ОЛЯ АН СССР, 8, 1940.
Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку, М., Учпедгиз, 1957.

Специальная литература

- Абдуллаев Ф. Кипчакский говор узбекского языка, Материалы по узбекской диалектологии, 1, Ташкент, 1957, стр. 323—344 (на узбекском языке).
- Абулгази. Родословное древо тюрков, Казань, 1906 (перевод Г. С. Саблукова).
- Абулгази. Родословная туркмен, Сочинения Абулгази, М.—Л., 1958 (исследование и подготовка критического текста А. Н. Кононова).
- Азимов П. Фонетические изменения, наблюдаемые в словообразовательных формах туркменского языка, Ашхабад, 1944.
- Азимов П. Туркменский язык, Словообразующие аффиксы, Ашхабад, 1950 (на туркменском языке).
- Алиев А. Ю. Фонетические особенности уйчинского говора узбекского языка, Ученые записки Наманганского госпединститута, вып. 3, Наманган, 1957, стр. 131—166.
- Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка, 1, Алма-Ата, 1959.
- Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, СПб., 1897.
- Афзалов Ш. А. Паркентский говор узбекского языка, сб. «Материалы по узбекской диалектологии», 1, Ташкент, 1957, стр. 119—164 (на узбекском языке).
- Ахатов Г. Х. О восточном диалекте татарского языка, Координационное совещание по вопросу диалектологии тюркских языков, Баку, 1956, стр. 36—38 (тезисы докладов).
- Ахмеров К. З. Краткий очерк грамматики башкирского языка (приложение к башкирско-русскому словарю), М., 1958, стр. 745—788.
- Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка, Казань, 1898.
- Ашмарин Н. И. Общий обзор народных тюркских говоров города Нухи, вып. 6, Баку, 1926.
- Бабур З. М. «Бабурнаме» (Захириддин Мухаммад Бобир. «Бобирнома»), Ташкент, 1960 (Подготовили к печати П. Шамсиев и С. Мирзаев).
- Байчура У. Ш. Звуковой строй татарского языка, ч. 1, Казань, 1959.
- Бакинова Г. Принципы собирания материала по киргизским диалектам, Координационное совещание по вопросу диалектологии тюркских языков, Баку, 1956, стр. 58—62 (тезисы докладов).
- Балакаев М. Б. Типы именных словосочетаний в казахском языке, ВЯ, 2, М., 1956, стр. 53—66.
- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, СПб., 1898—1900.
- Бартольд В. В. Ислам, Петроград, 1918.
- Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927.
- Бартольд В. В. Очерки истории туркменского народа, сб. «Туркмения», т. 1, 1929, стр. 5—59.
- Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана, СПб., 1914.
- Бартольд В. В. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в., Ташкент, 1902.
- Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты, М.—Л., 1940.
- Баскаков Н. А. Залоги в каракалпакском языке, Ташкент, 1951.
- Баскаков Н. А. Причастие на ды//ты в тюркских языках, Труды МИВ, вып. 6, 1951.
- Баскаков Н. А. Каракалпакский язык, I—II, М., 1951—1952.

- Баскаков Н. А. Личные и лично-притяжательные местоимения в каракалпакском языке, Тюркологический сборник, I (С. Е. Малову), М.—Л., 1951, стр. 56—67.
- Баскаков Н. А. Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования, Труды Института языкознания, I, М., 1952, стр. 7—57.
- Баскаков Н. А. К вопросу о происхождении условной формы на *sa//se* в тюркских языках, сб. «В. А. Гордлевскому», М., 1953, стр. 35—63.
- Баскаков Н. А. Структура слога в тюркских языках, сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», I, Фонетика, М., 1955.
- Баскаков Н. А. Уйгурский вокализм, указанный сборник, стр. 116.
- Баскаков Н. А. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской системы, сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», II, Морфология, 1956, стр. 263—303.
- Баскаков Н. А. Алтайский язык, М., 1958.
- Баскаков Н. А. Тюркские языки, М., 1960.
- Баскаков Н. А. Примечания к книге М. Рясанена «Материалы по исторической фонетике тюркских языков», М., 1955, стр. 212—216.
- Баскаков Н. А. Примечания к книге Г. И. Рамстедта «Введение в алтайское языкознание», Морфология, М., 1957, стр. 226—244.
- Баскаков Н. А. и Инкижекова-Грекул Фонетические особенности хакасского языка, Труды Института Востоковедения, АН СССР, т. IV, М., 1954, стр. 324—377.
- Батманов И. А. Вопросы классификации узбекских говоров, сб. «Проблемы языка», вып. I, Ташкент, 1934, стр. 5—40.
- Батманов И. А. Категория времени сказуемого в турецких языках, Сборник научных трудов, т. I, вып. 2, Ташкент, 1934, стр. 18—65.
- Батманов И. А. Фонетическая система киргизского языка, I, Фрунзе, 1947.
- Батманов И. А. Случаи сохранения «б» перед носовым согласным в киргизском языке, сб. «Белек», Фрунзе, 1946, стр. 17—18.
- Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности, Фрунзе, 1959.
- Бернштам А. О древнейших следах джеканы в тюркских языках Средней Азии, сб. «Памяти академика Н. Я. Марра» М.—Л., 1938, стр. 17—24.
- Бертагаев Т. А. Флексия основ в агглютинативных языках, Сборник трудов по филологии, вып. I, Улан-Удэ, 1948, стр. 98.
- Бертельс Е. Э. Хибат-ал-хакаик Ахмада Югнаки. Опыт главы для учебника по узбекской литературе, Труды САГУ, Новая серия, вып. 3, кн. I, Ташкент, 1945, стр. 29—46.
- Биишев А. Первичные долгие гласные в тюркских языках, Уфа, 1963.
- Благова Г. Ф. Характеристика грамматического строя (морфологии) староузбекского литературного языка конца XV — по «Бабуриаме», 1954 (Автореферат кандидатской диссертации).
- Благова Г. Ф. Соотносительные глагольные формы и их развитие в узбекском литературном языке, ВЯ, 4, 1958, стр. 86—95.
- Богородицкий В. А. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию, Казань, 1933.
- Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание, Казань, 1953.
- Боровков А. К. Учебник уйгурского языка, Л., 1935.

- Боровков А. К. О некоторых очередных вопросах орфографии узбекского литературного языка, ЗИВ АН СССР, М.—Л., IV, 1937.
- Боровков А. К. Новый узбекский алфавит, журн. «Литература и искусство Узбекистана», 3, 1940.
- Боровков А. К. Изменения в области узбекской лексики и новый алфавит (на основе русской графики), Известия Уз ФАН, 7, Ташкент, 1940, стр. 18—40.
- Боровков А. К. Узбекский литературный язык в период 1905—1917 гг., Ташкент, 1941.
- Боровков А. К. К характеристике узбекских «умлаутных» или уйгуризованных говоров, сб. «Белек», Фрунзе, 1946, стр. 29—30.
- Боровков А. К. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка, сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946, стр. 92—120.
- Боровков А. К. Очерки истории узбекского языка, I (Определение языка хикматов Ахмада Ясеви), Советское востоковедение, V, М., 1948, стр. 229—250.
- Боровков А. К. Очерки истории узбекского языка, II, Советское востоковедение, VI, М., 1949, стр. 24—51.
- Боровков А. К. Очерки истории узбекского языка, III (лексика среднеазиатского тафсира XII—XIII вв), Ученые записки Института востоковедения, XVI, 1953, стр. 139—219.
- Боровков А. К. Из материалов для истории узбекского языка, Тюркологический сборник, 1 (С. Е. Малову), М.—Л., 1951, стр. 73—80.
- Боровков А. К. Агглютинация и флексия в тюркских языках, Памяти академика Л. В. Щербы, Л., 1951, стр. 121.
- Боровков А. К. Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос о взаимовлиянии таджикского и узбекского языков, Ученые записки Института востоковедения, IV, 1952.
- Боровков А. К. Размещение узбекских диалектов и говоров и вопросы их образования (рукопись).
- Боровков А. К. Вопросы классификации узбекских говоров, Известия АН УзССР, 5, 1953, стр. 58—73.
- Боровков А. К. По поводу теории «иранизации» узбекского языка, Известия АН УзССР, 8, 1955.
- Вамбери А. Путешествие по Средней Азии, СПб., 1865.
- Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия, Введение и фонетика, Л., 1929.
- Волин С. А. К истории древнего Хорезма, Вестник древней истории, 1, М., 1941, стр. 192—196.
- Гази Алим (Ғози Олим) Опыт классификации узбекских говоров, Ташкент, 1936 (на узбекском языке).
- Гордлевский В. А. Грамматика турецкого языка, М., 1928.
- Гордлевский В. А. Лексика караимского перевода библии, Доклады АН СССР, 5, 1928.
- Греков Б. Д. и Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение, М.—Л., 1950.
- Грунин Т. И. Половецкий язык XVI в., сб. «В. А. Гордлевскому», М., 1953, стр. 90—97.
- Гулямов А. Г. Определение в узбекском языке, Ташкент, 1941 (на узбекском языке).
- Гулямов А. Г. Падежи в узбекском языке, Труды Уз ФАН СССР, серия II, кн. 2, Ташкент, 1941 (на узбекском языке), стр. 5—85.

- Гулямов А. Г. Категория множественности в узбекском языке, Ташкент, 1944 (на узбекском языке).
- Гулямов А. Г. Ударение в узбекском языке, Ташкент, 1947.
- Гулямов А. Г. О суффиксе «дош» в узбекском языке, сб. «Белек», Фрунзе, 1946.
- Гулямов А. Г. О способах словообразования в узбекском языке. Труды Института языка и литературы АН УзССР, вып. 1, 1949, стр. 37—86.
- Гулямов А. Г. К некоторым вопросам аффиксации в узбекском языке, сб. «В. А. Гордлевскому», 1953, стр. 98—107.
- Гулямов А. Г. Словообразование путем внутренних изменений слова в узбекском языке, сб. «Научная сессия АН УзССР», Ташкент, 1947.
- Гулямов А. Г. Введение в морфологию узбекского языка, Ташкент, 1943 (на узбекском языке).
- Гулямов А. Г. Глагол, Ташкент, 1954 (на узбекском языке).
- Гулямов А. Г. Проблемы исторического словообразования в узбекском языке, докторская дисс. Ташкент, 1958.
- Гулямов Х. Г. Джизакский говор узбекского языка, сб. «Материалы по узбекской диалектологии», 1, 1957, стр. 59—119.
- Гулямов Якуб. Из наблюдений над морфологией ташкентского диалекта, сб. «Материалы по узбекской диалектологии», 1, Ташкент, 1957, стр. 165—228.
- Гулямов Якуб. Аффиксы принадлежности в ташкентском диалекте, Труды САГУ, новая серия, вып. CIV, кн. II, стр. 174—181 (на узбекском языке).
- Гулямов Якуб. О родительном и винительном падежах в узбекском языке, журн. «Вопросы узбекского языка и литературы», 1, 1958, стр. 47—52 (на узбекском языке).
- Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма, Ташкент, 1957.
- Гурбанов А. А. и Курраев Н. Грамматика туркменского языка, ч. 1, Фонетика и морфология, Ашхабад, 1953 (на туркменском языке).
- Данияров Х. Д. Фонетические особенности бахмальского говора, Труды УзГУ, новая серия, вып. 91, Самарканд, 1959, стр. 57—32.
- Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазараспского говора, Ташкент, 1961 (автореферат кандидатской диссертации).
- Джураев Б. Некоторые фонетические особенности шахрисябзского говора, Труды УзГУ, новая серия, вып. 91, Самарканд, 1959, стр. 145—156.
- Дмитриев Н. К. Этюды по сербско-турецкому языковому взаимодействию, Доклады АН СССР, М., 1928 (отдельный оттиск).
- Дмитриев Н. К. Материалы по османской диалектологии. Фонетика «карамалицкого» языка, ЗКВ, т. 3, 1928, стр. 417—458; т. 4, стр. 107—158.
- Дмитриев Н. К. Строй турецкого языка, Л., 1939.
- Дмитриев Н. К. Об указательных местоимениях в башкирском языке, Труды МИВ, 4, М., 1947, стр. 70—74.
- Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, М., 1948.
- Дмитриев Н. К. Преподавание родного языка в национальной школе. Известия Академии педагогических наук, 40, М., 1952, стр. 31—50.
- Дмитриев Н. К. Чередование гласных заднего и переднего ряда в одном и том же корне отдельных тюркских языков, сб. «Исследование по сравнительной грамматике тюркских языков», 1, Фонетика, М., 1955, стр. 115.

- Дмитриев Н. К. Долгие гласные в туркменском языке, тот же сборник, стр. 182—191.
- Дмитриев Н. К. Долгие гласные в якутском языке, тот же сборник, стр. 192—197.
- Дмитриев Н. К. Долгие гласные в гагаузском языке, тот же сборник, стр. 203—207.
- Дмитриев Н. К. Двойные согласные в тюркских языках, тот же сборник, стр. 261—264.
- Дмитриев Н. К. Фонетические закономерности начала и конца тюркского слова, тот же сборник, стр. 265—273.
- Дмитриев Н. К. Глухие и звонкие согласные в середине слова, тот же сборник, стр. 274—278.
- Дмитриев Н. К. Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках, тот же сборник, стр. 281—288.
- Дмитриев Н. К. Ассимиляция и диссимиляция в кумыкском языке, тот же сборник, стр. 298—302.
- Дмитриев Н. К. К истории аффиксов сказуемости, сб. «Исследования по сравнительной фонетике тюркских языков», II, Морфология, М., 1956, стр. 5—15.
- Дмитриев Н. К. Категория принадлежности, тот же сборник, стр. 22—37.
- Дмитриев Н. К. Категория числа, тот же сборник, стр. 65—71.
- Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка, М.—Л., 1940.
- Дмитриева Л. В. Заметки по языку барабинцев, сб. «Вопросы грамматики и истории восточных языков», М.—Л., 1958, стр. 143—168.
- Доможаков Н. Г. Грамматика хакасского языка, Фонетика и морфология, Абакан, 1954 (на хакасском языке).
- Доскараев Ж. Профессиональная лексика рыбаков Арала и Каспия, сб. «Вопросы истории и диалектологии казахского языка», вып. 1, 1958.
- Доскараев Ж. Лексические особенности арысского говора, тот же сборник, стр. 23—53.
- Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка, М.—Л., 1941.
- Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка, Абакан, 1947.
- Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, ч. 1, Чебоксары, 1954.
- Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков (родоплеменная структура и расселение в XIX—XX вв), М.—Л., 1950.
- Жирмунский В. М. Следы оргузов в низовьях Сыр-Дарьи, Тюркологический сборник, I (С. Е. Малову), М.—Л., 1951, стр. 93—102.
- Задыхина К. Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи, Археологические и этнографические работы хорезмской экспедиции, 1945—1948 гг., М., 1952, стр. 319—426.
- Зайончковский А. К вопросу о структуре корня в тюркских языках, ВЯ, 2, 1961, стр. 28—35.
- Залялетдинов Л. З. Опорный диалект в образовании татарского языка, Координационное совещание по вопросу диалектологии тюркских языков (тезисы докладов), Баку, 1956, стр. 21—35.
- Зарубин И. И. Список народностей Туркестанского края, Л., 1925.
- Ибрагимов С. Наблюдения над узбекскими говорами бешкентского района (на узбекском языке), сб. «Материалы по узбекской диалектологии», 1, Ташкент, 1957, стр. 269—297.

- Ибрагимов С. Профессиональная лексика ферганских говоров, Ташкент, 1959 (на узбекском языке).
- Ибрагимов Т. И. О формах падежных аффиксов каракалпакского говора узбекского языка (на узбекском языке), Труды САГУ, новая серия, вып. CIV, кн. 2, Ташкент, 1957, стр. 162—169.
- Иногамов Ш. И. Этнический состав населения и этнографическая карта ферганской долины в границах Узбекской ССР, Ташкент, 1955 (автореферат кандидатской диссертации).
- Исхаков А. И. Наречие в современном казахском языке, Алма-Ата, 1950.
- Исхаков Ф. Г. Некоторые предположения о происхождении конечных «т» и «д» в словах аст, уст, алд, арт и т. д., сб. «В. А. Гордлевскому», М., 1958, стр. 124—136.
- Исхаков Ф. Г. Долгие гласные в тюркских языках, сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», I, Фонетика, М., 1955, стр. 160—174.
- Исхаков Ф. Г. Гармония гласных в тюркских языках, тот же сборник, стр. 122—159.
- Исхаков Ф. Г. Законы словесного ударения в татарском языке, тот же сборник, стр. 329—332.
- Исхаков Ф. Г. и Пальмбах А. А. Беглые гласные в татарском и некоторых других тюркских языках, тот же сборник, стр. 208.
- Исхаков Ф. Г. Формы настоящего времени глагола изъявительного наклонения в тувинском языке, сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», II, Морфология, М., 1956, стр. 304—313.
- Исхаков Ф. Г. Тувинский язык, Очерк по фонетике, М.—Л., 1957.
- Казембек А. Общая грамматика турецко-татарского языка, изд. 2, Казань, 1946.
- Карпов Г. И. К истории туркмен Али-эли (Ала-эль), журн. Советская этнография, 3, М.—Л., 1947, стр. 145.
- Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка, Казань, 1903.
- Кенеспаев С. К. Некоторые способы образования парных слов (на казахском языке), Ученые записки Казахского госуниверситета, т. XI, Алма-Ата, 1946.
- Кенеспаев С. К. О категории ударения в казахском языке, Известия АН КазССР, 7, 1948 (на казахском языке).
- Киекбаев Ж. Г. Фонетика башкирского языка, Ученые записки Башкирского госуниверситета, отдельный выпуск, IV, серия 3, Уфа, 1957 (на башкирском языке).
- Киекбаев Ж. Г. Вопросы классификации башкирских диалектов, тот же сборник, стр. 40—76 (на башкирском языке).
- Киекбаев Ж. Г. Вариантные слова или сингармонистические параллелизмы в башкирском языке, Ученые записки Башкирского госуниверситета, вып. V, серия филологическая, 1, 1955.
- Киекбаев Ж. Г. Согласные звуки башкирского языка и их историческое развитие, Ученые записки Башкирского госуниверситета, Вопросы башкирского языка и литературы, Уфа, 1957, стр. 5—63.
- Кононов А. Н. Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1948.
- Кононов А. Н. Этимология слова дегил «не есть», «не», Советское востоковедение, VI, 1949, стр. 97—101.
- Кононов А. Н. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках, Тюркологический сборник, I, (С. Е. Малову), М.—Л., 1951, стр. 112—119.

- Кононов А. Н. Тюркские этимологии, сб. «История и филология стран Востока», Ученые записки ЛГУ, им. А. А. Жданова, серия востоковедческих наук, 179, Л., 1954.
- Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка, М., 1956.
- Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, М.—Л., 1960.
- Корш Ф. Е. Происхождение формы настоящего времени в западных турецких языках, Древности Восточные, т. III, вып. 1, СПб., 1906, стр. 2—20.
- Корш Ф. Е. Слово «балдак» и долгота гласных в турецких языках, «Живая старина», вып. II—III, СПб., 1909, стр. 157.
- Корш Ф. Е. Древнейший народный стих турецких племен, ЗВО, т. XIX, СПб., 1909, стр. 139—167.
- Курышжанов А. Значения акузатива в языке Codex Cumanicus, Известия АН КазССР, серия филологии и искусствоведения, вып. 1 (6), Алма-Ата, 1957, стр. 42—47.
- Кязимов Фуад. Принципы сингармонизма в азербайджанском языке, Известия ОЛЯ АН СССР, т. XIII, М., 1954, стр. 88—96.
- Магруфов А. О формах двух падежей в узбекском литературном языке, журн. «Вопросы узбекского языка и литературы», I, 1958, стр. 43—46 (на узбекском языке).
- Магруфов З. М. Словообразующие аффиксы имен существительных в узбекском языке Известия Уз ФАН СССР, 6, Ташкент, 1940.
- Магруфов З. М. Состав слова, Ташкент, 1954 (на узбекском языке).
- Максимов В. Опыт исследования тюркских диалектов в Худавендгяре и Карамании, СПб, 1867.
- Малов С. Е. Ибн-Муханна о турецком языке, ЗКВ, т. III, вып. 2, 1928, стр. 247.
- Малов С. Е. Таласские эпиграфические памятники, М.—Л., 1936, стр. 17—38.
- Малов С. Е. Алишер Навои в истории тюркских литературных языков Средней и Центральной Азии, Известия ОЛЯ АН СССР, т. VI, вып. 6, М., 1947, стр. 475—480.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, М., 1951.
- Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки, Известия ОЛЯ АН СССР, т. XI, вып. 2, 1952, стр. 135—143.
- Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952.
- Малов С. Е. Изучение ярлыков и восточных грамот, сб. «В. А. Гордлевскому», М., 1953, стр. 187—195.
- Малов С. Е. Уйгурский язык. Хамийское наречие, М.—Л., 1954.
- Малов С. Е. Лобнорский язык, Фрунзе, 1956.
- Малов С. Е. Язык желтых уйгуров, Алма-Ата, 1957.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.—Л., 1959.
- Маматов Н. Узбекская хлопководческая терминология, Ташкент, 1955 (автореферат кандидатской диссертации).
- Материалы по районированию Средней Азии, кн. 2, ч. II, Хорезм, стр. 63—95.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении, I, 1939.
- Махмудов А. Словесное ударение в узбекском языке, Ташкент, 1960.
- Мейзель С. С. Категория уникальности и плюральности в турецком языке, Труды МИВ, сб. 4, М., 1947, стр. 7—31.
- Мелиоранский П. М. Краткая грамматика казак-киргизского языка, I—II, 1894—1897.

- Мелиоранский П. М. Араб филолог о турецком языке, СПб, 1900.
- Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-Тегина, СПб, 1899.
- Мелиоранский П. М. Сказание о пророке Салихе, сб. «Ал-Музаффария» (сборник статей учеников проф. В. Р. Розина), СПб., 1897, стр. 277—297.
- Мехри Хатун *مهری خاتون* Рукописный фонд ЛОИНА, Л., шифр В-2519.
- Мирсагатов Г. И. Кыркский говор узбекского языка, сб. «Материалы по узбекской диалектологии», I, Ташкент, 1957.
- Мошкова В. Г. Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпаков и туркмен, Труды института истории и археологии АН УзССР, т. I, 1950, стр. 135—158.
- Муганская группа говоров азербайджанского языка, Баку, 1955, редактор Р. А. Рустамов (на азербайджанском языке).
- Мукминова Р. Г. К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в., Известия АН УзССР, Ташкент, 1954, стр. 70—81.
- Мунис «Фирдавс-ул-икбал» *الفردوس الاقبال* библиотека Института востоковедения АН УзССР, рукопись 5364.
- Махтумкули *ماختۇمقولى* Рукописный фонд ЛОИНА, Л., шифр В-319.
- Мусабаев Г. Г. Степени сравнения в казахском языке, Алма-Ата, 1951.
- Мусабаев Г. Г. Некоторые уменьшительные аффиксы в казахском языке, Известия АН КазССР, 82, 1950, стр. 34—39 (на казахском языке).
- Мусабаев Г. Г. Об аффиксах дай//дей, тай//тей, Известия АН КазССР, вып. 3—4, Алма-Ата, 1955, стр. 47—58 (на казахском языке).
- Мусабаев Г. Г. Современный казахский язык, I, Лексика, Алма-Ата, 1959.
- Мухаммад Салих. «Шайбани наме». СПб, 1908 (Издание П. М. Мелиоранского).
- Навои Алишер. *على شير نوائى* Л., Рукописный фонд Библиотеки Института Востоковедения АН УзССР, шифр 7409.
- Навои Алишер. «Мухакамат-ул-лугатайн», т. III, Ташкент, 1948. (подготовили к печати Айбек и П. Шамсиев).
- Насилов В. М. К вопросу о грамматической категории вида в тюркских языках, Труды МИВ, 4, М., 1947, стр. 32—55.
- Пальмбах А. А. Долгие и полудолгие гласные тувинского языка, сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», I, Фонетика, М., 1955, стр. 175.
- Пальмбах А. А. и Исхаков Ф. Г. Придыхательные и непридыхательные смычные согласные в тувинском языке, тот же сборник, стр. 254—260.
- Пальмбах А. А. и Исхаков Ф. Г. Явления метатезы в тувинском и некоторых других тюркских языках, тот же сборник, стр. 293.
- Писарев В. Несколько слов о трабизондском диалекте, С.—Петербург, 1901, стр. 173—201.
- Покровская А. А. Основные черты фонетики современного гагаузского языка, сб. «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. II, Баку, 1960, стр. 77—88.
- Поливанов Е. Д. Звуковой состав ташкентского диалекта, журн. «Наука и просвещение», I, 1922.
- Поливанов Е. Д. Образцы фонетических записей ташкентского диалекта, Бюллетень САГУ, Ташкент, 1924.

- Поливанов Е. Д. К вопросу о долгих гласных в общетюркском языке, Доклады АН СССР, I, М., 1927, стр. 151.
- Поливанов Е. Д. Образцы не-сингармонистических (иранизованных) говоров узбекского языка (каршинский говор), Доклады АН СССР, 5, 1928, стр. 92—96.
- Поливанов Е. Д. Образцы не-сингармонистических (иранизованных) говоров узбекского языка, II, Вокализм города Самарканда, Доклады АН СССР, 14, 1928, стр. 306—312.
- Поливанов Е. Д. Образцы не-иранизованных (сингармонистических) говоров узбекского языка, Говор города Туркестана, Известия АН СССР, серия VII, 1929, 511—524; Фонетическая система говора кишлака Икан, там же, стр. 525—537.
- Поливанов Е. Д. Образцы не-иранизованных (сингармонистических) говоров узбекского языка, III, Казакнайманский говор, Известия АН СССР, серия VII, Л., 1931, стр. 93—110.
- Поливанов Е. Д. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык, Ташкент, 1933.
- Поливанов Е. Д. Говор кишлака Кыят-Кунгат Шаватского района, сб. Уз НИИКС, т. I, вып. 2, Ташкент, 1934, стр. 3—17.
- Поливанов Е. Д. Материалы по грамматике узбекского языка, I, Введение, Ташкент, 1935.
- Поцелуевский А. П. Фонетика туркменского языка, Ашхабад, 1936.
- Поцелуевский А. П. Диалекты туркменского языка, Ашхабад, 1936.
- Поцелуевский А. П. К вопросу о происхождении формы настоящего времени в тюркских языках юго-западной группы, Ашхабад, 1948.
- Раджабов Н. О некоторых морфологических особенностях карнабского говора, Труды УзГУ, новая серия, 91, Самарканд, 1959, стр. 115—126.
- Радлов В. В. О языке куманов (по поводу издания куманского словаря), СПб., 1885.
- Радлов В. В. Ярлыки Токтамыша и Темир Кутлуга, ЗВО, т. III, вып. I—II, СПб., 1888, стр. 1—40.
- Радлов В. В. и П. М. Мелиоранский. Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме, Сборник трудов Орхонской экспедиции, IV, СПб., 1897.
- Рамстедт Г. Введение в алтайское языкознание, М., 1957 (перевод с немецкого языка).
- Решетов В. В. Маргеланский говор узбекского языка, Известия УзФАН СССР, Ташкент 3, 1941, стр. 28—36.
- Решетов В. В. Классификация узбекских говоров ангренской долины, Бюллетень АН УзССР, Ташкент, 1946, стр. 24—26.
- Решетов В. В. О категории настоящего времени в узбекском языке, Доклады АН УзССР, Ташкент, 1948, стр. 31—37.
- Решетов В. В. Об одном узбекском падеже. Тюркологический сборник, I (С. Е. Малову), М.-Л., 1951, стр. 176—183.
- Решетов В. В. Кураминские говоры узбекского языка Ташкентской области, Ташкент, 1952 (докторская диссертация).
- Решетов В. В. О наманганском говоре узбекского языка, сб. «В. А. Гордлевскому», М., 1953, стр. 216—230.
- Решетов В. В. О диалектной основе узбекского литературного языка, ВЯ, I, М., 1955, стр. 100—108.
- Решетов В. В. Изучение узбекских народных говоров, сб. «Материалы по узбекской диалектологии, I, Ташкент, 1957, стр. 5—30.
- Решетов В. В. Узбекский язык, I, Фонетика, Ташкент, 1959.

- Решетов В. В. Карлуко-чигиле-уйгурское наречие узбекского языка. журн. «Вопросы узбекского языка и литературы», 5, 1960, стр. 34—46 (на узбекском языке).
- Решетов В. В. и Шаабдурахманов Ш. Фонетика узбекского языка, Ташкент, 1954.
- Рустамов Р. А. О состоянии изучения диалектов азербайджанского языка, Координационное совещание по вопросу диалектологии тюркских языков (тезисы докладов), Баку, 1956, стр. 39—46.
- Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков (перевод с немецкого языка), М., 1955.
- Сазонова М. В. К этнографии узбеков южного Хорезма, Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг., М., 1952, стр. 247—218.
- Самойлович А. Н. «Вот вагонный пассажир!», Песенка-сатира ташкентских сартов, ЗВО, т. XIX, СПб., 1910, стр. 0159—0163.
- Самойлович А. Н. Два отрывка из «Хорезм-наме», там же, стр. 078—083.
- Самойлович А. Н. Опыт крымско-татарской грамматики, Петроград, 1916.
- Самойлович А. Н. Некоторые дополнения к классификации турецких языков, Петроград, 1922.
- Самойлович А. Н. Турецкие числительные количественные и обзор их толкования, сб. «Языковедные проблемы по числительным», I, Л., 1927, стр. 135—156.
- Самойлович А. Н. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, сб. «Мир-Али-шир», Л., 1928, стр. 1—23.
- Самойлович А. Н. Очерки истории туркменской литературы, сб. «Туркмения», т. I, Ашхабад, 1929, стр. 127—167.
- Самойлович А. Н. Элементы диалекта «джокчи» в литературном чагатайском языке, журн. «Научные мысли», I, вып. I, Самарканд—Ташкент, 1930.
- Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, I, М., 1953.
- Сарыбаев Ш. Некоторые вопросы составления диалектных словарей казахского языка, Второе региональное освещение по диалектологии тюркских языков (тезисы докладов), Казань, 1958.
- Сауранбаев Н. Т. Диалекты в современном казахском языке, ВЯ, 5, М., 1955, стр. 43—51.
- Сауранбаев Н. Т. и Сарыбаев Ш. Ш. Казахская диалектология, Координационное совещание по вопросу диалектологии тюркских языков (тезисы докладов), Баку, 1956, стр. 47—53.
- Севортян Э. В. К истории падежной системы в тюркских языках, Ученые записки Военного института иностранных языков, 6, 1943, стр. 90—101.
- Севортян Э. В. Фонетика турецкого литературного языка, М., 1955.
- Севортян Э. В. Материалы по сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского литературного языков, сб. «Материалы по сравнительной грамматике тюркских языков», I, Фонетика, 1955, стр. 13—52.
- Севортян Э. В. Выпадение согласных в южных тюркских языках, тот же сборник, стр. 289—292.
- Севортян Э. В. Ассимиляция и диссимиляция согласных в южных тюркских языках, тот же сборник, стр. 305—313.
- Севортян Э. В. Категория сказуемости, сб. «Исследования по сравни-

- тельной грамматике тюркских языков», II, Морфология, М., 1956, стр. 16—21.
- Севортян Э. В. Категория принадлежности, тот же сборник, стр. 38—44.
- Севортян Э. В. Категория падежа, тот же сборник, стр. 45—64.
- Семенов А. А. К вопросу об этническом и классовом составе северных городов империи Хорезмшахов в XII в. Известия общественных наук АН ТаджССР, 2, 1952, стр. 17—26.
- Серебренников Б. А. К выяснению сущности внутренних законов развития языка, Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, V, М., 1953, стр. 3—26.
- Серебренников Б. А. О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков, ВЯ, 4, М., 1960, стр. 62—72.
- Смирнов В. Д. Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках, С.—Петербург, 1903.
- Смирнов В. Д. Древнейшая датированная турецкая рукопись XIV в., ЗВО, т. XXII, 191, СПб, 1914, стр. 107—125 (отдельный оттиск).
- Современный узбекский язык, Ташкент, 1957, под редакцией Ф. К. Камалова (на узбекском языке).
- Современный казахский язык, Алма-Ата, 1962 (под редакцией проф. М. Б. Балакаева, проф. Н. А. Баскакова и проф. С. К. Кенеспаева) (на казахском языке).
- Современный киргизский язык, Фрунзе, ч. II, 1958, под редакцией проф. К. К. Сартбаева (на киргизском языке).
- Современный туркменский язык, Ашхабад, 1960 (под редакцией проф. П. Азымова, проф. М. Н. Хыдырова и доц. Г. Сопыева).
- Соттаев А. Х. Диалектный состав балкарского языка, Вопросы диалектологии тюркских языков, Казань, 1960, стр. 129—134.
- Толстов С. П. Города гузов. Советская этнография, 3, М., 1947, стр. 55—102.
- Толстов С. П. По следам древнехорезмийской культуры, М., 1948.
- Толстов С. П. Древний Хорезм, М., 1948.
- Тумашева Д. Т. Восточный диалект татарского языка и его отношение к татарскому литературному языку и другим его диалектам, Вопросы диалектологии тюркских языков, Казань, 1960, стр. 45—52.
- Турсунов У. и Данияров Х. О сингармонизме в узбекском языке, Труды УзГУ новая серия, 91, Самарканд, 1959, стр. 37—44. (на узбекском языке).
- Убрятова Е. И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР, М., 1960.
- Убрятова Е. И. Опыт применения русской (и международной) диалектологической терминологии при описании якутского языка, Вопросы диалектологии тюркских языков, Казань, 1960, стр. 32—44.
- Фарманов И. О некоторых особенностях тагабского говора, сб. «Материалы по узбекской диалектологии», I, Ташкент, 1957, стр. 345—351 (на узбекском языке).
- Фарманов И. Ошский говор узбекского языка, Ташкент, 1960 (кандидатская диссертация).
- Фрейман А. А. Хорезмский язык. М., 1950.
- Фузайлов С. Образование наречий в современном узбекском языке, Ученые труды САГУ, Ташкент, 1957, стр. 94—119.

- Ф у зу ли. *ديوان فضولى* Рукописный фонд ЛОИНА, Л., шифр С-1924.
- Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, ч. 1, Якутск, 1947.
- Хусейнзаде М. Современный азербайджанский язык, Баку, 1952: (на азербайджанском языке).
- Хыдыров М. Н. Фонетика туркменского языка, Ашхабад, 1956 (на туркменском языке).
- Черкасский М. А. К вопросу о генезисе сингармонистических вариантов и параллелизмов в тюркских языках, ВЯ, 4, 1960, стр. 51—61.
- Шаабдурахманов Ш. О некоторых фонетических особенностях ко-кандского говора, сб. «Материалы по узбекской диалектологии», I, Ташкент, 1957, стр. 313—322.
- Шаабдурахманов Ш. Из фонетических особенностей ташкентского говора, журн. «Вопросы узбекского языка и литературы», 6, 1960, стр. 45—51 (на узбекском языке).
- Шаабдурахманов Ш. Вопросы взаимоотношения литературного языка и живых говоров, журн. «Вопросы узбекского языка и литературы», I, 1960, стр. 49—53.
- Шакирова Р. Ф. Особенности говора татар Краснооктябрьского района Горьковской области, сб. «В. А. Гордлевскому», М., 1953, стр. 292—301.
- Шамуратов К. О состоянии изучения диалектов туркменского языка, Координационное совещание по вопросу диалектологии тюркских языков, Баку, 1956, стр. 54—57 (тезисы докладов).
- Шерматов А. Каршинский говор узбекского языка (некоторые фонетические особенности города), Ученые записки Ташкентского госпединститута им. Низами, вып. XII, Ташкент, 1959, стр. 175—205 (на узбекском языке).
- Шерматов А. Каршинский говор узбекского языка, Ташкент, 1960 (автореферат кандидатской диссертации).
- Ширалиев М. Ш. Диалектология азербайджанского языка, I—II, Баку, 1941—1942 (на азербайджанском языке).
- Ширалиев М. Ш. Бакинский диалект, Баку, 1947 (на азербайджанском языке).
- Ширалиев М. Ш. О диалектной основе азербайджанского языка, Координационное совещание по вопросу диалектологии тюркских языков, Баку, 1956, стр. 5—14 (тезисы докладов).
- Ширалиев М. Ш. Западная группа диалектов и говоров азербайджанского языка, ВЯ, 2, М., 1961, стр. 150—153.
- Щербак А. М. К истории узбекского литературного языка древнего периода, сб. «В. А. Гордлевскому», М., 1953, стр. 317—323.
- Щербак А. М. К истории образования узбекского национального языка, ВЯ, 6, М., 1954, стр. 107—115.
- Щербак А. М. Способы выражения грамматических значений в тюркских языках, ВЯ, I, М., 1957, стр. 18—26.
- Щербак А. М. «Огузнаме» и «Мухаббатнаме», М., 1959.
- Щербак А. М. Грамматический очерк тюркских текстов X—XII вв. из Восточного Туркестана, М.—Л., 1961.
- Эгамов В. О некоторых морфологических особенностях галляаральского говора, Труды УзГУ, новая серия 91, Самарканд, 1959, стр. 83—101 (на узбекском языке).
- Юдахин К. К. Материалы к вопросу о звуковом составе чагатайского языка, Культура и письменность Востока, кн. VI, Баку, 1929, стр. 62—68.
- Юдахин К. К. «Узбекский язык», Литературная энциклопедия, т. XI, М., 1939, стр. 495—498.

- Юдахин К. К. Уйгурско-узбекские языковые связи, Известия АН КазССР, 85, серия уйгурско-дунганской культуры, вып. I, Алма-Ата, 1950, стр. 28—30.
- Юдахин К. К. Несколько слов о говоре кишлака Вуадиль, Ученые труды САГУ, Ташкент, 1957, стр. 170—173 (на узбекском языке).
- Юдахин К. К. Некоторые особенности карабулакского говора, сб. «В. В. Бартольд», Ташкент, 1927; Материалы по узбекской диалектологии, I, 1957, стр. 31—57.
- Юлдашев Б. М. Говор тептярей учалинского района Башкирской АССР, сб. «В. А. Гордлевскому», М., 1953, стр. 329.
- Юнусалиев Б. М. Развитие корневых слов в киргизском языке, Фрунзе, 1954 (докторская диссертация).
- Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология, I (развитие корневых слов), Фрунзе, 1959.
- Юсупов К. Языковые взаимоотношения узбекского и таджикского народов, Ташкент, 1957 (автореферат кандидатской диссертации).
- Юшманов Н. В. Строй арабского языка, Л., 1938.
- Юшманов Н. В. Европейские элементы тюркских языков, журн. «Культура и письменность Востока», кн. VII—VIII, М., 1931, стр. 109—124.
- Якубовский А. Ю. Развалины Ургенча, М., 1930.
- Якубовский А. Ю. Вопросы этногенеза узбекского народа, Ташкент, 1941.
- Якубовский А. Ю. Вопросы этногенеза туркмен, Советская этнография, 3, 1947, стр. 48—54.
- Ястремский С. В. Падежные суффиксы в якутском языке, Иркутск, 1898.
- Ястремский С. В. Грамматика якутского языка, М., 1938.

Словари

- Байлиев Х., Карриев Б. Туркменско-русский словарь, Ашхабад, 1940.
- Боровков А. К. «Бадаи-ал-лугат», М., 1961 (словарь Тали Имани гератского).
- Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, I—II, СПб., 1868.
- Махмуд Кошғарий Дивану-лугатит-турк, I—III, Анкара, 1939—1941. Девону-лугатит-турк, I, Тошкент, 1960, (перевод и подготовка к печати С. М. Муталлибова).
- Махмудов Х. и Мусабаяев Г. Казахско-русский словарь, Алма-Ата, 1954.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка, II издание, М., 1958.
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, I—IV, СПб., 1893—1911.
- Азербайджанско-русский словарь, Баку, 1941, под редакцией Г. Гусейнова.
- Арабско-русский словарь, М., 1954, составил проф. Баранов.
- Башкирско-русский словарь, М., 1958, составители коллектив.
- Каракалпакско-русский словарь, М., 1958, под редакцией Н. А. Баскакова.
- Киргизско-русский словарь, М., 1940, составил К. К. Юдахин.
- Монгольский словарь Мукаддима-т-Ал—адаб, I—II, М.—Л., 1938.
- Ойротско-русский словарь, М., 1947, составили Н. А. Баскаков и Т. М. Тошакова.

- Тувинско-русский словарь, М., 1955, составил Ш. Ч. Сат, под редакцией А. А. Пальмбаха.
- Турецко-русский словарь, М., 1931, составил Д. А. Магазаник, под редакцией проф. В. А. Гордлевского.
- Таджикско-русский словарь, М., 1954, под редакцией М. В. Рахими и Л. В. Успенского, гл. ред. Е. Э. Бертельс.
- Словарь туркменского языка, Ашхабад, 1962, под общей редакцией члена-корр. АН ТуркмССР М. Я. Хамзаева.
- Узбекско-русский словарь, М., 1959, под редакцией С. Ф. Акибировой, З. М. Магрупповой, А. Т. Ходжаханова, гл. ред. член-корр. АН СССР, проф. А. К. Боровков.
- Уйгурско-русский словарь, М.—Л., 1939, составили Н. А. Баскаков и В. М. Насилов.

Литература на иностранном языке

- Abu hayyan Muhammed ibni Yusuf. Kitab-al-idrak li Lisan-al-etraq, Istanbul, 1931.
- Bang W. Aus Türkischen Dialekten, «Keleti Szemle», XVIII (Revue Orientale), Budapest, 1919.
- Bang W. und Marquart J. Osttürkische Dialektstudien, (Abhandlungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen), Neue Folge, Band XIII, Aus den Jahren 1912 bis 1914, Berlin, 1914.
- Bang W. und Rachmati G. R. Die Legende von Oghuz Qaghan, Berlin, 1932.
- Prof. Bergstrasser. Türk Fonetigi, Istanbul, 1936 (Türkceye Ceviren Sükrü Akkaya).
- Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, St.-Petersburg, 1851.
- Brokkelman C. Mahmud al-Kasgharis Darstellung des Türkischen Verbalbaus, «Keleti Szemle», XVIII, Budapest, 1918—1919.
- Prof. Ahmet Cafaroglu. Anadolu dialektologiyasi üzerine Malzeme, I, Istanbul, 1940.
- Prof. Ahmet Cafarollu, Anadolu agizlarindan toplamalar, Istanbul, 1943.
- Prof. Ahmet Cafaroglu, Sivas ve Tokat agizlarindan toplamalar, Istanbul, 1944.
- Deny I. Grammaire de la langue turque, Paris, 1920.
- Ahmet Cevat Emre, Türk Lehcelerinin mukayaseli, Crameri, Fonetik, Istanbul, 1949.
- Foy K. Aidinische Türkische, Keleti Szemle, Budapest, 1900.
- Foy K. Azerbaijanische Studien mit einer Charakteristik des Südtürkischen (Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen an der Königlichen Friedrich-Wilhelms Universität zu Berlin, Ig. VI), Berlin, 1903.
- Gabain A. Alttürkische Grammatik, Leipzig, 1950.
- Gombocz Z. Zur Lutgeschichte der altaischen Sprachen, «Keleti Szemle», tome XIII, Budapest, 1912 é 13.
- Gronbech K. Komaniscis Wörterbuch (Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus), Kopenhagen, 1942.
- Ibn Muhanne. Hilyetül-insan ve Helbetül-lisân, Istambul, 1340 издание (Kilisli Rifat).
- Ilminsky. Über die Sprache der Turkmenen. Aus einem Briefe des Herrn Liminsky an A. Schiefner «Melanges Asiatiques», Bulletin de l'Academie Imperiale des Sciences, t. premier, m. I, St.-Peterburg, 1860.
- Menges K. Drei Özbekische Texte, Der Islam, Berlin, 1933.
- Nemeth J. Die langen Vokale im Jakutischen, «Keleti Szemle», 15, Budapest, 1914.

- Pröhle W. Zur Frage des Wortakzents im Osmanisch-Türkischen, «Keleti Szemle», 12, Budapest, 1911.
- Prohle W., Balkarische Studien, «Keleti Szemle», tome XV, Budapest, 1914/1915.
- Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Neue Folge, 1897.
- Radloff W. Die Jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türk sprachen, St.-Petersburg, 1908.
- Radloff W. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen, St.-Petersburg, 1906.
- Radloff W. Phonetik der Nördlichen Türksprachen, Anders Heft Con-, sonanten, Leipzig, 1883.
- Radloff W. Malov S., Uigurische Sprachdenkmäler, Leningrad, 1928.
- Ramstedt G. J. Eingührung in die altaische Sprachwissenschaft, Helsinki, 1957.
- Ramstedt G. J. Zur mongolisch-türkischen Lautgeschichte, «Keleti Szmele», 15, 1914—1915, 16, 1915—1916.
- Vambéry H. Etymologisches Wörterbuch der Türkatataris Sprachen, Leipzig, 1878.
- Vambéry H. Cagataische Sprachstudien, Leipzig, 1867.
- Zajaczkowski A. Słownik arabsko-kipszacki z ckresu Panstwa Mameluckiego Bulgat al-mustaq filuqat at-turk wa l. Qifzaq, Czesc II., Verba, Polska Akademia Nauk, Warszawa, 1954.
-

Диалектологическая карта Хорезмской области УзССР:

а — ургенческо-хивинские говоры огузского наречия; б — хаза-распско-янгиарьские говоры огузского наречия; в — огузско-кипчакские говоры; г — кипчакское наречие; д — джекающие говоры кипчакского наречия; е — экающие говоры кипчакского наречия; ж — кипчакско-огузские говоры.

90
—
—
92
95
96
99
100
101
—
102
—
105
108
110

Pröhle W

Prohle W

Radloff V

Radloff

Radloff

Radlo

Radlo

Rams

Ram

Vam

Van

Zaj

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Введение	9
Гласные звуки	31
Характеристика гласных звуков	—
Узкие неогубленные гласные	—
Узкие огубленные гласные	35
Полуширокие гласные	37
Передние широкие гласные	40
Задние широкие гласные	41
Долгие гласные	45
Классификация гласных звуков огузского и кипчакского наречий	46
О генезисе долгих гласных	49
Долгие гласные вторичного образования	54
Дифтонги	56
Изменения гласных звуков	59
Палатализация	—
Лабиализация	64
Делабиализация	67
Редукция и выпадение гласных звуков	69
Вставка гласных звуков	73
О сингармонизме	74
Об ударении	83
Согласные звуки	90
Характеристика согласных звуков	—
Губные согласные	—
Передние шумные согласные	92
Переднеязычные сонорные	95
Среднеязычные согласные	96
Заднеязычные согласные	99
Придыхательный согласный х	100
Смычно-гортанный «айн»	101
Классификация согласных звуков	—
Изменения согласных звуков	102
Чередование согласных	—
Оглушение согласных	105
Спирантизация	108
Выпадение согласных звуков	110

Вставка согласных звуков	121
Удвоение согласных звуков	124
Ассимиляция и диссимиляция согласных звуков	135
Перестановка согласных звуков	146
Некоторые особенности начала, середины и конца слова	147
Сочетание согласных в середине неразложимых основ	148
Сочетание согласных на стыке корня и аффикса	153
Соответствия согласных звуков	157
Соответствия п б, б м, б в	—
Соответствие т д	169
Соответствие к г	178
Соответствие қ х	185
Соответствие қ ғ	189
Соответствие ғ в	190
Соответствия ч ж, ч й, ч т и др.	192
Соответствия звука ц	201
Заключение :	207
Сведения об осведомителях	210
Библиография	229

Абдуллаев Ф. А.

Фонетика хорезмских говоров. Опыт монографического описания огузского и кипчакского наречий узбекского языка. (Отв. ред.: доц. Т. Х. Салимов и П. А. Данилов). Т., «Фан», 1967. 248 бет. (Акад. наук УзССР. Ин-т языка и литературы им. А. С. Пушкина). Тираж 1500.

Тит. в. паралл. рус ва узбек тилларида

4Уз

А15

**Фаттах Абдуллаевич
Абдуллаев**

ФОНЕТИКА ХОРЕЗМСКИХ ГОВОРОВ

Редактор *И. Я. Шапиро*
Технический редактор *Х. У. Карабаева*
Корректор *Г. А. Кулманова*

Сдано в набор 18/XI-1966 г. Подписано к печати 11/I-1967 г. Формат 60×90¹/₁₆—
7,75 бум. л.—15,5 печ. л. Уч.-изд. л. 16,0 (1 вкл.). Изд. № 1391. Тираж 1500. Цена 1 р. 41 к.

Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, ул. Л. Б. Шастри, 21. Заказ 348.
Адрес Издательства: Ташкент, ул. Гоголя, 70.